

5₂₁ 909

ЗАПИСКИ
РУССКАГО
НАУЧНАГО ИНСТИТУТА
ВЪ БЪЛГРАДѢ.

ВЫПУСКЪ 11.

Бѣлградъ.
1935.

15 - 105925036

ЗАПИСКИ
РУССКАГО
НАУЧНАГО ИНСТИТУТА
ВЪ БЪЛГРАДЪ.

ВЫПУСКЪ 11.

Бѣлградъ
1935.

СТАНИСЛАВ

РАССТАВ

НАКРАЈНО ЈИСТОВАЊЕ

У БЕОГРАДУ

1941

Типографија „СВЕТЛОСТ“
Београд, Кр. Наталије 88

СОДЕРЖАНІЕ .

	Стр.
1. А. В. ФЛОРСОВСКІЙ. Памяти А. А. Кизеветтера (съ портретомъ)	1
2. К. І. ЗАЙЦЕВЪ. Зародыши и элементы свободнаго крестьянскаго хозяйства въ русскомъ крѣпостномъ строѣ періода Имперіи .	17
3. А. Л. ПОГОДИНЪ. Личность и дѣятельность Императора Николая I въ сербскомъ общественномъ мнѣніи его времени . . .	51
4. И. И. ЛАПШИНЪ. Комическое въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого	73
5. П. Б. СТРУВЕ. Метафизика и соціологія. Универсализмъ и сингуляризмъ въ античной философіи	93
6. Е. В. СПЕКТОРСКІЙ. Этика и антропологія	109
7. ГРИГОРІЙ ЛАНДАУ. О мистическомъ опытѣ. Очеркъ систематической философіи	133
8. В. В. РОЗЕНБЕРГЪ. Финансовая ликвидація Міровой Войны . .	161
9. З. РОЗОВА. Державинъ и басни Крылова	193
10. А. Л. ПОГОДИНЪ. Дополненіе къ статьѣ „Личность и дѣятельность Императора Николая I въ сербскомъ общественномъ мнѣніи его времени“	207
11. О. В. ТАРАНОВСКІЙ. Русскій Научный Институтъ въ Бѣлградѣ за первыя шесть лѣтъ его дѣятельности (съ 1928/9 по 1933 4 ак. г.)	209

THE HISTORY OF THE

The history of the world is a vast and complex subject, encompassing the lives and actions of countless individuals and the events that have shaped our planet. From the dawn of civilization to the present day, the human story is one of constant change and evolution.

In the beginning, the world was a place of mystery and wonder, where the boundaries between the natural and the supernatural were blurred. As time passed, the human mind began to explore the world around it, seeking to understand the forces that governed it.

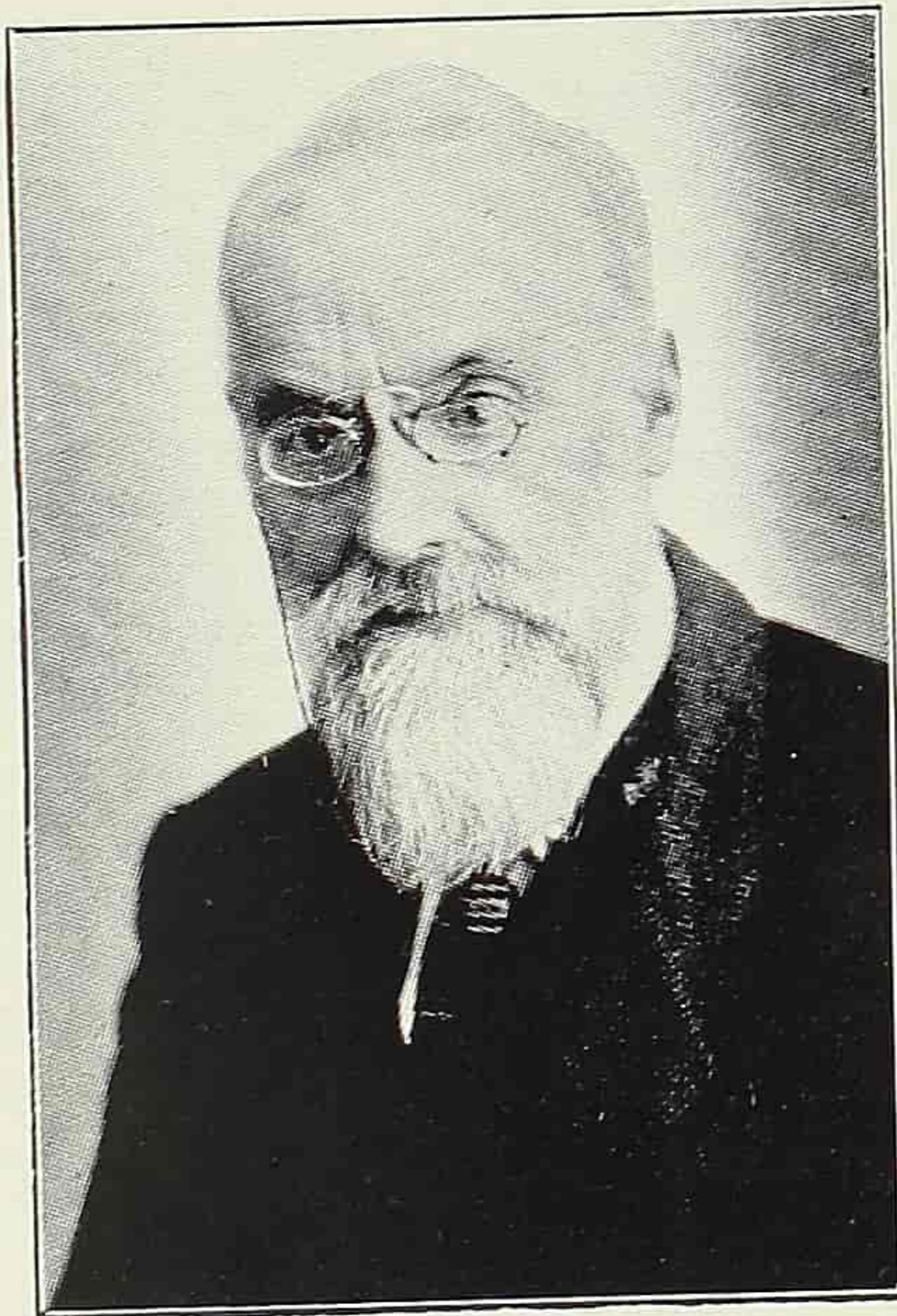
The rise of the great empires, from the Egyptians to the Romans, marked a turning point in human history. These civilizations built magnificent structures and created systems of government and law that have influenced the world ever since.

The Middle Ages were a period of both darkness and light. While the Crusades and the Inquisition brought suffering and death, the Renaissance brought a new spirit of inquiry and discovery. The great explorers of the world opened up new horizons and revealed the vastness of our planet.

The modern era is characterized by scientific progress and technological innovation. The Industrial Revolution transformed the world, bringing about unprecedented wealth and power, but also suffering and environmental destruction.

Today, we stand on the threshold of a new era, one in which the challenges of the future are both daunting and exciting. The history of the world is a testament to the resilience and ingenuity of the human spirit, and it is a story that we must continue to write.

А. В. Флоровскій. Памяти А. А. Кизеветтера.

Профессоръ
Александръ Александровичъ
КИЗЕВЕТТЕРЪ.

А. В. Флоровскій.

ПАМЯТИ А. А. КИЗЕВЕТТЕРА ¹⁾).

А. А. Кизеветтеръ вошелъ въ жизнь съ широкими и разнообразными запросами, онъ вложилъ въ свое жизненное служеніе богатый запасъ разнообразныхъ своихъ дарованій, не замыкаясь въ одной какой нибудь ограниченной области дѣланія. Но прежде всего и больше всего — это былъ ученый, историкъ. Научная работа была основнымъ, кореннымъ элементомъ многообразной дѣятельности А. А. Историческіе интересы овладѣли его душою еще на гимназической скамьѣ и были опредѣлительнымъ стержнемъ всего имъ пережитаго и свершеннаго на его жизненномъ пути.

А. А. Кизеветтеръ былъ болѣе всего историкомъ новой Россіи, Россіи — Имперіи, Россіи XVIII—XIX столѣтій. Онъ отдалъ много душевной и умственной энергіи и на изученіе Московской Руси. Но все же нельзя не признавать и не констатировать, что именно на матеріалѣ XVIII—XIX вв. раскрылись съ полной силою и выразительностью всѣ основныя особенности научнаго дарованія А. А., именно здѣсь онъ нашелъ особенно благодарную основу для обнаруженія характерныхъ чертъ своей ученой индивидуальности. Очевидно, отъ этихъ работъ и нужно исходить при возстановленіи его образа какъ ученаго и историка.

А. А. не разъ въ своихъ работахъ и въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ давалъ образцы своего метода выясненія основныхъ чертъ того или иного историческаго лица или характера. Пересмотрѣвъ весь относящійся къ дѣлу матеріалъ, „я, писалъ однажды А. А., останавливаюсь и жду, какія черты данной личности прежде всего, сами собою выдѣляются въ памяти изъ всей безконечной вереницы“ разсмотрѣнныхъ фактовъ ²⁾. Въ рукахъ такого мастера характери-

¹⁾ Въ основу этого очерка положена рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи памяти А. А. Кизеветтера въ Прагѣ 15 февраля 1933 г.

²⁾ Историческіе очерки, М. 1912, 310—11.

ки, какимъ былъ покойный А. А., этотъ методъ не разъ давалъ надлежащій эффектъ и освѣщаль внутреннимъ свѣтомъ изучаемыя или наблюдаемыя историческія фигуры. Мы не рѣшаемся сейчасъ полностью усваивать этотъ приѣмъ при характеристикѣ ученой дѣятельности самаго А. А., но несомнѣнно и въ данномъ случаѣ онъ сохраняетъ свою силу.

И вотъ, охватывая своимъ взоромъ весь составъ научно-литературнаго наслѣдія А. А., — нетрудно замѣтить нѣсколько основныхъ чертъ, которыя выступаютъ на первое мѣсто. Не стремясь къ исчерпывающей полнотѣ, но заботясь лишь объ учетѣ самаго существеннаго и характернаго, можно сказать, что покойный А. А. соединялъ въ своей научной работѣ три основныхъ элемента: онъ былъ историкъ-исслѣдователь, историкъ-портретистъ и историкъ-гражданинъ.

* * *

Исслѣдовательская пытливость лежитъ въ основѣ каждаго историческаго опыта покойнаго А. А. Кизеветтера. Какъ его учитель В. О. Ключевскій — А. А. очень часто не показывалъ читателю и слушателю той предварительной исследовательской работы, которая обосновывала то или иное его историческое утвержденіе. За живой и свободной обобщающей формой изложенія писателя и оратора между тѣмъ всегда лежала кропотливая подготовка необходимаго матеріала, иногда громоздкая провѣрка всего наличнаго литературнаго запаса источниковъ и истолкованій. Тотъ живой и яркій образъ, который открывался читателю и слушателю, былъ всегда видимъ съ горы, на которую вносила читателя и зрителя — незамѣтно для нихъ — упорная исследовательская работа ученаго, его настойчивое исканіе важнѣйшихъ свойствъ изучаемаго предмета, его дѣйствительныхъ пропорцій.

Въ составѣ научнаго наслѣдія А. А. имѣется и нѣсколько внушительныхъ иллюстрацій этой черновой исследовательской работы. Мы имѣемъ въ виду его книги, посвященные исторіи русскаго города XVIII в. въ соціальныхъ его основахъ.

Самый выборъ именно этой темы для спеціального изученія опредѣлился въ значительной степени острымъ исследовательскимъ интересомъ А. А. Русскій городъ XVIII вѣка въ своихъ соціальныхъ основаніяхъ не былъ въ ряду тѣхъ ударныхъ вопросовъ русской исторической науки, къ которымъ естественно влеклось вниманіе ученаго, желавшаго постигнуть основныя движущія силы русской жизни этого столѣтія. Торгово-промышленная среда въ XVIII вѣкѣ не играла опредѣляющей роли въ соціальной жизни Россіи, пережи-

вавшей тогда наростаніе соціальной и хозяйственно экономической мощи землевладѣнія, помѣстнаго класса, дворянскаго сословія. При выборѣ такой темы А. А. руководился двумя научнаго порядка соображеніями: съ одной стороны его привлекала самая неизученность соціальной исторіи русскаго города, — съ другой — его интересовала возможность на новомъ матеріалѣ прослѣдить за процессомъ усвоенія русской общественной средой новыхъ началъ русскаго законодательства послѣпетровской эпохи. Нужно напомнить, что рядомъ съ А. А. Кизеветтеромъ въ области XVIII вѣка работали и нѣкоторые другіе ученики В. О. Ключевскаго. Незадолго до приступа А. А. къ его изслѣдованіямъ выступилъ съ замѣчательной книгой о реформахъ Петра Великаго П. Н. Милуковъ; одновременно съ А. А. готовилъ также превосходную книгу объ областной реформѣ Петра I покойный М. М. Богославскій; нѣсколько позднѣе въ этой же области внутренней жизни Россіи XVIII в. началъ работать Ю. В. Готье, давшій большую книгу по исторіи мѣстнаго управленія. Изслѣдованія А. А. заняли почетное мѣсто въ этой серіи публикацій, освѣтивъ новымъ свѣтомъ жизнь русской торгово-промышленной городской среды, вписавъ совершенно новую страницу въ исторію русскаго города и городского устройства. До приступа А. А. къ этимъ изслѣдованіямъ русская историческая литература уже обладала рядомъ почтенныхъ и важныхъ работъ по этимъ вопросамъ. Двухтомное изслѣдованіе И. И. Дитятина сохранило свое основоположное значеніе и въ настоящее время. Однако, именно трудами А. А. Кизеветтера освѣщены были такія стороны городской жизни Россіи въ XVIII вѣкѣ, которыя не раскрывались его предшественниками по темѣ. Исторіи законодательнаго устройства русскаго города А. А. Кизеветтеръ противопоставилъ исторію внутренней жизни городского общества въ его соціальныхъ основахъ, въ основахъ его самоуправленія, въ основахъ организациі финансовой и личной службы городского населенія государству. Результаты такого сопоставленія оказались въ высокой мѣрѣ знаменательными, ибо оно показало, какъ подъ покровомъ новыхъ, законодательствомъ петровской и послѣпетровской эпохи вводимыхъ, формъ городского устройства жили и развивались старыя явленія общественнаго уклада, лишь медленно и далеко неполно всасывавшія въ себя новыя вѣянія петербургской власти. Такъ на фонѣ городской жизни XVIII столѣтія А. А. въ своей „Посадской общинѣ“¹⁾ сумѣлъ показать сочетаніе московской старины съ новизной император-

¹⁾ Посадская община въ Россіи XVIII столѣтія, Москва, 1903, стр. VI+810.

ской Россіи. Этотъ цѣнный и важный итогъ, который можно теперь было бы изложить на небольшомъ числѣ страницъ, — былъ, однако, результатомъ упорной и длительной изслѣдовательской работы, произведенной надъ огромнымъ запасомъ архивнаго матеріала, оставшагося отъ дѣлопроизводства русскаго городского центрального и мѣстнаго управленія.

Здѣсь А. А. показалъ себя превосходнымъ архивнымъ изслѣдователемъ, умѣло использовавшимъ тѣ отложенія каждодневной трудовой жизни, какими являются архивные документы. Нужно сказать, что А. А. былъ архивный изслѣдователь по призванію. Онъ явно тосковалъ въ нашей эмигрантской средѣ безъ живого соприкосновенія съ русскимъ архивнымъ матеріаломъ, такъ много давшимъ ему удовлетворенія въ пору активной научной работы въ Россіи. Недаромъ такъ близко вошелъ А. А. въ жизнь созданнаго въ Прагѣ Русскаго Заграничнаго Историческаго Архива, которому онъ отдалъ столько своей души, своей мысли, заботы, и долю своего научнаго авторитета. И яркимъ проявленіемъ этой тоски по архивамъ являются тѣ строки, которыя онъ посвятилъ въ своихъ воспоминаніяхъ порѣ подготовки своей „Посадской Общины“. „И часы этихъ архивныхъ занятій, писалъ А. А., всегда вспоминаются мнѣ, какъ отраднѣйшіе часы моей жизни. Доводилось мнѣ, продолжаетъ онъ, дѣйствовать на многообразныхъ поприщахъ; былъ я профессоромъ, и редакторомъ журнала, и газетчикомъ, и театраломъ, и митинговымъ ораторомъ и членомъ парламента и т. д. Многое изъ этого дѣлалъ я просто по чувству общественнаго долга. Но, окидывая мысленнымъ взоромъ все свое прошлое, я могу „въ твердомъ умѣ и полной памяти“ сказать, что истинное душевное удовлетвореніе я испытывалъ только тамъ, въ архивѣ, погружаясь мыслью въ смыслъ старинныхъ текстовъ, стараясь не пропустить въ нихъ ни малѣйшаго намека, ни малѣйшей черточки, которыя могли бы доставить мнѣ какой-либо бликъ свѣта на занимавшіе меня историческіе вопросы. Быть можетъ, инымъ покажется непонятнымъ этотъ мой архивный энтузіазмъ. А мнѣ вотъ непонятно, какъ можно этого не понять“¹⁾. За этими словами вы чувствуете дѣйствительный энтузіазмъ архивнаго изслѣдователя, который умѣетъ пылливо улавливать въ мелочахъ жизненнаго обихода далекаго прошлаго живое развитіе жизненныхъ потребностей, игру общественныхъ интересовъ, творческую работу общественной среды и государственной власти.

На твердой почвѣ архивнаго изслѣдованія стоитъ А. А.

¹⁾ На рубежѣ двухъ столѣтій, Прага, 1929, стр. 275—6.

во второй своей большой работѣ, посвященной городской реформѣ Екатерины II 1785 года¹⁾. Здѣсь передъ А. А. былъ существенно иной матеріалъ, — онъ исходилъ въ основной своей массѣ отъ самой законодательницы; по нему предстояло прослѣдить за всѣми изгибами и уклонами мысли Екатерины, стремившейся поставить организацію городской жизни на новые внѣсословные или сословные пути. Мнѣ привелось продѣлать такую же самую работу надъ опытами Екатерины II въ другой области законодательства, — по собственному опыту я могу сказать, что А. А. далъ весьма поучительный образецъ историко-критическаго комментарія къ одному изъ важныхъ актовъ Екатерининскаго царствованія. А. А. разъяснилъ основные пути мысли Екатерины II при ея работѣ и обнаружилъ источники, руководившіе ею при этомъ. Однимъ изъ опредѣлившихъ всю работу источникомъ оказался плодъ дѣятельности депутатскаго собранія 1767 г., — въ этомъ фактѣ было для А. А. одно изъ оснований для реабилитаціи этой комиссіи, когда-то несправедливо названной Пушкинымъ „фарсой депутатовъ“. Къ глубокому сожалѣнію революція 1917 года прервала ведшееся А. А. критическое изданіе Жалованной Грамоты городамъ 1785 г. (въ серіи изданія Академіи Наукъ).

Третье большое изслѣдованіе А. А. было посвящено болѣе узкой и по значенію и по существу темѣ, — оно касалось организаціи одного изъ образованій въ средѣ Московскаго купечества въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в.в., — именно „большой гильдіи“²⁾. И здѣсь А. А. ввелъ въ работу большой архивный матеріалъ. И еще не разъ обращался онъ къ архивнымъ русскимъ хранилищамъ, чтобы въ нихъ найти освѣщеніе той или иной стороны русскаго прошлаго. Въ частности А. А. опубликовалъ рядъ цѣнныхъ данныхъ по исторіи внутренней торговли въ Россіи въ первую половину XVIII в. на основаніи матеріаловъ внутреннихъ таможенъ³⁾. Можно съ величайшимъ сожалѣніемъ подчеркнуть, что А. А. не привелось закончить широко подготовленное имъ изслѣдованіе о московскихъ гостяхъ XVI—XVII в.в.; оно было бы и большимъ вкладомъ въ науку и новымъ краснорѣчивымъ обнаруженіемъ его огромнаго изслѣдовательскаго энтузіазма.

Но и осуществленнаго имъ, думается, достаточно, чтобы повторить, что въ своей научной дѣятельности А. А. былъ крупнымъ историкомъ-изслѣдователемъ съ широкими и ост-

¹⁾ Городовое положеніе Екатерины II 1785 г. Опытъ историческаго комментарія, Москва, 1909, стр. X + 473.

²⁾ Большая гильдія Московскаго купечества, М. 1916 (въ серіи изданной по исторіи Московскаго Купеческаго Общества).

³⁾ См. статьи въ Сборникахъ въ честь Ключевскаго (1910) и Д. А. Жорсакова (1913), ср. и въ Сборникѣ въ честь Платонова (1922).

рыми изслѣдовательскими интересами, съ значительными изслѣдовательскими достиженіями.

Мы формулировали другую черту А. А. какъ ученаго и историка словами — историкъ-портретистъ. Можно было бы, какъ будто, ожидать другой формулировки, говорить объ А. А. какъ историкъ-художникъ вообще. Однако, намъ думается болѣе правильнымъ оттънать въ его научной дѣятельности именно спеціальную область портретной живописи, ибо именно она въ особенности характерна для художественныхъ интересовъ А. А. Въ его историко-научномъ наслѣдіи мы почти не наблюдаемъ историческихъ пейзажей, а тѣмъ болѣе батальныхъ картинъ, но зато сразу бросается въ глаза цѣлая галлерей историческихъ портретовъ различной художественной манеры. Въ этомъ проявилась та особенность историческихъ дарованій А. А., которую онъ самъ въ свое время увидѣлъ въ научномъ творествѣ своего учителя Ключевского и которую онъ формулировалъ какъ то въ такихъ словахъ: „нельзя быть историкомъ, не умѣя мысленно представить себѣ и воссоздать словомъ передъ другими явленій прошлаго во всей ихъ конкретности, во всемъ ихъ индивидуальномъ своеобразіи, во всей сочности присущихъ имъ жизненныхъ красокъ. Безъ этого дара конкретнаго воссозданія былой жизни не будетъ историка, писалъ А. А., будетъ только резонирующій діалектикъ. играющій словесными формулами“¹⁾. А. А. для своего историко-художественнаго воссозданія изъ сутолоки жизненныхъ явленій избиралъ чаще всего живыхъ людей разнаго калибра и значенія. При ихъ словесномъ изображеніи онъ и показывалъ все богатство своей художественной палитры, проницательность своего взгляда на людей и вещи, широкую освѣдомленность въ давно минувшемъ.

Портретная галлерей, созданная А. А., и многоставна, и многообразна. А. А. оставилъ и опыты портретовъ во весь ростъ, и легко начертанные силуэты, и работы въ реалистическомъ духѣ, и нѣжныя зарисовки пастелевыми красками. А. А. выступаетъ здѣсь и съ опытами портретовъ-анализовъ и портретовъ обобщающаго характера. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ для подтвержденія этого нашего тезиса объ А. А., какъ историкъ-портретистъ.

А. А. съ большою пристальностью изучалъ исторію царствованія Императора Александра I-го. Живыми проявленіями этого изученія и изслѣдованія могутъ быть тѣ обстоятельныя характеристики, какія далъ А. А. самому Александру I, и двумъ его сподвижникамъ Аракчееву и Ростоп-

¹⁾ Историческіе отклики, М., 1915, 375.

чину¹⁾. Это — портреты во весь ростъ, — правда, не въ официальной позѣ для украшенія стѣнъ какого-либо правительственнаго учрежденія; это — портреты аналитическаго характера, въ нихъ за парадной внѣшностью вскрыты основныя движущія свойства личныхъ характеровъ. Когда-то Ключевскій называлъ царствованіе Екатерины II картиной, написанной широкими и грубыми мазками и поэтому рассчитанными на отдаленнаго зрителя. „Мы, историки, писалъ по этому поводу А. А., не можемъ позволить себѣ удовольствія держаться въ отдаленіи отъ этой картины. Рискавъ утратить эстетическое наслажденіе, мы подходимъ къ ней вплотную и разглядываемъ ее во всѣхъ деталяхъ, ибо выше требованій эстетической гармоніи стоятъ для насъ требованія исторической правды“²⁾. Вотъ съ такой именно предпосылкой подошелъ А. А. къ дѣятелямъ Александровской эпохи и то, что увидѣлъ, онъ зарисовалъ въ своихъ характеристикахъ, — за внѣшностью онъ постарался увидѣть всю сложную игру душевныхъ свойствъ изучаемыхъ людей. Въ своихъ наблюденіяхъ въ частности надъ особенностями личности Александра I А. А. шелъ противъ господствующей до начала нашего вѣка точкѣ зрѣнія, но толкованіе А. А. вскорѣ нашло себѣ широкое подтвержденіе въ новомъ обширномъ матеріалѣ, пущенномъ въ оборотъ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ. Идеальный, ангельскій ликъ Александра I въ дѣйствительности, какъ заключалъ А. А. Кизеветтеръ, сочетался въ его характерѣ съ первыхъ же лѣтъ его дѣятельности съ сознательно проводимъ имъ двойственностью: одно для окружающихъ и свидѣтелей, иное — по существу, на дѣлѣ. Эту особенность личнаго поведенія Александра испытали на себѣ очень многіе изъ его сотрудниковъ, въ частности съ особенной силою Сперанскій; въ свѣтѣ такого пониманія характера Александра I А. А. получилъ возможность по новому объяснить связь между царемъ и Аракчеевымъ, — не царь былъ въ концѣ своего правленія въ духовномъ плѣну у этого человѣка, наоборотъ, Аракчеевъ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Императора. Въ связи съ этимъ совсѣмъ иначе, нежели обычно было ранѣе, кладутся на нарисованныхъ покойнымъ А. А. портретахъ этихъ людей свѣтъ и тѣни, разсѣивается одна изъ романтическихъ легендъ о „дней Александровыхъ прекрасномъ началѣ“, но выигрываетъ историческое знаніе, углубляется пониманіе фигуръ, бывшихъ когда-то видными актерами на исторической сценѣ.

¹⁾ „Александръ I и Аракчеевъ“ въ „Историческихъ очеркахъ“: статья о Ростопчинѣ — въ „Историческихъ откликахъ“.

²⁾ Историческіе очерки, 283.

Я сказалъ: — актеры на исторической сценѣ. Это — выраженіе покойнаго А. А., которое нерѣдко срывалось съ его усть. Это бывало, конечно, не случайно, — въ этомъ выраженіи какъ то проявлялось то живое увлеченіе театромъ, которое сопровождало А. А. въ лучшее время его жизни и работы. А. А. самъ называлъ себя театраломъ, но онъ былъ не только живымъ цѣнителемъ сценическихъ талантовъ, онъ былъ и историкомъ театра. Я заговорилъ объ этомъ не случайно, но для еще болѣе отчетливаго разъясненія того тезиса, который утверждаетъ за А. А. значеніе историка-портретиста. Въ самомъ дѣлѣ, что болѣе всего занимаетъ вниманіе А. А. въ его пианіяхъ о театрѣ? Въ центрѣ его вниманія—живая душа, живой талантъ артиста. Онъ посвятилъ лишь совершенно случайныя строки театральнымъ постановкамъ, вопросамъ сценическаго ансамбля; не Московскій Художественный Театръ съ его сценическими достиженіями стоитъ въ центрѣ наблюденій и интересовъ А. А., но Московскій Малый Театръ съ его изумительными артистическими силами. Индивидуальность артиста занимаетъ прежде и больше всего А. А. Какъ историкъ театра подошелъ онъ къ творчеству М. С. Щепкина¹⁾; какъ психологъ-портретистъ писалъ онъ о Ермоловой, Федотовой, Савиной, Ленскомъ и многихъ другихъ крупнѣйшихъ представителяхъ русскаго сценическаго генія²⁾. И здѣсь, какъ и въ области собственно историческаго портрета, А. А. устремляетъ свой взглядъ въ самую сердцевину человѣческаго характера, человеческой индивидуальности, чтобы затѣмъ дать словесное изображеніе всей сложности той или иной натуры въ свѣтѣ господствующихъ въ ней стихій или дарованій.

Въ своихъ изображеніяхъ А. А. примѣняетъ, какъ я сказалъ, разнообразныя художественныя приемы, пользуется различными художественными средствами. Прочтите статью А. А. о Н. А. Милютинѣ³⁾, — это — поясное изображеніе государственнаго дѣятеля за его практической работой; сравните вдумчивыя зарисовки представителей русской исторической науки (Карамзина, Ключевскаго). Среди историческихъ силуэтовъ А. А. останавливаютъ на себѣ вниманіе изображенія Потемкина, Екатерины II⁴⁾. Нужно особо оговорить характеристику великаго Палацкаго, — этотъ портретъ написанъ по готовымъ историческимъ прорисамъ, но

¹⁾ М. С. Щепкинъ. Эпизодъ изъ исторіи русскаго сценическаго искусства, Прага, 1925, стр. 163 (первое изданіе — М. 1916).

²⁾ См. сборникъ „Театр. Очерки, размышленія, заметки“, М. 1922, стр. 115; „Velikany ruského divadla“, Praha, 1926.

³⁾ Историческіе отклики.

⁴⁾ Историческіе силуэты, Берлинъ, 1931.

подъ перомъ А. А. онъ пріобрѣлъ полную выразительность и яркость.

И нельзя не вспомнить того своеобразнаго триптиха, который А. А. словесно развернулъ передъ аудиторіей, когда вскорѣ послѣ пріѣзда въ Прагу выступилъ на кафедрѣ Русскаго Института. Онъ выбралъ для своего изображенія три крупныя фигуры русскаго прошлаго. Онъ далъ образъ Ивана Грознаго какъ воплощеніе стихіи чувства, Петра Великаго какъ стихійное движеніе воли и Сперанскаго какъ представителя утонченнаго и вышколеннаго разсудка. Эти характеристики, увы, оставшіяся ненапечатанными, были выразительными въ своей стилизаціи портретами, какъ бы высѣченными изъ камня искуснымъ рѣзцомъ художника скульптора. А прочитайте страницы, посвященныя Грановскому или Ключевскому въ книгѣ „Историческіе Отклики“, — эти страницы написаны нѣжными пастелевыми красками, въ нихъ А. А. сумѣлъ сочетать требованія исторической правды съ требованіями эстетической гармоніи, ибо именно въ свѣтѣ послѣдней воспринималъ онъ личность своего великаго учителя Ключевскаго и своего духовнаго предка Грановскаго.

Историкъ изслѣдователь сочетался въ научно-литературномъ дѣланіи А. А. Кизеветтера съ историкомъ-художникомъ и прежде всего съ портретистомъ-психологомъ. А. А. изслѣдовалъ въ своихъ большихъ монографіяхъ по исторіи русскаго города и купечества почти сплошь безличную общественную массу, которая интересовала его не своимъ личнымъ составомъ, а своей массовой жизнью и жизнедѣятельностью, какъ объектъ законодательной обработки, финансоваго и служебнаго использованія, правительственнаго управленія или самоуправленія. И въ то же время А. А. питалъ въ себѣ острое чувство интереса къ живой человѣческой личности, поскольку она дѣйствовала на исторической сценѣ, иной разъ и на подлинныхъ театральныхъ подмосткахъ.

Къ этимъ двумъ особенностямъ научной работы А. А. нужно теперь прибавить и еще одну, существенно важную во всемъ его духовномъ обликѣ. А. А. Кизеветтеръ былъ историкъ-гражданинъ. Говоря такъ, я отнюдь не имѣю въ виду касаться собственно гражданской дѣятельности А. А., его общественно-политическихъ воззрѣній, работы какъ политика и представителя извѣстной политической идеологіи. А. А. былъ историкомъ-гражданиномъ потому, что его научные интересы — не цѣликомъ, но въ главномъ — были ориентированы въ сторону потребностей и запросовъ русскаго общества его времени.

А. А. принадлежалъ къ числу ученыхъ, которые являются живыми участниками современной имъ жизни; научную дѣятельность онъ никогда не представлялъ себѣ въ

формѣ „жизни ученаго скита, закупореннаго въ самомъ себѣ и наглухо отгороженнаго отъ живыхъ запросовъ окружающей его современности“¹⁾. И это понятіе о научной работѣ руководило А. А. всегда — и въ Россіи и здѣсь за ея рубежемъ. До великаго водораздѣла въ исторіи Россіи — до октябрьской революціи 1917 года онъ ориентировался въ своей работѣ на очередные запросы времени въ области русскаго политическаго самоустроенія и соціального уравненія, послѣ катастрофы 1917 г. въ центрѣ вниманія каждаго русскаго стали проблемы національнаго и національно-политическаго самосохраненія, національнаго самоутвержденія Россіи. На фонѣ и той и другой эпохи въ жизни Россіи А. А. одинаково оставался историкомъ-гражданиномъ, ведшимъ свою научную работу въ сознаніи своей общественной отвѣтственности и осуществлявшимъ общественную работу во всеоружіи ученаго-историка, въ соотвѣтствіи со своими научными убѣжденіями, выросшими на почвѣ историческаго изслѣдованія и размышленія.

Одно вѣское доказательство нашего тезиса объ А. А. какъ историкѣ-гражданинѣ дано въ его собственныхъ воспоминаніяхъ. Объясняя свой интересъ къ исторіи русскаго городского самоуправления, А. А. здѣсь рассказываетъ, что его направилъ въ эту сторону между прочимъ и естественный для историка вопросъ: какія предпосылки для возможности преобразованія Россіи на основѣ политической свободы можно было бы найти въ нашемъ историческомъ прошломъ. „Ни Московская Русь, ни имперія XVIII—XIX столѣтій не знали конституціонныхъ учрежденій, — но и въ Московской Руси и въ Имперіи XVIII—XIX ст. существовало мѣстное общественное самоуправленіе — сельское и городское“²⁾. А. А. и остановилъ свое научное вниманіе на послѣднемъ, стремясь въ немъ вскрыть основы старорусской общественной самодѣятельности³⁾.

Другое доказательство нашего тезиса объ А. А. какъ историкѣ-гражданинѣ можетъ быть найдено во всей совокупности его литературнаго наслѣдія. А. А. въ своей научной дѣятельности очень часто (не считаю, конечно, большихъ его книгъ-изслѣдованій и спеціально ученыхъ статей)

1) Московскій Университетъ. Историческій очеркъ въ сборникѣ „Къ 175-лѣтію Университета“, Парижъ, 1930, стр. 11.

2) На рубежѣ двухъ столѣтій, 267—268.

3) См. „Посадская община“; ср. книжку А. А. Кизеветтера, Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. IX—XIX ст. Историческій очеркъ, М. 1910, стр. III+155; ср. статьи о „конституціонномъ“ проектѣ 1613 г. — въ „Историческихъ откликахъ“, — объ „кондиціяхъ“ 1730 гг., статьи въ „Совр. Запискахъ“, 1924 и „Научные Труды Русскаго Народнаго Университета въ Прагѣ, II, 1929.

обращался къ широкой общественной аудиторіи. Свои научныя работы онъ не стремился прятать отъ общественнаго взгляда подъ обложки узко-спеціальныхъ, такъ сказать профессионально-ученыхъ изданій, журналовъ. Напротивъ, — свои большія и малыя изслѣдованія, очерки, характеристики онъ помѣщалъ обычно на страницахъ широкоизвѣстныхъ толстыхъ русскихъ журналовъ, пользовавшихся вниманіемъ и будившихъ интересъ широкихъ рядовъ русской интеллигенціи. „Русская Мысль“ дала своимъ читателямъ серіозныя работы А. А. объ Александрѣ I, Аракчеевѣ, Ростопчинѣ, Щепкинѣ, множество другихъ очерковъ и статей. Иные изъ нихъ печатались на страницахъ „Русскаго Богатства“, „Образованія“, „Научнаго Слова“, „Голоса Минувшаго“ и др., за границей — „Современныхъ Записокъ“, Сборниковъ „На чужой Сторонѣ“ и т. д. и т. п. Все это значитъ, что А. А. несъ плоды своего научнаго вдохновенія въ сферу общаго вниманія, — историкъ-спеціалистъ и здѣсь найдетъ ихъ для удовлетворенія своихъ интересовъ и задачъ, — къ проблемамъ историческаго знанія нужно приковать вниманіе и широкихъ круговъ читающаго общества, въ его среду вносить правильное пониманіе прошлаго, пробуждать его мысли и волю къ познанію русскаго былого. Въ самой этой постановкѣ своей историко-литературной дѣятельности А. А. проявлялъ свое гражданское служеніе, недаромъ въ его жизненномъ опытѣ нужно считать сотнями и сотнями публичныя выступленія съ лекціями, докладами и рѣчами на темы изъ русскаго прошлаго. И свою портретную галерею такъ написалъ А. А. не для какого-нибудь ревниваго коллекціонера, но она выставлена на страницахъ книгъ и журналовъ для общаго обозрѣнія, изученія и поученія. И въ то же время свои монографіи о русскомъ городѣ, да рядъ спеціальныхъ очерковъ написалъ А. А. какъ историкъ-изслѣдователь непосредственно для спеціалиста, — для ихъ чтенія и пониманія нужно солидное умственное и научно-техническое снаряженіе.

Я не примѣняю здѣсь въ отношеніи къ этой сторонѣ дѣятельности А. А. слова: популяризаторъ. Этотъ терминъ предполагаетъ извѣстное упрощеніе научнаго вопроса, приспособленіе къ потребностямъ и возможностямъ людей младшаго умственнаго возраста. А. А. обычно не снижалъ высокаго уровня своего изложенія. Онъ давалъ всегда полноценные плоды своего ученаго вдохновенія; ихъ онъ обращалъ въ сторону широкихъ общественныхъ круговъ, дѣлая интересными и доступными свои соображенія тѣмъ, что посвящалъ ихъ общеинтереснымъ темамъ и облекалъ при этомъ въ художественную форму, приподнося ихъ аудиторіи въ обработкѣ подлиннаго мастера слова.

Вы можете естественно спросить, какъ сложилась имен-

но такая гражданская установка литературной дѣятельности А. А. Для отвѣта нужно учесть два существенныхъ обстоятельства: во первыхъ — личныя особенности характера А. А., — выше было уже сказано, что онъ всегда жилъ одною жизнью съ окружавшей его средою и не замыкался въ ограниченную скорлупу своей спеціальной работы; во вторыхъ нужно учитывать ту среду и атмосферу, въ которой выросла его индивидуальность. Мы имѣемъ въ виду прежде и больше всего — Московскій Университетъ. Выступивъ недавно въ роли исторіографа этой своей *almae matris*, А. А. такъ опредѣлилъ существенную особенность въ развитіи и дѣятельности Московскаго Университета: „слияніе и органическое совмѣщеніе служенія научной истинѣ съ служеніемъ общественному благу“, — „служеніе наукѣ неотдѣлимо отъ служенія послѣднему — такова основная традиція Московскаго Университета“, говорилъ не разъ А. А.¹⁾ Вѣрный сынъ своей „духовной отчизны“ (*ibid.*, 10), А. А. въ своей научной дѣятельности всецѣло усвоилъ эту основную традицію Московскаго Университета и пронесъ черезъ всю свою жизнь вѣрность этой заповѣди. Московскій Университетъ со своею мощною силою культурнаго лучеиспусканія былъ источникомъ и научнаго прогресса и общественнаго развитія. Подъ его сѣнью сложилась и научная индивидуальность А. А. какъ историка-гражданина.

Разрѣшите, наконецъ, указать и еще одно важное проявленіе именно этой черты научной дѣятельности А. А. Онъ не оставилъ въ своемъ литературномъ наслѣдіи какого-либо законченнаго изложенія своихъ историко-философскихъ воззрѣній на историческое развитіе Россіи. Основы этихъ воззрѣній проявлялись по преимуществу въ критическихъ выступленіяхъ А. А. Онъ энергично защищалъ прошлое Россіи отъ ошибочныхъ — по его взгляду — перетолкованій, которыя предлагаются нынѣ такъ называемой евразійской теоріей; отвергалъ онъ не разъ и иные опыты историческаго объясненія пройденныхъ Россіей путей къ величію и къ катастрофѣ. За этими критическими соображеніями у А. А. стояла извѣстная положительная конструкція, — не раскрытая въ положительномъ смыслѣ съ законченной полнотой и аргументаціей, она, однако, нѣкоторыми своими элементами сквозитъ сквозь строки многихъ и многихъ его писаній, звучала не разъ въ устныхъ его разъясненіяхъ.

Эта конструкція упирается въ твердое историческое убѣжденіе А. А. о наличности въ русскомъ народѣ огромныхъ положительныхъ творческихъ силъ и дарованій. Въ

¹⁾ Московскій Университетъ, II; Моск. Унив. и его традиціи, Прага, 1911, I.

одной изъ недавнихъ своихъ статей А. А. критиковалъ историческіе взгляды проф. Б. Нольде, представившаго русскую исторію, какъ сложенную безъ активнаго участія народа. Онъ съ настойчивостью отвергалъ такое толкованіе прошлаго Россіи и писалъ, что при изученіи исторіи русской колонизаціи, русскаго народнаго хозяйства, русской общественности — „нельзя будетъ не убѣдиться, какимъ могучимъ творческимъ инстинктомъ общественности надѣленъ русскій народъ“¹⁾. Вѣра въ положительныя творческія соціальныя силы русскаго народа, какъ видимъ, была у А. А. взрощена на учетѣ историческаго русскаго народнаго опыта, того опыта, который далъ для русской народной массы необъятныя земельныя просторы, завоеванныя у природы упорнымъ трудомъ русскаго колониста и переселенца; опыта, который былъ опорой русской хозяйственной жизни, слагавшейся органическимъ потокомъ хозяйственнаго творчества, — который взнесъ на обработанной русскимъ народомъ землѣ великое зданіе Россійскаго государства.

И еще другое убѣжденіе и историческое знаніе лежитъ въ основаніи историческаго міропониманія А. А., — это знаніе великихъ путей русскаго культурнаго творчества, со стороны его плодовъ и со стороны его участниковъ и водителей. А. А. живо занимали разныя стороны русской культурной жизни въ прошломъ и настоящемъ, — онъ не разъ высказывался и по вопросамъ литературы, театра, искусства. И всегда занимала его русская общественная, соціальная культура, т. е. русское общественное творчество, — въ немъ и лично принималъ А. А. крупное участіе, въ литературной формѣ онъ неизмѣнно выражалъ свое вниманіе къ жизни и дѣятельности представителей русской общественной культуры. Пыпинъ, Грановскій, Герценъ, Ключевскій, Муромцевъ и многіе другіе попадали на страницы его статей и очерковъ и со стороны своей роли въ культурно-общественномъ развитіи Россіи.

Такъ, А. А. высоко цѣнилъ — какъ историкъ — соціальныя творческія силы русскаго народа въ цѣломъ, высоко цѣнилъ онъ и вершины русскаго культурнаго творчества. И въ этомъ А. А. былъ историкомъ, совмѣщавшимъ въ своемъ творествѣ интересы науки со своими запросами какъ гражданина: его занимали не уже остывшіе пласты историческихъ отложеній, но живая творческая сила русскаго народа, сила русскаго генія, — т. е. то, — въ чемъ оправданіе великаго русскаго прошлаго и опора русскихъ надеждъ на будущее.

¹⁾ Историческіе силуэты, Берлинъ, 1931, 285—6.

* * *

Нужно ли говорить, что замѣченныя нами три основныя черты научнаго служенія покойнаго А. А. Кизеветтера не были обособленными и разрозненными сферами его умственной и литературной работы, но органически совмѣщались въ единой цѣльной его личности. Я не имѣю возможности здѣсь взять на себя сложную задачу общей зарисовки этого цѣльнаго личнаго образа А. А., — онъ можетъ быть данъ только какъ синтезъ всѣхъ сторонъ его дѣятельности, — но и здѣсь, въ контекстѣ изложенія облика А. А. какъ ученаго, невозможно не заговорить объ этомъ. И это потому, что въ своемъ научномъ творчествѣ А. А. не былъ отвлеченнымъ мыслителемъ и сухимъ изслѣдователемъ, но былъ живымъ человекомъ. Въдъ со страницъ всего его научно-литературнаго наслѣдія глядятъ на васъ не абстрактныя формулы, не сухіе результаты операцій научной мыслительной машины, — хотя А. А. и давалъ широкое мѣсто для развитія и выраженія „ума холодныхъ наблюденій“ и его изслѣдовательскій путь былъ путь трезваго, дѣловаго и сдержаннаго научнаго труда. За множествомъ страницъ, написанныхъ А. А., а тѣмъ болѣе въ его живой рѣчи Вы видите и видѣли живое человѣческое сознаніе, живую душу, живое движеніе человѣческаго сердца. И намъ сейчасъ такъ естественно прислушиваться къ этому живому отзвуку личнаго склада покойнаго, ловить отклики его душевнаго міра въ томъ, что онъ послѣ себя оставилъ. Въдъ въ его лицѣ мы утратили не только просто большого ученаго, большую культурную силу съ мощными средствами воздѣйствія, большого мастера слова, — но и замѣчательнаго человека рѣдкой духовной гармоніи. Ея звучаніе Вы воспринимаете со страницъ его сочиненій, и тѣмъ болѣе явственно раздавалось оно въ атмосферѣ живого общенія съ покойнымъ.

Большинству изъ насъ привелось знать А. А. въ живомъ общеніи съ нимъ только въ послѣдніе годы его жизни, въ годы изгнанія. Это была пора завершенія имъ своего жизненнаго пути, когда онъ несъ въ душѣ своей неизлѣчиму ю рану обще русскаго національнаго горя, которое усиливалось для него и личными потерями, личной скорбью. Пора подъема творческой энергіи, пора живой игры творческихъ силъ была уже позади. Но зато теперь это были годы гармоническаго сочетанія всѣхъ основныхъ струй научной мысли и работы. Такъ, живой образъ А. А., какимъ былъ онъ въ гостепріимной Прагѣ, — выявилъ съ законченностью четкаго рисунка подлинныя черты его какъ человека.

Онъ вступалъ здѣсь на нашихъ глазахъ въ годы старости съ тѣми чертами душевной собранности и благообра-

зія, которія вызывали при встрѣчѣ съ нимъ потребность духовно выпрямиться, „передъ лицомъ старчимъ востати“ не только внѣшне, но и внутренне. Такимъ и должны мы закрѣпить въ своемъ сознаніи духовный образъ того, чье имя собрало всѣхъ насъ!

К. І. Зайцевъ.

ЗАРОДЫШИ И ЭЛЕМЕНТЫ СВОБОДНОГО КРЕСТЬЯНСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РУССКОМЪ КРѢПОСТНОМЪ СТРОѢ ПЕРІОДА ИМПЕРІИ¹⁾.

Формула помѣщичьяго „крѣпостного права“ покрывала экономическія явленія весьма различныя. Оставимъ въ сторонѣ дворовыхъ, которые однако сами по себѣ представляли явленіе весьма и весьма многообразное, — какое множество экономическихъ феноменовъ входитъ въ составъ владѣльческаго крѣпостного крестьянства! Т. н. крестьянинъ „пашенный“ „нормальнаго“ благоустроеннаго помѣщичьяго хозяйства, не знающій никакихъ обязанностей, помимо добросовѣстнаго выполненія барщинной работы, не знающій внѣ этого никакихъ заботъ, отвѣтственно лежащихъ на немъ самомъ, и за всякой своей потребностью привыкшій обращаться въ вотчинную контору, ограниченный въ своемъ хозяйственномъ кругозорѣ дворомъ, „міромъ“ и барской усадьбой. На этого крестьянина уже непохожъ его собратъ, переведенный, по недостатку земли или по корыстолюбію помѣщика, на смѣшанную повинность, т. е. на частичный оброкъ, а тѣмъ паче непохожъ на него крестьянинъ, полностью посаженный на оброкъ, т. е. вынужденный уже денежно хозяйствовать, выручая необходимыя для уплаты оброка суммы своей хозяйственной дѣятельностью. А самый этотъ оброкъ? Вѣдь онъ обнимаетъ два совершенно разныхъ экономическихъ феномена: съ одной стороны, своего рода, по выраженію П. Б. Струве, подоходный и поимущественный налогъ, взимаемый помѣщикомъ съ крестьянина, полностью или частично оторвавшагося отъ земли, а съ другой стороны своего рода поземельную ренту, или поголовщину, взимаемую съ крестьянина-землепашца.

¹⁾ Докладъ, по рукописи автора прочитанный П. Б. Струве 31 мая 1932 г. въ засѣданіи отдѣленія наукъ историческихъ и общественныхъ.

Однако, и крестьянинъ-барщинникъ, и крестьянинъ-оброкникъ, и крестьянинъ, находящійся на смѣшанной повинности, представляютъ собой нормальныя явленія крѣпостного строя. Помимо нихъ существуетъ рядъ другихъ явленій, отклоняющихся отъ традиціонной нормы. Можно даже иначе сказать. Если признать для крѣпостного строя „нормальнымъ“ барщинное хозяйство и именно въ той его формулировкѣ, которая была освящена извѣстнымъ указомъ Павла Перваго, предлагавшимъ три дня недѣли занимать работой на помѣщика, три дня предоставлять крестьянамъ на ихъ собственныя нужды, а седьмой день удѣлять Господу Богу, то всѣ явленія крѣпостного быта могутъ быть расцѣпиваемы какъ находящіяся либо по одну, либо по другую сторону этой нормальной барщины. И смѣшанная повинность и оброкъ, поскольку смѣшанная повинность и оброкъ означали замѣну трехдневной барщины, частично или полностью, оброкомъ, а не дополненія (или увеличенія!) къ ней, были явленіемъ смягченія или даже упраздненія барщины — путемъ перевода натуральной повинности въ денежную. Но крѣпостное право знало явленія и другого, обратнаго, порядка. Пусть указъ Павла Перваго былъ безоговорочно введенъ — въ соотвѣтствіи съ внутреннимъ смысломъ и вопреки своей условной внѣшней формѣ — въ дѣйствовавшее законодательство всей послѣдующей эпохи какъ категорическій приказъ; пусть онъ и оставался неизмѣнно регулятивнымъ принципомъ всего крѣпостного хозяйства до отмѣны крѣпостного права, — практика создала многочисленныя отклоненія отъ него, которыя, въ ихъ совокупности, образовали цѣлый циклъ явленій, находящихся, такъ сказать, по другую сторону трехдневной барщины. Тутъ мы найдемъ и элементарныя явленія механическаго увеличенія барщины — на день, два, даже три. Тутъ мы найдемъ и пресловутый институтъ мѣсячины, отрывавшій крестьянина отъ всякой самостоятельной дѣятельности на землѣ и превращавшій его въ безземельнаго батрака, находившагося на иждивеніи и въ неограниченной зависимости отъ помѣщика. Тутъ мы найдемъ и различныя иныя произведенія помѣщичьей фантазіи въ области организаціи крестьянскаго труда, которыя имѣютъ общимъ лишь одно свойство: тенденцію къ упраздненію крестьянскаго двора-семьи, какъ самостоятельной хозяйственной единицы, либо полному, доходящему до уничтоженія даже семейно усадебной бытовой обособленности крестьянскаго двора, либо частичному, ограничивающемуся упраздненіемъ крестьянской земледѣлческой самостоятельности даже того ущербленнаго типа, который допускался нормальной „половнической“ барщиной.

Это, въ своемъ родѣ, — цѣлая кунсткамера! Здѣсь

мы встрѣтимъ и знаменитаго агронома Вилькинса съ его сводными дворами, казавшимися инымъ его современникамъ замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ, обѣщавшимъ и крестьянамъ благосостояніе, и помѣщикамъ богатство. Познакомимся мы и съ открытымъ П. Б. Струве и съ тѣхъ поръ извѣстнымъ крѣпостнымъ фурьеристомъ Стремоуховымъ и съ его сохами-фаланстерами. Встрѣтимъ мы затѣмъ явленія и менѣе притязательныя, въ стилѣ описанной Н. Рѣшетовымъ¹⁾ экономіи помѣщика Харкевича, которая представляла собой въ своемъ родѣ образцовое хозяйство, гдѣ крестьяне работали, какъ муравьи, подъ непосредственнымъ руководствомъ не покладавшаго рукъ помѣщика, отличаясь довольствомъ и всѣми возможными добродѣтелями (въ деревнѣ не было кабака, а изъ деревни крестьяне никуда не отлучались), но гдѣ они, вмѣстѣ съ тѣмъ, доведены были неустаннымъ руководствомъ, понуканіемъ и полнымъ упраздненіемъ самодѣятельности до такого отупѣнія, что не только не въ состояніи были понять возвѣщеннаго имъ „Положенія о выходѣ изъ крѣпостной зависимости“, но даже не могли усвоить института выборныхъ крестьянскихъ властей, казалось бы, привычнаго и близкаго крестьянскому сознанію. Познакомимся мы здѣсь и съ крестьянскими опытами Буташевича-Петрашевскаго²⁾, который въ одномъ изъ своихъ имѣній рѣшилъ было устроить для своихъ крестьянъ общій фаланстеръ, построилъ на свои средства большой домъ, прекрасно его обставилъ: все было готово, крестьяне должны были уже переѣхать въ него и, казалось, были этимъ очень довольны, такъ какъ все время заявляли помѣщику, что они „много довольны“, — но въ ту ночь, которая наступила послѣ послѣдняго обхода помѣщенія Петрушевскимъ, когда точно было указано каждому крестьянину, гдѣ кому жить, — фаланстеръ былъ сожженъ и, пріѣхавъ на новоселье, Петрашевскій нашелъ лишь обгорѣлыя балки...

Мы изобразили цѣлую коллекцію различныхъ, пусть иногда осложненныхъ внѣхозяйственными моментами, но все же хозяйственно осмысленныхъ явленій, обнимаемыхъ формулой крѣпостного права — а сколько еще было явленій, такъ сказать, „метахозяйственныхъ“, не поддающихся уже никакому хозяйственному осмысливанію, т. е. просто явленій сознательнаго хозяйственнаго разоренія и разрушенія, или даже безсмысленнаго, внѣхозяйственнаго озорства. Чаше всего по-

¹⁾ Н. Рѣшетовъ. Эпизоды при введеніи положенія 19-го февраля 1861 г. Русск. Арх. 1885 г., ч. III. 273.

²⁾ В. Семевскій. Буташевичъ-Петрашевскій. „Голосъ Минувшаго“, 1913, № 8, стр. 59—60.

добныя явленія крѣпостной патологіи, были, вѣроятно, слѣдствіемъ заглазнаго арендаторскаго или прикащичьяго управленія. Извѣстный художникъ Максимовъ, вышедшій самъ изъ государственныхъ крестьянъ, такъ описываетъ¹⁾ въ своихъ воспоминаніяхъ разговоры помѣщичьихъ крестьянъ, его товарищей по мастерской иконописцевъ. „Оцѣнивались бурмистры и прочіе чины управленія, управители-нѣмцы при господахъ, живущихъ хоть временно въ помѣстіяхъ, и нѣмцы, управлявшіе въ полномъ отсутствіи господъ. Эти послѣдніе, да еще поляки, считались „карой небесной“. Живое изображеніе итоговъ управленія подобнаго нѣмца-приказчика, властвовавшаго надъ крестьянами, „въ полномъ отсутствіи господъ“, мы находимъ въ одномъ аутентичномъ документѣ, воспроизведенномъ въ воспоминаніяхъ Водовозовой²⁾. Это — письмо матери мемуаристки къ своему брату, заключающее въ себѣ разсказъ о томъ, что она нашла въ его имѣніи, состоявшемъ нѣсколько лѣтъ въ управленіи нѣкоего нѣмца Карла. Быть можетъ, во всей богатой ужасами литературѣ крѣпостного права не найдется документа болѣе страшнаго: картина безграничнаго произвола, чинимаго надъ крестьянами, и удручающаго разоренія крестьянъ изображена яркими красками, производящими тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что описаніе носитъ совершенно дѣловой характеръ.

Это и понятно. Безконтрольное осуществленіе предоставленной помѣщику безграничной диктатуры не имъ самимъ, а его ставленикомъ, лишеннымъ сознанія своей сословно-государственной отвѣтственности и не связаннымъ въ вопросѣ обереганія интересовъ крестьянъ никакими соображеніями хозяйской расчетливости, легко могло сдѣлаться средствомъ обогащенія временнаго владѣльца, ведущимъ къ полному разоренію крестьянъ. Но, къ сожалѣнію, и непосредственное помѣщичье управленіе имѣніями вело порой къ тому же результату. Исторія крестьянскихъ волненій сохранила намъ достаточное количество документальныхъ свидѣтельствъ о подобныхъ проявленіяхъ помѣщичьей патологіи. Ограничимся здѣсь приведеніемъ двухъ литературныхъ свидѣтельствъ. Пушкинъ, воспроизводя свидѣтельство Радищева о хозяйствованіи одного помѣщика, которое само по себѣ никакъ не могло бы быть обозначено, какъ патологическое, ибо самъ Радищевъ сообщаетъ, что оно обезпечивало помѣщику не только хорошіе барыши, но и исключительные урожаи и которое было типическимъ примѣромъ превращенія кре-

¹⁾ Автобіографич. Записки Н. М. Максимова. Голосъ Минувшаго 1913 г., № 5, стр. 111.

²⁾ Воспоминанія Е. Н. Водовозовой. Голосъ Минувшаго 1908 г., № 6, стр. 198 сл.

стьянъ въ живой инвентарь въ составъ крупнаго предприятия по производству зерна, тутъ же приводитъ¹⁾ пришедшій ему на память примѣръ, который дѣйствительно относится уже безспорно къ патологіи крѣпостного права. „Помѣщикъ, описанный Радищевымъ, говоритъ Пушкинъ, привелъ мнѣ на память другого, бывшаго мнѣ знакомаго лѣтъ 15 тому назадъ. Молодой образъ мыслей и пылкость тогдашнихъ чувствованій отвратили меня отъ него и помѣшали мнѣ изучить одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ характеровъ, которые удалось мнѣ встрѣтить. Этотъ помѣщикъ былъ родъ маленькаго Людовика XI. Онъ былъ тиранъ, но тиранъ по системѣ и по убѣжденію, съ цѣлью, къ которой двигался онъ съ силой души необыкновенной и съ презрѣніемъ къ человѣчеству, котораго онъ не думалъ и скрывать. Сдѣлавшись помѣщикомъ двухъ тысячъ душъ, онъ нашелъ своихъ крестьянъ, какъ говорится, избалованными слабымъ и безпечнымъ его предшественникомъ. Первымъ стараніемъ его было общее и совершенное разореніе. Онъ немедленно приступилъ къ совершенію своего предположенія и въ три года привелъ крестьянъ въ жестокое положеніе. Крестьянинъ не имѣлъ никакой собственности, онъ пахалъ барской сохой, запряженной барской клячей, скотъ его весь былъ проданъ, онъ садился за спартанскую трапезу на барскомъ дворѣ, дома не имѣлъ онъ ни штей, ни хлѣба. Одежда, обувь выдавалась ему господиномъ. Словомъ, статья Радищева кажется картиной хозяйства моего помѣщика. — Какъ бы вы думали? Мучитель имѣлъ виды филантропическіе. Приучивъ своихъ крестьянъ къ нуждѣ, терпѣнію и труду, онъ думалъ постепенно ихъ обогатить, возвратитъ имъ собственность, даровать имъ права. Судьба не позволила ему исполнить его предначертанія. Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара“. А вотъ другое свидѣтельство литературное, въ которомъ патологія крѣпостного хозяйства предстаетъ уже въ совершенномъ обнаженіи, безъ всякихъ идейныхъ покрововъ. Оно принадлежитъ Глѣбу Успенскому и находится въ очеркѣ, которому Успенскій придалъ форму воспоминаній²⁾. Герой разсказа помнитъ, какъ изъ оконъ ихъ квартиры виднѣлась крыша барскаго дома. Это былъ баринъ, знаменитый своей жестокостью. Чтобы спасти себя отъ преслѣдованія своего мучителя, крестьяне сожгли себя. „Сожги барина — говорили они — насъ же заставятъ строить, а какъ мы себя изведемъ, такъ съ чего онъ возьметъ?“ Этотъ баринъ, дѣйствительно довелъ крестьянъ до послѣдняго пре-

¹⁾ Мысли на дорогѣ. Полн. Собр. Соч. Изд. Слово, т. IV, стр. 241—2.

²⁾ Волей-неволей. Отрывки изъ записокъ Тяпушкина. Полн. Собр. Сочиненій, изд. 6-е, Маркса, т. IV, стр. 630.

дѣла. Украдутъ овцу — баринъ гадаеть на псалтири, и затѣмъ происходитъ толкованіе: на кого псалтирь укажетъ, тотъ и виноватъ и его настигаетъ кара, бессмысленная и жестокая. Крестьяне ходили грязные, отупѣлые. Можно ли представить себѣ что либо болѣе бессмысленное, съ точки зрѣнія хозяйственной? И надо ли удивляться, что крестьяне наконецъ рѣшились на хозяйственное самоубійство?

Можно было бы привести и иные примѣры разорительнаго для крестьянъ бессмысленнаго сумасбродства помѣщиковъ, но справедливость требуетъ признать, что самый отталкивающий произволь и самая гнусная злоупотребленія помѣщичьей власти часто сочетались съ своего рода хозяйственнымъ либерализмомъ по отношенію къ крестьянамъ, или съ крутымъ, но въ общемъ благожелательнымъ хозяйственнымъ управленіемъ крестьянами. Самымъ въ этомъ смыслѣ яркимъ свидѣтельствомъ, являются, повидимому, „Записки крѣпостной дѣвки“, изданныя въ переработкѣ М. Е. Васильевой. Мало, я думаю, въ литературѣ предмета найдется болѣе обличительныхъ документовъ, чѣмъ эти, къ сожалѣнію, подвергнутыя литературной обработкѣ воспоминанія о крѣпостномъ бытѣ одной изъ его жертвъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ съ полной отчетливостью обнаруживается именно это сочетаніе барскаго возмутительнѣйшаго разврата и безчинства съ хозяйственнымъ либерализмомъ по отношенію къ крестьянамъ!¹⁾

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ однако не только то, въ какой мѣрѣ легка была при дѣйстви крѣпостнаго права возможность всяческихъ злоупотребленій, вымогательствъ, произвола, въ отношеніи къ помѣщичьимъ крестьянамъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и возможность даже совершенно бессмысленнаго разоренія ихъ.

„Медаль“ крѣпостнаго права имѣла и лицевую сторону, которая выражалась въ томъ, что именно правовая безформенность крѣпостныхъ отношеній создавала для помѣщика и для его крестьянъ возможность необычайно легкаго приспособленія къ весьма разнымъ хозяйственнымъ ситуаціямъ. Подъ этимъ угломъ зрѣнія неограниченность помѣщичьей власти могла представлять выгоду не только для помѣщика, но и для крестьянина, порою открывая послѣднему такія широкія возможности хозяйственнаго роста и фактической хозяйственной эмансипаціи, которыя въ рамкахъ неподвижнаго юридическаго оформленія крѣпостныхъ отношеній были бы въ высокой степени затруднены, если даже не просто неосуществимы. Достаточно сказать, что въ гибкихъ формахъ крѣпостной диктатуры совершился цѣлый хозяйствен-

¹⁾ М. Е. Васильева. Записки крѣпостной дѣвки. Новг. 1912.

ный переворотъ, разслоившій Россію на области, поставлявшія на рынокъ хлѣбъ и, слѣдовательно, кормившія Россію и на области, этотъ хлѣбъ потреблявшія и, въ лучшемъ случаѣ, въ своемъ производствѣ хлѣба, рассчитывавшія лишь на свои продовольственныя нужды. Это означало, что часть крѣпостного населенія оторвалась отъ земли и ушла въ торговлю и промыслы, а другая часть стала усиленно работать на сбытъ — огромный шагъ на пути денежно-хозяйственной трансформации Россіи!

Чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ той широчайшей амплитудѣ колебаній, которая являла собой крѣпостная экономика подъ угломъ зрѣнія проникновенія въ ея нѣдра частно-хозяйственной свободы, удобнѣе всего взять отправнымъ пунктомъ отдѣльныя попытки обобщающаго изображенія крѣпостного строя, исходящія отъ современниковъ. Примѣнительно къ интересующему насъ вопросу, мы находимся въ счастливомъ положеніи: мы можемъ опереться на три документа, близкихъ по содержанію и представленныхъ въ одно и то же учрежденіе, которые, какъ бы по спеціальному заказу, съ разныхъ сторонъ освѣщаютъ вопросъ. Дѣйствительно, такъ случилось, что три различныхъ тенденціи, которыя наблюдались въ крѣпостномъ строѣ этой переходной эпохи, получили яркое выраженіе въ трехъ запискахъ представленныхъ примѣрно въ одно и то же время Вольно-Экономическому обществу. Въ одной изъ нихъ получила выраженіе тенденція частно-хозяйственная, въ другой — тенденція крѣпостническая, а третья занимаетъ какъ бы среднее мѣсто и хочетъ сочетать крѣпостной характеръ крестьянскаго хозяйства съ свободно-хозяйственнымъ, прибыточнымъ характеромъ хозяйства помѣщичьяго.

Первая записка принадлежитъ Л. Якобу и является отвѣтомъ на заданный въ 1812 году вопросъ, выгоднѣе ли обрабатывать землю вольными людьми, гдѣ ихъ найти можно, чѣмъ собственными крестьянами¹⁾.

Якобъ является отчетливымъ сторонникомъ универсальнаго примѣненія частно-хозяйственныхъ началъ къ строю помѣщичье-крестьянскихъ отношеній. Примѣненіе принудительнаго труда къ землѣ онъ считаетъ для помѣщиковъ невыгоднымъ. Отмѣчая, что помѣщикъ имѣетъ меньше земли по расчету на крестьянъ, чѣмъ ее имѣютъ государственные крестьяне, Якобъ подчеркиваетъ, что онъ все же имѣетъ ее еще слишкомъ много „если только сравнить количество ея съ той пользой, которую господинъ получаетъ въ землѣ сей“ (стр. 25). Онъ перечисляетъ цѣлый рядъ причинъ, ко-

¹⁾ Труды Вольно-Экономическаго Общества 1814 г., ч. LXVI, стр. 1—105.

торья дѣлають крѣпостной трудъ невыгоднымъ (стр. 35). Признавая, что оброкъ выгоднѣе барщины, Якобъ вмѣстѣ съ тѣмъ однако не можетъ отрицать того, что это такъ, поскольку оброкъ есть оброкъ промышленный, а отнюдь не оброкъ, связанный съ земледѣліемъ. „Опытъ въ Россіи доказываетъ, говоритъ онъ, что хотя оброчные крестьяне владѣльцу столько же, а иногда и болѣе приносятъ пользы, нежели обязанные барщиной, однако же по большей части и даже обыкновенно земледѣліе ихъ въ худшемъ состояніи нежели сихъ послѣднихъ, ибо они совершенно оставляя оное стараются только о оброкѣ для господина, таковой же оброкъ зарабатываютъ въ городахъ служеніемъ, торгомъ и другими разными промыслами“ (стр. 43). Отсюда „всѣ почти російскіе сочинители“ считаютъ оброкъ вреднымъ и предпочитаютъ барщину. Якобъ самъ держится того мнѣнія, что дѣло объясняется „худымъ способомъ отдачи на оброкъ“. Причина невыгодности земледѣльческаго оброка главная та, что у оброчныхъ крестьянъ недостаточно капитала и нѣтъ увѣренности въ своемъ хозяйствѣ. „Даже казенный крестьянинъ не имѣетъ такой благонадежности, поскольку время отъ времени дѣлаются переселенія или по крайней мѣрѣ новыя надѣленія землей, и въ этомъ случаѣ можетъ онъ потерять ту землю или тотъ сѣнокосъ, улучшение коихъ много ему стоили“. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякое имущественное улучшение ведетъ къ увеличенію поборовъ, что подавляетъ хозяйственную энергію. Наконецъ, немалое значеніе имѣетъ и малоземелье отдѣльныхъ дворовъ, которое еще ухудшается чрезполосицей и дальнеземельемъ. Въ условіяхъ существующихъ Якобъ повидимому склоняется къ признанію — въ общей формѣ — наилучшимъ способомъ хозяйства сочетаніе барщинной запашки съ наличіемъ у отдѣльныхъ дворовъ дополнительной собственной ихъ запашки.

Конкретизируя свои соображенія, Якобъ устанавливаетъ три рецепта для разнаго размѣра помѣщичьихъ владѣній (стр. 87). Малоземельнымъ помѣщикамъ (до 100 десятинъ) онъ рекомендуетъ отобрать у крестьянъ всю землю, уволить часть ихъ отъ барщины и отпустить по паспортамъ на оброкъ, а годныхъ оставить на пашнѣ въ качествѣ рабочихъ, которыхъ лучше всего оплачивать какъ вольнонаемныхъ. Среднимъ помѣщикамъ (до 1000 десятинъ) онъ совѣтуетъ сохранить для своего хозяйства десятинъ 200—300, а остальную землю раздать на откупъ дворамъ за наследственный опредѣленный и непремѣнный оброкъ. Онъ понимаетъ, что при такой системѣ хозяйствованія нужно уже распрощаться съ равенствомъ и привѣтствуетъ дифференціацію крестьянъ. „Нѣтъ врѣднѣе, какъ хотѣть всѣ крестьянскіе дворы составить въ равной и одинаковой обширности. Сія мнимая спра-

ведливость въ высшей степени воспрепятствуетъ усовершенствованію земледѣлія. ибо всѣ хозяева не имѣютъ одинаковый капиталъ и одинаковую способность... Равномѣрно къ совершенному пользованію землей нужно дозволить безпрепятственный переходъ оной“ (стр. 96—97). Пусть земля переходитъ въ руки богатѣйшаго, прилѣжнѣйшаго и способнѣйшаго.

Для того, чтобы всѣ его предположенія могли осуществиться, Якобъ считаетъ необходимымъ устойчивость договорныхъ или законныхъ отношеній, независимую отъ воли начальства или помѣщика. Въ результатъ „крѣпостное званіе могло бы состоять въ томъ, чтобы крѣпостной чело-вѣкъ ежегодно платилъ своему владѣльцу оброкъ, составляющій только проценты съ капитала, употребленнаго на покупку его“ (стр. 101).

Якобъ самъ предвидитъ великія трудности по выполненію его рецепта (стр. 101 и слѣд). Проектъ Якоба интересенъ именно потому, что онъ какъ бы показываетъ воочию, въ какой мѣрѣ неосуществима была прочная частнохозяйственная трансформация земледѣльческаго быта, что онъ устанавливаетъ какъ бы антиномію, естественную и неустраняемую, которая существовала между тягой къ частнохозяйственному предпринимательству и инерціей устойчиваго крѣпостнаго быта, утверждающаго начало потребительское и тягловое.

Какъ бы для того, чтобы еще больше подчеркнуть эту антиномію рядомъ съ отзывомъ Якоба, обращеннымъ лицомъ къ будущему, помѣщенъ отзывъ генералъ майора Афанасія Лаврентьевича Комарова¹⁾, который весь проникнутъ иной тенденціей и который, будучи обращенъ лицомъ къ прошлому, для своей эпохи, вѣроятно, при всей своей наглядной архаичности, все же въ большей степени отражаетъ дѣйствительность, чѣмъ отзывъ Якоба.

Всякій земледѣлецъ или пахарь долженъ, по мнѣнію Комарова, быть неотлучно, такъ сказать, пригвожденъ къ собственному домоводству. Есть районы промышленные, гдѣ крестьяне уходятъ въ города, но это явленіе печальное, обрекающее ихъ на развращеніе. Иное дѣло районы земледѣльческіе, гдѣ сельское домоводство обезпечиваетъ обильное дѣторожденіе, размноженіе народа (стр. 134). Чужіе примѣры не убѣдительны — Россіи свойствененъ крѣпостной строй, пскоящійся на сознательномъ хозяйственномъ самоограниченіи помѣщиковъ, исключаящемъ и для нихъ наживу и богатство и обезпечивающемъ только „пристойное и честное состояніе“.

¹⁾ Труды Вольно-Экономическ. Общ., т. LXVI, стр. 130 сл.

Между этими двумя крайними точками зрѣнія, одной, проицирующей на крѣпостныя отношенія дѣйствіе начала частнохозяйственной свободы, и другой, изображающей крѣпостной строй въ его безпримѣсномъ видѣ, лишенномъ всякаго элемента наживы, можетъ быть помѣщена записка М. Швиткова¹⁾, относящаяся примѣрно къ тому же времени (1810 г.) и являющаяся отвѣтомъ, награжденнымъ золотой медалью отъ Вольно-Экономическаго Общества, на вопросъ о томъ, какой способъ управленія деревнями, — барщинный или оброчный, является лучшимъ. Швитковъ въ своихъ разсужденіяхъ ближе всего подходитъ къ дѣйствительности. Онъ хочетъ сочетать частно-хозяйственный уклонъ помѣщичьяго управленія съ сохраненіемъ, по возможности, патріархальнаго уклада въ жизни крестьянина. Помѣщика онъ называетъ „владѣльцемъ“, крестьянина онъ называетъ „промышленникомъ“, какъ бы подчеркивая властность функций перваго и непосредственность участія въ хозяйственной дѣятельности второго. Земледѣліе онъ считаетъ природной повинностью крестьянскаго званія, которую крестьянинъ и долженъ выполнять подъ властнымъ руководствомъ помѣщика, по возможности отъ нея не отвлекаясь. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Швитковъ уже знаетъ и признаетъ, что получить деньги крестьянинъ можетъ только, уйдя отъ земли на промыселъ въ города или въ чужія селенія. Какъ же примирить необходимость извлеченія денежнаго дохода изъ своихъ крестьянъ съ сохраненіемъ въ силѣ повинностно-земледѣльческаго уклада крестьянской жизни? Помѣщики должны для этого взять подъ свое властное руководство крестьянскіе отходы, т. е. съ невыгодной земли отпускать въ города и селенія во всякое время года, а съ хорошей земли только зимой, и „притомъ входитъ самимъ въ то, какою работою кто занимается и сколько достаетъ денегъ, изъ которыхъ и брать себѣ оброкъ такой, который бы взаимно соотвѣтствовалъ помѣщичьей и крестьянской пользѣ“. Можно для выручки денегъ позволять крестьянамъ ѣздить въ ближайшія торговыя мѣста для продажи своихъ сельскихъ избытковъ, но не въ дальніе, чтобы помѣхи сельской работѣ не было.

Это однако уступки, которыя авторъ — лишь скрѣпя сердце, дѣлаетъ предъ необходимостью добыванія для хозяйства денегъ. Симпатіи его еще явно принадлежатъ другой организаціи труда, а именно той, когда помѣщикъ крестьянъ

¹⁾ М. Швитковъ о двухъ способахъ, назначенныхъ лучшему деревнямъ управленію. Записка эта, первоначально напечатанная въ Труд. В.-Эконом. Общ., воспроизведена въ обширныхъ извлеченіяхъ у Б. Д. Грекова. Ист. русск. нар. хоз., т. I. Промышленный капитализмъ (дореф. пер.). Бр. Ефр., 1926, стр. 63 сл.

своихъ никуда не отпускаетъ, а самъ заботится о снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ, живымъ и мертвымъ инвентаремъ и посѣвнымъ матеріаломъ, „а также и нужнымъ для нихъ количествомъ денегъ и прочими потребностями, необходимыми для сельской ихъ жизни“, совершенно закрывая ихъ отъ рынка.

Основная мысль Швиткова ясна. Онъ хочетъ во что бы то ни стало охранить крестьянина отъ частнохозяйственной заразы, отъ стремленія къ наживѣ, отъ духа предпринимательства. Но онъ не отрицаетъ, какъ это дѣлаетъ Комаровъ, денежно-хозяйственной стихіи. Напротивъ, онъ отдаетъ ей должное, но хочетъ чтобы одинъ лишь помѣщикъ воплощалъ въ себѣ это начало.

Конечно, ни одно изъ изложенныхъ трехъ истолкованій крѣпостного строя не покрываетъ полностью дѣйствительности, но ихъ споставленіе интересно и поучительно въ томъ смыслѣ, что каждая изъ этихъ записокъ выражаетъ одну изъ трехъ точекъ зрѣнія, которыя, въ совокупности, какъ бы исчерпываютъ самую проблему примѣнительно къ вопросу о соотношеніи въ русской дѣйствительности той эпохи частнохозяйственной свободы и крѣпостной хозяйственной связанности.

Какъ же было въ дѣйствительности? А въ дѣйствительности — было, и то, и другое, и третье. Реальностью была, и Комаровская Россія, и Россія Швиткова, и, какъ мы увидимъ, даже и Россія Якоба.

Швитковъ воплощалъ компромиссъ между Россіей Комаровской и той, которая шла ей на смѣну, причемъ такой компромиссъ, который частнохозяйственныя явленія хотѣлъ приспособить къ режиму крѣпостному, а не, наоборотъ.

Въ дѣйствительной жизни дѣло происходило, конечно, иначе и сложнѣе, чѣмъ представлялось Швиткову, но онъ былъ не такъ ужъ далекъ отъ истины. Дѣйствительно, частнохозяйственное перерожденіе крѣпостного строя, примѣнительно къ земледѣлію, воплощалось, главнымъ образомъ, въ помѣщикѣ, а не въ крестьянинѣ. Утопичнымъ является предположеніе Швиткова о возможности изъять отхожаго крестьянина оброчника, какими то внѣшними мѣрами руководства и опеки, изъ подъ вліянія предпринимательской стихіи. Но примѣнительно къ земледѣлію онъ все же былъ правъ, однако не абсолютно.

Крѣпостной крестьянинъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ оказывался задѣтымъ предпринимательствомъ превращался въ своего рода амфибію. Основной стихіей его оставалась, однако, стихія крѣпостная. Пусть въ отдѣльные моменты своей жизни онъ погружался въ стихію частнохозяйственную, пусть онъ даже съ нею все болѣе и болѣе осваивался, но все же

въ общемъ она, примѣнительно къ земледѣлію, во всякомъ случаѣ оставалась ему чуждой. Основнымъ и опредѣляющимъ типомъ крестьянина-землепашца оставался человекъ, почти нетронутый психологіей наживы и смотрящій на землю какъ на объектъ приложенія обязательнаго труда, задача котораго — кормить его, крестьянина. Этотъ типъ сохранился въ цѣлостномъ видѣ и послѣ Реформы, когда былъ онъ блистательно изображенъ, въ разныхъ поворотахъ, Глѣбомъ Успенскимъ и Златовратскимъ.

Мужикъ Глѣба Успенскаго разсуждаетъ совершенно по рецепту, рекомендованному Швитковымъ. Видно рецептъ этотъ былъ не выдуманъ имъ, а отвѣчалъ дѣйствующей практикѣ! Дѣйствительно, вотъ, на примѣръ, что мы читаемъ въ нѣкой „инструкціи данной мною управляющему моему на управленіе моихъ вотчинъ Фанъ Куху“ отъ 1-го января 1819 года за подписью „Владимиръ Храповицкій“, которая извлечена была изъ матеріаловъ Смоленскаго архива. „Строго запрещается крестьянамъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не занимали они ни хлѣба, ни денегъ, какъ другъ у друга, такъ и у сосѣдей, а за своими надобностями шли прямо къ господину и къ управителю, а по сему предмету объявляется какъ сосѣдямъ, такъ и крестьянамъ, чтобы моимъ крестьянамъ займы ничего не давали, въ противномъ случаѣ крестьянина, взяшаго что-либо у кого бы ни было, кромѣ у своего господина наказать 20 ударами розгъ, а къ заплатѣ онаго долга отнюдь не приневолить“¹⁾.

О томъ же мы читаемъ въ описаніи образцоваго хозяйства Быковской вотчины В. А. Демидова. Тамъ были образованы особые надзиратели, которые наблюдали, чтобы никто „не продавалъ, ни даромъ давалъ, ниже въ милостыню не подавалъ: дровъ, сѣна, мякины, соломы“. Крестьяне не смѣли безъ разрѣшенія отлучаться изъ села, знакомиться съ пропойцами, мотами, принимать ихъ въ домъ или навѣщать; запрещалось пьянство²⁾.

Обильный матеріалъ, находящійся въ распоряженіи изслѣдователя, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что, поскольку крестьянинъ и являлся амфибіей и долженъ былъ вступать въ общеніе съ денежнохозяйственнымъ міромъ, онъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ денежнохозяйственную точку зрѣнія распространялъ на землю и земледѣліе. Даже то скромное, что ему нужно было въ его бюджетѣ для упла-

¹⁾ Проф. Б. Д. Грековъ. Ист. русскаго нар. хоз. т. I Промышл. капит. (дореформ. пер.). Брокгаузъ и Ефронъ, 1926, стр. 84 - 98.

²⁾ И. Игнатовичъ. Продов. вопросъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ наканунѣ освобожденія. Голосъ Минувшаго, 1913 г., № 9, стр. 51 сл.

ты податей, для покупки соли, желѣза, кое-чего изъ одежды, водки и т. д., онъ, по общему правилу, добывалъ изъ промысловъ неземледѣльческихъ. Это, въ частности, можно съ полной конкретностью установить изъ тѣхъ довольно многочисленныхъ и очень точныхъ и подробныхъ расчетовъ крестьянскаго бюджета, которые приведены въ трудахъ Географическаго Общества, въ отдѣльныхъ описаніяхъ различныхъ мѣстностей Россіи, явившихся слѣдствіемъ произведенной Обществомъ анкеты¹⁾.

Глѣбъ Успенскій изобразилъ въ яркой и образной формѣ то явленіе, которое П. Б. Струве позже обобщилъ, обозначивъ его какъ „историческую неподготовленность русскаго крестьянина-земледѣльца къ товарному производству“²⁾ и которое неоднократно было отмѣчаемо и современниками, причемъ, однако, порою ошибочно толкуемо ими, какъ органическое отталкиваніе русскаго крестьянина отъ земледѣлія. Нѣтъ, нашъ крестьянинъ не потому обращалъ свои средства въ торгъ, что стремился оторваться отъ земледѣлія, а потому что онъ по разному воспринималъ работу у земли и всякую другую дѣятельность, направленную на пріобрѣтеніе денегъ. Поскольку же онъ психологически оставался у земли, онъ оправдывалъ афоризмъ Швиткова, утверждавшаго, что „крестьянская природа хладнокровнѣе къ деньгамъ, чѣмъ другіе промышленники“. Можно было бы сказать даже сильнѣе: законченный типъ крѣпостного крестьянина-земледѣльца вообще не былъ „промышленникомъ“ въ нашемъ смыслѣ этого слова.

Такой „непромышленный“ крестьянинъ составлялъ силу крѣпостной Россіи. Онъ способенъ былъ неустанно заполнять хлѣбомъ барскіе закромы, но онъ неспособенъ былъ ни самостоятельно производить хлѣбъ превышающій его потребности, ни выходить со своимъ хлѣбомъ на рынокъ! Переведите его на оброкъ — онъ растеряется! Понизьте требованія къ его труду, — онъ разлѣнится! Неслучайно оброкъ земледѣльческой былъ такимъ рѣдкимъ исключеніемъ, что утвердилась терминологія, противопоставляющая оброчныхъ крестьянъ пашенныхъ и, такимъ образомъ, отождествлявшая крестьянъ барщинныхъ и па-

¹⁾ Ср. также характеристику крестьянскихъ вѣземледѣльческихъ промысловъ, принадлежащую А. А. Исаеву и приведенную въ извѣстной книгѣ В. В. (В. П. Воронцова) „Судьбы капитализма въ Россіи“, СПб., 1882, стр. 89 и особенно Глѣба Успенскаго „Изъ деревенскаго дневника“. Полн. Собр. Соч. Изд. 6-ое (Маркса), т. IV, стр. 182 и сл., гдѣ мы находимъ яркое художественно-публицистическое изобразеніе тѣхъ традиционныхъ чертъ крестьянскаго хозяйствованія и проникающаго его духа, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь.

²⁾ П. Струве. Крѣпостное хозяйство. 1913, стр. 98.

шенныхъ! Господство барщиннаго хлѣба, выбрасываемаго на рынокъ помѣщикомъ, который оказывался одновременно и властнымъ организаторомъ крѣпостнаго труда, и безвластнымъ частно хозяйственнымъ предпринимателемъ въ дѣлѣ реализаціи продукта и этого труда — вотъ краткая формула крѣпостной экономики, примѣнительно къ рынку сельско хозяйственныхъ продуктовъ.

Помѣщикъ, работая на рынокъ, силою вещей долженъ былъ, по мѣрѣ повышенія требованій этого рынка, стремиться организовать свое хозяйство такъ, чтобъ избытковъ хлѣба становилось больше — а для этого онъ долженъ былъ либо предъявлять повышенныя требованія къ производительности крестьянъ, либо создавать пониженныя нормы ихъ потребленія. Отсюда всѣ тѣ явленія въ области организаціи крѣпостнаго земледѣльческаго труда, которыя мы выше обозначили, какъ находящіяся „по ту сторону трехдневной барщины“. Мы видѣли, что два свойства были характерны для всѣхъ этихъ явленій: или это было механическое повышение числа барщинныхъ дней, то-есть пониженіе потребительской нормы крестьянъ, или это одновременно было и измѣненіе организаціонныхъ формъ производства, въ направленіи ликвидаціи крестьянскаго двора, какъ монополиста земледѣльчества и замѣны его другими формами, способными повысить производительность крестьянскаго труда и, во всякомъ случаѣ, увеличить количество товарнаго избытка. Другими словами, частнохозяйственная природа помѣщика какъ поставщика хлѣба на рынокъ, по мѣрѣ роста рыночныхъ отношеній, неустрашимо овладѣвала всѣмъ существомъ помѣщика и начинала опредѣлять и организацію крѣпостнаго труда, то есть все сильнѣе толкала его на путь практической реализаціи той юридической формулы крѣпостныхъ отношеній, которая, какъ декларація уже издавна висѣла надъ русскимъ крестьянствомъ: формулы частно-собственническаго обладанія и крестьянами и населенной ими земель.

Этой тенденціи, которая не получила полного своего осуществленія, но подъ знакомъ которой шло развитіе крѣпостнаго хозяйства вплоть до Великой Реформы, Швитковъ не разглядѣлъ, но, повторяю, существо современныхъ ему фактическихъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, въ планѣ частно хозяйственной трансформаціи крѣпостнаго права, онъ уловилъ правильно. Въ гораздо меньшей степени Швитковъ былъ правъ, поскольку онъ свою теорію помѣщичьяго предпринимательства, призваннаго властно заслонять крестьянъ отъ рынка, распространялъ на крестьянъ оброчныхъ. Въ какой то мѣрѣ, впрочемъ, и здѣсь онъ былъ правъ — и это мы можемъ достаточно ясно видѣть даже

на томъ матеріалѣ, характеризующемъ владѣльческихъ крестьянъ, который приведенъ выше. Съ другой стороны, не нужно преуменьшать и того значенія, которое несомнѣнно принадлежало организуемому властному вмѣшательству помещика по отношенію къ крестьянамъ-оброочникамъ промышленнаго типа. Однако, здѣсь, поскольку естественно возникалъ конфликтъ между двумя ипостасями крестьянина-отходника — земледѣльчески-крѣпостной и промышленно-свободной, перевѣсъ сравнительно легко получала вторая, и крестьянинъ-оброочникъ становился настоящимъ предпринимателемъ. Частнохозяйственная стихія торжествовала побѣду, и фигура помещика дѣйствительно легко пріобрѣтала характеръ внѣшней власти, механически взимающей дань съ своихъ фактически эмансипированныхъ подданныхъ, находящихся уже всецѣло, несмотря на формально не измѣнившіяся ихъ отношенія къ своимъ господамъ, въ сферѣ частнохозяйственнаго оборота.

И вотъ, что здѣсь нужно со всей рѣшительностью подчеркнуть: прорывъ натурально-крѣпостной цѣлостности помещичьяго хозяйства шелъ не только (а, можетъ быть, и не столько) на путяхъ созданія капиталистическихъ формъ использованія крупнаго крѣпостнаго производства (крѣпостная экономія, работающая на сбытъ хлѣба и крѣпостная фабрика, работающая на сбытъ промышленнаго товара), а и на путяхъ созданія — въ нѣдрахъ крѣпостнаго міра, казалось бы, заслоненнаго фигурой помещика отъ всего остального міра, для самихъ же крестьянъ, цѣлой системы частнохозяйственныхъ формъ дѣятельности, формъ безвластныхъ, договорныхъ — пусть прекарныхъ и порой недоразвившихся, но тѣмъ не менѣе явно отмѣченныхъ печатью свободы и открывавшихъ крѣпостному крестьянину широчайшія перспективы хозяйственнаго самоопредѣленія, вольнаго предпринимательства, торговой карьеры. Этотъ воплотившійся въ формы торгово-промышленнаго отходничества, процессъ частнохозяйственной трансформациі крестьянъ, имѣлъ размахъ по истинѣ грандіозный.

Вѣдь это именно русское крестьянство и прежде всего крестьянство владѣльческое образовало тѣ многочисленные кадры разнообразнѣйшихъ профессій ремесленниковъ и рабочихъ, торговцевъ и промышленниковъ, которые заполнили наши города и создали живую хозяйственную ткань первоначальнаго русскаго капитализма.

Итакъ, мы теперь знаемъ, что извѣстная намъ уже тенденція Якоба нашла себѣ широкое примѣненіе по отношенію къ оброочнымъ крестьянамъ-промышленникамъ. Но вѣдь онъ свою схему строилъ не для нихъ, а для крестьянъ-землепашцевъ! А по отношенію къ нимъ его схе-

ма имѣть видимость навѣяннаго опытомъ остзейскихъ провинцій книжнаго доктринерства, не поддающаяся никакому примѣненію въ дѣйствительной жизни. Однако, это первое впечатлѣніе уступаетъ мѣсто, при ближайшемъ изученіи предмета, болѣе осторожной оцѣнкѣ разсужденій и наблюденій Якоба. Пусть въ его время они были въ огромной степени умствованіями доктринерскими. Но всетаки мы теперь видимъ и знаемъ, что жизнь, хотя и медленно, несомнѣнно двигалась въ этомъ направленіи. Процессъ частнохозяйственнаго перерожденія явственно обозначился и по отношенію къ земледѣльческому крестьянству, причемъ иногда даже въ формахъ достаточно близкихъ къ тѣмъ, о которыхъ говорилъ Якобъ.

Мы подходимъ здѣсь къ явленію, которое было не только менѣе замѣтно, но и гораздо менѣе замѣчено, чѣмъ процессъ образованія промышленнаго крестьянскаго „капитализма“. Между тѣмъ денежнохозяйственное перерожденіе и земледѣльческаго крестьянства было явленіемъ едва ли менѣе замѣчательнымъ, чѣмъ бросавшаяся въ глаза „индустриализація“ крестьянства неземледѣльческаго, оброчнаго. Къ сожалѣнію, изслѣдователь въ данномъ случаѣ находится въ положеніи очень трудномъ: въ его распоряженіи нѣтъ почти никакого систематизированнаго матеріала. Тема эта почти не разработана, и приходится опираться на свидѣтельства и факты, случайно попадающіе въ поле зрѣнія изслѣдователя.

Существовали прежде всего явленія, совершенно отвѣчавшія рецептамъ Якоба, то есть бывшія имитаціей частнохозяйственныхъ отношеній, установленной властью помещика. Вотъ, на примѣръ, сообщеніе доктора Георгія Эвеніуса о томъ, какъ происходитъ работа на свеклосахарныхъ заводахъ. Тамъ, оказывается, рядомъ съ барщиной и оброкомъ, для производства свекловицы примѣнялся слѣдующій способъ: „Крестьяне возвращаютъ свекловицу на своихъ огородахъ и ставятъ ее на заводъ, по опредѣленной цѣнѣ на наличныя деньги, или обрабатываютъ ее на господской землѣ, и работаютъ сами на заводѣ на правѣ вольнонаемныхъ, то-есть за обработку свекловицы на господской землѣ и за работу на заводѣ получаютъ наличныя деньги“¹⁾. Если въ данномъ случаѣ помещикъ распоряжается принадлежащей ему рабочей силой, примѣняя къ ней приемы частнохозяйственные, то въ другихъ случаяхъ помещикъ подобныя приемы примѣнялъ къ принадлежащей ему землѣ по отношенію къ своимъ крестьянамъ. Вотъ, на примѣръ, что мы читаемъ въ отчетѣ о засѣданіяхъ Редакціонныхъ Ко-

¹⁾ П. Струве. Крепостное хозяйство, стр. 161.

миссій, принадлежащемъ Н. П. Семенову (въ изложеніи бесѣды представителя Курскаго Губернскаго Комитета Изъѣдинова съ Комиссіей): „И у порядочнаго помѣщика крестьяне не всегда надѣлены землею. Я представлю вамъ примѣръ на себѣ. Когда я получилъ имѣніе, ни у одного крестьянина не было надѣла, — въ конторѣ брали землю въ наемъ, за назначенную цѣну, и каждый бралъ ее, сколько нанималъ“¹⁾.

Всѣ подобныя явленія, конечно, носили печать искусственности: одна изъ сторонъ безправна, и „вольный торгъ“ между помѣщикомъ и крестьяниномъ слишкомъ легко могъ стать фикціей. Несравненно большее значеніе имѣли другіе виды проникновенія частнохозяйственной стихіи въ крестьянскій міръ — естественныя, точкой приложенія имѣвшіе крестьянскій дворъ, иногда находившіеся подъ покровительствомъ помѣщика, а иногда имъ преслѣдуемые, но неизмѣнно являющіеся либо обнаруженіемъ частнохозяйственной энергіи крестьянина, либо ставкой на ея пробужденіе. Но тутъ прежде всего необходимо отвести рядъ явленій, которыя по смежности можно легко смѣшать въ общую кучу, но которыя существенно отличаются отъ фактовъ, дѣйствительно свидѣтельствующихъ о процессѣ частнохозяйственной трансформациі крестьянскаго земледѣлія.

Достаточно извѣстной, постоянно отмѣчавшейся современниками и по достоинству оцѣненной историками-экономистами, является дифференціація крѣпостнаго крестьянства. Эта дифференціація у крестьянъ помѣщичьихъ, большее значеніе пріобрѣтала, примѣнительно къ крестьянамъ оброчнымъ, чѣмъ къ крестьянамъ барщиннымъ. Но эта имущественная дифференціація ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отождествляема съ тѣмъ процессомъ частнохозяйственной трансформациі крестьянскаго земледѣлія, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь. Дифференціація эта, порой очень далеко заходившая и очень широко распространенная, принимала обычно формы кабально-ростовщической эксплуатаціи однообщественниковъ, опиравшейся на заимодавческо-скупщицкую дѣятельность „кулака“, которая могла привести къ полному закабаленію „бѣдняка“, но которая отнюдь еще не означала частнохозяйственной трансформациі, примѣнительно къ сельскому хозяйству, ни во дворѣ кулака, ни во дворѣ бѣдняка „Кулакъ“ могъ оставаться тѣмъ же обычнымъ крѣпостнымъ крестьяниномъ-землепашцемъ, лишь извлекавшимъ дополнительный доходъ отъ эксплуатаціи сосѣдей; эти сосѣди, бѣднѣя, могли оставаться тѣми же обычными крѣпостными крестьянами-землепашцами,

¹⁾ Н. П. Семеновъ. Оср. ір. въ царств. Имп. Александра II. Спб 1891, т. III, ч. I, стр. 222.

лишь терявшими свои соки въ пользу „кулака“. Если бы сверху не было вмѣшательства правительства и помѣщика, этотъ процессъ дифференціаціи могъ бы привести къ превращенію кулака въ маленькаго помѣщика, которій подобно другимъ помѣщикамъ, велъ бы хозяйство черезъ тѣ же крестьянскіе дворы своихъ односельчанъ, ему подвластныхъ — на земляхъ казенныхъ крестьянъ, и къ превращенію кулака въ своего рода „помѣщика“ на земляхъ владѣльческихъ. Примѣры, какъ перваго явленія, такъ даже и втораго могутъ быть найдены въ эмбриональномъ, по большей части видѣ, въ дошедшихъ до насъ матеріалахъ. Такой крестьянинъ-капиталистъ, подъ угломъ зрѣнія земледѣльческаго промысла былъ насквозь явленіемъ крѣпостной формаціи. И вполне естественнымъ является превращеніе его въ совершенно такого же обладателя „крещеной собственности“, какимъ былъ помѣщикъ-дворянинъ. Дѣйствительно, крестьянское владѣніе крѣпостными было, конечно, однимъ изъ самыхъ разительныхъ проявленій имущественной дифференціаціи крестьянъ, но въ этомъ явленіи не было ни малѣйшей частнохозяйственной трансформациі, облекалось ли оно въ форму случайной эпизодической покупки „человѣка“ на предметъ отдачи въ рекруты, или пріобрѣтало значеніе постояннаго обладанія имѣніемъ, достигавшимъ иногда очень значительныхъ размѣровъ и населеннаго тысячью душъ.

Когда я говорю о частнохозяйственномъ перерожденіи земледѣлія примѣнительно къ крѣпостному крестьянству — то имѣю въ виду не эти явленія, а тѣ случаи, когда крестьянскій дворъ начиналъ работать на сбытъ, т. е. отчуждать свои произведенія не въ порядкѣ продажи своихъ запасовъ по нуждѣ, лишь бы заплатить оброкъ, или отбыть подать, а для извлеченія дохода; когда крестьянскій дворъ для этой цѣли арендовывалъ или пріобрѣталъ спеціальнй участокъ земли въ частную собственность, или стремился въ такой мѣрѣ обособить свое землевладѣніе, чтобы оно было годнымъ для предпринимательскаго его использованія; когда крестьянскій дворъ, расширяя запашку, прибѣгалъ къ наемному труду.

Встрѣчались ли такія явленія?

Несомнѣнно, и въ очень различныхъ формахъ.

Существовали ли явленія аренды земли и найма рабочей силы въ предѣлахъ крѣпостныхъ міровъ? По заданію, конечно, нѣтъ. Въдѣ самый смыслъ крѣпостнаго порядка сводился къ тому, чтобы не дать упасть крестьянскимъ дворамъ, чтобы всю рабочую силу распредѣлять по тягламъ и постоянно поддерживать ее на тяглоспособномъ уровнѣ — поскольку земли хватаетъ и поскольку она кормитъ и приноситъ доходъ. Поскольку же этого не было, возникалъ вопросъ объ отхожемъ промыслѣ, и тогда земля теряла въ значительной

степени свой интересъ для помѣщика: крестьянамъ естественно могла быть предоставлена бѣльшая свобода. Однако, и тамъ, гдѣ земля продолжала оставаться въ центрѣ вниманія, всеже тѣ явленія, которыя можно сопоставлять съ столь извѣстными отношеніями пореформенными, внутринадѣльными, несомнѣнно имѣли мѣсто. Возьмемъ недавнее изслѣдованіе В. Кашина, основанное на внимательнѣйшемъ изученіи вотчинныхъ архивовъ князей Юсуповыхъ¹⁾ — мы тамъ найдемъ множество указаній на подобныя явленія. Въ ярославской вотчинѣ, гдѣ крестьяне занимаются отходомъ, они, живя въ Москвѣ, иногда ведутъ хозяйство чрезъ батраковъ (стр. 176—177). Въ костромской вотчинѣ, гдѣ основа благосостоянія крестьянъ уже земледѣліе, мы встрѣчаемъ такое положеніе по отзыву старосты одного имѣнія, относящемуся къ 1837 г.: „земли подъ ними (крестьянами) состоитъ пахотной полевой достаточное число въ своихъ поляхъ... недостатка земли нѣтъ; землю засѣваютъ озимымъ и яровымъ хлѣбомъ полномочные крестьяне всѣ сполна, а у маломочныхъ, хотя и остается — тоже свои крестьяне засѣваютъ и даютъ имъ жортому за надлежащую ихъ землю“ (стр. 187). А вотъ другой отзывъ, еще болѣе характерный. Князь по поводу надѣленія крестьянъ дополнительной землей, осуществленнаго однимъ изъ его управляющихъ, говоритъ: „Онъ не достигъ ожидаемаго имъ благосостоянія, но между тѣмъ подалъ новыя средства нѣкоторымъ изъ крестьянъ богатѣть насчетъ своихъ товарищей, ибо бѣдный, имѣя въ своемъ владѣніи 8 дес. земли и обрабатывая господскія 3 десятины, никакъ не могъ запахать и обсеять своего участка безъ помощи вольнонаемныхъ работниковъ, а ежели онъ не въ состояніи былъ ихъ нанять, то помянутая его земля оставалась, такъ сказать, впускъ и не приносила никакой выгоды, ни ему, ни его господину. Подобнымъ бѣднякамъ оставалось еще одно средство извлечь пользу изъ своихъ участковъ, то есть отдать ее въ наемъ, и тогда богатый крестьянинъ, умѣвшій воспользоваться скуднымъ состояніемъ своего товарища, бралъ ее въ наемъ за безцѣнокъ, и слѣдствіемъ сей сдѣлки было то, что богатый умножалъ свое состояніе; а бѣдный по прежнему оставался бѣднякомъ, и болѣе отвыкалъ отъ работы“ (стр. 169).

Мало дать землю, чтобы поднять крестьянина. Въ юсуповскихъ вотчинахъ принимаются и болѣе радикальныя мѣры. Въ 1832 г. въ Ракитянскомъ имѣніи Курской губерніи до 40% крестьянъ оказываются безлошадными. Производятся большія затраты, чтобы превратить, путемъ закупки скота,

¹⁾ В. К а ш и н ъ. Экон. бытъ и социальное разслоеніе крѣпостной деревни въ XIX в. „Звѣзда“ 1926 г. № 1, 2 и 4.

эти „пѣшія“ тягла въ „полныя“ и тѣмъ поднять этихъ „весьма мало приносящихъ экономіи пользы людей“. Выгода этой мѣры усматривается въ томъ, что такимъ образомъ „пѣшія“ тягла убавляются и черезъ то богатые ракітянскіе крестьяне лишаются обыкновенныхъ своихъ работниковъ, потому что они сдѣлаются заняты по господской экономіи“. Тутъ же мы находимъ указаніе на то, какъ въ барщинномъ имѣніи кн. Юсупова деревенскіе богачи снимали господскія свободныя земли и обрабатывали ихъ трудомъ своихъ односельчанъ, и какъ это измѣнилось, съ переводомъ пѣшихъ тягелъ на конныя. Въ какой мѣрѣ тягловая квалифікація отдѣльныхъ крестьянъ не совпадала съ ихъ дѣйствительнымъ положеніемъ,—видно изъ слѣдующаго примѣра: двухтягольный крестьянинъ Лумковъ снимаетъ у князя 100 десятинъ земли! (стр. 165).

Мы воочію видимъ, какъ частнохозяйственная предпринимательная стихія врывается въ крѣпостной бытъ и какъ напряженно идетъ борьба съ этой частнохозяйственной стихіей со стороны помѣщика. Но необходимо отмѣтить и нарочито подчеркнуть, что на основаніи того же интереснѣйшаго матеріала, использованнаго Кашинымъ, ясно видно, насколько велика тутъ разница между вотчинами барщинными и оброчными: въ первыхъ помѣщикъ считаетъ кулаковъ своими врагами и борется съ ними не только косвенно, устраняя тотъ элементъ, который ими эксплуатируется, путемъ поднятія его на тяглоспособный уровень, но и прямо, такъ сказать, мѣрами административными — вплоть до высылки изъ вотчины (стр. 164). Во вторыхъ помѣщикъ не только не борется съ этими богатѣями, но рассматриваетъ ихъ какъ явленіе совершенно нормальное, узаконенное. Кулакъ сдерживается въ своихъ дѣйствіяхъ, но оказывается по существу чуть ли не на роляхъ естественнаго помощника помѣщика въ дѣлѣ сбора оброка! (стр. 182).

Мы видимъ, на основаніи этихъ примѣровъ, что внутринадѣльные явленія, связанныя съ дифференціаціей крестьянъ, могли содержать въ себѣ и элементы частнохозяйственные. Однако въ то же время они иногда не только подавлялись вмѣшательствомъ помѣщичьей власти, но и имѣли естественную тенденцію, въ крѣпостномъ окруженіи сами принимать форму крѣпостныхъ отношеній, т. е. вести къ закабаленію — какъ мы объ этомъ уже выше говорили. Рядомъ съ этимъ закабаленіемъ находятъ себѣ мѣсто въ крѣпостномъ міркѣ и явленія, такъ сказать, сплошь частнохозяйственныя, причемъ масштаба достаточно крупнаго, въ видѣ, напримѣръ, значительныхъ размѣровъ „внѣнадѣльной“ аренды.

Однако, было бы ошибкой считать тягу къ частному

хозяйству принадлежностью лишь „богатѣевъ“, а для остальныхъ крестьянъ признавать характерной лишь „подпольныя“, внутринадѣльныя частнохозяйственныя отношенія, ведущія къ закабаленію. Сфера частнохозяйственныхъ явленій была шире.

Среди этихъ частнохозяйственныхъ явленій прежде всего надлежитъ отмѣтить стремленіе крестьянъ покупать землю въ частную собственность или, во всякомъ случаѣ, получить хоть часть земли въ единоличное „частнохозяйственное“ обладаніе. „Намъ вашъ братъ, можетъ быть, не повѣрять, скажи ему, что нашъ мужикъ ничего такъ не боится, ни медвѣдя, ни черта, какъ міра и общины“, говоритъ у Писемскаго помѣщикъ своей женѣ, которая была не изъ дворянъ, и получаетъ слѣдующій отвѣтъ: — „Да, они всѣ почти желаютъ имѣть хоть маленькую, но свою собственность“¹⁾. И, дѣйствительно, мы иногда наблюдаемъ, что у крестьянъ кое-гдѣ это желаніе выражено достаточно сильно. Рядомъ съ мірскимъ, тяглымъ землепользованіемъ крестьянъ развивается единоличное землевладѣніе, совершенно обособленное отъ мірскаго. Въ Вѣстникѣ Императорскаго Географическаго Общества за 1853 г. въ обстоятельной статьѣ, описывающей бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ мы читаемъ: „Каждый семьянинъ старается ежегодно заарендовать у бѣднѣйшихъ хозяевъ, или гдѣ есть, вспахать на пустомъ мѣстѣ небольшой клочекъ земли и засѣять на немъ отъ 1 до 8 гарнцевъ льну, изъ котораго онъ и приготовляетъ себѣ холстъ на бѣлье и другое платье, а остальной продаетъ на с бину“²⁾. Въ томъ же изданіи за тотъ же годъ, въ описаніи села Дившина Ярославской губ. (Пошехонскаго у.) мы читаемъ: „Кромѣ полей, хорошо удобренныхъ и обработанныхъ, каждое семейство имѣетъ три и болѣе довольно пространныхъ нивъ“. и узнаемъ, что „нивой“ называется малое поле, принадлежащее одному хозяину, который его вычистилъ, хорошо удобрилъ и обработалъ; что на этихъ нивахъ высѣвается болѣе сѣмянъ, чѣмъ на другихъ поляхъ; что на нивахъ этихъ имѣются иногда обширные сѣнокосы, достаточные и для своего скота и для продажи“³⁾.

Въ приведенныхъ примѣрахъ единоличное землепользованіе крестьянъ выражается въ арендѣ или въ первоначальной расчисткѣ обособленныхъ участковъ. Есть достаточно много данныхъ, свидѣтельствующихъ и о по-

¹⁾ Писемскій. Взбаламученное море. Полное Собр. Сочин., изд. Маркса, т. IV, стр. 375.

²⁾ Вѣстн. Имп. Геогр. Общ., т. IX, стр. 118 и сл.

³⁾ Вѣстн. Имп. Геогр. Общ., ч. VII, стр. 13.

купкѣ крестьянами земли. Исключительный интерес въ этомъ смыслѣ представляетъ статья В. Кашина, помѣщенная въ сборникѣ статей „Крѣпостная Россія“, изданномъ въ 1930 г. Коммунистической Академіей. Статья эта, посвященная спеціально вопросу землевладѣнія крѣпостныхъ крестьянъ, основана главнымъ образомъ на архивномъ матеріалѣ (въ первую очередь на данныхъ извлеченныхъ изъ вотчинныхъ архивовъ кн. Юсуповыхъ). Она бросаетъ совершенно новый свѣтъ на изслѣдуемую авторомъ проблему, обнаруживая такое распространеніе крестьянской поземельной собственности въ дореформенное время, которое съ трудомъ вяжется съ привычными представленіями нашими о крѣпостномъ строѣ.

Какъ извѣстно, право крестьянъ пріобрѣтать землю въ собственность, съ согласія помѣщика на свое имя было предоставлено имъ лишь закономъ 1848 г., который, однако, остался мертвой буквой: юридически оформленное индивидуальное землевладѣніе крестьянъ можно и послѣ этого закона считать не существующимъ. И тѣмъ не менѣе нужно признать это землевладѣніе институтомъ и развитымъ и прочно защищеннымъ силою быта. Картина, развернутая г. Кашинымъ, наглядно и неопровержимо показываетъ, что и формулированное въ общей формѣ сужденіе Н. И. Тургенева¹⁾, а равно утвержденіе „Записки“, составленной въ 1847 г. II Отдѣленіемъ Собственной Его И. В. Канцеляріи совмѣстно съ Министерствомъ Юстиціи о томъ, что „крѣпостные люди у многихъ помѣщиковъ владѣли и доселѣ владѣютъ безпрепятственно и спокойно (недвижимой собственностью)“ и что „взаимныя сіи отношенія, безсильныя предъ закономъ, ограждаются обычаемъ, добросовѣстностью большаго числа помѣщиковъ и личными ихъ выгодами, тѣсно сопряженными съ благосостояніемъ и довѣріемъ къ нимъ крестьянъ“, отчего „рѣдко, или, лучше сказать, почти никогда крѣпостной человѣкъ не лишается собственности, пріобрѣтенной имъ самимъ, но купленной на имя помѣщика“ — вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности. Отрицаніе закономъ за крѣпостными права пріобрѣтать недвижимость привело, какъ отмѣчали авторы записки, лишь къ тому, что „многіе крѣпостные крестьяне... желая и имѣя средства пріобрѣсти землю, домъ или иное недвижимое имущество, должны покупать ихъ на имя господъ своихъ съ ихъ предварительнаго согласія и слѣдственно пріобрѣгать къ нѣкотораго рода подлогу“.

Этотъ „подлогъ“ шелъ, какъ всякій знаетъ, гораздо дальше, чѣмъ простое пріобрѣтеніе недвижимости: подобнымъ способомъ крестьяне владѣли и людьми и населенными землями, т. е. фактически пользовались привилегіей дворян-

¹⁾ „Россія и русскіе“. Русскій переводъ М. 1908, т. II, стр. 127.

ства, упражняли „дворянское право“. Подобное владѣніе „недвижимостью“ насъ въ данный моментъ, однако, не интересуетъ, ибо, какъ я отмѣчалъ выше, это — явленіе чисто крѣпостного уклада. Матеріаль, обнародованный В. Кашинымъ тѣмъ именно и интересенъ, что онъ свидѣтельствуется и объ иныхъ фактахъ: о массовомъ характерѣ покупокъ земли крестьянами въ цѣляхъ приложенія земледѣльческаго труда — рядомъ съ мірскимъ тягловымъ землепользованіемъ. „Общимъ правиломъ въ крѣпостныхъ имѣніяхъ — говоритъ В. Кашинъ — было, такимъ образомъ, личное подворное пользованіе купленной землей рядомъ съ обычнымъ общиннымъ пользованіемъ помѣщичьей землей“¹⁾).

Помѣщики сочувствовали этой тягѣ крестьянъ къ увеличенію ихъ землевладѣнія, путемъ покупокъ. „Я очень рада, — писала въ 1839 году костромская помѣщица А. Н. Глушкова своимъ крестьянамъ д. Петрова Починка, Юрьевскаго уѣзда, въ отвѣтъ на письмо о покупке ими земли, — это для насъ выгода большая. Еще увѣдомляете, что трое изъ васъ купили землю у вольноотпущеннаго, пустошь Жарову, при деревнѣ Помольцѣ, — я не запрещаю: земля есть и польза есть“²⁾. Практика покупки земли крестьянами, въ своей распространенности, требовала особыхъ мѣръ помѣщичьяго управленія: не обращаться же было каждый разъ къ помѣщику! И, дѣйствительно, мы видимъ, что общимъ правиломъ, повидимому, являлось предоставленіе на мѣста права оформлять крестьянскія покупки на имя помѣщика. Это наблюдалось не только въ крупныхъ Юсуповскихъ деревняхъ, но и въ отдѣльныхъ маленькихъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ менѣе крупнымъ помѣщикамъ. Кашинъ приводитъ нѣсколько примѣровъ тому.

Въ отношеніи своихъ „покупныхъ“ земель, крестьяне пользовались широкой свободой оборота, продавая эти земли, закладывая ихъ, отдавая въ наемъ, распоряжаясь на случай смерти и т. д. Земли эти находились въ особомъ владѣніи крестьянъ — „не по тягламъ“, „отдѣльно отъ мірской земли“. Обособленность владѣнія этой землей была такъ велика, что купленная земля не входила въ исчисленіе оброка и была свободна отъ всякаго помѣщичьяго обложенія. „Несмотря на принадлежность покупныхъ крестьянскихъ участковъ помѣщику, вслѣдствіе составленія купчихъ на его имя“ — говоритъ В. Кашинъ — и вопреки обычному нашему представленію о его полномъ и безудержномъ произволѣ по отношенію къ крестьянамъ, юридически ничѣмъ неограниченномъ, такія земли оброкомъ

¹⁾ См. В. Кашинъ, назв. соч., стр. 200 и сл.

²⁾ *Иб.*, стр. 202.

и выполнениемъ другихъ повинностей не облагались. Наоборотъ, владѣльцы покупныхъ участковъ, будучи сами крѣпостными, могли быть обложены земскими сборами, подобно землевладѣльцамъ свободныхъ сословій“. И дальше: „документальный и неопровержимый матеріаль убѣждаетъ насъ, за рѣдкими исключеніями, въ свободѣ покупныхъ крестьянскихъ земель отъ обложенія какими-либо повинностями въ пользу помѣщика“ (стр. 211 и 216).

Насколько обычай пріобрѣтать землю былъ распространенъ среди крестьянъ и насколько этотъ способъ увеличивалъ крестьянское землевладѣніе, видно изъ ряда приводимыхъ Кашинымъ иллюстрацій (стр. 184 и сл.). Земля пріобрѣталась либо міромъ, либо отдѣльными группами крестьянъ, паевыми товариществами ихъ (такой то имя рекъ „съ товарищами“), либо отдѣльными крестьянами единолично. Нерѣдки были примѣры, когда почти всѣ крестьяне какой-либо деревни владѣли сверхъ тягольнаго надѣла собственной землей причемъ количество этой земли иногда приближалось къ размѣрамъ мірскаго надѣла — или даже значительно превосходило его. Тутъ мы видимъ, значитъ, массовое владѣніе сравнительно мелкими клочками покупной земли (стр. 227 и сл.).

Конечно, далеко не всегда это обладаніе покупной землей крестьянами означало превращеніе крестьянскаго двора въ крупное крестьянское хозяйство, работающее не только на потребленіе, но и на сбытъ. Сплошь и рядомъ, прикупка земли означала лишь доведеніе продовольственной площади до ея нормальнаго размѣра. Но тѣ же данныя Кашина показываютъ, что отнюдь нерѣдки были и тѣ случаи, когда землевладѣніе отдѣльныхъ крестьянъ достигало уже довольно значительныхъ размѣровъ. „Цѣль покупки и сосредоточенія въ однихъ рукахъ значительныхъ и даже большихъ участковъ не могла имѣть ничего общаго съ потребительскими интересами соотвѣствующихъ дворовъ“. Приводя данныя по нѣкоторымъ имѣніямъ о крупномъ крестьянскомъ землевладѣніи, Кашинъ отмѣчаетъ: „такія хозяйства должны были пріобрѣтать земли, преимущественно или исключительно, съ цѣлью наживы“ (стр. 227).

Такимъ образомъ, подводя итогъ наблюденіямъ, дѣлаемымъ В. Кашинымъ, на основаніи собраннаго имъ матеріала, можно, примѣнительно къ нашей темѣ, сказать такъ: въ условіяхъ крѣпостнаго быта, съ одной стороны, возникали явленія владѣнія и землей и людьми крестьянами, явленія чисто крѣпостнаго типа, возникали, далѣе, явленія и прикупки крестьянами земли для заполнения продовольственной нормы, остающейся незаполненной въ порядкѣ тяглового

надѣленія ихъ землей, но несомнѣнно имѣли мѣсто также и такія явленія, которыя иначе нельзя характеризовать, какъ вступленіе крестьянскаго двора на путь веденія сельскохозяйственнаго промысла въ цѣляхъ наживы,—т. е. явленія частнохозяйственнаго перерожденія крестьянскаго крѣпостнаго двора.

Мы говорили до сихъ поръ о случаяхъ, когда крестьяне пріобрѣтали землю, создавая себѣ основу для сельскаго хозяйства рядомъ съ ихъ обычнымъ мірскимъ тягловымъ землепользованіемъ. Есть указанія на то, что и въ нѣдрахъ мірскаго землепользованія слагались процессы, способствующіе стимуляціи личнаго начала. Во первыхъ и въ дореформенную эпоху уже обнаружались тѣ методы улучшенія мірскаго землепользованія, которые существуютъ и понынѣ. Я имѣю въ виду переходъ на широкія полосы. Съ другой стороны, наблюдается и тенденція къ распаду общиннаго пользованія изнутри, въ порядкѣ раздѣла и даже разселенія на самостоятельные участки. Въ Этнографическомъ Сборникѣ, изданномъ Имп. Русс. Геогр. Общ., въ описаніи сельца Васильевскаго Нижегородскаго у., принадлежавшаго помѣщику Боборыкину, мы встрѣчаемъ указаніе на землеустроительную реформу, осуществленную самими крестьянами: именно на переходъ ихъ на широкія полосы, что ослабило черезполосицу и улучшило положеніе крестьянъ¹⁾. Въ волости Покровско-Сутцкой Моложскаго уѣзда Ярославской губерніи отмѣчается явленіе уже гораздо болѣе радикальное. „Нѣтъ мѣста способнаго къ пашнѣ, которое бы не было распахано“, говоритъ бытописатель этой волости. Всякій клочокъ, куда даже нельзя попасть съ сохой или косулей, высѣкается и выжигается, крестьяне цапаютъ его желѣзнымъ крюкомъ, засѣваютъ ячменемъ, забораниваютъ граблями. Сѣнокосы плохіе, луговъ почти нѣтъ, земля унаваживается плохо, урожай ничтожный, скотоводство скверное. И вотъ на фонѣ этого малоземелья начинается расселеніе крестьянъ на заднія земли, приближеніе крестьянина къ своему участку, въ порядкѣ образованія выселокъ. Это сразу повышаетъ благосостояніе крестьянъ, и корреспондентъ Географическаго Общества отмѣчаетъ неизбежность дальнѣйшаго движенія крестьянъ на заднія земли: тогда у каждаго земля будетъ подъ руками, урожаи поднимутся, можно будетъ ввести многопольное хозяйство и иныя улучшенія, многія сотни рукъ найдутъ себѣ приложеніе²⁾.

Крѣпостная эпоха знаетъ отдѣльные примѣры помѣщичьяго хозяйства, ставившаго себѣ прямой задачей укорен-

¹⁾ Этнограф. Сборн. т. I, 1853 г., стр. 12.

²⁾ *Ib.* стр. 79 и 86.

неніе въ крестьянскомъ быту единоличнаго землевладѣнія. Вспомнимъ хотя бы извѣстнаго сельскаго хозяина Карновича, описаннаго Гакстгаузенемъ. Съ большой убѣжденностью говоритъ о необходимости перестройки крестьянскаго хозяйства именно въ этомъ направленіи въ эпоху подготовки реформы нѣкто Савельевъ: „Собственные мои зажиточные крестьяне тѣхъ имѣній, гдѣ я еще не успѣлъ надѣлать землю въ вѣчную собственность и гдѣ по старому обычаю существуетъ общинное владѣніе, перестали вывозить навозъ свой на поля и ежегодно унаваживаютъ имъ огороды, другіе же продаютъ свой навозъ“. Самъ Савельевъ считалъ необходимымъ радикальное упраздненіе общинныхъ порядковъ и, какъ видно, проводилъ эту реформу въ своихъ имѣніяхъ¹⁾.

Всѣ выше отмѣченныя формы измѣненія крестьянскаго землевладѣнія въ направленіи къ единоличному прочному землепользованію — и прикупка крестьянами земли къ своему надѣлу, и упорядоченіе общиннаго землепользованія, и даже ликвидація его съ созданіемъ крѣпостныхъ отрубовъ и хуторовъ, — конечно, не означали еще превращеніе крестьянина въ предпринимателя, производящаго хлѣбъ на сбытъ. Въ отношеніи прикупной крестьянской земли, мы уже отмѣчали ея въ значительной мѣрѣ потребительскій характеръ, однако, это уже были тѣ лучшіе крестьяне, крестьяне по большей части „капитальные“, которые легче всего могли образовать кадры крестьянъ частнособственническаго типа. „Наконецъ, есть еще родъ владѣльцевъ земли изъ крестьянскаго состоянія“, — говорилъ тоже во время подготовки реформы, одинъ знатокъ крестьянскаго вопроса. „Это — крестьяне, покупающіе себѣ землю отъ помѣщика, большей частью въ незначительномъ количествѣ, котораго бы только стало про свое хозяйство. Это — самый лучший родъ крестьянскаго владѣнія. На покупку земли рѣшаются только капитальные крестьяне; слѣдовательно, они имѣютъ средства и купить землю и удобрить и обработать ее. Въ случаѣ неожиданнаго подрыва своего капитала, такіе владѣльцы ничѣмъ не стѣснены продать землю кому хотятъ“... „Конечно, при недостаткѣ образованія—замѣчаетъ при этомъ авторъ этихъ строкъ, Д. Пр., — и эти владѣльцы не вводятъ у себя какихъ-либо особыхъ улучшеній; но здѣсь можно видѣть лучшую обработку, сильное удобреніе, проведеніе канавъ, хотя и безъ особаго искусства, можно найти лѣсочки, отлично оберегаемые и т. д.“²⁾.

Эти соображенія высказаны Д. Пр. непосредственно

¹⁾ Цит. у Я. Соловьева, О поземельномъ владѣніи въ Россіи. Отечеств. Зап. 1858 г., № 2, стр. 629.

²⁾ Цитир. тамъ же, Отечеств. Зап. 1858 г., стр. 265.

послѣ обстоятельныхъ разсужденій по поводу сравнительныхъ достоинствъ единоличнаго и мірскаго землевладѣнія и въ частности послѣ характеристики вольныхъ хлѣбопашцевъ, которыхъ авторъ оцѣниваетъ, какъ явленіе отрадное (безнедоимочное внесеніе податей, уплата значительныхъ суммъ для выкупа, хорошее хозяйство, образцовое охраненіе лѣсовъ), но приписываетъ всѣ эти положительныя качества не единоличному владѣнію, а прежней зажиточности помѣщичьихъ крестьянъ, выкупившихся на свободу.

Относительно вольныхъ хлѣбопашцевъ существуютъ различныя сужденія. Есть основаніе думать, что они ничѣмъ особенно не отличались отъ другихъ слоевъ крестьянства, и что „свобода“ ихъ, какъ таковая, не послужила особымъ стимуломъ и опорой ихъ хозяйственнаго развитія. Слѣдуетъ отмѣтить, что это могло объясняться не только тѣмъ обстоятельствомъ, что „свобода“ вообще въ ту эпоху всеобщей несвободы не была явленіемъ, которое само по себѣ могло благопріятствовать хозяйственному успѣху, а, означая безпорядокъ и отсутствіе организованной защиты, могла приносить и извѣстныя весьма значительныя невыгоды, — есть же, на примѣръ, свидѣтельство о томъ, какъ вольные хлѣбопашцы, не справившись со своей „свободой“, просили о назначеніи имъ соотвѣтствующихъ властей по приказу начальства¹⁾. Существеннѣе то, что вся юридическо-экономическая обстанока не способствовала укорененію подлиннаго частнохозяйственнаго крестьянскаго предпринимательства, примѣнительно къ землѣ.

Въ этомъ отношеніи любопытно разсужденіе того же самаго Д. Пр., который, нисколько не возражая противъ того, что потомственное владѣніе землей — вещь сама по себѣ превосходная, считалъ существованіе его въ Россіи того времени лишеннымъ почвы, ибо такое владѣніе „требуется для полезнаго его пользованія капитала, который позволялъ бы владѣльцу не опускать своей земли тогда, когда у него не достанетъ работниковъ въ своемъ хозяйствѣ. А у насъ — говорилъ онъ — крестьянинъ живетъ обыденнымъ своимъ доходомъ, работаетъ своими работниками, съ рѣдкимъ и то на время, наймомъ постороннихъ. Слѣдовательно, владѣлецъ неизмѣняемаго участка ладитъ съ нимъ, пока у него въ семьѣ имѣется соотвѣтственное число рабочихъ силъ. А какъ только оскудѣваетъ семья, такъ онъ и лишается возможности воздѣлывать его. При отдачѣ другому, особенно въ мѣстахъ многоземельныхъ, онъ не только не можетъ обусловить нанимателя обязанностью хорошаго удобренія

¹⁾ См. В. л. Бирюковъ. Устройство быта свободныхъ хлѣбопашцевъ. Арх. Ист. Труда, вып. 1921, Петр., стр. 51 сл.

нанимаемой земли, но очень часто не может получить съ земли платы, которая была бы достаточной на отчисленіе причитающейся за нее подати. Тогда собственность становится ему уже въ тягость. И вотъ — заключаетъ нашъ авторъ — „причина, почему во многихъ селеніяхъ вотчинники рѣшили раздѣлить свою землю по душамъ“¹⁾).

Даже раздѣль земли между отдѣльными хозяйствами на отрубные, или даже хуторскіе участки еще самъ по себѣ не предрѣшалъ бы частнохозяйственную трансформацию ведомыхъ на нихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Дѣйствительно, если появятся прибылыя души — откуда онѣ должны получить обезпеченіе, и должны ли онѣ вообще получить таковое? Вотъ первый вопросъ. А второй возникалъ въ связи, наоборотъ, съ возможностью уменьшенія рабочей силы въ данномъ дворѣ, устраняющемъ самую возможность дальнѣйшаго использованія участка. Что дѣлать съ этой землей? Существуетъ ли юридическое право свободнаго распоряженія ею, то есть можно ли ее заложить, сдать въ аренду, продать и т. д? Можно ли использовать это право съ точки зрѣнія чисто экономической, то есть имѣетъ ли земля цѣнность, независимо отъ приложенія къ ней рабочей силы, и не является ли она объектомъ обложенія, который въ приложенія къ ней рабочей силы, ложится лишь бременемъ на юридическаго ея обладателя? Эти два вопроса — независимо отъ тѣсно связаннаго съ ними третьяго вопроса о рынкѣ хлѣба, въ смыслѣ высоты цѣнъ и ихъ устойчивости — раскрываютъ всю сложность обстановки, въ которой возникало крестьянское земледѣльческое предпринимательство. Поскольку крестьянскій дворъ, въ порядкѣ землеустройства получалъ бы участокъ земли въ одномъ отрѣзѣ, но по прежнему продолжалъ бы быть тягловой единицей обязаннаго землепашенной повинностью крестьянства, сохраняющаго вмѣстѣ съ тѣмъ и право на земельное обезпеченіе и продолжающаго разсматривать землю не какъ источникъ дохода, а какъ объектъ выполненія службы, кормящей крестьянство — подобныя землеустроительныя мѣропріятія, сами по себѣ носили бы лишь техническій характеръ, оторванный отъ юридическихъ и экономическихъ послѣдствій, которыя мы сейчасъ связываемъ съ единоличной крестьянской собственностью, хуторской или отрубной. Тутъ должна была произойти полная трансформация правовыхъ и экономическихъ отношеній, которую ясно представляли себѣ иные современники.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересными являются разсужденія цитированнаго выше хозяина-помѣщика Са-

¹⁾ Цит. Я. Соловьевымъ, Отеч. Записки 1858, № 1, стр. 263—64.

вельева, бывшаго, какъ мы уже знаемъ, рѣшительнымъ противникомъ общиннаго землевладѣнія крестьянъ.

„Предположимъ, въ противоположность общиннаго владѣнія и безконечнаго дѣлежа, надѣль земли постоянный и право, предоставленное каждому крестьянину покупать землю другъ у друга. Что непременно должно произойти изъ того? Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ зажиточные, трудолюбивые и воздержанные крестьяне откупятъ почти всю землю у бѣдныхъ, лѣнивыхъ и пьяныхъ — переходъ при малыхъ участкахъ еще удобнѣйшій, чѣмъ при большихъ. Что произойдетъ тогда съ безземельными? Одно изъ двухъ: или, по необходимости, они должны будутъ наниматься въ работники у землевладѣльцевъ и другихъ лицъ, или, оставивъ свою родину, должны будутъ населять пустынные земли въ Восточной и Южной Россіи, которыхъ такое множество и притомъ плодородныхъ. Тогда только вся Россія, столь различно населенная, населится правильно и всѣ размѣстятся выгодно и удобно; и тогда участки земли примутъ совершенно иной видъ. Только такимъ путемъ крестьяне могутъ сдѣлаться вродѣ англійскихъ фермеровъ, но съ той разницей, что фермеры пользуются чужой землей, а у насъ каждый будетъ владѣть своей собственной. Я убѣжденъ, что при общинномъ владѣніи, никогда благосостояніе нашего государства, при его обширныхъ средствахъ и незаселенныхъ въ такомъ обиліи земляхъ, не можетъ развиваться въ такой степени, какъ при поземельной собственности“. Савельевъ не боится того, что пролетаризированное населеніе не найдетъ себѣ работы. Онъ придаетъ исключительное значеніе развитію личнаго правового и хозяйственнаго сознанія у крестьянъ. „Господа защитники общиннаго владѣнія не хотятъ обратить вниманіе на самостоятельную личность крестьянина. Каково трудно воздержному, зажиточному и сколько-нибудь образованному человѣку съ семействомъ не имѣть никогда своей опредѣленной собственности и знать заранѣе: сегодня мое, а завтра достанется другому!...“ Савельевъ, съ другой стороны, отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что примѣненіе общиннаго начала, если признавать его полезное значеніе, должно естественно распространиться за предѣлы землевладѣнія. „Если общинное владѣніе такъ полезно для всего общества, то необходимо расширить предѣлы его и подвергнуть общинному владѣнію: огороды, сады, пчеловодства, скотоводства и самыя строенія, надѣляя ими неимущихъ“¹⁾.

Въ крѣпостной Россіи общинное владѣніе не зашло такъ далеко (хотя, конечно, оно было техническимъ воплощеніемъ

¹⁾ Цит. у Я. Соловьева. Отеч. Зап. 1858 г., № 2, стр. 629—630.

примѣнительно къ землѣ очень широкаго начала, составлявшаго сущность крѣпостного права, а именно „права на трудъ“ крѣпостного крестьянина!), но еще не было въ крѣпостной Россіи условій, опредѣляющихъ возможность того рѣшительнаго разрыва съ связанностью земельныхъ отношеній, который, какъ это прекрасно понималъ Савельевъ, явился бы необходимымъ слѣдствіемъ проникновенія въ гущу сельскаго хозяйства частноправового элемента. По общему правилу рынокъ лишь начиналъ, и то частично, захватывать крестьянина, лишь начиналъ его вовлекать въ стихію денежнохозяйственную. Этотъ процессъ вовлеченія русскаго крестьянина въ рыночный оборотъ прекрасно изображенъ въ одномъ, посвященномъ Елецкому уѣзду, очеркѣ, составленномъ М. Стаховичемъ и напечатанномъ въ Вѣстникѣ Географическаго Общества за 1859 годъ¹⁾.

М. Стаховичъ отмѣчаетъ, что, по имѣющимся въ архивахъ сдѣлкамъ, десятина земли еще не такъ давно отдавалась за шапку дерна или за лапти. Еще въ концѣ восемнадцатаго вѣка часть уѣзда представляла собою „степь“, выселеніе куда крестьянъ считалось наказаніемъ. Первоначально земля вся принадлежала служилому дворянству, мелкому, одноподворческому, и крупному. Одноподворцы до сихъ поръ считаютъ, что „вся земля наша“, хотя по крѣпостнымъ актамъ, она находится въ законномъ обладаніи разныхъ лицъ. Никакимъ убѣжденіямъ они не вѣрятъ, что „земля, данная этой грамотой такому-то селу, перешла частью въ такое то, что изъ нея половина уже выпродана, что дворянскій родъ, имѣющій съ ними, одноподворцами, или однихъ предковъ или получившій по крѣпостямъ землю отъ первоначниковъ, имѣетъ равное право и на эту грамоту“. „Мы, первые садчики, наши крѣпи (крѣпости) старше, мы тягались сорокъ лѣтъ и еще сорокъ лѣтъ протягаемся“—говорятъ старики (стр. 45).

Вся земля въ уѣздѣ черезполосна съ одноподворческой.. Одноподворцы эти весьма разнаго типа люди. Иные изъ нихъ обладаютъ большимъ коммерческимъ чутьемъ. Дѣдъ — простой одноподворецъ, сынъ — мукосѣй или мельничный приказчикъ, внукъ — купецъ третьей гильдіи, а правнукъ уже ворочаетъ сотнями тысячъ. Одноподворцы не „прожектрованные“ не такъ богаты. Но и они достаточные земледѣльцы, привыкшіе къ обилію и беззаботности. „И теперь еще можно видѣть, когда помѣщичьи поля и гумна обнажены, а на клуньяхъ одноподворцевъ стоятъ стогами копна въ продолженіи всего сентября мѣсяца; еще въ этомъ сказывается привычка

¹⁾ М. Стаховичъ. Елецкій уѣздъ въ истор., этногр. и статист. отношеніи. Вѣстникъ Геогр. Общ., ч. 25, 1859 г., стр. 27 сл.

и довѣріе степняка къ приволью и обилію его украинской природы, которая всего родить довольно“ (стр. 46).

Стаховичъ со всей возможной рѣшительностью подчеркиваетъ переломъ, который совершается на его глазахъ въ мѣстномъ земледѣліи.

Онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что земледѣліе приобрѣтаетъ постепенно „коммерческій“ характеръ.

* * *

Весь приведенный выше матеріаль, характеризующій процессъ частнохозяйственной трансформациі крѣпостного земледѣлія, отличается однимъ дефектомъ: онъ почти не даетъ намъ данныхъ для сужденія о томъ, какой количественный коэффициентъ имѣютъ тѣ или иныя явленія, нами отмѣченныя. По существу, все это матеріаль главнымъ образомъ иллюстраціонный. Но и онъ, мнѣ кажется, все же является достаточнымъ для того, чтобы отнестись къ этому процессу съ большей серьезностью, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось. Пусть этотъ процессъ не принималъ тѣхъ массовыхъ размѣровъ, какіе наблюдались примѣнительно къ крестьянству отходническому — онъ все же не былъ *quantité négligeable*. Якобъ несомнѣнно нащупывалъ какую-то реальность, когда онъ умствовалъ на тему объ имитациі частнохозяйственныхъ отношеній въ хозяйственной политикѣ помѣщиковъ. Правда, жизнь пошла не только по тому направленію которое имѣлъ въ виду Якобъ. Онъ говорилъ о политикѣ помѣщика, онъ рекомендовалъ рядъ рецептовъ для созданія въ крѣпостномъ имѣніи, внутри его, въ взаимоотношеніяхъ между помѣщикомъ, какъ собственникомъ земли, и крестьяниномъ, какъ землепашцемъ, атмосферы „частнохозяйственной“. Жизнь пошла и по этому направленію, причемъ, въ дѣлѣ сочетанія начала предпринимательскаго и крѣпостническаго, обнаружила гораздо большую изобрѣтательность, чѣмъ Якобъ. Достаточно указать хотя бы на примѣры, которые можно найти въ изслѣдованіи П. Б. Струве, которое до сихъ поръ остается не только теоретической программой для изученія крѣпостного хозяйства, но и сокровищницей первоисточниковъ. Но всетаки наибольшій интересъ — съ точки зрѣнія обсуждаемой нами проблемы — представляютъ тѣ явленія, которыя въ основѣ своей имѣютъ инициативу самихъ крестьянъ, хотя бы поощряемую помѣщикомъ.

Искусственное созданіе условій „частнохозяйственныхъ“ въ крѣпостной экономіи могло носить двоякій характеръ. Либо помѣщикъ приравнивалъ своихъ крестьянъ къ вольнонаемнымъ работникамъ, либо онъ приравнивалъ ихъ къ са-

мостоятельнымъ хозяевамъ. Первый способъ былъ наиболѣе утопичнымъ и едва ли имѣлъ какое либо практическое значеніе. Второй былъ вполне реальной возможностью. Можно сказать даже больше: власть помѣщика могла въ данномъ случаѣ сыграть роль просвѣщеннаго абсолютизма, освобождающаго крестьянъ въ ихъ хозяйственной дѣятельности отъ инерціи міра и отъ крѣпостническихъ навыковъ. Перевести крестьянъ на оброкъ, являющійся поземельной рентой и въ порядкѣ властнаго землеустройства поставить ихъ въ благопріятныя агротехническія условія — это было вполне возможно для помѣщика. Поскольку хозяйственная атмосфера во внѣ и хозяйственная психологія крестьянъ внутри этому благопріятствовала бы, — такая форма частнохозяйственной трансформации крѣпостныхъ отношеній несомнѣнно получила бы широкое примѣненіе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ она и имѣла мѣсто, но у насъ этотъ методъ являлся рѣдкимъ исключеніемъ и не могъ претендовать на какое либо сколько нибудь серьезное значеніе, иначе, какъ въ планѣ подготовки или, точнѣе, предъугадыванія будущаго. Массовой реальностью могли стать другія явленія, не порывающія такъ рѣшительно съ крѣпостнымъ бытомъ, явленія не революціонныя, а эволюціонныя. Массовой реальностью могло стать вовлеченіе крестьянъ въ рыночныя отношенія въ условіяхъ стабилизаци ихъ обязанностей по отношенію къ помѣщикамъ.

Другими словами, два условія были необходимы для серьезнаго, т. е. прочнаго и массоваго процесса частнохозяйственной трансформации крѣпостнаго крестьянства: реальное обнаруженіе хлѣбнаго рынка, какъ силы воздѣйствующей на психологію крестьянъ и увѣренность, что внѣшняя помѣщичья власть не отниметъ плодовъ хозяйственной дѣятельности. При такихъ условіяхъ и барщина могла оказаться захваченной процессомъ частнохозяйственной трансформации и превратиться въ аренду земли за отработки или въ аренду половническую — не говорю уже объ оброкѣ, который естественно превращался такимъ путемъ въ денежную аренду земли. Одно препятствіе стояло на пути этого, казалось бы, естественнаго процесса: непреодолимый соблазнъ для помѣщика попытаться использовать всѣ сто процентовъ рыночной конъюнктуры въ свою пользу, употребивъ мѣры внѣэкономическаго принужденія по отношенію къ своему крестьянину. Поскольку же помѣщикъ оказывался выше этого соблазна и считалъ себя и въ „частнохозяйственныхъ“ новыхъ отношеніяхъ связаннымъ крѣпостной конституціей, покоящейся на признаніи обоюдныхъ выгодъ и ограничивающей помѣщичьи требованія установленными тремя днями барщины, — онъ могъ быть не помѣхой этому процессу, а, на-

противъ, его законнымъ покровителемъ и естественнымъ помощникомъ, что порою и наблюдалось въ нашей крѣпостной дѣйствительности.

Понятно, что при такихъ условіяхъ особое значеніе пріобрѣтаетъ то явленіе, которое замѣтилъ и такъ рѣшительно отмѣтилъ М. Стаховичъ: а именно „мелочная ссыпка“ хлѣба. Что существовали не только оброчныя села, которыя торговали хлѣбомъ, но и барщинныя, это извѣстно, но фактъ массоваго появленія мелкой ссыпки у барщинныхъ крестьянъ, это дѣйствительно явленіе, въ высокой степени знаменательное подъ угломъ зрѣнія занимающаго насъ процесса. Распространеніе его могло бы знаменовать цѣлую революцію нашего земельного строя, подводя хозяйственную базу подъ размежеваніе помѣщиковъ и крестьянъ на началахъ указа о трехдневной барщины!

Не менѣе знаменательно и другое явленіе, имѣвшее, какъ оказывается, распространеніе гораздо большее, чѣмъ это можно было предполагать — покупка крестьянами земли въ собственность. Тотъ модусъ, который рекомендовалъ Якобъ помѣщикамъ по отношенію къ ихъ крестьянамъ, давая имъ на откупъ участки земли въ индивидуальное пользованіе, рядомъ съ землей мірской — оказался реальностью въ совершенно другой правовой оболочкѣ. Рядомъ съ мірской землей дѣйствительно у крестьянъ создавалось индивидуальное владѣніе, но пріобрѣтенное ими въ порядкѣ покупки на сторонѣ. Были, какъ мы видѣли, и другіе способы созданія крестьянами для себя „собины“. Во всякомъ случаѣ, даже на основаніи того скромнаго матеріала, которымъ мы располагаемъ, можно, мнѣ кажется, утверждать, что у насъ и при крѣпостномъ строѣ уже существовало два параллельныхъ земельныхъ порядка: крѣпостной и частнособственнической. Крѣпостной былъ, такъ сказать, двухэтажный: земля была въ нерасчлененномъ обладаніи и помѣщиковъ и крестьянъ, и хозяйство на этой землѣ велось помѣщиками черезъ обязательное посредство крестьянскихъ дворовъ. Частнособственнической покоился на двухъ различныхъ правовыхъ основаніяхъ. Съ одной стороны онъ слагался въ нѣдрахъ крѣпостныхъ отношеній и сводился къ превращенію оброка въ аренду денежную, а барщины—въ аренду отработочную, исходящую изъ принципа половничества. Съ другой стороны, онъ слагался на путяхъ выхода изъ круга крѣпостныхъ отношеній, въ порядкѣ покупки (или аренды) чужой земли, лишь формально пріобрѣтающей характеръ, однородный съ землей помѣщичьей, но охраняемой бытомъ, какъ земля, принадлежащая въ свободномъ отъ обложенія индивидуальномъ обладаніи тѣхъ или иныхъ крестьянъ.

Именно эта прекарная крестьянская собственность—наря-

ду съ той безусловной собственностью на ненаселенныя земли, которыя по нашему законодательству могли быть объектомъ собственности не на „дворянскомъ“ правѣ — была первой въ Россіи подлинной собственностью. И если уже говорить о томъ, кто подвергся „сполюціи“ при осуществленіи Великой Реформы, то это — именно тѣ крестьяне, которые увидѣли свою землю попавшей въ передѣль въ процессѣ размежеванія съ помѣщиками. При этомъ надлежитъ замѣтить и подчеркнуть, что такая „сполюція“ одинаково имѣла мѣсто, оставалась ли эта земля въ распоряженіи помѣщика или переходила въ мірское распоряженіе крестьянъ.

А. Л. Пог о д и н ъ.

ЛИЧНОСТЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I ВЪ СЕРБСКОМЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ МНѢНІИ ЕГО ВРЕМЕНИ.

Личность и дѣятельность императора Николая I нашла себѣ горячее признаніе и благодарную оцѣнку въ сербскомъ общественномъ мнѣніи его времени. Силою обстоятельствъ и общимъ направлениемъ своей политики имп. Николай I былъ вынужденъ принять самое дѣятельное участіе въ устройствѣ судебъ Балканскаго полуострова. Всѣ тѣ жгучіе вопросы Балканской политики, которые были поставлены исторіей во второй половинѣ XIX вѣка и завершились войной въ 1914 г., еще не ставились тогда очень остро, но уже намѣчались, и ихъ возникновеніе уже нашло свое отраженіе и въ тогдашнемъ еще не организованномъ, но также уже создававшемся сербскомъ общественномъ мнѣніи. Стали уже тогда опредѣляться два главныя направленія этого мнѣнія, которыя проходятъ красной нитью черезъ всю сербскую литературу XIX вѣка, а отчасти не умерли и донинѣ, и которыя, въ сущности, можно сравнить съ нашими славянофильскимъ и западническимъ направленіями.

Въ 1812 г. Бухарештскимъ миромъ было утверждено начало государственнаго бытія Сербскаго народа въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Событія въ эпоху Отечественной войны смяли зародыши этого бытія. Вѣнскій конгрессъ, на который сербы возлагали надежды, мало помогъ имъ, и возстаніе 1815 г. прошло безъ той дѣятельной помощи Россіи, которую встрѣтили сербское движеніе и Карагеоргій въ 1804 г. Императоръ Николай I долженъ былъ начинать свою Восточную политику съ начала, и въ первые же годы его царствованія греческій вопросъ заставилъ его проявить большую активность въ Восточномъ вопросѣ, и уже до послѣднихъ дней своей жизни онъ не прекращаетъ этой активности. Прямо и косвенно это было необычайно важно

для возникавшей сербской государственности, которая созрѣвала на почвѣ, увлажненной русской кровью въ цѣломъ рядѣ войнъ съ Турціей. Поэтому, въ глазахъ Сербскаго народа имп. Николай I явился истиннымъ покровителемъ балканскаго православнаго славянства, защитникомъ его народности и вѣры, рыцаремъ безъ страха и упрека, всегда готовымъ обнажить свой мечъ для защиты христіанства. Этотъ его обликъ, рано выявившійся въ сербскомъ національномъ сознаніи, принялъ еще новыя черты въ глазахъ угнетеннаго австрійскаго (венгерскаго) сербства: именно онъ, одинъ онъ, спасъ его отъ гибели и разграбленія въ 1848—49 гг., когда мадьяры въ борьбѣ съ Вѣной стали жестоко расправляться со всѣми немадьярскими народностями имперіи Габсбурговъ.

Поэтому, естественны панигирическія ноты въ оцѣнкѣ дѣятельности и въ изображеніи величавой личности имп. Николая I. Тѣ внутренно русскія отношенія, которыя налагали у насъ извѣстныя тѣни на этотъ образъ, совершенно не касались сербскаго общественнаго мнѣнія. Тѣмъ не менѣе, уже въ этотъ моментъ тѣни появляются: онѣ накладываются соперничествомъ Франціи съ Россіей въ Восточномъ вопросѣ и сказываются въ очень любопытномъ спорѣ о роли Россіи въ судьбахъ сербскаго народа, который возникаетъ въ концѣ царствованія имп. Николая I.

Къ матеріалу этихъ вопросовъ и обращается настоящая скромная попытка набросать одну страницу изъ исторіи сербскаго общественнаго мнѣнія.

I. Оды владыки Петра Петровича Нѣгоша.

Во главѣ поэтовъ, посвятившихъ свое перо имп. Николаю I, надо поставить владыку Черногорскаго, Петра Петровича Нѣгоша. Его связывали съ Россіей очень глубокія отношенія, необходимость политической и культурной помощи, связи религіознаго и національнаго характера. Съ официальной Россіей, съ династіей, съ сановниками, Нѣгошъ долженъ былъ поддерживать тѣсныя связи, и его оды, посвященные имъ, являлись данью признательности, а также нерѣдко и выраженіемъ необходимаго расчета. На русскія событія Нѣгошъ долженъ былъ смотрѣть глазами этого официальнаго міра. У себя дома, въ Черногоріи, онъ также былъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ русскими представителями, и извѣстно, что отъ русскаго консула въ Дубровникѣ, Јереміи Гагича, владыка получалъ иногда непріятныя для его героическаго сердца предостереженія, когда ему такъ хотѣлось посчитаться съ турками.

Произведенія владыки Нѣгоша настолько извѣстны, что достаточно только напомнить о нихъ, не вдаваясь въ болѣе:

подробный анализъ. Какъ полагаютъ редакторы государственнаго изданія сочиненій владыки, С. Милутиновичъ и М. Решетаръ (Дела. Државно изд. 1927. Кн. II, стр. 191—211), онъ началъ уже въ 1828 г. свою поэму о русско турецкой войнѣ, которая закончилась Адрианопольскимъ миромъ, много разъ, какъ увидимъ, воспѣтымъ сербами. Эта поэма представляетъ нѣкоторую аналогію тѣмъ сербскимъ народнымъ пѣснямъ новаго времени, которыя изданы Караджичемъ. и которыя являются своего рода поэтической реляціей о битвахъ и политическихъ событіяхъ. Поэма Нѣгоша излагаетъ такимъ же поэтическимъ стилемъ поводы для русскаго заступничества за православіе и народы православной вѣры въ Турціи, и потомъ рассказываетъ о событіяхъ войны. Поэма, какъ видимъ, предшествуетъ поѣздкѣ Владыки въ Петербургъ для принятія митрополичьяго сана. Эта поѣздка была очень благопріятна для поэта: онъ былъ встрѣченъ самымъ радушнымъ образомъ какъ самимъ императоромъ Николаемъ I и его семьей, такъ и официальными кругами, и въ сборникѣ стиховъ его „Пустынникъ Цетинскій“, вышедшемъ въ 1834 году, оды, воспѣвающія людей, съ которыми владыка познакомился только въ прошломъ году (1833), занимаютъ видное мѣсто. Прежде всего, конечно, поэтъ восхваляетъ самого русскаго царя, которому посвящены двѣ риторическія оды: въ первой изъ нихъ, написанной на день рожденія Императора Николая I, выражаются тѣ пожеланія, которыя обычно связываются съ такимъ днемъ. Николай есть Марсъ славянства, истинный царь славянскаго Олимпа. Пусть славянство сольетъ въ единомъ хорѣ пѣсни радости и веселія по поводу такого важнаго событія, пусть во главѣ славянскаго хоровода стоитъ Русь. Въ другой одѣ, болѣе короткой и цѣльной по содержанію, поэтъ говоритъ о борьбѣ Россіи съ Исламомъ, орла со змѣемъ. Послѣдній образъ давно уже былъ созданъ сербской поэзіей, и Нѣгошъ удачно использовалъ его. Онъ кончаетъ свою оду обращеніемъ: „Будь здоровъ, царь славянъ. Всѣ твои враги съ тревогой взираютъ на тебя. Защити своихъ дѣтей славянъ, разгони всѣхъ ихъ враговъ“. День рожденія наследника престола, Александра Николаевича, также пришелся на время пребыванія Черногорскаго Владыки въ русской столицѣ. Онъ не могъ не отозваться на этотъ праздникъ и съ пожеланіями, обращенными къ молодому царевичу, связываетъ опять обычныя мысли о славянскомъ призваніи Россіи. Русскій императоръ есть всеславянскій царь, его сынъ готовится воспріять славянскій скипетръ и вѣнецъ. Звонъ московскихъ колоколовъ несется за облака до самыхъ небесъ. Могущество древняго Рима будетъ удѣломъ юноши, если онъ сумѣетъ быть во всемъ подобнымъ своему отцу. И, конечно, — особенно

важна его славянская роль: „Живи и здравствуй, будь восстановителемъ и щитомъ славянскихъ правъ, какъ твой доблестный отецъ. Рости скорѣе, Александръ, солнце славянскаго племени. Ты, верховная глава всего свѣта, озаришь насъ и согрѣешь свободой“.

Въ этомъ, конечно, много преувеличенія, условности, которыя и требовались по тому времени отъ оды. Надо понять, какъ трудна была миссія молодого черногорскаго митрополита, чтобы не удивляться преувеличеніямъ его въ выраженіяхъ благодарности и восхищенія. Самъ царь являлся въ его глазахъ призваннымъ защитникомъ славянства и прежде всего маленькой горной страны, спускающейся къ Адриатическому морю и къ Скадарскому озеру, его родной Черногоріи. Всячески хотѣлъ привлечь къ ней вниманіе молодой поэты. Сплошной риторикой являются оды кн. Голицину, съ которымъ, будто бы, никто не можетъ сравниться въ добродѣтели, и оберпрокурору С. Синода Нечаеву, который представленъ, какъ другъ челоѣчества, истины, столпъ прадыдовской церкви и т. дал.

Эти оды, какъ бы мы ихъ ни расцѣпывали съ художественной точки зрѣнія, имѣли большое значеніе, такъ какъ поддерживали въ сербскомъ народѣ вѣру въ Россію. Для него самого, для автора этихъ одъ, Россія всегда оставалась оплотомъ славянства, рускій народъ — великимъ народомъ. „Добро пожаловать, милый гость“ — писалъ онъ въ 1844 г. русскому путешественнику А. Н. Попову: „ты прибылъ къ намъ изъ великой Москвы, изъ прославленной Москвы, общей святыни всего славянства“. Посвящая сборникъ пѣсенъ: „Огледало Сербско“ (1845) тѣни Пушкина, поэтъ называетъ его счастливымъ пѣвцомъ великаго народа. Польское возстаніе вызвало въ сердцѣ Нѣгоша великій гнѣвъ противъ „Галльскаго пѣтуха“, который старался использовать славянскую рознь, и это его стихотвореніе, напоминающее пушкинскую оду: „Клеветникамъ Россіи“, дышетъ искреннимъ негодованіемъ. Галльскій пѣтухъ не страшень орлу. Воспоминанія 1812 г. были еще живы, и сербская литература постоянно возвращалась къ нимъ. И теперь по поводу угрозъ Франціи Нѣгошъ рассказываетъ, какъ галльскій пѣтухъ устремился на орла и повелъ съ собой цыплятъ изъ всякихъ народовъ. „Но орелъ со смѣхомъ взглянулъ на пѣтуха: что-то онъ станетъ дѣлать, какъ будетъ куражиться передъ курами? А когда надоѣло ему смотрѣть, сталъ согрѣваться Русачокъ (Рушче) Москвой. Выпустилъ онъ изъ гнѣзда орлятъ, разогналъ всѣхъ куръ. А кого грудью не побилъ, того въ полонъ забралъ. Наука вамъ, пѣтухи: не лѣзьте туда, гдѣ вьются орлы. А вы, цыплята, сидите около курицы: не ходите туда, гдѣ кричатъ орлы“. Можно ли идти дальше въ упоеніи русской славой?

Франція, соперница Россіи, не внушала симпатіи Нѣгошу. Въ поэмѣ „Слободіада“, написанной, какъ полагаютъ издатели, ранѣе 1836 г., онъ съ гордостью упоминаетъ о томъ, какъ черногорцы помогли Россіи въ войнѣ съ Наполеономъ, во время извѣстнаго появленія русскаго флота въ Бокѣ Которской. „Черногорское храброе племя, когда услышало, что Бонапартъ двинулъ свои силы, чтобы омрачить никѣмъ не помраченную, вѣчно сіяющую славу внуковъ Рюрика, — быстро налетѣли черногорскіе сокола на шесть приморскихъ городовъ“. Съ гордостью вспоминаетъ Черногорскій владыка о томъ, какъ „гордый скиптръ и корона Бонапарта низвергнулись передъ громометнымъ и сіяющимъ трономъ Романовыхъ, и какъ порфиросносный гордый и непреклонный Парижъ склонилъ голову къ стопамъ своего великаго побѣдителя, вѣнценоснаго и безсмертнаго сына Павлова“. Въ сознаніи своего племенного родства съ Россіей черногорскій поэтъ съ восхищеніемъ воспѣваетъ величіе Александра I. И Невѣ Нѣгошъ посвящаетъ отдѣльную оду, называя эту рѣку, на которой стоитъ „Петрополь“ (независимо отъ Пушкина, уже Черногорскій Владыка употребилъ это имя) „зеркаломъ, въ которомъ отражается все человѣчество“, „истиннымъ источникомъ православной вѣры“, „сердцемъ славянскаго племени“ и т. дал.

2. Іоакимъ Вуичъ.

Въ 1833 г. Іоакимъ Вуичъ, одинъ изъ создателей сербской литературы, напечаталъ, по побужденію своихъ сербскихъ знакомыхъ въ Триестѣ, весьма оригинальную и талантливую книгу, которая носитъ слѣдующее названіе: „Пѣсни нѣовыи Всепресвѣтлѣйшии и самодержавнѣйшии імператорскіи величества всероссійскіи, то есть: Петра Великаго, Екатерины II, Александра I и Николая I“. Это заглавіе можетъ ввести въ заблужденіе, что Вуичъ собралъ какія-то пѣсни перечисленныхъ выше русскихъ императоровъ. Въ дѣйствительности, это его собственныя стихотворенія и оды, посвященныя Петру Великому и др. Я остановлюсь только на одѣ, посвященной имп. Николаю I. Она написана, какъ и эпическія произведенія Нѣгоша, въ стилѣ народной эпики и, подобно Нѣгошу, Вуичъ рассказываетъ въ ней о русской войнѣ съ турками и походѣ Дибича. Ея начало очень типично для произведеній сербскаго эпоса: „Книгу пише Николай Царь Россійскій и сильный Повелитель Сѣвернскій“. Дальше идетъ сухое изложеніе обстоятельствъ, приведшихъ къ войнѣ между Россіей и Турціей. Тамъ и здѣсь вкраплена характеристика имп. Николая I, какъ могущественнаго покровителя славянъ.

Въ 1842 г. Вуичъ побывалъ въ Придунайскихъ областяхъ, подчиненныхъ тогда Россіи, а также въ Бессарабіи, Новороссіи и Крыму, и всѣ эти мѣста описалъ очень подробно и добросовѣстно въ книгѣ, носящей слѣдующее заглавіе: „Іоакима Вуича славено-Сербскогъ літератора Путешествіе по Унгаріи, Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи, Херсону и Крыму, во кратцѣ собственномъ рукою нѣговомъ списано у Свято-Вознесенскомъ монастыру Гиржавки во богохранимой Епархіи Кишинѣвской и Хотинской у Бессарабіи. А печатано у Београду 1845“. Книга издана въ осьмушку и содержитъ, кромѣ введенія, 164 страницы. Для русскаго читателя эта книга имѣла бы большой интересъ въ настоящее время, если бы авторъ остановился на томъ, что дорого для русскаго челоуѣка. Вѣдь Вуичъ былъ какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя прославлены поэзіей Пушкина: онъ могъ бы, посѣтивъ Бахчисарай, рассказать о поѣздкѣ Пушкина въ Бахчисарай, о „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ и т. д. Но нашъ авторъ выше такихъ поэтическихъ мелочей. Онъ очень обстоятельно повѣствуетъ о мѣстныхъ святыняхъ и торговыхъ и др. серьезныхъ обстоятельствахъ края, перечисляетъ русскихъ чиновниковъ, но чуждъ литературныхъ интересовъ, и въ этомъ отношеніи очень характеренъ и забавенъ. Для Николаевской эпохи, какъ одно изъ ея выраженій, эта книга, во всякомъ случаѣ, характерна.

3. Мелкіе писатели.

Послѣ Адрианопольскаго мира, который далъ Россіи великое значеніе въ судьбахъ Балканскаго полуострова и положилъ начало ряду событій въ сербской исторіи, приведшихъ къ осложненію русско-сербскихъ отношеній, на время исчезли поводы для посвященія личности самого императора тѣхъ или иныхъ произведеній. Правда, во время борьбы за избраніе князя Александра Карагеоргіевича на престолъ въ газетахъ, нападавшихъ на русскую политику (объ этомъ ниже), встрѣчаются намеки на коварство и упрямство самого Николая I, но это говорилось осторожно и не касаясь прямо характеристики русскаго царя. Въ 1833 г. состоялось долгожданное присоединеніе къ Сербскому княжеству нѣсколькихъ областей, и такъ какъ это событіе совершилось подъ непосредственнымъ давленіемъ Россіи на Турцію, то и сербская поэзія откликнулась благодарственной одой на помощь русскаго правительства. Въ 1833 г. Исаиловичъ написалъ оду: „Споменикъ всеобще радости сербске, кадъ су посредствомъ графа Орлова одцѣплени бывши предѣлы на новосъ Србіомъ соединѣни“. Въ этомъ Споменикѣ, несомнѣнно, содержится восхваленіе имп. Николая I. Къ сожалѣнію, эта

ода представляет такую рѣдкость, что ея нѣтъ и въ бѣлградской Народной библиотекѣ.

Въ 1853 г. Николай, какъ усмиритель Венгерскаго возстанія, за что сербская поэзія прославляла его, посѣтилъ Вѣну. Оба эти событія, борьба за славянъ, которую вельмогущественный славянскій государь, и посѣщеніе имъ молодого австрійскаго императора, котораго онъ облагодѣтельствовалъ, нашли отзвукъ въ сербской поэзіи. Первому посвящена ода Чокерляна: „Благодарственныя чувствованія сербскаго народа Его Императорскому Величеству, Государю Николаю, всепресвѣтлѣйшему всея Россіи самодержцу, всѣхъ миролюбивыхъ въ Венгріи народовъ Великому благодѣтелю, колѣннопреклонно поднесенная Іоанномъ Чокерляновичъ, православнымъ парохомъ Тарашкимъ и пр. Лѣта 1849 дне 15 Юнія.“ Эта ода издана отдѣльной брошюрой въ большую четверку крупнымъ шрифтомъ и содержитъ всего 56 строкъ. Въ смыслѣ художественномъ она не выдерживаетъ никакой критики. Языкъ ея, плохой славяносербскій, часто совсѣмъ не понятенъ. Весь міръ, говоритъ авторъ, знаетъ о русскихъ монархахъ. Ихъ государство величайшее на всемъ свѣтѣ, но еще ни одно поколѣніе („возрастъ“) не имѣло такого блага, какимъ является Николай. „Вся вселенная дивится высотѣ его необыкновеннаго ума („изящнаго духа высочеству“) и безднѣ его мудрости; проницательность его ума извѣстна всѣмъ. Какъ счастлива ты, Россія, находясь на лонѣ („въ подкриліи“) и въ могущественной десницѣ Николая. Погруженная во всякое земнодатное изобиліе, ты, православная Россія, прославлена у всѣхъ народовъ. Ты не знаешь, какъ мы цѣнимъ твое Сокровище.“ Дальше идетъ любопытное восхваленіе русскаго царя. „Мы хорошо знаемъ, что онъ дѣлаетъ въ великомъ изобиліи и добросердечно (благоутробно) для Церквей и Духовенства, какіе вѣнцы онъ возлагаетъ вѣрному войску („каквы вѣнцы возлагаетъ вѣрномъ войничеству“), объ этомъ знаетъ сестра твоя Австрія. Какъ онъ всегда жертвуетъ собой ради блага Россіи, надъ какими великими подвигами онъ трудится. А какія грозныя волны онъ утишалъ, видно изъ его недавнихъ дѣлъ („присныхъ отъ дѣлъ Еговыхъ видится“). Возри, Сербство, какъ онъ открываетъ тебѣ свои нѣдра, подавая тебѣ помощь, и какъ защищаетъ своей силой отъ напастей. Объ этомъ мнѣ нѣтъ надобности упоминать теперь.“ Продолжая далѣе восхвалять царя, Чокерлянъ переходитъ къ его личнымъ достоинствамъ: „Какъ онъ умѣетъ привлекать къ себѣ каждое сердце, завоевывать любовь смертныхъ. Съ какой быстротой („хитростію“) онъ умѣетъ покорять враговъ, насквозь пронзая ихъ сердца („утробу“): Европа на все это смотритъ съ удивленіемъ, восхищаясь его поведеніемъ („владѣніе Его возно-

сяща“). Отдавъ должное необычайнымъ заслугамъ и достоинствамъ русскаго императора, авторъ обращается къ собственному императору, молодому и безпомощному Францу Юсифу, называя его всегда вѣрнымъ Николаю. Онъ всегда будетъ благодаренъ русскому царю. Что же касается сербовъ, то ихъ благодарность пройдетъ только тогда, когда перестанетъ сіять солнце, и исчезнетъ морская глубина. Увѣреніемъ, что никогда сербы не забудутъ Николая, и молитвой за него, единственнымъ, чѣмъ можетъ онъ воздать русскому царю, кончаетъ Чокерлянь свою оду. Въ обзорѣ сербскаго отношенія къ русскому походу въ Венгрію я отмѣчу, какъ близки настроенія Чокерляна къ настроеніямъ его соотечественниковъ.

„На Данъ обштерадостногъ пришествія у Олмицкій станъ: Нѣговогъ Императорскогъ Величества Николая I Павловића, богобоязливѣйшегъ Императора и Самодержца Свію Русса“ Александръ Андричъ, редакторъ газеты „Световидъ“ (II. 1853 № 30) посвятилъ оду, содержаніе которой очень характерно, какъ извѣстная политическая программа, которая выработалась въ сознаниі сербскаго общества, и которую развиваютъ съ поразительнымъ однообразіемъ очень многіе писатели въ стихахъ и прозѣ. Это свидѣльствуетъ о томъ, что программа имѣетъ національный характеръ и создавалась въ теченіе долгаго времени, какъ извѣстная народная традиція. Ода Андрича не велика, и я привожу ее цѣликомъ: „О Славянскій Царь! Солнце съ Востока, которое радостно встрѣчаетъ Францъ Юсифъ. Прими отъ Сербовъ вѣнцы радости и вмѣстѣ съ ними хвалу и любовь. Передъ Тобой слава пылаетъ, какъ заря. Радуются Ольмюць, югъ, Черногорія. Радуются всюду всѣ народы Тебѣ, примѣру силы, славы и доброты, всѣ, кто алчетъ мира, порядка, правосудія, которые отняты у нихъ гидрой Запада. По приговору восточнаго креста падаетъ стоглавая анархія хаоса и ада. О великій царь, свѣтъ вселенной, которому дивятся Востокъ и Западъ. О славянская корона, славянскій цвѣтъ, которому дивится въ своей могилѣ и Арпадъ. Чѣмъ отплатитъ тебѣ Сербъ за защиту? Сербъ бѣднякъ и можетъ дать только свою кровь Тебѣ. Сердцемъ и душой восклицаетъ Сербъ: Боже храни Царя Николая. Его дарами хвалятся наши церкви. Его золото создаетъ намъ церкви. Стамбуль только поднимается, какъ сокрушается имъ: Николай обороняетъ несчастныхъ христіанъ. Славянскому царю приличествуетъ слава дать Европѣ миръ и порядокъ, вернуть Славянскому роду права, которыя отнял у него враждебный Геній. Боже, умудри Царя Николая, дай ему неувядающія розы мая“.

4. Стефанъ Поповичъ и Іоксимъ Новичъ.

Вскорѣ послѣ посѣщенія имп. Николаемъ I Вѣны началась Крымская кампанія, воспѣтая на сербскомъ языкѣ въ прекрасной, истинно поэтической поэмѣ Новича. Объ этой литературѣ Крымской войны рѣчь будетъ ниже. Здѣсь упомяну мимоходомъ, что авторъ поэмы „Московија“ рисуетъ и образъ царя Николая I и его смерть. Смерти этого государя посвящена отдѣльная, очень длинная драма, вышедшая, правда, послѣ смерти Николая I, но относящаяся непосредственно къ его царствованію, и поэтому подлежащая разсмотрѣнію здѣсь. Это посмертное произведеніе Стефана Поповича: „Смрть цара Николе. Жалостно позоріе у три дѣйства. Списао почив. Стефан Поповић. Издао Тома Павловић“. У Београду 1859. 8. 103 стр.

Эта драма лишена всякаго драматическаго характера и представляетъ собою, скорѣе всего, историческую поему. Среди дѣйствующихъ лицъ ея мы находимъ не только живыхъ, но и мертвыхъ, которые все-таки въ поэмѣ умѣстнѣе, нежели на сценѣ. Дѣло въ томъ, что эта поэма принадлежитъ въ значительной своей части къ роду „разговоровъ“ въ загробномъ мірѣ, образчикъ котораго, въ видѣ „Разговора Суворова и Кутузова“, имѣется и въ сербской литературѣ. Въ рассматриваемомъ произведеніи Поповича такой разговоръ между умершими русскими государями и поэтами и таковыми же сербскими происходитъ уже послѣ смерти царя Николая I, когда его душа переселяется въ загробный міръ. Первые же „дѣйствія сцены“ рассказываютъ о томъ, какъ Геній славянства возвѣщаетъ императору о предстоящей смерти, и онъ, чувствуя ея приближеніе, призываетъ къ себѣ свою жену, потомъ сыновей, сановниковъ и министровъ и имъ сообщаетъ о томъ, что умираетъ. Въ безконечныхъ разговорахъ, какіе, по представленію Поповича, долженъ былъ вести Николай, онъ прощается со всѣми близкими, при чемъ жена его причитаетъ и проситъ его взять ее съ собой, и сыновья обнаруживаютъ къ отцу большую привязанность. Царь спрашиваетъ, какъ идутъ дѣла въ Крыму, и министры изображаютъ это положеніе въ розовомъ свѣтѣ: въ русской арміи все есть, тогда какъ въ союзномъ богоотступническомъ войскѣ огромная смертность. Все это излагается тягуче и наивно до послѣдней степени въ первомъ дѣйстви, тогда какъ во второмъ всѣ дѣйствующія лица оплакиваютъ царя или выражаютъ по поводу его смерти свои скорбныя чувства. Никакого драматическаго дѣйствія въ первыхъ двухъ „дѣйствіяхъ“ нѣтъ. Третье представляетъ, „Соборъ духовъ“.

Если это произведеніе и можетъ представлять какой-нибудь интересъ, то только въ смыслѣ идеологіи, которая

приписывается въ немъ русскому царю. Онъ является по преимуществу покровителемъ христіанъ. Такъ, напр., когда къ больному царю приходитъ его жена, онъ съ огорченіемъ вспоминаетъ о неудачахъ своего царствованія, хотя и спокоенъ, что всѣ подданные его любили и считали своимъ отцомъ. На его слова царица отвѣчаетъ: „Между всѣми русскими государями на тебя палъ самый тяжелый жребій, избавить несчастныхъ христіанъ, попавшихъ въ тяжкую неволю“. Точно также въ завѣтѣ, который царь Николай I оставляетъ своимъ сыновьямъ, онъ говоритъ: „Любите свое отечество выше всего и больше самихъ себя. Любите нашихъ славныхъ русскихъ, какъ душу, какъ спасеніе души. А также и братьевъ вашихъ на востокѣ, единокровныхъ и единовѣрныхъ, которые стонутъ подъ чужимъ ярмомъ и отъ насъ ждутъ своего избавленія. Всегда заботьтесь о нихъ и помогайте имъ съ любовью, чтобы они достигли лучшей судьбы. Этотъ завѣтъ я и самъ принялъ отъ предковъ, и моихъ и вашихъ, и я передаю его вамъ“. Оставшись съ сыномъ Александромъ, онъ опять повторяетъ то же завѣщаніе: „Блуди народъ, храни свою вѣру, никому не давай на нее нападать, да въ счастливое твое царствованіе откроются на востокѣ врата угнетенной православной церкви“. Собравъ своихъ министровъ, Николай возобновляетъ свою рѣчь о помощи славянамъ: „А избавленіе на востокѣ братьевъ одной съ нами вѣры и племени есть слава, гордость и украшеніе“. Когда царь спрашиваетъ, какъ идетъ война, и каковы международныя отношенія, Долгоруковъ излагаетъ ему положеніе Европы, вѣрность Пруссіи союзу съ Россіей, ослабленіе турокъ въ Азіи, приверженность грековъ къ Россіи и добавляетъ: „Сербы, родственные по вѣрѣ и по крови, черногорцы и болгаре также дышатъ одной душой съ Россіей“. Передъ смертью царь молится за свой народъ, но не забываетъ и „единовѣрныхъ братьевъ“. Въ царствѣ умершихъ, на „соборѣ духовъ“ опять русскіе заодно съ сербами, и когда духи узнаютъ, что Крымская война ведется за вѣру, что это—„ратъ чистицкій за вѣру“, царь Лазарь и всѣ остальные молятся, чтобы Богъ послалъ Россіи побѣду, и тогда появляется Гений славянства, который въ первомъ дѣйствіи возвѣстилъ царю Николаю кончину, и который теперь возвѣщаетъ Славянству, что Богъ услышалъ его молитву, и что Славянство опять будетъ счастливо, когда въ немъ воцарятся миръ и согласіе.

Но вѣдь былъ Польскій вопросъ, — скажетъ скептикъ — какъ же можно было говорить о мирѣ славянства, когда Поляки были угнетены Россіей? На этотъ вопросъ полковникъ Тридцатыхъ и Сороковыхъ годовъ отвѣчало увѣреніемъ, что поляки сами виноваты въ своей судьбѣ, и что

Россія дала имъ все. Нѣгошъ написалъ оду, которая подобна „Клеветникамъ Россіи“ Пушкина, а Ст. Поповиѣ влагаеть въ уста Николая заявленіе „духамъ“, что „тѣ поляки, которые подъ нами, пользуются свободой и правами. Ихъ права хороши и почетны (честита)“, но политической самостоятельности не имѣютъ. Къ сожалѣнію, поляки внимаютъ наговорамъ Запада и поднимаютъ возстанія противъ Россіи, за что отвѣтственность падаетъ на нихъ самихъ. При этомъ Собѣсскій, находящійся на соборѣ духовъ, тяжело вздыхаетъ. На вопросъ Жижки, какъ живутъ чехи, Николай отвѣчаетъ, что они почти онѣмечились. Наконецъ, и Душанъ спрашиваетъ, какъ живутъ сербы. На это Николай даетъ слѣдующій любопытный отвѣтъ: онъ сообщаетъ, въ какомъ положеніи они находятся теперь, и жалуется, что Западъ учитъ сербовъ не любить Россіи. „Но какъ честный народъ, сербы, увидѣвъ, куда гнетъ Западъ, и сверхъ всякой мѣры любя свою вѣру, кровь и отечество, не даютъ Западу увлечь себя и остаются по отношенію ко мнѣ и Россіи тѣмъ, чѣмъ были. Сербы любятъ и теперь Россію, какъ дѣти родную мать; сербы и теперь любятъ меня, какъ отца и очи на головѣ“. Такова была программа сербскаго славянофильства.

Когда имп. Николай I умеръ, сербы помянули его добромъ. Іоксимъ Новичъ Оточанинъ написалъ поэму: „Московія. Ратъ у Криму. 1854—55. Песма“ (отдѣльнымъ изданіемъ въ Будапештѣ. 8°. 140 стр. 1853, нѣсколько большихъ отрывковъ въ журналѣ „Седмица“ IV. 1855. Стр. 177, 186, 199, 201). Въ этой поэмѣ по ходу дѣйствія онъ долженъ былъ коснуться и смерти имп. Николая I, которую онъ описалъ въ духѣ и тонахъ народнаго эпоса.

Вотъ это мѣсто поэмы: „Что за чудо случилось? Въ Россіи, въ землѣ Московской, процвѣтало благочестіе, и была самая большая гордость и сила на всемъ земномъ свѣтѣ. А теперь, братья, земля растужилась, вся Московія горячо заплакалась. Нельзя перехитрить судьбу, нельзя ничего взять хитростью. Когда придетъ несчастье, побѣждаетъ оно и сердце, и голову, идутъ по свѣту горе и скорбь, не пропуститъ ни малаго, ни стараго, но всѣхъ одинаково забираетъ. И нѣтъ на это никакого средства; отъ одного поидетъ, къ другому придетъ; на Москву, на Русскаго царя, на сильнаго Николая Павловича четыре ударили земли: царь французскій, королева англійская, король сардинскій съ падишахомъ турецкимъ. Божья воля Московію ободряетъ, никакая сила ей не страшна. Но когда было суждено по Московской по Божьей волѣ, чтобы счастье встрѣтилось съ несчастьемъ, премѣнилась радость на печаль. Разболѣлся сильный царь Николай. Какъ свалился, такъ и понялъ, что на смерть юнакъ разболѣлся, что сильнѣе болѣзнь, чѣмъ лѣкарства, что не встанетъ онъ

уже съ постели. Богу душа его близка. Спокойно ждетъ смерть больной. Не боится того свѣта, разъ не винить себя на этомъ. А когда увидѣлъ, что уже смерть не далеко, и что приходится ему идти на судъ, тогда призываетъ къ себѣ свою вѣрную супругу (любю), призываетъ свое семейство, призываетъ свояковъ и родичей, призываетъ всѣхъ, кого зналъ, съ кѣмъ имѣлъ какое-нибудь дѣло. Всѣхъ Николай простилъ по порядку, всѣхъ равно: какъ одного, такъ и другого, слугъ своихъ и дѣтей своихъ. И они простили царю и приняли отъ него благословеніе, чтобы на землѣ имѣть успѣхъ и мудрость. Когда покончилъ такъ царь со всѣмъ земнымъ, тогда призываетъ своего духовника. Молится Богу и исповѣдуется и причастился по своему закону. Тогда прочиталъ духовникъ молитву объ отпущѣ грѣховъ, какъ полагается при смерти... На одинъ шагъ умирающей отъ Божьяго суда: тотъ, кто весело пройдетъ этотъ шагъ, значить, былъ хорошъ на землѣ. По смерти можно узнать, куда кто пойдетъ. Всякій видитъ, кто за нимъ придетъ. Каково ему, видно по лицу, связанъ языкъ и не можетъ произнести ни слова. Царь Николай не умиралъ, а заснулъ, какъ малое дитя у матери на колѣняхъ. Когда умеръ сильный царь Николай, котораго безъ неподкупной Божьей воли ничто не могло побѣдить (коме ништа додијат не мога без немитне без Божије воље), вздрогнуло все русское царство, потряслась въ ужасѣ вся земля, весь міръ отъ того поколебался. Не шутка, когда такая голова закроетъ очи и испустить душу. Кромѣ злоумышленниковъ и злодѣевъ, всѣ пожалѣли добраго царя, и никто не можетъ забыть о немъ“.

Такъ воспѣла эту смерть сербская поэзія. Въ официальномъ органѣ сербскаго правительства была напечатана, кромѣ некролога, обширная біографія царя (Србске Новине. XXII т. 1855 г.), а въ газетѣ „Световидъ“ нѣсколько лѣтъ спустя была напечатана заимствованная изъ нѣмецкаго журнала „Gartenlaube“ восторженная характеристика Николая I (X. 1861 № 62).

5. Оцѣнка роли Россіи.

При такой высокой оцѣнкѣ личности и общаго значенія имп. Николая I сербская печать нѣсколько разъ рѣзко выступала противъ его политики и, вообще, противъ главенствующей роли Россіи въ Восточномъ вопросѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ появляется сербская газета, начинается дѣленіе сербской общественности на два лагеря, что до извѣстной степени сохраняется и донинѣ. Одинъ изъ этихъ лагерей можетъ быть названъ въ широкомъ смыслѣ слова славянофильскимъ съ оріентаціей на Россію, другой западническимъ со склонностью отчасти къ германскому міру, но главнымъ образомъ

съ орієнтаціей на Францію и отчасти на Англию. Это тяготѣніе къ Франціи сербскаго общественнаго мнѣнія ведетъ свое начало съ давнихъ поръ, и когда послѣ Крымской кампаніи появляются первые признаки русско-французскаго сближенія, вся сербская печать, какъ увидимъ ниже, привѣтствовала ихъ. Въ своей статьѣ: „Почеци дипломатскихъ односа Вел. Британије и Србије“ (Из нове српске историје. 1926. Српска Књиж. Задруга. Коло XXIX. Бр. 103) покойный Мих. Гавриловичъ показалъ, какъ возникли первыя дипломатическія отношенія освобожденной Сербіи, и какую роль въ нихъ занимало тяготѣніе на Западъ. Что касается Россіи, то непосредственное вмѣшательство имп. Николая I въ ея внутреннія дѣла внушало естественное опасеніе, что готовится перемѣна верховной власти въ Сербіи. Были забыты прежнія воззрѣнія на русскихъ государей, какъ на естественныхъ претендентовъ на сербскія земли, о чемъ такъ горячо говорили старѣйшины сербскаго народа, поднесшіе въ 1807 г. свой адресъ имп. Александру I, и это вмѣшательство Россіи въ государственныя дѣла Сербіи стало трактоваться вождями политики, какъ угроза самостоятельности сербскаго народа. Въ 1837 г. соперничество Англии и Россіи кончилось поражениемъ англійскаго вліянія: „Ходжесъ своей дѣятельностью, говоритъ Мих. Гавриловичъ: — далъ новую жизнь русскому вліянію“. Еще такъ недавно, въ 1833 г., по договору въ Ункіаръ-Скелесси, Сербія получила шесть нахій, о чемъ не замедлили высказаться сербскіе поэты (см. выше). Но въ 1842 г. все перемѣнилось: низложеніе князя Михаила и его борьба съ „уставобранителями“ дали поводъ для принципиальнаго вопроса: какъ далеко простирается сила русскаго вліянія въ Сербіи, и вообще говоря, вредно или благотельно для сербскаго народа самое это вліяніе. Какъ опредѣляетъ новѣйшій историкъ этого конфликта, др. Страняковичъ („Влада уставобранителя“ 1842—1853. Унутрашња и спољашња политика. Б. 1932 стр. 328. 8°), „Россія была недовольна уставобранительскимъ режимомъ. Она никакъ не могла примириться съ тѣмъ, что событія въ Сербіи разыгрываются безъ ея вѣдома, и что перемѣны режима совершаются безъ ея согласія, и не могла спокойно наблюдать и одобрять режимъ, который стремился къ тому, чтобы воспретить ей всякое вмѣшательство во внутреннія сербскія дѣла... Русское правительство очень хорошо чувствовало и предвидѣло, что Сербія съ помощью Франціи и Англии скоро можетъ сдѣлаться Пиемонтомъ всѣхъ южныхъ славянъ, а особенно сербовъ и болгаръ“.

Въ сербскихъ газетахъ за 1842 г. отражается очень любопытно эта борьба мнѣній, борьба между руссофильствомъ и западничествомъ.

Переоцѣнка русскаго значенія для Сербіи начинается съ 1840 г., т. е. съ момента борьбы уставобранителей противъ Россіи. „Сербске Народне Новине“ уже въ 1840 г. (№ 63) отмѣтили, что уставобранители Вуичъ и Петроніевичъ напрасно „на великомѣрно Руссіе слово се ослабляю“. Въ 1841 г. та же газета помѣстила 11 октября (№ 92) статью „са сръбске границе“, которая пропитана руссофобствомъ. Эта статья такъ любопытна, что я приведу изъ нея нѣкоторыя извлеченія: „Я признаю — говоритъ авторъ — что Русскій любитъ Серба, но какъ любитъ хозяинъ слугу, въ преданности и услужливости котораго увѣренъ. Я признаю, что Русскій трактатами съ Турціей повысилъ положеніе Сербіи, но я бы хотѣлъ, чтобы Сербы въ этотъ моментъ (у тай пар) сдѣлали одинъ чрезвычайный шагъ и протестовали противъ всякихъ благодѣяній. Тогда Россія выполняла средствами Сербіи свой рассчитанный на столѣтія планъ „ослабленія Турціи“, и когда ея орелъ не могъ своимъ клювомъ ударить по башнѣ св. Софіи, онъ желалъ хотя бы раскинуть свои покровительствующія крылья отъ Чернаго моря до Авалы. А это покровительство является на половину владычествомъ. Съ того времени Сербія при облегченіяхъ, которыя она получила бы все равно само собой въ силу времени и при вліяніи другихъ силъ, имѣла двухъ государей. И если-бы когда-нибудь былъ поднятъ вопросъ о независимости Сербіи, то ей было бы легче освободиться отъ турецкаго ярма, нежели отъ русской дружбы. Время будетъ мнѣ свидѣтелемъ“.

Черезъ два номера (№ 94) изъ Бѣлграда (15 ноября) была прислана въ ту же газету корреспонденція, ставившая всѣ точки надъ і. Вотъ что здѣсь говорилось: „Многіе удивлялись, какъ это русская политика могла согласиться на то, чтобы Сербіи и сръбскому народу были даны конституція и свобода, когда Россія въ своей землѣ ни за что не даетъ этого своимъ народамъ: а теперь опять кое-кто, а, можетъ быть, и тѣ же самые удивляются, что русская политика позволила упасть тѣмъ самымъ людямъ, которые требовали и вырабатывали уставъ, и съ которыми и она работала надъ установленіемъ устава. Но тутъ не увидитъ никакого чуда тотъ, кто видѣлъ, что Уставъ былъ просто камнемъ, брошеннымъ подъ ноги князю Милошу, на который онъ и споткнулся по своей поспѣшности и потому, что на это его толкали. А за тѣмъ та же участь скоро постигла и тѣхъ, кто послѣ этого паденія совершенно конституціонно по Уставу началъ управлять и дѣйствовать. Особенно не станеть удивляться тотъ, кто видитъ напоследокъ, что вліяніе русской политики въ этой землѣ и теперь остается все также значительно, и еще значительнѣе, чѣмъ когда либо ранѣе. Эта участь уставобранителей будетъ имѣть значе-

ніе, по крайней мѣрѣ, капли холодной воды, упавшей на разгоряченныя головы тѣхъ, кто страдалъ излишнимъ „рус-солюбіемъ“. Къ этому язвительному замѣчанію неизвѣстный авторъ добавляетъ: „Не могу сказать, чтобы такихъ было много въ этомъ народѣ, а еще меньше такихъ, которые понимаютъ дѣло. Однако, есть и такіе, которые разсуждаютъ такъ, что можно подумать, что они хотѣли бы, чтобы старая Сербія сдѣлалась такой же губерніей Русскаго царства, какъ Новая Сербія, и чтобы здѣшніе Сербы были по отношенію къ русскимъ тѣмъ же, чѣмъ тѣ сербы“. Теперь эти фантазеры получили хорошій урокъ — разсуждаетъ авторъ. Можетъ быть, прекратится наконецъ и ненависть сербовъ изъ Княжества противъ австрійскихъ сербовъ.

На эту статью вскорѣ послѣдоваль отвѣтъ, „од Србина изъ Сербіи“ (Сербске Народне Новине 1842 № 4). Автора, который принадлежалъ, очевидно, по словамъ предшествующей статьи, къ числу малочисленныхъ руссофиловъ, возмутили рѣзкіе выпады „корреспондента“ противъ Россіи, и онъ обстоятельно возражаетъ ему. „Я думаю — говоритъ Србинъ изъ Сербіи, — что это Вашъ корреспондентъ или говоритъ о вещахъ, которыхъ онъ хорошо не знаетъ, или говоритъ такъ только изъ озорства (за инат). Кто хотѣлъ бы доказать, что Русскіе не принесли Сербіи никакой пользы и не оказали ей никакого благодѣянія, долженъ былъ бы сначала доказать, что для Сербіи было бы лучше, чтобы она и теперь оставалась подъ турецкой властью, какъ напр. Боснія и Болгарія. Ибо, какъ Греція не могла бы сдѣлаться королевствомъ безъ помощи трехъ великихъ европейскихъ державъ, такъ и Сербія безъ русской помощи и безъ русскихъ договоровъ не могла бы сдѣлаться Княжествомъ, но и теперь оставалась бы только турецкимъ пашалыкомъ, въ которомъ чинили бы судъ и расправу Кади, муселимы и тахи“... Послѣ этого авторъ отвѣта обращается къ историческому прошлому. „Когда этотъ вашъ г. корреспондентъ упоминаетъ о русскихъ трактатахъ, онъ, вѣроятно, знаетъ, что турки подписали свободу и права Сербскому народу въ Сербіи прежде всего въ Букарештѣ въ 1812 г., а потомъ и знать объ этомъ не хотѣли. Потомъ они подписали договоръ въ Аккерманѣ въ 1826 г., но потомъ опять тянули и откладывали, стараясь совсѣмъ не приводить въ исполненіе договоръ. Потомъ они подписали договоръ въ Адрианополѣ въ 1829 г., но когда Дибичъ съ войскомъ ушелъ, опять они не хотѣли и знать о нѣкоторыхъ пунктахъ договора, и это тянулось еще четыре года, пока кое-какъ дѣло не закончилось. Но какъ же разумный человекъ, зная это, могъ сказать или даже подумать, что сербы сами могли бы добиться того, чего они еле-еле добились и съ русской помощью? А что г. Кор-

респондентъ говоритъ, что все это русскіе дѣлали ради своей выгоды, этого нельзя совершенно отрицать: если спокойно подумать, нельзя не признать, что на этомъ свѣтѣ никто ничего не дѣлаетъ безъ пользы для себя. Но справедливо ли и разумно ли, чтобы я тому, кто мнѣ помогаетъ въ бѣдѣ, хотя и самъ извлекаетъ изъ этого нѣкоторую выгоду, не только не былъ благодаренъ, но еще ругалъ его или протестовалъ противъ его благодареній?”

Въ отвѣтъ на указаніе корреспондента на ненависть сербскихъ сербовъ къ австрійскимъ, авторъ разсматриваемой статьи отвѣчаетъ сомнѣніемъ, существуетъ ли такая ненависть. Если же и есть нѣкоторое недоброжелательство, то Россія здѣсь не при чемъ: его источникъ заключается въ желаніи австрійскихъ сербовъ командовать въ Княжествѣ.

Въ 1843 г. волна руссофобства достигла кульминаціоннаго пункта. Несочувствіе русскаго правительства къ направленію политики новаго князя Александра Карагеоргіевича чрезвычайно раздражало сербское общественное мнѣніе въ Княжествѣ, и рѣзкія статьи противъ Россіи появляются уже не только въ заграничныхъ (новосадскихъ) газетахъ, но и въ самомъ Бѣлградѣ. Въ то время, какъ офиціальнй органъ „Новине Србске“ не рѣшался высказывать свое недовольство русской политикой, и напр. въ 1842 г. (№ 40), когда имп. Николай прислалъ въ Константинополь Бутенева, эта газета ограничилась многозначительнымъ, но сдержаннымъ замѣчаніемъ: „мы надѣемся, что Онъ (съ большой буквы въ текстѣ) и теперь съ извѣстнымъ своимъ благоразуміемъ увидитъ наши событія въ истинномъ и правильномъ смыслѣ“, — въ это время „Сербске Народне Новине“, и газета, выходившая въ самомъ Бѣлградѣ и рьяно отстаивавшая интересы князя „Сербскій Улакъ“ (Serbischer Courier), крайне рѣзко говорятъ о Россіи. Такъ, въ „Сербскихъ Новинахъ“ за 1843 г. (№ 4) говорилось слѣдующее: „Всѣ знаютъ, что Сербія есть провинція Турецкой имперіи“, а если Россія называется покровительницей Сербіи, то это названіе примѣнимо къ ней лишь постолько, поскольку сами сербы взываютъ къ ея помощи. Россія не можетъ негодовать ни на Сербію, ни на Порту за то, что въ Княжествѣ находится вмѣсто Михаила Обреновича Александръ Карагеоргіевичъ, такъ какъ въ мирныхъ договорахъ Россіи съ Турціей объ этомъ, какъ о княжествующемъ лицѣ, нѣтъ ни слова. Нѣсколько времени спустя, въ № 29 той же газеты за тотъ же годъ было напечатано слѣдующее: „При такомъ отношеніи (Россіи) Сербамъ приходитъ въ голову, что Россія обязана Сербіи не меньше, если не больше, чѣмъ Сербія Россіи, такъ какъ Россія никогда не жертвовала собой ради Сербіи, какъ сербы за Россію въ 1813 г., когда она пала жертвой

русской политики". Затѣмъ въ той же газетѣ рядъ другихъ руссофобскихъ статей. Въ такомъ же духѣ пишетъ „Сербскій Улакъ“ (№ 12): „Даже если Россія что и дѣлала для Сербіи, то она дѣлала это, какъ союзница Сербіи, по своей обязанности, за жертвы, принесенныя ей Сербіей. И если теперь Россія желаетъ ей мира и порядка, она должна избѣгать того, что можетъ внести въ народъ колебанія. Россія ничего не имѣетъ возразить на то, что князь Михаилъ свергнуть съ престола, но возражаетъ на сдѣланный вслѣдствіе этого сверженія выборъ, иначе говоря: одно она одобряетъ, а другого, что вытекаетъ изъ перваго, не одобряетъ, но требуетъ новаго выбора. Но какъ же можетъ быть совершенъ новый выборъ? Это очень большой вопросъ.“ Въ слѣдующемъ номерѣ газета продолжаетъ свои обличенія не-лояльности русской политики.

Не слѣдуетъ однако думать, что это руссофобство было господствующимъ теченіемъ сербской мысли: въ тѣхъ же „Сербскихъ Новинахъ“, въ томъ же 1843 г., была напечатана горячая руссофильская статья, въ которой доказывалось, что „въ Россіи царь и Россія есть одно и то же“. И рядъ статей въ томъ же духѣ. А, въ 1845 г. произошло слѣдующее. Пользуясь словами книги г. Страняковича, которая совершенно чужда руссофильства и преувеличенія въ этомъ направленіи, „въ 1845 г. Вучичъ покидаетъ своихъ прежнихъ товарищей и друзей изъ народной партіи и присоединяется или, лучше сказать, основываетъ русскую партію... Въ народѣ было довольно сильно развито чувство благодарности и почтенія къ Россіи вслѣдствіе услугъ, которыя она раньше оказывала сербскому народу. Вучичъ, опираясь на эти симпатіи въ народѣ къ Россіи, надѣялся, что въ случаѣ какого-нибудь критическаго момента, онъ будетъ въ состояніи, пользуясь именемъ русскаго царя и русскаго народа, привлечь въ свою партію большую часть сербскаго народа“.

Такъ и случилось. А въ 1849 г. произошло событіе, которое опять заставило сербовъ проявить свои чувства къ Россіи.

5. Венгерское возстаніе и русское вмѣшательство.

Совершенно исключительнымъ событіемъ въ исторіи австрійскихъ сербовъ явилось русское вооруженное вмѣшательство въ австрійскую революцію и венгерское возстаніе 1849 г. Изъ какихъ бы побужденій ни вмѣшался въ эти внутреннія австрійскія дѣла императоръ Николай I, онъ оказался союзникомъ хорватскаго бана Јелачича и народностей, для которыхъ венгерское возстаніе явилось истиннымъ бѣдствіемъ, такъ какъ венгерскій шовинизмъ не ща-

диль славянъ, румынъ и нѣмцевъ Венгріи. Очень интересныя воспоминанія о томъ, какимъ ореоломъ было окружено русское имя въ Вѣнѣ въ эту пору, находятся въ мемуарахъ М. Полита Десанчича. Въ благодарственной одѣ Чокерляна, посвященной вмѣшательству русскаго царя въ австрійскія дѣла, обнаруживается то чувство восхищенія, которымъ были проникнуты люди, спасенные русской интервенціей отъ насилія со стороны мадьяръ. Тѣ же настроенія обнаруживаются и въ современной этимъ событіямъ газетной литературѣ. „Напредак“, который издавался Дан. Медаковичемъ сначала въ Карловцахъ, а потомъ въ Земунѣ, въ 1849 г. далъ выраженіе этимъ чувствамъ. Эта газета была близка къ Вуку Стефановичу Караджичу, издавалась орфографіей, если и не вполне Вуковской, то все же сравнительно близкой къ ней, помѣщала статьи самого Вука, а потому нельзя думать, что „Напредак“ былъ спеціально руссофильскимъ органомъ.

Въ № 34 „Напредка“ за 1849 г. по поводу вступленія русскихъ войскъ въ Венгрію было напечатано слѣдующее: „И мы пропали бы, если бы не пришли русскіе. И мы имъ въ два, въ десять разъ больше должны радоваться, чѣмъ нѣмцы, потому что, если они намъ и не близки (присни), то все-таки родня... Чѣмъ раньше они войдутъ (въ Венгрію), тѣмъ скорѣе будетъ отомщена наша пролитая невинная кровь, тѣмъ скорѣе наша жизнь будетъ въ безопасности“. Другая газета, „Вѣстникъ“, возникшій 21 марта 1848 г. въ Пештѣ и перенесенный съ 6 мая въ Карловцы, а затѣмъ съ 1 апрѣля 1849 г. въ Земунъ, органъ Константина Богдановича, отличался руссофильствомъ съ самаго своего возникновенія. Возставая на тѣ нападки, которыя проникали въ мадьярскую печать, когда заходила рѣчь о Россіи, эта газета очень осторожно сначала давала понять о своей несолидарности съ такими нападками. „Въ праздникъ свободы и гуманности неприлично ненавидѣть и болѣе сильнаго, недостойно его ругать одними словами, но или къ дѣлу, или, если на это у насъ нѣтъ смѣлости, признаемъ, что такимъ бросаніемъ словъ на вѣтеръ мы теряемъ собственное свое достоинство. Россія имѣетъ лучшія фабрики и мануфактуру, нежели мы. Россія имѣетъ гораздо больше денегъ, чѣмъ мы, а что касается ея литературы, то мы на основаніи самаго языка ея можемъ доказать, что весь прославленный дипломатическій французскій языкъ долженъ уступить русскому. Въ прошломъ году Россія помогла и деньгами оправиться павшей Европѣ, и голодную ее накормила. Есть въ обширной Россіи дикія страны, а развѣ нѣтъ подобныхъ въ Англіи и Франціи, которыя много меньше Россіи“. Въ томъ же номерѣ (№ 7) по поводу сербско турецкихъ отношеній говорится слѣдующее: „Наше сердце говоритъ намъ, что русскіе такъ же жалѣютъ

своихъ братьевъ Босняковъ и Болгаръ, какъ и мы, что бы они ни говорили по политическимъ причинамъ. Наше сердце говоритъ намъ, что Русскіе едва могутъ дожидаться, когда поднимутся и сбросятъ турецкій позоръ. Болѣе того, Русскіе и хотятъ помочь имъ, нужно только, чтобы Сербы, какъ уже освобожденные братья ихъ, начали“.

Съ перенесеніемъ газеты въ Земунъ изъ Карловцевъ, которые были въ районѣ борьбы, „Вѣстникъ“ еще откровеннѣе высказывается о русской политикѣ. Сообщая о враждебныхъ выпадахъ противъ Россіи мадьярской печати, газета прибавляетъ (№ 11): „Мы со своей стороны испытываемъ совершенно иное. Русскихъ мы ни мало не боимся: можетъ быть, потому, что мы родственны имъ. Русскимъ со всѣхъ сторонъ угрожаютъ. Они молчатъ и не угрожаютъ никому. На всѣ угрозы не обращаютъ никакого вниманія. Русский знаетъ, что дѣлаетъ... Честный и разумный человѣкъ долженъ радоваться, что Русскіе вступили въ Эрдель“, потому что они вступили, какъ защитники слабыхъ отъ неистовства мадьяръ. Въ одномъ изъ послѣдующихъ номеровъ (№ 30) эта газета рѣшительно заявила, что русская политика есть воплощеніе чистой морали. Такъ судили сербы, которые знали, что дѣлали русскіе въ Венгріи, и понимали, что рѣчь шла не о поддержкѣ реакціонной политики Австріи и Меттерниха, но о защитѣ славянъ. Опять императоръ Николай I выступалъ, какъ и въ сербской политикѣ, освободителемъ и защитникомъ. Это было нѣчто фатальное: самый ярый представитель самодержавія, боровшійся со всѣми проявленіями общественной мысли у себя дома, поддерживавшій въ Россіи самыя суровыя формы крѣпостного права, оказывался въ своей внѣшней политикѣ, направленной, по модному выраженію, на чисто имперіалистическія цѣли, борцемъ за свободу и право православнаго и братскаго по крови населенія Турецкой имперіи и даже Венгріи. Когда Толстой выпустилъ книгу о венгерской кампаніи, ее поспѣшили перевести на сербскій языкъ. „Воеванѣ руске войске у Маџарской, подъ заповѣсти фелдмаршала кнеза Варшавскога графа Паскевиѣа Ериванскога, съ историчнымъ прегледомъ Маџарске“ было напечатано сначала въ газетѣ „Србске Новине“ (XVIII. 1851 г. № 75—81, 83—86), а потомъ въ томъ же году отдѣльной книжкой (преводъ съ французскогъ, са сликомъ кнеза Паскевиѣа 12°, 78 стр.).

Такъ судили тогда, но венгерская кампанія была представлена общественнымъ мнѣніемъ Европы, какъ возмутительное насиліе надъ правами народа. Забыли и сами сербы, что русская интервенція спасла ихъ отъ тяжкаго гнета, которому они съ 1867 г., со времени австро-венгерскаго дуализма, оказались вполнѣ все-таки подвержены, и вотъ

венгерская кампанія уже ставится въ вину Россіи. Въ 1890 г. въ одномъ изъ сербскихъ журналовъ (Домаћи Пријатељ I. 1890 № 9) — было напечатано изображеніе надгробнаго памятника, поставленнаго на могилѣ умершаго въ Венгріи русскаго генерала Самарина съ надписью: Немезида (о генералѣ Самаринѣ). Это можетъ служить однимъ изъ примѣровъ той душевной смуты, которую нерѣдко порождало въ русско-славянскихъ отношеніяхъ вліяніе западныхъ враговъ Россіи. Современники событій понимали ихъ болѣе правильно.

6. Крымская кампанія.

Въ драмѣ, посвященной смерти имп. Николая I, и въ поэмѣ Новича-Оточанина: „Московија“ Крымская кампанія представлена, какъ сознательная и самоотверженная защита русскимъ царемъ православнаго населенія Турецкой имперіи, какъ планомерное продолженіе разрушенія Турціи, въ которомъ, какъ выразилась и позже одна сербская газета, одна Россія никогда не шла на компромиссъ съ Турками.

Передъ самой Крымской войной произошелъ инцидентъ, который отразился на сербскихъ отношеніяхъ къ Россіи. До сихъ поръ политическое существованіе Сербскаго княжества опредѣлялось мирными договорами Россіи съ Турціей: слѣдовательно, при всякой войнѣ между этими державами, постоянно воевавшими другъ съ другомъ, положеніе Сербіи дѣлалось рискованнымъ. Политика „уставобранителей“ имѣла своей задачей подвести подъ политическое бытіе молодого Сербскаго княжества какія-нибудь болѣе опредѣленныя международныя гарантіи, чего можно было достигнуть только путемъ сближенія съ западно-европейскими государствами. Эта политика (См. Слоб. Јовановић. Спољашна политика Илије Гарашанина. Срп. Књиж. Гласник т. XXXIV. 1931), съ другой стороны, не могла соответствовать интересамъ Россіи, которая стояла въ преддверіи важнаго политическаго шага. Она должна была опереться на сербское доброжелательство, чему мѣшала министръ иностранныхъ дѣлъ Илья Гарашанинъ.

Въ мартѣ 1853 г. русскій ген. консулъ Туманскій передалъ князю требованіе Россіи объ удаленіи этого министра съ его поста. Это требованіе пришлось выполнить, но за нимъ ожидали новыхъ требованій. Держ. Совѣтъ Княжества собрался на совѣщаніе и вынесъ рѣшеніе поддержать князя и просить его отклонить требованія Россіи, которыя умаляютъ самостоятельность Сербіи. Князь принялъ адресъ Держ. Совѣта съ благоволеніемъ. Этотъ инцидентъ, о которомъ имѣется специальная брошюра (М. Христић. Један листак из дипломатске историје Србије. Руски уплив у Србији

1853 г. Б. 1893), нашель довольно слабое освѣщеніе въ современной сербской журналистикѣ. Офіціальныя „Србске Новине“ не рѣшились открыто полемизировать съ русской политикой. Князь ограничился рескриптомъ на имя Гарашанина и пожалованіемъ ему въ пенсію всего получавшагося имъ оклада жалованія, но въ этихъ рескриптахъ, гдѣ нѣтъ ни одного слова о Россіи, чувствуется глубокая обида. Выходившіе въ это время газеты и журналы также молчали, кромѣ „Сербскаго Дневника“, который издавалъ въ Новомъ Саду Дан. Медаковичъ. Здѣсь была помѣщена очень интересная корреспонденція изъ Бѣлграда (№ 25). Изложивъ ходъ дѣла и высказавъ опасеніе, что отставкой Гарашанина не ограничатся требованія Россіи, авторъ приписываетъ главную роль въ этомъ печальномъ событіи Вучичу, который стоялъ тогда во главѣ русской партіи. Вучичъ отомстилъ Гарашанину и „теперь смѣется“. Затѣмъ передается презабавная деталь, рисуемая возникшее въ обществѣ руссофобство. Племянникъ Гарашанина устроилъ своеобразную демонстрацію: „этотъ племянникъ во многихъ мѣстахъ спрашивалъ: „какъ говорится по русски „добро јутро“ и всюду ему отвѣчали: „бонъ журъ“. Прошло, однако, извѣстное время, началась война съ турками, которая велась во имя защиты православныхъ подданныхъ Султана, и та же газета вполнѣ оправдываетъ политику имп. Николая, когда онъ потребовалъ удаленія Гарашанина: „Въ то самое время, когда Россія начала добиваться улучшенія отношеній и правъ для бѣдныхъ христіанъ въ Турціи, сербское правительство вступило въ какія-то дружескія отношенія съ французскимъ консуломъ и съ эмигрантами (польскими), которые, какъ враги Россіи и Австріи, нашли убѣжище въ Сербіи. Вслѣдствіе этого русское правительство потребовало удаленія того, который, такъ сказать, дремалъ со всей землей“ (Србски Дневник 1853 г. № 98).

Вскорѣ началась война. Тотъ же „Србски Дневник“ до такой степени горячо стоялъ на сторонѣ Россіи, такъ горячился по поводу русскихъ неудачъ, такъ увѣрялъ, что русская слава и честь не затронуты, что въ концѣ концовъ возбудилъ противъ себя недовѣріе: пустили слухъ, что онъ издается на русскія деньги. Но русское правительство не было настолько дальновидно, чтобы, дѣйствительно, поддерживать дружественный ему органъ. Въ отвѣтъ на инсинуаціи „Србски Дневник“ отвѣчалъ нѣсколько лѣтъ спустя (1858 г. № 18), что русское правительство не только не поддерживаетъ его, но даже не допускаетъ въ Россію. „Теперь, вѣроятно, намъ никто не будетъ завидовать по поводу такихъ нашихъ отношеній съ Россіей“ — съ горькимъ юморомъ прибавляетъ газета.

Сербское правительство держалось или было вынуждено держаться строгаго нейтралитета: Австрія угрожала занять своими войсками Боснію и Сербію въ отвѣтъ на русское занятіе Придунайскихъ княжествъ, и Сербія заявила, что она вооруженнымъ путемъ будетъ бороться со всякой попыткой перейти черезъ ея границы (Юв. Ристић. Србија и Кримска војна. (1852—1856). Спољашњи одношаји Србије.— Гласник Срп. Уч. Друштва 1885, стр. 1; Улога кнеза Александра Карађорђевића у Кримском рату. — Дело т. 46. 1908, стр. 138). Но неофициальная Сербія была, вѣроятно, вся на сторонѣ Россіи, которая выступила такъ красиво на защиту православныхъ народовъ. Сколько могла, сербская печать поддерживала эти настроенія. Въ журнальчикахъ „Седмица“, „Шумадинка“ и „Светозоръ“, въ газетахъ „Световидъ“ и „Србски Дневник“ обнаруживается явное сочувствіе къ Россіи. Такъ напр., когда разнеслись ложные слухи о паденіи Севастополя, то „Световидъ“ (1854 № 35) писалъ: „Итакъ Севастополь остался живъ. Это хорошій русскій ледъ, который долженъ охладить черезчуръ разогрѣтыя головы въ Европѣ“, а „Србски Дневник“ (1854 № 78) иронизировалъ: „Что касается паденія Севастополя, то мы можемъ утѣшить тѣхъ, кто мечталъ о немъ: дѣйствительно, палъ Севастополь, но это не русскій городъ, а торговая фирма въ Триестѣ“.

Очень негодуетъ руссофильская газета на то, что русскій ген. консулъ Мухинъ долженъ былъ покинуть Бѣлградъ, по требованію турокъ, когда началась война. вмѣсто того, чтобы защитить представителя своего Покровителя, сербы отступились отъ него: заявляетъ эта газета. Мухинъ будто бы хотѣлъ нанять себѣ квартиру въ Бѣлградѣ, но когда увидѣлъ явную неприязнь къ нему во многихъ сербскихъ кругахъ, перебрался въ Земунъ. Въ день именинъ русскаго царя, въ маѣ мѣсяцѣ, въ церкви были только живущіе въ Бѣлградѣ русскіе (числомъ два), да сербы — русскіе воспитанники, а правительство отсутствовало. Въ день Андрея Первозваннаго за обѣдней поминали султана, а русскаго императора Николая не поминали: а между тѣмъ въ этотъ день именно его и надо было бы помянуть, а за нимъ князя Милоша, а потомъ всѣхъ тѣхъ героевъ сербовъ, которые воевали вмѣстѣ съ Милошемъ (См. „Србски Дневник“ за 1853 г. №№ 89, 98, 99, 100, за 1854 № 8, 14, 17, 18). Образъ самого стараго императора рисуется, какъ идеаль благородства и безстрашія. Николай, „тай херой европског гласа у сваком погледу“ (№ 56), не побоится Европы..

Смерть Николая I вызвала рядъ некрологовъ во всей тогдашней немногочисленной сербской прессѣ (Србске Новине 1855, др. газеты). Въ „Седмицѣ“ были переведены отрывки изъ книги: „Послѣдніе часы жизни Императора Николая Перваго“ (Седмица IV, 1855, стр. 139—146, 156, 164, 174). Николай заслужилъ эту добрую славу, какъ первый послѣдовательный борецъ за славянъ въ Турціи.

И. И. Лапшинъ.

КОМИЧЕСКОЕ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ Л. Н. ТОЛСТОГО.

I.

Для того, чтобы понять природу комическаго въ художественномъ творествѣ Толстого, нужно дать себѣ отчетъ прежде всего въ томъ, въ какихъ формахъ проявлялось у Толстого чувство комическаго въ жизни, былъ ли онъ склоненъ къ мягкому юмору или къ ѣдкой пародіи и злому сарказму, или, наконецъ, онъ пользовался всѣми формами комическаго въ своемъ отношеніи къ людямъ. Съ другой стороны, интересно познакомиться съ его отношеніемъ къ комическому въ произведеніяхъ другихъ художниковъ. Наконецъ (и къ этому мы обратимся въ концѣ статьи), важно установить связь между тѣмъ, въ какомъ соотношеніи трактовка Толстымъ комическаго въ жизни и въ искусствѣ находится съ его общимъ метафизическимъ міровоззрѣніемъ, въ частности съ его отношеніемъ къ проблемѣ зла.

II.

Мрачный и злобный сатирикъ Свифтъ продѣлывалъ въ жизни то, что англичане называютъ *practical jokes*, не особенно пріятные для тѣхъ, кто были жертвами его шутокъ. Такъ, Свифтъ сочинилъ „Разсужденіе о метлѣ“, которое приписалъ проповѣднику Бойлю и прочелъ это произведеніе леди Бэркли, которая, не понявъ злой мистификаціи, восхищалась этой вещью, не замѣтивъ, что это издѣвательская пародія. Толстой любилъ и въ юности, и въ старости невинныя веселыя шутки, вродѣ дѣтской пародіи на итальянскую оперу, которая была разыграна у Берсовъ подъ его аккомпаниментъ. Во время пребыванія въ Севастополѣ Толстой принималъ участіе въ составленіи остроумной пѣсни въ стилѣ солдатскихъ частушекъ, но и эту пѣсню нельзя назвать злой. А. Л. Толстая рассказываетъ, что во время ея

дѣтства у нихъ въ деревнѣ была некрасивая, грязная и вороватая кухарка Аксиныя. Толстой увѣрялъ ее, что она похожа на Семирамиду, что приводило ее въ восторгъ — такъ всѣ и прозвали ее Семирамидой (см. „Современныя Записки“ т. 45). Онъ любилъ посмѣяться какому-нибудь дѣтски наивному анекдоту, который часто со смѣхомъ пересказывалъ своимъ друзьямъ. Такъ, на примѣръ, докторъ И. Н. Альтшулеръ любезно сообщилъ мнѣ, какъ Толстой съ веселымъ смѣхомъ рассказывалъ ему неоднократно анекдотъ объ армянинѣ, который выражалъ удивленіе, почему люди руки моютъ каждый день, а ногъ никогда не моютъ. Толстовскія шутки надъ другими бывали безобиднаго свойства. Такъ, на примѣръ, когда въ Ясную Поляну пріѣхала однажды одна родственница Толстыхъ, противница вегетаріанства, то, садясь за обѣденный столъ, она съ изумленіемъ увидѣла привязанную живую курицу, а на ея приборѣ былъ положенъ большой кухонный ножъ. В. Ф. Булгаковъ, которому я обязанъ цѣнными библиографическими указаніями касательно комическаго у Толстого, любезно сообщилъ мнѣ, что Толстой, какъ ребенокъ, смѣялся анекдоту объ армянинѣ, который прочелъ съ неправильнымъ удареніемъ надпись на стеклянкѣ съ микстурой „Послѣ приема пищи“, и пицалъ всякій разъ, когда глоталъ лекарство. Илья Львовичъ Толстой рассказываетъ въ книгѣ „Мои воспоминанія“ о невинныхъ шуткахъ, которыя выдумывалъ Толстой, играя съ дѣтьми, или желая утѣшить плачущаго. Въ послѣднемъ случаѣ, на примѣръ, декламировались слѣдующіе „нѣмецкіе“ стихи:

Die angenehme Winterzeit
Ist очень карашо'.
Beiweilen wird ein wenig kalt,
Небось, будетъ тепло.
Auch wenn man doch nach Hause kommt
Da steht der Punsch bereit.
Ist nicht очень карашо
In kalter Winterzeit?

Однако Толстой, обладая темнымъ темпераментомъ, не былъ, вообще говоря, экспансивенъ, и общеніе съ нимъ, особенно въ его молодости, часто приводило окружающихъ его къ спорамъ и столкновеніямъ. Онъ былъ „задира“, по словамъ д-ра Елпатьевскаго (Кр. Новь, 1927, 9). Къ этому поразительному и загадочному несоотвѣтствію между рѣзкостью, грубостью Толстого въ литературной полемикѣ и въ бесѣдѣ, когда онъ норовитъ даже порой обидѣть противника, съ его подлинной непротивленческой неспособностью къ сатирѣ и ѣдкому сарказму я вернусь еще въ концѣ статьи.

III.

Толстой цѣнилъ комическое въ художественныхъ произведеніяхъ другихъ писателей, но обнаруживалъ къ проявленіямъ комическаго опредѣленное критическое отношеніе. Поэтому интересно привести его отзывы о другихъ художникахъ мастерахъ въ комическомъ жанрѣ — о Грибоѣдовѣ, Гоголѣ, Островскомъ, Достоевскомъ, Щедринѣ, Слѣпцовѣ, Чеховѣ, Диккенсѣ, Теккереѣ, Мопассанѣ и, наконецъ, о его собственномъ толстовскомъ комизмѣ.

Онъ любилъ Грибоѣдовское „Горе отъ ума“. Онъ, по видимому, цѣнилъ эпиграммы Пушкина — одну изъ нихъ онъ даже какъ-то вспоминалъ во снѣ („у Клариссы денегъ мало“). Онъ восхищается гениемъ Гоголя, сатирикомъ и юмористомъ — „Ревизоръ“, „Мертвыя души“, „Шинель“, „Невскій проспектъ“, „Коляска“ („Игрушечка“, по его замѣчанію) увлекаютъ его. На него произвелъ большое впечатлѣніе Диккенсъ (Давидъ Копперфильдъ, Пиквикскій клубъ), хотя въ Диккенсѣ онъ осуждаетъ чрезмѣрную исключительность, нетипичность его героевъ. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ Гольденвейзеръ сообщаетъ, какъ однажды Т. рассказалъ о нѣкоемъ Воейковѣ, котораго онъ видѣлъ въ своей ранней юности, который былъ гусаромъ, а потомъ пошелъ въ монахи и спился. Воейковъ этотъ былъ очень комиченъ, но въ своей эксцентричности слишкомъ неправдоподобенъ для художественнаго изображенія. Воейковъ любилъ сочинять совершенно невѣроятныя вещи. Такъ, разъ онъ рассказывалъ, что былъ въ ложѣ государя Александра Павловича вмѣстѣ съ Кутузовымъ и однимъ генераломъ. На сценѣ играла французская актриса необыкновенной толщины. „Грудь—во“, — пояснялъ жестаи Воейковъ. „Государь обращается ко мнѣ и говоритъ: „Воейковъ, что это?“ — „Организмъ, Ваше Величество“.

Въ Пушкинѣ и въ Чеховѣ Т. цѣнилъ сжатую форму комическаго. Растянутость, обиліе излишнихъ подробностей наводитъ скуку. „Le secret d'être ennuyeux, c'est tout dire, про Щедрина это вполне можно сказать: онъ всегда все до конца договариваетъ — я никогда не могъ читать его“. Однако, Толстой кое-что цѣнилъ въ сатирѣ и юморѣ Салтыкова. Подобный же упрекъ въ чрезмѣрности (exuberance) онъ дѣлалъ и Лѣскову, котораго очень цѣнилъ за повѣсти религіознаго содержанія.

Толстой находилъ комизмъ Достоевскаго несмѣшнымъ и растянутымъ, цѣнилъ нѣкоторыя вещи Островскаго, любилъ рассказы Слѣпцова и находилъ высокохудожественными многіе рассказы Чехова, котораго вообще любилъ, какъ писателя и человѣка, но упрекалъ его за якобы отсутствіе цѣль-

наго продуманнаго міровоззрѣнія. Апостоловъ въ своей книгѣ „Толстой и современники“ перечисляетъ, какіе именно рассказы Чехова онъ ставилъ выше всего. Таковыми были: Дѣтвора, Хозяйка, Драма, Дама, Тоска, Бѣглець, Въ судѣ, Дома, Злоумышленникъ, Темнота, Спать хочется, Супруга, Дума. Толстому нравились и политическая карикатура *Simplicissimus*'а, и горькій страшный смѣхъ Мопассана, въ которомъ онъ усматривалъ глубокой моральной смыслъ и трагическую серьезность. Въ предисловіи къ собранію сочиненій Мопассана Толстой указываетъ, что у Мопассана была и глубокая искренность, и большое совершенство художественной формы, но далеко не всегда было налицо третье условіе, необходимое для того, чтобы быть великимъ художникомъ — определенная моральная точка зрѣнія на изображаемое. Онъ то преувеличиваетъ свой объективизмъ, то ясно сочувствуетъ безнравственному и даже смакуетъ нѣкоторыя „пакости“ въ особенности въ любовныхъ похожденияхъ своихъ героев. Тѣмъ не менѣе Толстой высоко цѣнитъ его романъ „Жизнь“, повѣсть „На водѣ“, до известной мѣры „*Bel ami*“ и множество его небольшихъ рассказовъ, которые Толстой называетъ прелестными.

Толстой цѣнилъ, какъ крупнаго писателя, Теккеря, о которомъ Дружининъ (по поводу Ньюкоменовъ) написалъ въ 1856 г. статью; въ ней онъ, сопоставляя Толстого и Теккеря, отмѣчаетъ у обоихъ полное отсутствіе погони за эффектами въ художественномъ повѣствованіи (см. книгу Эйхенбаума: „Л. Толстой“, книга 1-ая, Пятидесятые годы, 1928, стр. 249). Это, какъ мы ниже увидимъ, вполне приложимо къ техникѣ комическаго у Толстого — у него нигдѣ нѣтъ нарочитаго нагроможденія комическихъ эффектовъ. Лавина — *boile de neige* смѣхотворныхъ эффектовъ имѣется у Толстого только въ „Плодахъ просвѣщенія“ — сцена сессанса, но и тамъ это кресчендо комизма естественно вытекаетъ изъ получившейся ситуаціи и изъ природы комическихъ персонажей. Эйхенбаумъ допускаетъ и возможность прямого вліянія на Толстого въ этомъ отношеніи англійской оріентаціи.

IV.

Несмотря на свой темный темпераментъ, благодаря которому Толстой долженъ быть названъ психологическимъ пессимистомъ, и самъ Толстой, и его герои смѣются веселымъ беззлобнымъ смѣхомъ. Таковъ смѣхъ Каратаева, Наташи, Аксютки въ „Поликушкѣ“. Лежа на постели и наблюдая за мнимыми страхами окружающихъ, Аксютка смѣялась: „Въ это время Аксютка фыркнула такимъ не-

приличнымъ громкимъ смѣхомъ, что опять должна была спрятать голову въ подушки постели, изъ которыхъ она цѣлый часъ, несмотря на угрозы Дуняши и ея тетки, не могла высунуть ее безъ того, чтобы не прыснуть, какъ будто разрывалось что то въ ея розовой груди и красныхъ щекахъ. Ей такъ смѣшно казалось, что всѣ перепугались, и она опять спрятала голову, какъ будто въ конвульсіяхъ, елозила башмакомъ и подпрыгивала всѣмъ тѣломъ“. Толстой, какъ художникъ, совершенно отвергаетъ не только злобный смѣхъ, бѣдную сатиру, оскорбительный сарказмъ, но даже иронию, особенно по отношенію къ простому народу. Обрисовавъ комическую фигуру Поликушки (который, какъ знаменитый въ округѣ коноваль, сыпаль какъ попало и сулему, и сѣру, составляя убійственное лекарство для лошади и прибавляя иронически: это — не аптека), Толстой спѣшитъ добавить, что и интеллигентные врачи не уступаютъ Поликушкѣ въ своемъ неразуміи. „Я для Димы пишу комедію, говоритъ Толстой. Чтобы не повторяться, я перечиталъ „Плоды просвѣщенія“. Я совсѣмъ ихъ забылъ, и, признаюсь, прочелъ съ удовольствіемъ. Я такъ смѣялся. Очень понравилось мнѣ, когда все уже разъяснилось: „ну, а повышенная температура? А вибрація Гроссмана?“ Нехорошо тамъ въ концѣ — Таня — французская гризетка, да еще нехорошо ироническій тонъ по отношенію ко всѣмъ, особенно, къ мужикамъ“. Свое непротивленіе злу силою Толстой склоненъ распространять и на силу злого смѣха: „Каждый нмѣлъ что сказать въ осужденіе и осмѣяніе бѣдной Манташевой, разговоръ весело затрещалъ, какъ разгорѣвшійся костеръ“ (Анна Каренина).

Л. Я. Гуревичъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Толстомъ (Литература и эстетика, 1912 г., стр. 293) рассказываетъ, какъ однажды послѣ отъѣзда гостей изъ Ясной Поляны, кто-то сталъ забавно передавать претенціозныя замѣчанія одного изъ уѣхавшихъ, который и въ домѣ Толстого не могъ отдѣлаться отъ обычного самодовольнаго ломанія. Толстой остановилъ: „Ахъ, братцы, нехорошо это выходитъ у насъ — принимаемъ гостей, услаждаемся, а какъ они со двора, начинаемъ злословить, неблагогородно выходитъ“. — Да какъ же быть, когда эдакій ломака? Вѣдь смѣшно. — Смѣялись, заговорили, было о другомъ, но скоро вспомнили еще одно изреченіе ломаки. Толстой опять остановилъ. Но вскорѣ вдругъ невольно заговорили о томъ же. — Какъ? Опять? воскликнулъ Толстой со смѣхомъ. „Ну, видно, не совладать. Валяй его въ три кнута, ребята“. И всѣ хохотали до упаду, уже не надъ гостемъ, а больше надъ собой и еще Богъ знаетъ надъ чѣмъ.

Когда въ Ясную Поляну пріѣзжалъ какой-нибудь не-

симпатичный гость, глупый и пошлый болтунъ или подобная же дама, то обитатели Ясной Поляны, подъ предводительствомъ Льва Николаевича, вмѣсто того, чтобы злословить, ради нравственнаго освѣженія бѣгали по комнатамъ галопомъ, изображая „нумидійскую конницу“.

V.

Главнымъ источникомъ мірового зла Толстой считалъ человѣческое неразуміе, выражающееся въ неисполненіи нравственнаго закона, заложеннаго Богомъ въ душѣ человѣка въ видѣ интуитивнаго различенія добра и зла. Поэтому понятно, что онъ видѣлъ въ человѣческой глупости предметъ, достойный осмѣянія, но главнымъ образомъ въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ человѣку доступно просвѣщеніе. Глупость мужиковъ и рабочихъ Толстой изображаетъ рѣдко и осуждаетъ другихъ, на примѣръ, Мопассана, за осмѣяніе глупости рабочихъ и крестьянъ. Однако, и у него встрѣчаются юмористическое изображеніе глупого солдата Митрича, который, ругая бабъ за ихъ невѣжество, обнаруживаетъ самъ весьма смѣшную спутанность мысли. Онъ говоритъ про дѣвченку, которая жила у солдатъ: „Эта то изъ нѣмцевъ, не изъ нѣмцевъ, а азіаты, все равно какъ жида и не жида тоже, изъ поляковъ, а азіаты, Прудлы, Круглы прозвищемъ“. Зато глупость интеллигентныхъ людей у Толстого обрисована въ рядѣ яркихъ образовъ. Вою, Ипполитъ, толстая дама въ „Плодахъ Просвѣщенія“, которая мыслить вслухъ идиотически безсвязно, профессоръ и Звѣздинцевъ. Вотъ образчикъ дамской логики въ „Дьяволѣ“:

„Какъ ты спала послѣ меня? спрашиваетъ мать свою беременную дочь — Лизу. — Да, я спала, мнѣ хорошо. — Какъ можетъ быть хорошо женщинѣ въ ея положеніи въ эту невыносимую жару, когда окна на солнце“, сказала Варвара Алексѣевна. „Да, вѣдь здѣсь тѣнь съ 4 часовъ, сказала Марья Павловна. „Отъ этого и лихорадка, отъ сырости, сказала Варвара Алексѣевна, не замѣчая, что она говоритъ прямо противное тому, что сказала сейчасъ“.

VI.

Подобно Мопассану, Толстой даетъ рядъ комическихъ сценъ и типовъ, гдѣ подчеркнута социальная механизация человѣка, его словъ, жестовъ и характера, шаблоны, налагаемые на человѣка общественной средой, особенно высшимъ обществомъ.

Комическое въ рѣчи — Толстой любитъ подмѣчать мертвые слова, которыми человѣкъ уснащаетъ разго-

воръ, и которые нерѣдко являются показательными для его характера или профессіи. Застѣнчивый и неумный священникъ въ пьесѣ „Свѣтъ свѣтитъ и во тьмѣ“, высказываясь нерѣшительно, уснащаетъ рѣчь мертвыми словами такъ сказать, что ли. „Церковь освящаетъ, что ли, такъ сказать, семью“. Для Никиты во „Власти тьмы“ съ его преступнымъ легкомысліемъ, весьма характеренъ его излюбленный лейтъ-мотивъ — „очень просто“, а для суевѣрной Анютки „однова дыхнуть“. Максимовъ въ „Севастопольскихъ разсказахъ“, который давалъ солдатамъ объясненіе того, чего онъ самъ почти не понималъ, прибѣгалъ къ такимъ выраженіямъ „ватерпасъ не что иное, какъ происходитъ, что атмосферная ртуть свое движеніе имѣетъ“. Солдаты въ запутанныхъ рѣчахъ съ неизмѣннымъ „не что иное происходитъ“ усматривали высшую мудрость Максимова. Простодушный мужикъ въ „Поликушкѣ“ обращается ко всякому съ неизбѣжнымъ присловіемъ „другъ ты мой любезный“. Дядя въ „Войнѣ и мирѣ“ походя повторяетъ, быть можетъ охотничье выраженіе „чистое дѣло — маршъ“. Нигилистъ Венеровскій, ловкій человѣкъ, эгоистъ подъ маской общественника, постоянно вплетаетъ въ рѣчь „думаю себѣ“. Вово неизмѣнно повторяетъ идиотскій вопросъ — А? Что?, а третій мужикъ упорствуетъ въ повтореніи одной мольбы: „Помилосердствуй, отецъ, земля наша мала, куренка, скажемъ, и того выпустить некуда“. Золотарь Акимъ, выражаетъ Толстовскую мудрость въ нескладныхъ фразахъ, уснащенныхъ мертвымъ словомъ: „тае“. Юноша, котораго экзаменуетъ профессоръ по исторіи (см. „Юность“), каждой новой фразѣ при отвѣтѣ предпосылаетъ слово „наконецъ“.

Герои Толстого иногда употребляютъ въ рѣчи или умышленно комическія слова, или обычныя слова, но не въ обычномъ значеніи, что создаетъ комическій эффектъ. Старый князь Болконскій говоритъ, что у Суворова на рукахъ былъ „гофсъ кригсъ-вурстъ штатсъ-ратъ“, князь Щербацкій называетъ молодыхъ посѣтителей своей гостиной „тютюками“, швейцаръ въ клубѣ называетъ его старѣйшихъ членовъ „шлюпиками“ (старый осклизлый грибокъ). Слуга у Облонскихъ говоритъ по поводу семейнаго раздора, что „все образуется“, т. е. придетъ въ порядокъ.

VII.

При изображеніи комическаго въ движеніяхъ, т. е. въ мимикѣ, жестахъ и походкѣ, Толстой мастеръ отмѣчать смѣшныя черты механизациіи человѣка, какъ въ типически индивидуальной формѣ такъ и въ особенности въ видѣ шаблоновъ „комильфотности“. Вотъ сопоставле-

ніе двухъ описаній — какъ быстро ходитъ товарищъ прокурора Бреве („Воскресенье“), и какъ бѣгаетъ Аксютка (въ „Поликушкѣ“) — въ обоихъ случаяхъ описано движеніе руки подобное раскачиванію маятника.

Аксютка.

Аксютка всегда летала, какъ пуля, и при этомъ руки ея не сгибались, но качались какъ маятники по мѣрѣ быстроты ея движенія, не вдоль боковъ, а передъ корпусомъ; щеки ея были всегда краснѣе ея розового платья. Языкъ ея шевелился всегда такъ же быстро, какъ и она.

Бреве.

Поднявъ высоко плечи, онъ въ растегнутомъ мундирѣ съ портфелемъ подмышкой чуть не бѣгомъ, постукивая каблуками, и махая свободной рукой такъ, что плоскость руки была перпендикулярна къ направленію его хода, быстро шагаль по коридору.

Очень комична фрейлина Анна Павловна („Война и миръ“), которая, говоря объ императрицѣ, „закрываетъ глаза въ анакъ того, что ни она, ни кто другой не могутъ судить про то, что угодно или нравится императрицѣ“. Анна Павловна всегда закрываетъ глаза въ буквальномъ смыслѣ слова, когда ради общественнаго приличія надо на что-нибудь закрывать глаза въ переносномъ смыслѣ слова. Толстой подмѣчаетъ у судебного пристава „походку на бокъ и на бокъ выставленную нижнюю губу“. Каренинъ изводитъ жену своею привычкою „трещать пальцами“. Дипломатъ Билибинъ то собиралъ морщины на лбу, то распускалъ ихъ. „Движеніе этихъ морщинъ составляло главную игру его физиономіи. То у него морщился лобъ широкими складками, брови поднимались кверху, то брови спускались книзу, и у щекъ образовывалась глубокая морщина. Глубоко поставленные небольшіе глаза всегда смотрѣли прямо и весело“. Онъ, поднимая брови, произносилъ „остроумную законченную фразу, имѣющую общій интересъ“, затѣмъ опускалъ брови и распускалъ складки на лбу. Эти фразы составлялись во внутренней лабораторіи Билибина, какъ будто, нарочно портативнаго свойства, для того, чтобы ничтожные свѣтскіе люди могли удобно запомнить ихъ и переносить изъ гостинныхъ въ гостинныя“. Эти крылатые слова оказывали даже извѣстное политическое вліяніе. Толстой съ особеннымъ мастерствомъ подчеркиваетъ бездушный автоматизмъ „комильфотности“. Въ „Юности“ онъ перечисляетъ признаки этого свойства: 1) говорить по французски съ хорошимъ произношеніемъ, 2) умѣть кланяться, танцовать и разговаривать, 3) имѣть длинные очищенные ногти (Гриневицъ въ „Аннѣ Ка-

рениной“), 4) проявлять равнодушіе ко всему и имѣть на лицѣ отпечатокъ нѣкотораго изящнаго презрѣнія и скуки. Полны юмора описанія стремленій Николеньки стать *compte à fait*, но съ ѣдкимъ сарказмомъ и трагикомическимъ оттѣнкомъ представленъ автоматизмъ комильфотности въ „Смерти Ивана Ильича“. Когда Ив. Ильичъ умеръ и по немъ совершались панихиды, его друзья пришли исполнить „очень скучную обязанность приличія“. „Петръ Ивановичъ вошелъ, какъ всегда это бываетъ, съ недоумѣніемъ, что ему тамъ надо дѣлать, одно онъ зналъ, что креститься въ такихъ случаяхъ никогда не мѣшаетъ. На счетъ того, что нужно при этомъ и кланяться, онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ, и потому выбралъ среднее: войдя въ комнату, онъ сталъ креститься и немножко какъ будто кланяться. Дьячекъ читалъ что-то громко съ выраженіемъ, исключаящимъ всякое противорѣчіе“. А вотъ нѣкоторыя черты разговора Петра Ивановича съ вдовой Ивана Ильича: „Я знаю, что Вы были истиннымъ другомъ Ивана Ильича — рукопожатіе... въ это время вслѣдствіе неисправленной пружины подъ сидѣніемъ Петра Ивановича взбунтовался пуфъ, и П. И. не зналъ, какъ его укротить. Хозяйка сказала по французски, что ей тяжело и немедленно перешла къ дѣловому разговору, поражая Петра Ивановича своею освѣдомленностью „она до мельчайшихъ подробностей знала, что можно вытянуть отъ казны по поводу этой смерти, но хотѣла знать, нельзя ли вытянуть побольше“. Эта панихида по силѣ ироніи напоминаетъ свадьбу, которою заканчивается „*Bel Ami*“ Мопассана; сцену этой свадьбы Толстой высоко цѣнилъ за яркое художественное изображеніе въ ней общественнаго лицемѣрія и притворства, скрывающихся за внѣшнимъ благообразіемъ церковной церемоніи.

VIII.

Комическое въ ситуациі у Толстого встрѣчается не очень часто, но у него имѣются высокіе образцы юмористики въ этомъ родѣ. Когда графъ Ростовъ („Война и миръ“) прозѣвалъ зайца, его крѣпостной Данила въ ярости грозитъ ему арапникомъ и кричитъ ему въ лицо весьма непристойное слово, а графъ тѣмъ не менѣе не только не сердится на него, но чувствуетъ себя совершенно сконфуженнымъ и кругомъ виноватымъ и даже много позднѣе не находитъ сказать Данилѣ ничего иного какъ: „А ты, Данила, иногда бываешь очень сердитъ“. Иначе говоря, на охотѣ нѣтъ господъ и рабовъ, всѣ равны и каждый отвѣчаетъ за свой промахъ. Вотъ еще примѣръ комической ситуациі изъ „Декабристовъ“. За однимъ столомъ у Шевалье сидятъ трое декабристовъ, пьютъ, ѣдятъ, къ нимъ подсаживается одинъ господинъ — оказы-

вается тоже былъ въ Нерчинскѣ. — Позвольте спросить, вы тоже сосланы были? — Да, имѣлъ несчастье пострадать, а вы? — Мы всѣ сосланные 14 декабря. Странно, что мы васъ не знали, если вы тоже за 14-е. Позвольте узнать Вашу фамилію? — Федоровъ. — Тоже за 14-е? — Нѣтъ, я за 18-е. — Какъ за 18? — За 18 сентября, за золотые часы. Былъ оклеветанъ и пострадалъ невинно“. Сергѣй Ивановичъ Кознышевъ, собирая грибы въ лѣсу вмѣстѣ съ Варенькой, которая ему нравилась, уже совсѣмъ собрался сдѣлать предложеніе, она это чувствовала, съ обѣихъ сторонъ нарастало волненіе, „онъ повторялъ себѣ и слова, которыми онъ хотѣлъ выразить свое предложеніе, но вмѣсто этихъ словъ, по какому-то внезапно пришедшему ему соображенію, онъ внезапно спросилъ: „Какая же разница между бѣлымъ и березовикомъ?“ Губы Вареньки дрожали отъ волненія, когда она отвѣтила: „Въ шляпкѣ почти нѣтъ разницы, но въ корнѣ“. И какъ только это слово было сказано, и онъ, и она поняли, что дѣло кончено, что то, что должно было быть сказано, не будетъ сказано, и волненіе, дошедшее передъ тѣмъ до высшей степени, стало утихать“. „Березовый грибъ — корень его напоминаетъ двухдневную небритую бороду брюнета, сказалъ уже спокойно Сергѣй Ивановичъ“.

Юморъ въ ситуациі у Толстого иногда пріобрѣтаетъ такой мягкій, такой тонкій оттѣнокъ, что для привыкшихъ къ грубо смѣшному можетъ остаться не оцѣненнымъ, даже незамѣченнымъ. Это проявляется тогда, когда между внѣшними словами бесѣдующихъ и подлиннымъ эмоціональнымъ содержаніемъ ихъ бесѣды обнаруживается полное несоотвѣтствіе: „А вы убили медвѣдя, мнѣ говорили, сказала Китти, тщетно стараясь поймать вилкой непокорный отскальзывающій грибъ и встряхивая кружевами, сквозь которыя белѣла ея рука. Развѣ у васъ есть медвѣди, прибавила она, въ полоборота повернувъ къ нему свою прелестную голову и улыбаясь. Ничего, казалось, не было необыкновеннаго въ томъ, что она сказала, но какое невыразимое для него словами значеніе было въ каждомъ ея звукѣ, въ каждомъ движеніи ея губъ, когда она говорила это“. Такой же тонкій юморъ заключается въ томъ моментѣ, когда женитьба Безухова на Эленъ рѣшается такимъ до смѣшного ничтожнымъ обстоятельствомъ, какъ подача ему табакерки черезъ плечо Эленъ. Здѣсь отмѣченный эффектъ возникаетъ на принципѣ контраста между ничтожнымъ и значительнымъ, но въ направленіи обратномъ тому, которое Кантъ считалъ главнымъ признакомъ комическаго — внезапное неосуществленіе большихъ ожиданій. Хотя, вѣдь въ концѣ концовъ и здѣсь комизмъ сводится къ обнаруженію ничтожности человѣческихъ важныхъ рѣшеній, если ими гдѣ-то за кулисами управляетъ мел-

кая случайность. Попытка Пьера объясниться въ любви en forme съ непремѣннымъ шаблоннымъ „je vous aime“ получаетъ въ изображеніи Толстого почти карикатурный видъ: „Что-то такое особенное говорятъ въ такихъ случаяхъ, но никакъ не могъ вспомнить, что именно говорятъ въ этихъ случаяхъ. Онъ взглянулъ въ ее лицо. Она придвинулась къ нему ближе, лицо ея зарумянилось: „Ахъ, снимите эти, какъ эти... она указала на очки. Пьеръ снялъ очки, и глаза его сверхъ той общей странности глазъ людей, снявшихъ очки, глаза его смотрѣли испуганно вопросительно. Онъ хотѣлъ нагнуться надъ ея рукою и поцѣловать ее, но она быстрымъ и грубымъ движеніемъ головы перехватила его губы и свела ихъ со своими. Лицо ея поразило Пьера своимъ измѣнившимся непріятно растеряннымъ выраженіемъ. Теперь уже поздно, все кончено, да и я люблю ее, подумалъ Пьеръ. Je vous aime, сказалъ онъ, вспомнивъ то, что нужно было говорить въ такихъ случаяхъ, но слова прозвучали такъ блѣдно, что ему стало стыдно за себя“.

IX.

Обращаясь къ комическому въ характерѣ у Толстого, нужно прежде всего замѣтить, что не всякая личность имѣетъ характеръ. Слово *character*, какъ извѣстно значить рѣзецъ. Имѣть характеръ значить: 1) имѣть продуманное міровоззрѣніе, запечатлѣвая властно свой образъ мыслей въ дѣйствіи; 2) проявлять такую активность воли, которая является независимой переменнѣной отъ непосредственныхъ вліяній соціальной среды; 3) обладать извѣстной аффективно-волевой цѣльностью, тѣмъ, что Герbartъ называлъ внутренней свободою, когда человѣкъ не является пассивной игрушкой своихъ дисгармонирующихъ между собою стремленій. Такихъ характеровъ у Толстого нѣтъ, мало того, его личность, какъ и его философія, какъ и его герои, рѣзко выражала ту пассивность, ту дисгармонію аффектовъ и резонерства въ бессильной борьбѣ противъ вліяній классовой среды, его окружавшей — въ этомъ вся трагика его жизни. Недаромъ онъ, подобно своей антипатіи Вагнеру, додумался до міровоззрѣнія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ родственнаго Шопенгауэру: темный темпераментъ въ подходѣ къ людямъ, разладъ между интеллектомъ и волею, безсиліе интеллекта, какъ въ индивидуальной жизни человека, такъ и въ исторіи человечества, комизмъ человеческого эгоизма и человѣческой глупости, роль „безсознательнаго“ въ жизни и творчествѣ — вотъ тенденціи, общіе у Толстого и Шопенгауэра рядомъ со многими другими. Въ изображеніи человѣческой личности Толстымъ руководятъ сразу двѣ тенденціи: генерализирующая и ин-

д и в и д у а л и з и р у ю щ а я. Съ одной стороны, Толстой стремится раскрыть въ одномъ человѣкѣ всю неисчерпаемую многосложность духовнаго склада, съ другой, онъ суживаетъ характеристику данной личности извѣстными доминантами, ограничивающими ея составъ. У него имѣется, на примѣръ, формуляръ Наташи¹⁾, въ которомъ опредѣляется ея отношеніе къ имуществу, обществу, любви, искусству; характеризуется ея умъ, отношеніе къ семейственности. Для Толстого личность не полипнякъ клѣтокъ, случайно связанныхъ, какъ это думаютъ нѣкоторые сенсуалисты въ философіи и грубые натуралисты въ искусствѣ. Но личность человѣка не есть и душа, субстанціальное единство, какъ думаютъ спиритуалисты. Человѣческая личность есть сознание, имѣющее извѣстное формальное единство и извѣстную структуру, оно есть совокупность извѣстныхъ функций, которыя находятся между собою въ закономѣрной корреляціи.

Комическое въ изображеніи человѣческой личности у Толстого выражается главнымъ образомъ въ осмѣяніи безхарактерности, которая проявляется въ механизации человѣческаго духа вслѣдствіе стадности подражанія. Толстой осмѣиваетъ эту подражательность, въ изображеніи глупости, пустоты и эгоизма высшихъ классовъ (на примѣръ, въ „Плодахъ просвѣщенія“), онъ осмѣиваетъ мертвый формализмъ суда, тюрьмы и богослуженія въ „Воскресеніи“, рутину и пошлость въ искусствѣ (описание итальянской оперы въ „Войнѣ и мирѣ“), глупую претенціозность ученыхъ, механически воспроизводящихъ чужія мысли и фальсифицирующихъ науку (профессоръ въ „Плодахъ Просвѣщенія“) и т. д. Толстой почти никогда не осмѣиваетъ ограниченность чужихъ національностей — мягкой юморъ въ изображеніи Карла Ивановича обвѣянъ любовью²⁾. Гораздо менѣе привлекательнымъ является Рамбаль въ „Войнѣ и мирѣ“, но и онъ обрисованъ безъ всякаго карикатурнаго преувеличенія. Очень

¹⁾ „Наталя 15 лѣтъ. Имуш. Щедра безумно. Обществ. Капризна. Вѣрить въ себя, и все удастся, и всѣхъ тормошитъ и всѣми любима. Поэт. Музыкой обладаетъ, понимаетъ и до безумія чувствуетъ. Вдругъ грустна. Вдругъ безумно радостна. Любовн. Проситъ мужа. Умств. Глупа, но мила, необразована, ничего не знаетъ и всегда умѣетъ скрыть“. (См. книгу Дрягина: „Левъ Толстой, какъ художникъ-психологъ“. 1921, стр. 100)

²⁾ Напомнимъ трогательные стихи:

Помните близко,
Помните далеко,
Помните моего,
Еще отъ нине и до всегда
Помните еще до моего гроба,
Какъ вѣренъ я любить умѣю.

Карль Мауэръ.

забавны его рассказы о любовныхъ приключеніяхъ, напри- мѣръ, о 31-лѣтней маркизѣ, и ея 17-лѣтней дочери — мар- киза великодушно предложила своему любовнику дочь въ жены. Р. рассказывалъ, какъ онъ спасъ жизнь поляку — тотъ уступилъ ему очаровательную жену, но Р. черезъ нѣ- которое время вернулъ жену поляку, сказавши: „Je vous ai sauvé la vie et je vous sauve l'honneur“. Надъ простымъ на- родомъ Толстой добродушно посмѣивается, но, какъ мы ви- дѣли, самъ себѣ и другимъ также вмѣняетъ это въ вину.

Толстому свойственъ геніальный даръ, давая отрывоч- ные импресси, какъ будто мелкіе и незначительные штри- хи, при описаніи личности представить намъ ее во весь ростъ.

Въ художественномъ построеніи характеровъ у Толсто- го литературная критика съ одной стороны указываетъ, что у него нѣтъ типовъ, но лишь совокупность детальныя штриховъ, дающихъ индивидуальны образъ, что въ его характерахъ нѣтъ доминанты, и характеръ раз- сыпается на совокупность чертъ, изъ которыхъ каждая „об- щечеловѣчна“. Это разсужденіе основано на спутанно- сти мыслей. Характеръ можетъ быть типиченъ, когда въ идеалистической манерѣ дается общій контуръ, лег- кій абрисъ личности, ея силуэтъ. Характеръ, тракту- емый реалистически, предполагаетъ сгущенную конкретность признаковъ, но и въ такомъ случаѣ получается не индиви- дуальный, а типически - индивидуальный характеръ. Такъ какъ всѣ характерныя свойства личности находятся въ зако- номѣрной корреляціи, то художникъ, благодаря чувству формы, можетъ геніально угадать такой даже очень де- тальный признакъ, который даетъ намъ почувство- вать очень многое въ данномъ характерѣ. Такая чуткость къ корреляціи чертъ характера избавляетъ художника отъ множества ненужныхъ деталей. Этимъ умѣньемъ учуять *signe révélateur* великій художникъ реалистъ отличается отъ сторонника натурализма, который загромождаетъ суть ненужными деталями. Эту чуткость къ симптоматической чертѣ Толстой даже нѣсколько подчеркивалъ въ своихъ произведеніяхъ. По словамъ Мережковскаго, Толстой однаж- ды сказалъ Берсу, что „Пушкинъ, описывая художествен- ную подробность, дѣлаетъ это легко и не заботится о томъ, будетъ ли она замѣчена и понята читателемъ, онъ же, Тол- стой, какъ бы пристаётъ къ читателю съ такими подроб- ностями“. Иногда при изображеніи комическаго характера Толстой сочетаетъ вмѣстѣ всѣ формы смѣшного — смѣш- ное въ словѣ, въ движеніяхъ и мимикѣ, въ характерѣ и си- туаціяхъ. Таковъ князь Ипполитъ, *Le charmant Hippolite*, онъ поражалъ своимъ необыкновеннымъ сходствомъ съ сестрой

красавицей, и еще болѣе тѣмъ, что несмотря на сходство, — былъ поразительно дурень собой. Черты его лица были тѣ же, какъ и у сестры, но у той все освѣщалось жизнерадостной, самодовольной молодой улыбкой жизни ея необычайнаго античной красотой тѣла, у брата, наоборотъ, то же лицо отуманено идиотизмомъ и неизмѣнно выражало самоувѣренную брюзгливость, а тѣло было худощаво и слабо. Глаза, носъ, ротъ — все какъ будто сжималось въ одну неопредѣленную и скучную гримасу, а руки и ноги всегда принимали неестественное положеніе. Изъ за самоувѣренности, съ которой онъ говорилъ, никто не могъ понять, очень ли умно или очень глупо, что онъ сказалъ. Начиная говорить въ гостинной, онъ торопливо пристраивалъ къ глазамъ свой лорнетъ, какъ будто безъ этого инструмента онъ не могъ говорить. Рѣчь его смѣшна и по бессмыслию ея содержанія, и по безсвязности формы — онъ говоритъ по русски, какъ французъ, прожившій годъ въ Россіи, но верхомъ комическаго является то, что благодаря самоувѣренности, съ которой онъ произноситъ свои глупости, нѣкоторые изъ присутствующихъ обнаруживаютъ склонность усматривать „въ его словахъ скрытый „высшій смыслъ“, тонкую шутку, глубокомысленное замѣчаніе“.

IX.

Толстому свойственъ, главнымъ образомъ, юморъ. Злобная сатира, ѣдкій сарказмъ, язвительная пародія, сатанинскій смѣхъ, ущемленный смѣхъ приниженности и торжествующій смѣхъ насильника почти совершенно отсутствуютъ въ произведеніяхъ Толстого. Сравните комическое добродушное нападеніе на нигилистовъ въ „Зараженномъ семействѣ“ съ бѣшено яростнымъ издѣвательствомъ надъ ними въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго. Сравните благодушный образъ дьявола въ пелеринкѣ въ „Возстановленіи ада“ съ демоническимъ образомъ преисполненнымъ высшей ироніи въ „Великомъ Инквизиторѣ“ Достоевскаго¹⁾. Сравните генерала Пралин-

¹⁾ Замѣчу мимоходомъ, что сатана предлагаетъ человѣчеству, какъ и Великій Инквизиторъ, тѣ же три соблазна: „Церковь это то, когда люди лгутъ и не вѣрятъ — они всегда, ссылаясь на Бога, говорятъ: Ей Богу, правда то, что я говорю. Признавъ себя единственными толкователями Бога и убѣдивъ въ этомъ другихъ людей, эти люди сдѣлались высшими рѣшителями судьбы людей и потому получили высшую власть надъ ними (авторитетъ)“. Они высыпали на простую, понятную истину, такую кучу мнимыхъ священныхъ истинъ, что сдѣлали невозможнымъ ни принять ихъ все, — ни найти въ нихъ ту, которая нужна людямъ (тайна). Наконецъ, чтобы внести окончательно разладъ между христіанами, пререкающимися об истинѣ, начали прибѣгать къ чуду: „Я сталъ внушать и тѣмъ, и другимъ, что они могутъ доказать истинность своего ученія чудесами“. (Чудо). (См. „Возстановленіе ада“, Москва 1917).

скаго въ „Скверномъ анекдотѣ“ у Достоевскаго, генерала, пожелавшаго въ пьяномъ видѣ облагодѣтельствовать визитомъ маленькаго чиновника Пселдонимова на его свадьбѣ, съ ситуациею Неклюдова въ „Утрѣ помѣщика“, пожелавшаго облагодѣтельствовать крестьянъ: Достоевскій на фонѣ мучительныхъ переживаній Пселдонимова, подвергающагося длительной нравственной пыткѣ, даетъ цѣлую лавину смѣхотворныхъ происшествій — но онъ смѣется недобрымъ и нѣсколько искусственнымъ смѣхомъ; Неклюдовъ своимъ предложеніемъ крестьянину и его женѣ переселить ихъ въ лучшую избу, повергаетъ ихъ въ тревогу, и Толстой съ мягкимъ юморомъ живописуетъ то сладострастіе отчаянія, съ которымъ баба бьется головою объ полъ, умоляя оставить семью въ разрушающейся избѣ. Это отсутствіе у Толстого элемента злобной сатиры въ ея высшемъ выраженіи адскаго смѣха объясняется психологически, морально и метафизически. Раздвоенность Толстого и его любимыхъ героевъ совершенно иной природы, чѣмъ у Достоевскаго. Толстой борится со своимъ эгоизмомъ, какъ и его герои, но неизмѣнно различаетъ добро и зло. И при всякихъ моральныхъ терзаніяхъ онъ почти всегда остается догматикомъ морализма. Онъ никогда не склоненъ къ такимъ противочувствіямъ, какъ отождествленіе идеала Мадонны и идеала Содома, онъ переступаетъ границу добра и зла, но въ его моральномъ сознаніи не исчезаетъ мысль, что онъ переступилъ эту границу, и что это дурно. Морально Толстому неприемлемъ ѣдкій сарказмъ, злобный смѣхъ для обличенія порока, такъ какъ это будетъ, пожалуй, сопротивленіемъ злу силою, которое онъ осуждаетъ. Наконецъ, будучи человекомъ съ темнымъ темпераментомъ, Толстой — метафизическій оптимистъ. Для него корень мірового зла лежитъ не въ моральномъ сознаніи людей, а именно въ немъ. Стоитъ людямъ разумно понять сущность нравственного закона и провести его въ жизнь, и зло перестанетъ существовать. Долли говоритъ Аннѣ Карениной: „Какая ты счастливая, Анна, у тебя на душѣ свѣтло и хорошо“. Анна отвѣчаетъ: „У cadaго въ душѣ есть свои skeletons, какъ говорятъ англичане“. Такіе „skeletons“ были у Толстого и у его героевъ въ видѣ страха смерти и угрызеній совѣсти и тревогъ на пути исканія правды, но извращеннаго влеченія къ злу и проэкціи идеи зла въ страшные демоническіе образы, связанные съ извѣстнымъ объективнымъ метафизическимъ истолкованіемъ, какъ у многихъ героевъ Достоевскаго, Мопассана, Гофманна, Гойи, у Толстого никогда не было — нѣтъ этого и у его героевъ, нѣтъ ни у нихъ, ни у ихъ творца, и ему, и имъ чуждъ гейневскій „адскій хохотъ, полный муки“, о которомъ говоритъ Майковъ. Толстой въ своихъ

произведеніяхъ беззлобно осмѣиваетъ главнымъ образомъ глупость людей, поддающихся дурнымъ соціальнымъ вліяніямъ. Стоитъ отвергнуть государство, церковь, судъ, войну, экономическое неравенство, и міровое зло перестанетъ существовать. Правда, порой Толстой не отрицаетъ того, что источникомъ зла въ мірѣ является еще независящая отъ воли человѣка бессмысленная случайность, но, какъ философъ, онъ нигдѣ не углубляетъ этой мысли. Наоборотъ, Достоевскій въ разговорѣ Ивана и Алеши углубляетъ проблему безысходности мірового зла съ такою страшною діалектической силою, что Алеша оказывается побѣжденнымъ Ивановъ. Достоевскій хотѣлъ бы быть метафизическимъ оптимистомъ, но въ итогѣ даетъ Русскаго Кандида именно въ смыслѣ утвержденія метафизическаго пессимизма, несмотря на свой психологическій оптимизмъ, выражающійся въ свѣтломъ религіозномъ темпераментѣ, въ настроеніяхъ, а не въ философскомъ обоснованіи, убѣдительно для разума.

Какъ всѣ великіе художники реалисты, Толстой большей частью не разобщаетъ комическое съ трагическимъ, а смѣшиваетъ ихъ, причемъ въ самые трагическіе моменты онъ привноситъ черты мягкаго юмора, какъ смягчающія тягостную остроту болѣзненнаго впечатлѣнія, отнюдь не въ цѣляхъ злобнаго циническаго углубленія трагизма.

Когда Пьеръ послѣ разстрѣла невинныхъ людей французами, которые случайно заподозрили въ нихъ поджигателей, приходитъ въ полное отчаяніе по поводу бессмысленности мірового зла, и весь міръ представляется ему въ развалинахъ, онъ вдругъ слышитъ наивный солдатскій рассказъ о принцѣ, со смѣшнымъ напираніемъ на слово „который“. Анна, уже готовая принять трагическое рѣшеніе, ѣдетъ въ экипажѣ и, машинально читая вывѣски, видитъ: куафферъ Тюткинъ, и ей приходитъ въ голову забавная мысль, какъ она скажетъ Вронскому „Je me fais coiffer par Тюткинъ“. Эту мысль она тотчасъ же отбрасываетъ, какъ неумѣстную. Иванъ Ильичъ, пораженный трагическимъ смысломъ силлогизма: всѣ люди смертны, Кай — человѣкъ, Кай — смертенъ, вспоминаетъ о маленькомъ Ванѣ, какимъ онъ когда-то былъ, который очень любилъ ѣсть черносливъ, и когда дѣло доходило до косточки, то происходило сильное выдѣленіе слюны. Неужели абстрактный силлогизмъ распространяется и на этого единственнаго неповторимаго конкретнаго Ваню?

Страшное убійство ребенка происходитъ во „Власти тьмы“ за сценою, на сценѣ же Митричъ бесѣдуетъ съ Анюткой, которая, какъ и онъ, чувствуетъ недоброе, творящееся въ подвалѣ, и переживаетъ припадки ужаса. Митричъ успокаиваетъ ее своими разсужденіями, преисполненными самыхъ комическихъ подробностей. Онъ говоритъ о глупости, тем-

нотъ деревенской бабы: „Она не то, что про Бога, она и про пятницу то не знаетъ“.

ХІ.

У Толстого есть очаровательный рассказъ „Холстомѣръ“ (1861), въ которомъ немало грустнаго юмора. Антропоморфическія проекціи человѣческихъ чертъ въ образъ животнаго (Гуингмы Свифта) одна изъ древнѣйшихъ формъ поэтическаго творчества, но при подобной гуманизации животнаго и анимализации человѣка подлинная психологія животнаго, на примѣръ, лошади, не играетъ почти никакой роли — животное здѣсь является носителемъ лишь тѣхъ условныхъ свойствъ, какія ему приписывались искони (хитрость лисицы, злоба змѣи и т. п.), а человѣческая сторона описанія нерѣдко принимаетъ сантиментальный характеръ. Тайна очарованія грустнаго толстовскаго юмора заключается въ томъ, что онъ прозрѣніемъ наблюдательнаго генія художника даетъ намъ массу чертъ подлинно душевной жизни лошадей, искусно сочетая въ то же время эти черты съ идеологіей человѣка и притомъ со своимъ собственнымъ суровымъ обличеніемъ глупости, жестокости и ничтожества людей. При этомъ обличеніе людей здѣсь является не пустыми лирическими изліяніями, которыя сами по себѣ были бы неубѣдительно, но опирается на рядъ полныхъ художественнаго реализма комическихъ описаній людскихъ пороковъ. Такое искусное сочетаніе анимализации человѣка съ гуманизацией животнаго, производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе, и въ этомъ разгадка грустнаго толстовскаго юмора въ „Холстомѣръ“. Развѣ повадки, нравы, игры лошади не обрисованы здѣсь рукою знатока лошадиной жизни? Съ другой стороны, развѣ не отзывается горькой ироніей, на примѣръ, то, что рѣзвость пѣгаго мерина, обогнавшаго графскую лошадь, Лебедь, оказывается благодаря его пѣгости (съ людской точки зрѣнія) ему же во вредъ. Трогательный рассказъ завершается ироническимъ сопоставленіемъ окончательной судьбы останковъ мерина и безпутнаго эгоиста Серпуховскаго. Послѣ того, какъ волчата обглодали тѣло пѣгаго и растаскали его кости „черезъ недѣлю валялись у кирпичнаго сарая только черепъ и два маслака, остальное было все растаскано“. На лѣто мужикъ, собиравшій кости, унесъ и эти маслаки и черепъ и пустилъ ихъ въ дѣло. Ходившее по свѣту, ѣвшее и пившее мертвое тѣло Серпуховскаго убрали въ землю гораздо позднее. Ни кожа, ни мясо, ни кости его нигде не пригодились“, да и уборка тѣла Серпуховскаго была только лишнимъ затрудненіемъ для людей.

XII.

Въ заключеніе я хочу высказать нѣсколько общихъ соображеній относительно неспособности Толстого къ ѣдкой сатирѣ. Комическое предполагаетъ дисгармонію между дѣйствительностью и идеаломъ, и чѣмъ острѣе и больнѣе чувствуется безсмысленность мірового зла, тѣмъ болѣе рѣзкимъ горькимъ и даже злобнымъ дѣлается смѣхъ. Такъ, идеальный образъ Христа несовмѣстимъ съ „адскимъ хохотомъ, полнымъ муки“¹⁾. Съ другой стороны, маска Мефистофеля рисуется передъ нами, какъ воплощенная, навѣки застывшая дисгармонія со злобною кривою усмѣшкою. Человѣческая психологія занимаетъ промежуточную сферу между двумя безконечно отдаленными идеальными противоположными полюсами, сочетая въ себѣ начала оптимизма и пессимизма, гармоніи и разлада. И вотъ я думаю, что натуры, склонныя къ повышенному догматическому морализму, или къ метафизическому оптимизму, доступны порой, быть можетъ, юмору, но ѣдкій сарказмъ, сопровождающій острое чувство дисгармоніи жизни, чуждъ имъ. Имъ чужда текучая и подвижная діалектика добра и зла. Наоборотъ, моральный скепсисъ и метафизическій пессимизмъ нерѣдко (я отнюдь не говорю всегда) сочетается со способностью къ высшей ироніи, къ демонической насмѣшкѣ, къ самому грандіозному сарказму, направленному на все человѣчество. Это можно видѣть въ исторіи философской мысли. У стоиковъ, Декарта, Спинозы, Мальбранша, Гейлинкса, Лейбница, Ренувье, Фихте, Спенсера чрезвычайно мало выражено чувство смѣшного. Они неизмѣнно невозмутимы и серьезны въ развитіи своихъ идей. Одинъ Платонъ среди нихъ, какъ великій художникъ, обладалъ несравненнымъ комическимъ талантомъ, мастерски владѣлъ юморомъ, ироніей, сарказмомъ (вспомнимъ его ге-

¹⁾ По словамъ замѣчательнаго послѣдователя Шопенгауэра Юліуса Банзена (см. его интересную книгу „Das Tragische als Weltgesetz und der Humor, als aesthetische Gestalt des Metaphysischen“ 1877 г., стр. 116) сообщаетъ, что д-ръ Е. J. Meier въ книгѣ „Humor und Christentum“ (1876) заявляетъ, что юморъ несовмѣстимъ со святостью и при этомъ ссылается на то, что въ Св. Писаніи нѣтъ проявленій юмора. Банзень справедливо возражаетъ, что это невѣрно. Величайшая древнееврейская поэма — книга Іова, уже таитъ въ себѣ страшную горькую иронію, поскольку рѣзко расходится съ традиционнымъ мнѣніемъ о томъ, что Богъ караетъ и награждаетъ по заслугамъ. Оптимистическое окончаніе геніальнаго созданія придѣлано позднѣе и принадлежитъ посредственному напыщенному писателю (Montet: „Histoire de la Bible“: 1924, pp 60—62). Недаромъ Свифтъ ежегодно читалъ въ день своего рожденія текстъ проклятія Богомъ Іова. „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся“, говоритъ пророкъ Іеремія, и эти слова начертаны на памятникѣ Гоголю. Въ Новомъ Завѣтѣ встрѣчается весьма выразительная игра словъ. „Ты еси Петръ, и на камнѣ томъ созижду церковь мою“. „Воздайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу“.

ніальныя карикатуры на софистовъ, на Эвтидема и Діонисодора), но моральный догматизмъ и метафизическій оптимизмъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи привели къ тому, что Платонъ начинаетъ вообще считать смѣхъ унижительнымъ для человѣческаго достоинства, и въ „Законахъ“ вмѣстѣ съ трагедіей сурово осуждаетъ и комедію, которая вынуждаетъ насъ къ недостойному смѣху. Хотя Платонъ и признаетъ въ „Законахъ“ дидактическое значеніе комедіи, онъ все же требуетъ, чтобы комедія исполнялась не часто, причемъ актерами должны быть только рабы или иностранцы.

Наоборотъ, Гераклитъ, пессимистъ, философъ противоположностей, для котораго „война есть отецъ всѣхъ вещей“, одаренъ язвительнымъ сарказмомъ, такъ же какъ и скептикъ и пессимистъ Тимонъ Фліунтскій, затѣмъ Лукіанъ, Монтанъ и Вольтеръ, Ницше, Шопенгауэръ и Банзень.

Рѣзкость, порой даже грубость философской ироніи не только не чужда догматикамъ морализма и метафизическаго оптимизма, — она у нихъ можетъ даже принимать фанатическій характеръ, но пользоваться въ борьбѣ, какъ оружіемъ, сатирой, имъ, вообще говоря, несвойственно.

Оптимизмъ, какъ и пессимизмъ, ограниченъ неспособностью постигать „*altra meta*“. Эта ограниченность заключаетъ въ себѣ извѣстную долю поверхностности¹⁾.

Я хочу этимъ сказать, что Толстой, несмотря на всю его мудрость, освѣщаетъ моральную проблему, находясь въ нѣкоторыхъ оптимистическихъ и религіозныхъ шорахъ, эти шоры помѣшали ему почувствовать комизмъ нѣкоторыхъ собственныхъ парадоксовъ (въ родѣ непротивленія злу), на которые его чуждое гибкой діалектики мышленіе неизмѣнно опиралось, недаромъ онъ такъ ненавидѣлъ Гегеля.

Какъ проницательный художникъ и психологическій пессимистъ, онъ ясно видѣлъ соціальное неустроеніе человѣческой жизни, но, какъ догматикъ морализма, этического рационализма и религіознаго оптимизма, онъ подавлялъ въ сферѣ метафизической мысли сомнѣніе, иронію и сарказмъ; къ послѣднимъ въ полемикѣ съ противниками онъ не могъ и не хотѣлъ прибѣгать въ силу догматическаго ограниченія своей мысли.

¹⁾ Имѣется группа философовъ, которую можно назвать меліористами, — Кантъ и Гегель могутъ быть тому примѣромъ. Они обладают и юморомъ, и сарказмомъ, не впадая ни въ оптимистическую, ни въ пессимистическую крайность.

П. Б. Струве.

МЕТАФИЗИКА И СОЦИОЛОГИЯ.

Универсализмъ и сингуляризмъ въ античной философіи¹⁾.

Посвящается С. Л. Франку.

I. Терминологическое замѣчаніе.

Термины „универсализмъ“ и „сингуляризмъ“ введены мною въ нѣмецкой статьѣ о „нѣкоторыхъ основныхъ философскихъ мотивахъ въ развитіи экономическаго мышленія“, напечатанной въ международномъ философскомъ журналѣ *Logos* (Band I. 1910—1911 Heft 3²⁾) и послужившей потомъ введеніемъ къ первой части моей книги „Хозяйство и цѣна“, С.Петербургъ-Москва 1913 г. (стр. I—XXXV). Эти термины суть социологическія выраженія логически-гносеологически-онтологической пары: реализмъ-номинализмъ. Самыя выраженія универсализмъ-сингуляризмъ взяты мною у Гете (изъ его *Sprüche in Prosa I. Ueber Naturwissenschaft. Einzelne Betrachtungen und Aphorismen*), который въ свою очередь (какими путями, это пусть установятъ спеціалисты по *Goethephilologie!*) заимствовалъ ихъ изъ терминологіи Боэція и схоластиковъ, гдѣ *universale* и *singulare* представляютъ просто переводы логически-гносеологическихъ терминовъ Аристотеля (см. ниже II, въ примѣчаніи).

¹⁾ Доложено въ соединенномъ засѣданіи 20 февраля 1934 г. отдѣленій Наукъ Историческихъ и Общественныхъ и Философскаго Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ.

Настоящій очеркъ основанъ на самостоятельномъ изученіи первоисточниковъ и литературы. Не было однако для цѣлей автора никакой необходимости въ томъ, чтобы въ его сжатомъ изложеніи каждое утвержденіе сопровождалось ссылками на источники и на литературу. Въ настоящее время наиболѣе полныя и точныя справки всякій желающій можетъ найти въ соответствующемъ томѣ *Ueberweg's Grundriss etc.*, обработанномъ Раесхтег'омъ (я пользовался 11 изданіемъ 1920 г.).

²⁾ Существовало и русское изданіе этого журнала, въ которомъ былъ помѣщенъ русскій текстъ моей нѣмецкой статьи.

II. Предварительныя гносеологическія разъясненія.

Проблема соотношенія между общимъ и частнымъ имѣетъ два основныхъ аспекта:

1) Аспектъ гносеологически-логически-онтологическій. Въ этомъ аспектѣ ставится вопросъ, какой характеръ имѣютъ въ познаніи общія понятія, соотвѣтствуютъ ли имъ какія либо сущности (субстанціи), „реальности“ (вещи, *res*), или они суть только „словесныя“ обозначенія, которымъ не присуще никакого „реального“ значенія. Это есть сведенное въ общую формулу содержаніе знаменитаго спора между „номиналистами“ и „реалистами“. Соотвѣтственно первоначальной, чисто логической, постановкѣ проблемы познанія, этотъ споръ принялъ характеръ спора именно логическаго. Если общія понятія адекватны дѣйствительности, то они высказываются о ней, какъ ея „сказуемыя“, или „предикаты“; но можетъ ли что-либо сущее, какая-либо настоящая субстанція быть „предикатомъ“? Аристотель какъ будто училъ, что это невозможно¹⁾. Отсюда вполнѣдствіи былъ

¹⁾ De categoriis глава V. Для схоластики имѣла значеніе формулировка Боеція въ его латинскомъ переложеніи Порфирія. Совершенно согласно Аристотелю, тутъ различаются два вида субстанцій. Собственные субстанціи — индивидуальныя существа, которыя никогда не могутъ быть „сказуемыми“ чего-либо или о чемъ-либо. Субстанціи второго порядка — виды и роды

Boetius. In categorias Aristotelis. Lib. I. (Migne P. L. t. 64, col. 181): Substantia autem quae proprie et principaliter et maxime dicitur, est quae neque de subjecto dicitur neque in subjecto est ut aliquis homo vel aliquis equus. Secundae autem substantiae dicuntur species in quibus illae quae principaliter substantiae dicuntur insunt. Et haec quidem et horum specierum genera, ut aliquis homo, in specie quidem est in homine, genus vero speciei animalis est. Secundae ergo substantiae haec dicuntur, ut est homo atque animal.

Ibidem, col. 182: Alias primas esse substantias alias secundas: primas vocans individuas, secundas vero individuarum (sc. substantiarum) species et genera.

Ibidem: Quare, quoniam ex singulorum sensibus generalitas intellecta est, merito propriae substantiae individua et singula nominantur.

Boetius. In librum Aristotelis de interpretatione... majora commentaria. Migne (P. L.) T. 64, col. 462: Quoniam autem sunt quidem verum universalia, illa vero singularia. Dico autem universale quod de pluribus natum est praedicari, singulare vero quod non ut homo quidem universale, Plato vero eorum quae singularia sunt. Necesse est autem enuntiare quoniam inest aliquid aut non, aliquoties quidem eorum alicui quale universalia sunt, aliquoties autem alicui eorum quae sunt singularia.

Ibidem, col. 717 (Posteriora Analytica Aristotelis Interpretatio): Universale autem dico quod cum de omni sit et per se est, et secundum quod ipsum est. Manifestum igitur est quod quaecunque sunt universalia ex necessitate insunt rebus.

Какъ oppositum universale, universalia синонимично съ singulare, singularia — particulare, particularia. Ср. Gilberti Porretae (Porretant) Commentaria in librum (Boëtii) de duabus naturis et una persona Christi. Migne PL. t. 64, col. 1374—1375.

сдѣланъ „номиналистическій“ выводъ: общія понятія (универсаліи) не могутъ быть „реальностями“, „субстанціями“, имѣть подлинное „бытіе“. Формально, конечно, это можно было вычитать у Аристотеля, но по существу эта точка зрѣнія была ему чужда. ибо для него не существовало и самой проблемы. Несущественность или отсутствіе самой проблемы для Аристотеля вытекали изъ онтологической, или панлогической предпосылки аристотелевскаго разсужденія, которая особенно ярко обнаруживается въ его понятіи причинности и которая коренится въ его ученіи о формѣ. Въ области метафизики, или онтологіи Аристотель былъ непослѣдовательнымъ или, если угодно, умѣреннымъ платоникомъ¹⁾.

2) Аспектъ проблемы соціологическій — понимая соціологию въ широкомъ смыслѣ, объемлющ мѣ и оцѣночныя дисциплины, этику и политику, — не связанъ по существу съ аспектомъ гносеологически-логически-онтологическимъ, ибо никакой реализмъ-универсализмъ не долженъ изначала, такъ сказать, а limine, утверждать „реальность“ всѣхъ общихъ понятій, и каждая группа ихъ — даже съ точки зрѣнія самаго крайняго реализма (=универсализма) — должна быть спеціально обнаружена, или оправдана въ своей „бытійности“.

Помимо этого общаго соображенія, соціологическое разсмотрѣніе проблемы: общее (универсальное) — частное (сингулярное) объемлетъ не только соотношеніе: индивидуальное — общее, но и соотношеніе: часть — цѣлое. Что же касается этого соотношенія, то оно должно и можетъ быть уже разсматриваемо не столько какъ гносеологически-логическая проблема, сколько какъ проблема имманентнаго познанія какой-либо точно очерченной группы реальныхъ явленій, въ которой всѣ „явленія“, „факты“, „данныя“ предполагаются одинаково „реальными“ и изслѣдуется ихъ реальное соотношеніе, ихъ вѣсомость именно какъ реальныхъ явленій, — съ точки зрѣнія либо имманентной логики данной

¹⁾ Ср. Leon Robin: Sur la conception aristotélicienne de la causalité въ Arch. f. Gesch. d. Phil. Bd. XXIII, N. 1 (1909) и N. 2 (1910), въ особенности N. 2, p. p. 202—210 и его же: Sur la théorie platonicienne des idées et des nombres d'après Aristote. Paris. Alcan. 1908.

Изъ общей систематической литературы я хотѣлъ бы указать на обильный историческими справками трудъ: Heinrich Gomperz. Weltanschauungslehre. B. I (Jena u. Leipzig 1905), Bd. II, 1 (ib. 1908).

Этотъ замѣчательный трудъ не былъ мнѣ извѣстенъ, когда я писалъ свое „введеніе“ къ книгѣ „Хозяйство и Цѣна“ (= нѣмецкую статью).

Изъ новѣйшей логической литературы слѣдуетъ отмѣтить: A. Sprae. Pensée par universaux et pensée par individus въ Revue de métaphysique et de morale. 1928, pp. 491—528.

области знанія, либо чисто эмпирическаго познанія, или истолкованія явленій, ея изслѣдуемыхъ.

На самомъ дѣлѣ оба аспекта, гносеологически-онтологическій и соціологическій, въ исторіи идей весьма разнообразно-причудливо сплетаются и переплетаются, причемъ нельзя сказать, чтобы точка зрѣнія гносеологически-онтологическаго „реализма“ не отражалась на построеніяхъ соціологическаго „универсализма“.

Наоборотъ, и это обнаруживается весьма ясно въ развитіи греческаго умозрѣнія.

Такому соотношенію значительно способствовала самая терминологія: частное, особое, индивидуальное (*singulare*) въ Аристотелевой метафизикѣ: τὸ καθ'ἑκάστων; во множественномъ числѣ: τὰ καθ'ἑκάστα, *Metaphysica* (Ed. Parisiens 1878) lib. I, cap. 1: Ἐπι δὲ τῶν αἰσθήσεων οὐδεμίαν εἶναι σοφίαν, καίτοι κυριώταται γ'εἶσιν αὐταὶ τῶν καθ'ἑκάστα γνώσεως κτλ. (ощущенія, дающія представленія, ничего не говорятъ, по Аристотелю, οὐδὲ τί, а исключительно οὐ ὅτι). Ср. lib. III, cap. 3 и *passim*. Общее и цѣлое (*universale*) обозначалось у Аристотеля, какъ τὸ или безъ члена просто καθ'ὅλου или во множественномъ числѣ *universalia*!) τὰ καθ'ὅλου, на примѣрѣ *Arist. Metaph. I, 6*. На основаніи словоупотребленія Аристотеля кн. С. Н. Трубецкой въ своей „Метафизикѣ въ древней Греціи“ (Москва, 1890 г., стр. 42) пытался установить первоначальный философскій смыслъ термина „каѳолическій“ какъ всеобщаго и безусловнаго, дѣйствующаго по силѣ вселенскаго „каѳолическаго“ разумнаго закона. Тутъ явно каѳолическій = универсальный¹⁾. Съ аристотелевскою терминологіей поучительно сопоставить словоупотребленіе Полибія, у котораго τὰ καθ'ὅλου получаетъ прямо соціологическій смыслъ и означаетъ „дѣла общественныя“ или „государственныя“, а τὰ καθ'ὅλου γράφειν значитъ писать всеобщую исторію, каковая обозначается еще какъ καθ'ολική καὶ κοινὴ ἱστορία, а также просто какъ κοινὴ ἱστορία²⁾.

¹⁾ Толкованіе кн. Трубецкого врядъ ли имѣетъ историческое основаніе. Слово „каѳолическій“ всегда имѣло не одну смысловую окраску. Въ церковной литературѣ, повидимому, еще Исидоръ Испанскій окончательно устанавливаетъ латинскій переводъ греческаго слова: *Katholicus, universalis, Graecum est. S. Isidori Hispalensis Etymologiarum libri X. Migne PL., t. 82, col. 383*. Соответственно этому, у Кальвина въ *Institutio* 1536 г. церковь: *societas electorum... catholica id est universalis*. Не имѣя подъ руками сочиненій Кальвина, цитирую по Theodor Werdemann. *Calvins Lehre von der Kirche in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Bonn. Diss. Halle a. d. Saale 1909, S. 18*.

²⁾ Ср. С. Alexandre. *Dictionnaire Grec-Français*. 23-me éd. Paris 1888, sub voce, и весьма поучительный указатель Θ. Г. Мищенко къ его превосходному русскому переводу Полибія (т. III, Москва 1899 г.) подъ словомъ „Исторія“.

III. Доаттическая философія.

Въ развитіи греческаго умозрѣнія передъ нами прежде всего выступаютъ, съ разительной четкостью и красотой, два противоположныхъ построенія, которыя, въ конечномъ счетѣ, однако какъ-то совпадаютъ:

I. Онтологическій монизмъ.

II. Номологическій монизмъ, тоже, въ порядкѣ субстанціализаціи закона, какъ верховнаго начала, переходящій въ онтологизмъ.

Каковы бы ни были ея метафизическіе отѣнки, вся доаттическая греческая философія является соціологическимъ универсализмомъ. Особенно примѣчательна въ этомъ смыслѣ философія Гераклита. Хотя изъ основного метафизическаго положенія Гераклита: πάντα ρεῖ (все течетъ) могъ бы, казалось, вытекать не только гносеологическій, но и соціологическій релятивизмъ, — самъ Гераклитъ этихъ выводовъ вовсе не дѣлалъ. Совсѣмъ наоборотъ. Релятивистическіе же выводы для теоріи познанія, этики и соціологіи изъ метафизики Гераклита сдѣлали только софисты и позже — въ теоріи познанія — стоики.

Это однообразіе или однотонность соціологическихъ идей прямо таки разительна при значительной пестротѣ метафизическихъ основъ различныхъ доаттическихъ ученій, среди которыхъ въ зачаточномъ видѣ представлены, пожалуй, всѣ основныя направленія позднѣйшей метафизической мысли.

Развитіе эллинской доаттической соціально-философской, или соціологической мысли, соотвѣтственно сказанному выше, протекаетъ сплошь подъ знакомъ универсализма.

Въ частности, первые греческіе соціалисты, о которыхъ мы знаемъ изъ „Политики“ Аристотеля, были универсалистами. Современникъ Сократа Гипподамъ Милетскій, чудакъ-раціоналистъ, съ которымъ Аристотель полемизировалъ какъ эмпирикъ, былъ соціалистомъ, или коллективистомъ, по всему, что намъ о немъ извѣстно, консервативнаго чекана и въ этомъ смыслѣ является прямымъ предшественникомъ Платона. Такой же, еще ярче выраженный, характеръ носятъ идеи пифагорейца Фалеса Халкедонскаго¹⁾.

¹⁾ Ср. L. Stein. Die staatswissenschaftliche Theorie der Griechen vor Aristoteles und Platon und ihr Verhältniss zu dem Leben der Gesellschaft вѣ Zeitschr. f. d. ges. Staatswiss. 1853. SS. 115—182 (замѣчательный очеркъ геніальнаго обществовѣда, до сихъ поръ не утратившій интереса). W. Opcken Staatslehre d. Aristoteles. Lpzg 1870 и въ особенности R. Pöhlmann I Aufl. Geschichte d. antiken Kommunismus und Sozialismus 1893—1901. 2 Aufl. Geschichte d. sozialen Frage etc. 1912. При составленіи настоя-

IV. Софистика. Сократъ, Антисѳенъ.

Софистика — вмѣстѣ съ Сократомъ — составляетъ грань въ развитіи философской мысли античнаго міра. Тутъ впервые появляется въ античномъ мышленіи сингуляризмъ-индивидуализмъ-номинализмъ и впервые идея закона, или нормы (νόμος), противопоставляемая идеѣ природы (φύσις), опорачивается съ точки зрѣнія бытійной, или онтологической. Однако, изъ этой революціи въ области метафизики, въ которой Сократъ (тоже поставившій челоуѣка и челоуѣческое сознаніе въ центрѣ умозрѣнія) нѣкоторую часть пути идетъ рядомъ и заодно съ софистами, не сразу вытекаютъ революціонные соціологическіе выводы въ духѣ сингуляризма (индивидуализма). Ихъ не дѣлаетъ повидимому ни Протагоръ, ни Горгій, ни даже Гиппій, хотя послѣдній къ нимъ весьма приближается, заявляя, что „законъ — тираннъ надъ людьми, ихъ вопреки природѣ насилующій“ (Plat. Prot, 337 d: ὁ δὲ νόμος τύραννος ὦν τῶν ἀνθρώπων πολλὰ παρὰ τὴν φύσιν βιάζεται). Окончательно соціологическій сингуляризмъ, и какъ объективная теорія, и какъ оцѣночно-моральный подходъ, торжествуетъ лишь у позднѣйшихъ софистовъ, о которыхъ мы знаемъ изъ полемически-карикатурныхъ, но въ общемъ вѣрныхъ характеристикъ Платона, у Пола (Πόλος), Калликла, Эразимаха, и у киниковъ, прежде всего у Антисѳена. Антисѳенъ вообще — съ интересующей насъ точки зрѣнія, — самая примѣчательная и значительная фигура. Послѣдовательный номиналистъ въ теоріи познанія и логикѣ, онъ въ обществовѣдѣніи — законченный сингуляристъ (индивидуалистъ). Теоретически, какъ крайній индивидуалистъ, Антисѳенъ является анархистомъ и въ то же время практически онъ до мозга костей — моралистъ, и притомъ рационалистъ. Это — Левъ Толстой античности, только болѣе логичный и, соотвѣтственно этому, болѣе смѣлый и въ то же время гибкій. Примѣчательно, что Антисѳенъ въ одно и то же время — ученикъ и Сократа и софистовъ (въ этомъ обнаруживается родство и параллелизмъ сократовской философіи и софистики) — подобно тому какъ анархистъ Толстой въ одно и то же время и христіанинъ, и рационалистъ-„просвѣтитель“. Такой же въ сущности смѣшанный (хотя неэклектический!) характеръ носятъ ученія мегарской (Эвклидъ и Стилпонтъ, послѣдній подъ вліяніемъ Антисѳена), элидско-эритрейской школы (Фэдонъ

щаго очерка я имѣю въ рукахъ только первое изданіе. Съ Пельманомъ я во многомъ не согласенъ.

и Менедэмъ) и затѣмъ гедонизмъ Аристиппа (Киренаика).

Мы видѣли, что ходъ соціологической мысли древней Греціи до софистовъ можетъ быть изображенъ въ видѣ прямой линіи сплошнаго универсализма. Софисты — именно они, а не Сократъ — порываютъ съ натурфилософской традиціей греческой мысли и открываютъ ея антропологическую эру. Въ этомъ отношеніи съ Протагора и Горгія обозначается подлинный переломъ въ исторіи греческой философской мысли.

Но, какъ я уже указалъ, эволюція въ области метафизики, хотя бы и „отрицательной“, не сплошь совпадаетъ съ таковою въ области соціологіи. Въ послѣдней линія универсализма идетъ дальше, захватывая и раннихъ софистовъ и Сократа, ломаясь только на Антисѳенѣ. Можно спорить о томъ, является ли Аристиппъ еще большимъ сингуляристомъ, чѣмъ Антисѳенъ, но ихъ соціологическое мышленіе во всякомъ случаѣ одного и того же типа, и къ этому типу относится и позднѣйшая софистика. Эпоха съ Антисѳена до Аристиппа есть эпоха очень сильнаго вліянія сингуляризма въ нашемъ соціологическомъ смыслѣ, т. е. номиналистически обоснованнаго индивидуализма, эпоха очень непродолжительная, приблизительно въ тридцать-тридцать пять лѣтъ (420—385), но чрезвычайно яркая, отмѣченная личностью и дѣятельностью Алкивіада, судомъ надъ Сократомъ и его смертью, моральнымъ и политическимъ разложеніемъ эллинской государственности въ двухъ ея главнѣйшихъ центрахъ, Аѳинахъ и Спартѣ (Лакедемонѣ), и унижительнымъ вмѣшательствомъ персидскихъ властителей въ греческія дѣла, полагающимъ конецъ не только независимости греческихъ городовъ въ Малой Азіи, но и политической самостоятельности эллинскихъ государствъ и въ Европѣ (Анталкидовъ миръ 387 до Р. Хр.; успѣхи ѳивянъ и гегемонія ѳивъ, 371—362, есть лишь краткій эпизодъ, за которымъ слѣдуетъ македонская гегемонія).

Какъ бы мы ни истолковывали философію Сократа, будемъ ли мы ее понимать въ чисто практически-утилитарномъ духѣ Ксенофонта, или въ духѣ Платона, влагая въ сократовскія поученія платоновское ученіе объ идеяхъ, или мы остановимся на среднемъ истолкованіи, аристотелевскомъ, — универсалистическая, соціологическая и социальнo-философская, позиція учителя Антисѳена и Платона не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, и значительное вліяніе этой позиціи было тоже несомнѣнно. Но, всетаки, несмотря на большое вліяніе Сократа съ его универсалистическимъ пониманіемъ социальныхъ отношеній и связей и съ его „законопослушностью“, въ эту эпоху

чисто сингуляристическое, отрицательное, нигилистическое понимание софистовъ и кинизма (въ лицѣ Антисѳена и его послѣдователей) было приблизительно такъ же вліятельно и сильно, какъ и вліяніе сократовское.

V. Реакція въ духѣ универсализма: Платонъ и Аристотель.

Сингуляристическая эпоха 421—385 г. г. вызываетъ реакцію въ духѣ универсализма, главными выразителями которой являются Платонъ и его ученикъ Аристотель. Эта реакція не есть вовсе реакція отчаянія въ значеніи и силѣ государственнаго и общественнаго начала; наоборотъ, она окрашена извѣстнымъ политическимъ оптимизмомъ, у Платона и еще раньше у Ксенофонта „спартофильски“ направленнымъ (дорическій духъ!), у Аристотеля же имѣющимъ характеръ гораздо болѣе отвлеченный (несмотря на близость Аристотеля къ македонскому двору въ теченіе 7 лѣтъ, когда онъ былъ воспитателемъ Александра Македонскаго, онъ не былъ вовсе македонофиломъ). Эпоху аристотелевско-платоновскую, которая заполняетъ все время съ 385 по 300 г. до Р. Хр., можно охарактеризовать какъ эпоху почти полнаго господства соціологическаго универсализма. Его конкретныя проявленія: 1) сократическій платонизмъ, 2) платонизмъ идеально-утопическій („Государство“), 3) платонизмъ, практически и исторически ориентированный въ консервативно-дорическомъ духѣ („Законы“) и 4) аристотелизмъ — различаются между собою лишь въ отѣнкахъ, или подробностяхъ, но не въ принципахъ. Принципами же этими являются первенство (приматъ) общенія (общества, государства), какъ высшаго органическаго цѣлаго, надъ индивидомъ и семьей, какъ частями, и утвержденіе подлиннаго государства во образѣ идеальной и въ то же время чисто національной политіи единственнаго руководящагося познаніемъ и разумомъ (φιλομαθής, φιλόλογος, φιλόσοφος) народа, эллиновъ, носителей подлинной и своеобразной культуры (παιδεία).

Эллинъ Платона и Аристотеля есть живущій въ государствѣ, имъ со всѣхъ сторонъ объятый, чисто „политическій“ человѣкъ. Для Платона и Аристотеля внѣ государства нѣтъ человѣчности. Психологически это идеологическое утвержденіе Платономъ и Аристотелемъ эллинской государственности есть проявленіе величайшаго оптимизма, ибо исторически оно являетъ собою духовную обращенность къ порядку отношеній, прямо таки гибнущему на глазахъ обоихъ философовъ (въ особенности это приложимо къ аѳинянину Платону, но въ общемъ вѣрно

и въ отношеніи къ сжившемуся съ Аѳинами полуѳракійцу Аристотелю, внутренне совершенно чуждому и македонскому варварству, и македонскому „имперіализму“).

Ближайшіе ученики Платона (ранняя Академія) и Аристотеля (ранніе перипатетики) — поскольку мы о нихъ знаемъ, а знаемъ мы очень мало — не представляютъ интереса съ точки зрѣнія той проблемы, которою мы занимаемся: они подхватываютъ нить своихъ учителей. Ихъ значеніе заключается не въ какихъ-либо новыхъ соціально-философскихъ идеяхъ и перспективахъ, а въ развитіи нѣкоторыхъ другихъ сторонъ знанія (психологіи и естествознанія).

VI. О формленіе сингуляризма въ стоицизмѣ и эпикурействѣ.

Совсѣмъ иначе слѣдуетъ охарактеризовать эллинистически-римскую философію, въ особенности въ ея ранній періодъ — въ эпоху первыхъ стоиковъ и эпикурейцевъ. Системы стоической и эпикурейской философіи въ высшей степени примѣчательны съ интересующей насъ точки зрѣнія. Эти системы оформляютъ сингуляризмъ въ его обоихъ аспектахъ, не только какъ гносеологическій номинализмъ, но и какъ соціально-политическій индивидуализмъ, и притомъ дѣлаютъ это въ рамкахъ законченнаго метафизическаго міровоззрѣнія, искусно и въ то же время жизненно вбирающаго въ себя мотивы не только аттического, но и доаттического періода греческой философіи. Неудивительно, поэтому, что стоицизмъ и эпикурейство получили міровое значеніе и дали исходныя точки для развитія самыхъ могущественныхъ теченій и самыхъ вліятельныхъ концепцій и въ философіи, и въ обществовѣдѣніи новаго времени: весь индивидуализмъ новаго времени былъ прообразованъ (преформированъ) стоицизмомъ и эпикурействомъ¹⁾.

Стоики въ лицѣ уже Зенона въ ученіи о понятіи стояли на чисто номиналистической точкѣ зрѣнія. Не столь ясна гносеологически-логическая позиція эпикурейцевъ. Но за то эпикурейцы болѣе крайніе, въ теоріи — самые крайніе индивидуалисты. У стоиковъ же гносеологическій номинализмъ своеобразно сочетается съ гораздо болѣе умѣреннымъ соціально-политическимъ сингуляризмомъ (индивидуализмомъ), дѣлающимъ значительныя принципиальныя

¹⁾ О значеніи античной культуры вообще для культуры нашего времени см. поучительный и общедоступно написанный коллективный трудъ 26 авторовъ подъ редакціей Э. Нордена: *Vom Altertum zur Gegenwart. Die Kulturzusammenhänge in den Hauptepochen und auf den Hauptgebieten.* Leipzig-Berlin 1919, и въ немъ особенно — сжатый, но содержательный очеркъ Макса Вундта: *Philosophie und Weltanschauung* (SS. 200–207).

уступки универсализму. Сочетание это происходит при посредствѣ метафизики, строго проводящей идею всеобщей закономерности, заимствованную стоиками у Гераклита и совпадающую съ Божественнымъ Промысломъ (отсюда уже для стоиковъ возникаетъ проблема теодицеи!). Конечно, тутъ нельзя искать полной логической стройности и послѣдовательности, тѣмъ болѣе, что у стоиковъ рядомъ съ, казалось бы, оптимистическимъ ученіемъ о закономерности и промыслѣ былъ пессимистическій взглядъ на средняго человека, „качество“ котораго они оцѣнивали весьма низко, почему ихъ вниманіе все было устремлено на „мудреца“ (σοφός или σόφρων, который есть σπουδαῖος — въ отличіе отъ ἄφρων, который есть φαῦλος).

Миръ существуетъ для стоиковъ ради людей, на основаніи Богомъ, Онъ же Рокъ и Промыселъ, установленной цѣлесообразности, люди же существуютъ ради общенія. Общеніе это, понимаемое въ смыслѣ концентрически отъ индивида расширяющагося взаимосоприкосновенія людей, мыслится стоиками въ своемъ высшемъ выраженіи какъ нѣкое подобіе мірового цѣлаго, какъ универсальное государство, объемлющее все человѣчество. Этотъ космополитизмъ, восходящій къ киникамъ, примиряетъ универсалистическій мотивъ стоицизма съ его сингуляристическимъ мотивомъ. Отдѣльныя конкретныя государства оцѣниваются стоиками, если и не прямо отрицательно, то весьма низко — ихъ интересуется всечеловѣческое общеніе. Поэтому мотивъ сингуляристическій, или индивидуалистическій дѣйствуетъ въ стоицизмѣ гораздо сильнѣе и живѣе, чѣмъ мотивъ универсалистическій, и значеніе перваго для стоиковъ слѣдуетъ оцѣнивать гораздо выше, чѣмъ значеніе второго. Вотъ почему эллинистически-римскую эпоху философской мысли мы имѣемъ право разсматривать какъ эпоху почти полнаго преобладанія социологическаго, или социально-философскаго сингуляризма, лишь слегка умѣряемаго идеей „общенія“ и мірового государства, конкретнымъ воплощеніемъ котораго является Imperium Romanum. Въ какой мѣрѣ однако Imperium Romanum еще до принцепата импонировало именно философски образованнымъ и политически заинтересованнымъ эллинамъ, — это мы видимъ на примѣрѣ Полибія, который, будучи до мозга костей эллиномъ, считавшимъ римлянъ варварами, былъ буквально зачарованъ римской государственностью.

VII. Соціологическій эклектизмъ эллинистически-римской эпохи.

Въ эпоху съ 1-го по 3-ій вѣкъ по Р. Хр. мы встрѣчаемъ эклектическія разсужденія такихъ полуфилософовъ и

полуполитиковъ какъ Діонъ Прусскій (род. около 40 г. по Р. Хр. † около 110 г.) и Плутархъ Херонейскій (род. около 40 г. † около 130 г. по Р. Хр.).

Первый¹⁾ былъ по своей исходной точкѣ киникомъ, но въ области политической и соціальной онъ являлся скорѣе стоикомъ, воспринявшимъ государственныя идеи Платона въ ихъ умѣренномъ вариантѣ.

Второй былъ по своей исходной точкѣ платоникомъ, воспринявшимъ однако главныя основы этики Аристотеля и въ то же время — несмотря на полемику съ крайностями стоиковъ — очень близкимъ къ ихъ идеалистическому космополитизму.

Наконецъ, эта умѣренная и эклектическая позиція лично еще ярче воплощается въ живомъ образѣ императора-стойка Марка-Аврелія (царствовалъ съ 161 по 180 г. по Р. Хр.) Последний обозначаетъ, вмѣстѣ съ Эпиктетомъ и Сенекой, нѣкое внутреннее (интимное) обращеніе „элиты“ языческаго міра къ Божеству: тутъ, конечно, дѣйствуютъ еще мотивы платоновскаго идеализма, но уже въ совершенно новой „тональности“, весьма близкой къ первохристіанству. И въ то же время Маркъ-Аврелій — императоръ, пекущійся о безопасности и величіи Имперіи, ради этого не только управляющій, но и ведущій войны.

Въ сущности, тутъ мы уже имѣемъ столь характерное для позднѣйшаго христіанскаго міра религиозное отвращеніе отъ міра рядомъ съ практическимъ пріятіемъ его. Эта двойственность отсутствовала не только у Аристотеля, но даже у Платона: государство было для нихъ неразрывно связано съ религіей, на немъ, какъ на таковомъ, лежалъ какой-то божественный отпечатокъ. Уже иначе — у раннихъ стоиковъ, и еще яснѣе — не смотря на весь ихъ эклектизмъ и оппортунизмъ — у позднихъ стоиковъ. Идеальное государство-міръ для стоиковъ обвѣяно божественнымъ дыханіемъ, но реальное, конкретное государство есть только наименьшее, по сравненію съ анархіей, зло, съ которымъ нужно считаться, которое нужно улучшать, или смягчать, но которое всетаки относится къ какому-то низшему порядку вещей и отношеній. Таково было

¹⁾ О „политической философіи“ Діона Прусскаго или Хризостома (Златоуста) существуетъ на русскомъ языкѣ основанная на внимательномъ изученіи этого писателя монографія: В. Е. Вальденбергъ. Политическая философія Діона Хризостома (Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Академіи Наукъ“ за 1926 г., стр. 96 безъ сплошной пагинаціи). Въ изложеніи Вальденберга „электической“ характеръ соціальныхъ и политическихъ настроеній и построеній Діона Прусскаго выступаетъ, въ каждый данный моментъ его весьма различно во времени окрашенной литературной дѣятельности, достаточно явственно.

конечно, въ первыхъ встрѣчахъ христіанъ съ государствомъ и ихъ отношеніе къ нему. Государство и съ первохристіанской точки зрѣнія относилось къ внѣшнему и низшему порядку вещей и отношеній. Его необходимо признавать, ему даже праведно подчиняться, поскольку его требованія не идутъ въ разрѣзъ съ велѣніями Бога, съ заповѣдями религіи. Но и только: для спасенія души государство совершенно не нужно.

VIII. Первохристіанство и новоплатонизмъ.

Такимъ образомъ, тутъ въ проблему соотношенія: сингуляризмъ-индивидуализмъ и универсализмъ-соціализмъ (коллективизмъ) окончательно привносится со стороны религіи осложненіе, дотолѣ неизвѣстное античному міру. Въ послѣднемъ мы видимъ сперва религіозный универсализмъ въ борьбѣ съ антирелигіознымъ сингуляризмомъ, а затѣмъ религіозный сингуляризмъ, совмѣщающійся у умѣренныхъ стойковъ съ какимъ-то, тоже религіозно-метафизически обоснованнымъ, космополитическимъ универсализмомъ.

Первохристіанское отношеніе къ государству, какъ къ чему то внѣшнему и низшему, характерное и для синоптиковъ и для апостола Павла, не было, однако, вовсе и только отношеніемъ вѣроисповѣднымъ.

Это обнаруживается съ необычайной ясностью на новоплатонизмѣ. По религіозной напряженности новоплатонизмъ Плотина (род. 203 † 269 по Р. Хр.), Ямблиха (между 280 и 330 по Р. Хр.) и Прокла (род. 410 † 485 по Р. Хр.) мало чѣмъ уступаетъ первохристіанству. И неслучайно, что въ новоплатонизмѣ отсутствуетъ политическая философія. Такъ какъ для новоплатониковъ нравственную цѣль составляетъ „уподобленіе Божеству“, то для нихъ „политическія“ добродѣтели являются низшими въ лѣствицѣ добродѣтелей, а вершину свою человѣческое бытіе обрѣтаетъ въ блаженномъ состояніи экстаза, ведущаго къ отрѣшенію отъ міра и сліянію съ Божествомъ. Тутъ по Ямблиху проявляются себя высшія цѣлостныя (ἐνιαία) и священныя (гіератическія) добродѣтели.

Ни къ первохристіанству, ни къ новоплатонизму неприложимы — строго говоря — соціологическія категоріи сингуляризма-универсализма. Проблема соотношенія между индивидуумомъ и цѣлымъ тутъ всецѣло транспонирована въ религіозную область. Въ этой религіозной области самыя яркіе и руководящіе новоплатоники — еще большіе универсалисты, чѣмъ основатель христіанскаго вѣроученія апостоль

Павелъ¹⁾, и, соотвѣтственно этому, мистическое напряженіе новоплатоническаго многобожія, пожалуй, даже выше, чѣмъ — христіанскаго единобожія, во всякомъ случаѣ въ нормальныхъ и нормативныхъ (руководящихъ) проявленіяхъ послѣдняго (т. е. опять таки прежде всего у того же апостола Павла!).

Мистически-теургическое отвращеніе новоплатонизма отъ міра не помѣшало однако новоплатонику Юліану-Отступнику (род 331 † 363 по Р. Хр.) быть — государемъ и правителемъ. Юліанъ-Отступникъ является языческимъ pendant къ Константину Великому. Въ лицѣ Юліана еще ярче, чѣмъ въ лицѣ Константина, совершается практическое, дѣловое размежеваніе между религіей, устремленной въ потусторонній міръ, и земнымъ государственнымъ дѣланіемъ. Ибо внѣ всякаго сомнѣнія: новоплатоническое язычество Юліана съ его вѣрой въ бессмертіе души и въ мистическое (экстатическое) общеніе этой бессмертной души съ Божествомъ было такой же религіей, покоящейся на вѣрѣ въ трансцендентное начало Міра, какъ и христіанство, съ которымъ Юліанъ боролся²⁾. Какъ язычникъ, мистикъ, или теургъ, Юліанъ былъ новоплатоникомъ (чекана Ямблиха и Максима Эфесскаго). Какъ государь и правитель, онъ былъ просто платоникомъ, проводившимъ въ жизнь эстетическіе взгляды великаго аѳинянина въ ихъ умѣренной редакціи, изложенной въ „Законахъ“³⁾. Будучи, какъ всякій подлинно религіозный человекъ, заботящійся прежде всего о „спасеніи души“, въ основѣ своей религіознымъ сингуляристомъ, онъ, какъ правитель и соціальный политикъ, былъ такимъ же универсалистомъ, какъ и самъ Платонъ.

¹⁾ Впрочемъ, нельзя отрицать, что извѣстнаго рода своеобразный сингуляризмъ довольно ярко обнаруживается и въ метафизикѣ новоплатонизма, а именно въ той обрисовкѣ, которую у него получило платоновское ученіе объ идеяхъ. По Платону идеи имѣются только для предметовъ, выражаемыхъ общими понятіями, по Плотину же каждому единичному существу, каждой вещи соотвѣтствуетъ ея собственный прообразъ, ея собственная идея.

Литература о новоплатонизмѣ чрезвычайно велика. Я бы хотѣлъ отмѣтить здѣсь только двѣ превосходныя обобщающія характеристики: M. Heipze sub v. въ *Realencyclopädie f. d. protestantische Theologie u. Kirche*. Bd 13³ (Leipzig 1903) и Haugnack *Dogmengeschichte* I⁴, SS. 811 ff.

²⁾ Гарнакъ (l. c. S. 812) мѣтко указываетъ, что новоплатонизмъ, являясь „ступенью въ исторіи и философіи и религіи“, означаетъ „какъ философія — упраздненіе той античной философіи, которую онъ хотѣлъ завершить, и какъ религія — упраздненіе тѣхъ античныхъ религій, которыя онъ намѣревался реставрировать“.

³⁾ Платоновскій характеръ соціальной политики Юліана я показывалъ въ исторической части своей книги „Хозяйство и Цѣна“ (Москва — С.Петербургъ, 1913 г.), стр. 259—262. Изъ новѣшей общей литературы объ Юліанѣ укажу: J. Videz. *La vie de l'empereur Julien*. Paris 1930.

Единый цѣлостный универсализмъ, объемлющій все бытіе чловѣка, кончается съ появленіемъ на свѣтъ — въ формѣ новоплатонизма и христіанства — религіи спасенія души, религіи по существу и по принципу трансцендентной. Эта религія отвращается отъ міра и его отвергаетъ — конечно, для того, чтобы поставить передъ собой задачу его — преобращенія. Но такое „преображеніе“ по принципу мыслится осуществимымъ не во имя земныхъ благъ и не земными средствами. Поскольку политика вообще, и социальная въ частности, являются задачами чисто земными и эмпирическими, — онѣ остаются сами по себѣ чужды трансцендентной религіи.

Этого основного противоположенія между идеаломъ спасенія души и идеаломъ общественнаго блага и подчиненія второго первому не существовало для античнаго универсализма Аристотеля и Платона, несмотря на весь ихъ идеализмъ. Ихъ религіозна мысль была слита съ ихъ социально-политической, одинъ рядъ идей не былъ дифференцированъ отъ другого.

Эта нераздвоенность античной социально-политической мысли содержитъ объясненіе двумъ основоположнымъ фактамъ въ исторіи социальной мысли и среднихъ вѣковъ, и новаго времени:

1. Не имѣя въ области политики вообще, социальной политики въ частности, никакихъ положительныхъ и конкретныхъ указаній со стороны самого христіанскаго вѣроученія, социальная мысль средневѣковья обращается къ античности и реципируетъ идеи и критеріи античной философіи, т. е. Платона и Аристотеля.

2. Но въ то же время эта рецепція¹⁾ лишена съ самаго начала той цѣлостной идеологической основы, которая была присуща социально-политическому универсализму античности, покоившемуся на метафизическомъ универсализмѣ, въ которомъ религія и земная жизнь были просто слиты.

3. Впервые окончательно признанное новоплатонизмомъ и христіанствомъ основное первенство (принципіальный приматъ) идеала спасенія души надъ идеаломъ общественнаго блага дѣлаетъ съ этого времени области религіи и политики (въ широчайшемъ смыслѣ, включая сюда, въ частности и въ особенности, социальную политику) относительно автономными, т. е. лишенными той первоначальной цѣлостности,

¹⁾ Указанную рецепцію, поскольку она выразилась въ средневѣковомъ пріятіи и переработкѣ античной идеи - института „справедливой“ („указной“, „уставной“) цѣны, я пытался, на основаніи первоисточниковъ, точно изобразить и охарактеризовать въ историческомъ отдѣлѣ первой части своей книги „Хозяйство и Цѣна“.

которая была имъ присуща въ античномъ мірѣ и міросозерцаніи,

4. Отсюда для новаго времени, съ того момента, что оно рѣшительно и демонстративно порвало съ изнутри подточеннымъ и омертвѣвшимъ аристотелизмомъ, открылась возможность — принципиально заложенная въ христіанствѣ, какъ благовѣстіи о спасеніи души — свободнаго отношенія къ „земнымъ“ идеямъ и критеріямъ политики, какъ „земного“ дѣланія. Съ этого момента тотъ „эклектизмъ“, который въ античномъ мірѣ есть фактическое сочетаніе разнородныхъ мотивовъ и который встрѣчается намъ и въ умѣренныхъ формахъ стоицизма, и у Діона Прусскаго, и у Плутарха Херонейскаго, становится по существу неизбѣжнымъ и характернымъ для христіанскаго міра: и универсализмъ, и сингуляризмъ теряютъ свое прежнее, столь существенное въ античномъ мірѣ, религиозное или (какъ это было у софистовъ) противорелигиозное освященіе. Прежняя массивная связь между религіей (метафизикой) и политикой распадается — ихъ соотношеніе становится весьма многообразнымъ и весьма подвижнымъ, или текучимъ. Являются на сцену христіанскій социализмъ и христіанскій индивидуализмъ — въ весьма разнообразныхъ конкретныхъ выраженіяхъ и комбинаціяхъ.

Е. В. Спекторскій.

ЭТИКА И АНТРОПОЛОГИЯ.

*Animal hoc providum, sagax, multiplex,
acutum, plenum rationis et consilii, quem vocamus
hominem.*

Cicero, De legibus, I, 7.

Мысль Зомбарта, что у всякой социологии есть своя антропология, и может и должна быть расширена. У всякой науки есть своя антропология. Есть она и у всякой философии. Не может без нея обойтись и этика. Если даже ограничить проблематику этики только деонтологией, пренебрегая, какъ это обыкновенно дѣлается, ея гносеологиею, т. е. теоріею этического познанія (въ отличіе отъ познанія психологическаго и естественнонаучнаго), а также ея онтологіею и феноменологіею, т. е. міромъ нравственной дѣйствительности, то и тогда антропология неизбежна: нельзя рассуждать о томъ, что долженъ дѣлать человекъ, не выяснивъ предварительно, что такое человекъ какъ существо, которое вообще можетъ и должно что-то дѣлать. И тѣмъ не менѣе этику по большей части сводятъ только къ нормамъ и императивамъ, независимо отъ ихъ адресатовъ. Въ этикѣ существуетъ даже особый „методъ чистоты“, который не столько занимается критикою чистой совѣсти въ реальномъ человекѣ, сколько всемирно очищаетъ идеальныя нормы отъ какой бы то ни было феноменологии и онтологии. Тогда получается или этика безъ антропологии или этика, имѣющая дѣло съ какимъ-то воображаемымъ, только мыслимымъ, ноуменальнымъ человекомъ. Къ эмпирическому же, т. е. единственно реальному человеку и его фактическому поведенію такая этика настолько равнодушна, что безъ остатка уступаетъ его естественнымъ наукамъ. Неудивительно, что самое понятіе антропологии было не только усвоено, но и присвоено естествознаніемъ. Оно же не считаетъ необходимымъ, какъ это дѣлалъ Кантъ, различать „физиологиче-

скую“ антропологию, изучающую то, „что природа дѣлаетъ изъ человѣка“, и „прагматическую“, изучающую то, „что онъ, какъ свободно поступающее существо, дѣлаетъ изъ самого себя или можетъ и долженъ дѣлать“. Этика не сохранила за собою и понятіе антропософіи, ибо оно было присвоено Рудольфомъ Штейнеромъ. Онъ же построилъ такое ученіе о строеніи человѣка (съ эфирнымъ тѣломъ цвѣта персика, яйцевиднымъ астральнымъ тѣломъ и т. п. подробностями), которое приемлемо только для вѣрующихъ основанной имъ религіи.

У этики, т. е. ученія о поведеніи человѣка, какъ свободного существа, связаннаго деонтологическими нормами, не можетъ не быть своихъ собственныхъ антропологическихъ понятій. Эти понятія и могутъ и должны быть согласованы съ положительными и фактическими данными психологическаго и естественнонаучнаго изученія того сложнаго единства, которое именуется человѣкомъ. Но они никакъ не могутъ быть простыми выводами изъ этихъ данныхъ, ибо для этики ни психологія ни естествознаніе не являются основополагающими науками, тѣмъ, что нѣмцы называютъ *Grundwissenschaften*.

Скромная задача настоящаго очерка состоитъ въ томъ, чтобы внести нѣкоторую точность въ понятіе о человѣкѣ, свойственное всякой этикѣ, которая рассуждаетъ не *ordine geometrico*, и не *ordine psychologico, biologico* или *sociologico*, а такъ сказать, *ordine ethico seu adaequato*. Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы непременно сказать что-то новое, ибо къ этикѣ въ значительной степени примѣнимо замѣчаніе Лабрюера о томъ, что все уже сказано, съ тѣхъ поръ какъ люди думаютъ семь тысячъ лѣтъ. Дѣло въ томъ, чтобы напомнить то не только старое, но и постоянное, что входитъ въ составъ этики какъ вѣчной философіи (*philosophia perennis*), но что нуждается въ очищеніи отъ всякихъ чужеродныхъ наслоеній. Благодаря этимъ наслоеніямъ въ значительной степени утрачена ясность этическихъ понятій, когда-то, по замѣчанію Гемстергойса, бывшихъ столь же отчетливыми, какъ и понятія круга и треугольника; еще Прудонъ полагалъ, что „передъ сверканіемъ права блѣднѣетъ математическая достовѣрность“. Познавательная цѣнность этическихъ понятій когда-то цѣнилась такъ высоко, что Платонъ называлъ идею добра „величайшею наукою“ (Республика 445 С), а Кантъ провозгласилъ „приматъ“ практическаго разума.

Паскаль спрашивалъ: „что за химера человѣкъ, какой хаосъ, какой предметъ противорѣчій, какое чудо, судья всѣхъ вещей, безсильный, червь земли, хранитель истины, клоака недостовѣрности и заблужденія, слава и отвращеніе вселенной! Кто разберетъ эту спутанность?“ Разберутъ ее

тѣ, которые не уклоняются отъ основныхъ требованій всякаго методическаго изслѣдованія: не смѣшиваютъ фактическаго съ теоретическимъ или, какъ выражается Джемсъ, перцептовъ съ концептами и посему избѣгаютъ разсужденій, вызываемыхъ не существомъ дѣла, а единственно предвзятою доктриною — *difficultatem facit doctrina*; не усматриваютъ сходство и даже тожество тамъ, гдѣ существуетъ очевидное различіе — *qui bene distinguit, bene docet*; наконецъ, связываютъ со всякимъ понятіемъ точный, именно ему свойственный смыслъ, ибо есть доля истины въ утвержденіи и Кондильяка, что наука это хорошо сдѣланный языкъ, и Гербарта, что философія это не болѣе какъ обработка понятій.

Чтобы разобраться въ спутанности, именуемой человѣкомъ, необходимо прежде всего признать, что онъ существуетъ. Казалось бы, что это фактъ очевидный и безспорный. А между тѣмъ имѣются теоріи, оспаривающія это. Такъ, на примѣръ, не кто иной какъ основоположникъ философіи, именуемой позитивною, т. е. положительною, О. Контъ увѣрялъ, что реально существуетъ только человѣчество. Еще болѣе удивительно, что неокантіанецъ, т. е. послѣдователь ученія, признающаго абсолютную цѣнность всякой человѣческой личности, Наторпъ заявилъ, что человѣческой индивидъ это такая же фикція, какъ и атомъ. Какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ случаяхъ вмѣсто факта подставляется теорія, а именно „реализмъ“ въ схоластическомъ смыслѣ слова, т. е. ученіе о томъ, что *universalia sunt realia*, и что посему подлиннымъ бытіемъ обладаютъ не отдѣльные люди, образующіе ту или иную соціальную группу, а только эти соціальныя группы. Такого рода реализмъ, или „универсализмъ“, какъ разъ въ настоящее время пользуется широкимъ успѣхомъ. Онъ безъ остатка растворяетъ человѣка въ обществѣ, антропологию въ социологию, этократію въ социократію. При такомъ пониманіи принципиально отвергается самостоятельная личность человѣка. А тогда ни о какой этикѣ не можетъ быть и рѣчи. Съ точки зрѣнія этики всякій „универсализмъ“ и групповой „реализмъ“ это не фактъ, а теорія. Такая теорія можетъ представить не малую этическую цѣнность, но не какъ онтологическое констатированіе, а единственно какъ деонтологическій регулятивъ. Для этики человѣческая личность это не акциденція, а субстанція. Посему для нея одна социологія недостаточна. Для нея необходима и антропологи́я.

Среди разныхъ типовъ антропологи́и имѣются такіе, которые слишкомъ упрощаютъ строеніе человѣка. Для нихъ человѣкъ это однородное существо, *homo simplex*. Забывая предостереженіе *in itinere non potest perveniri ad tam grande secretum*, дѣлаются попытки полностью объяснить тайну

человѣка, *mysterium hominis*, считаюсь только съ однимъ какимъ-нибудь планомъ его феноменологіи. Такъ получаютъ одностороннія антропологіи спиритуализма, психологизма и матеріализма.

Есть доля истины въ вопросѣ апостола Павла: „кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ?“ (I Коринѣ. II, 11). Но когда эта доля провозглашается полною истиною, то получается заблужденіе спиритуализма. Для него человѣкъ это не болѣе какъ чистое намѣреніе, сознательно доброе или злое, *homo animus*. Дѣйствительна и дѣйствена только духовная субстанція человѣка. Душевная же и тѣлесная структура считается не существенною и даже какъ бы не существующею для настоящей этики. Тѣло это будто бы только тюрьма духа или его могила, какъ учили орфики. Человѣкъ превращается въ какой-то неодушевленный и безплотный духъ или въ ходячій чистый разумъ, эту, какъ его опредѣлилъ Кантъ, способность къ принципамъ. Таковъ Сократовъ сознательно добрый или сознательно злой человѣкъ. Таковъ Кантовъ ноуменальный человѣкъ. Таковъ классическій преступникъ въ пониманіи старыхъ криминалистовъ: павшій духъ, воплощенная злая воля, дѣйствительность идеи преступленія. У такой антропологіи есть своя этика. Но это такая односторонняя этика, которая замѣняетъ живыхъ людей умозрительными категоріями, нравственный судъ — логическимъ сужденіемъ и растворяетъ этось въ логосѣ. Она совсѣмъ не считается ни съ тѣми препятствіями, которыя чинятъ чистому и практическому разуму душевныя и тѣлесныя состоянія и процессы, ни съ тою помощью, которую они, особенно душевныя состоянія, оказываютъ дѣлу этики. Шиллеръ съ полнымъ основаніемъ высмѣялъ ригоризмъ такой этики, принципіально исключающей изъ феноменологіи добра какіе бы то ни было эмоціонные эпифеномены.

Однако съ этической точки зрѣнія неудовлетворительна и такая антропологія, которая изучаетъ человѣка исключительно въ психологическомъ планѣ. Психологія это наука, или, какъ скромнѣе выражается Джемсъ, надежда на науку, которая изучаетъ и описываетъ конкретныя душевныя состоянія и процессы. Она изучаетъ и т. н. „нравственное чувство“, симпатію, стыдъ, любовь, ненависть, чувство долга и т. п. душевныя состоянія, имѣющія очень большое касательство къ этикѣ и свидѣтельствующія, что ея феноменологія протекаетъ не въ одномъ только умозрительномъ планѣ. Плоды такого изученія весьма цѣнны для этики и особенно педагогики. Тѣмъ не менѣе какъ бы далеко ни шло такое изученіе, оно никогда не доходитъ до проблемъ этики какъ таковой. Одно дѣло нравственная оцѣнка поведенія че-

ловѣка. Другое совсѣмъ дѣло описаніе его душевныхъ состояній. Немалая путаница вызывается тѣмъ, что и этика и психологія пользуются для обозначенія существенно разныхъ вещей одними и тѣми же понятіями, на примѣръ, волею. Но воля въ этическомъ смыслѣ это совсѣмъ не воля въ психологическомъ смыслѣ. Это особенно отчетливо сознаютъ юристы, по крайней мѣрѣ тѣ, которые не запутали своей антропологіи психологизмомъ и біологизмомъ. Одно дѣло воля какъ особое душевное состояніе желанія, когда человѣкъ что-то хочетъ или когда ему хочется. Другое дѣло нравственная воля какъ принципиальное подчиненіе или неподчиненіе этого самаго желанія деонтологической нормѣ. Возможно столкновение между психологической и метапсихологической нравственною волею согласно формулѣ французской пьесы „Vouloir“: *vouloir c'est vouloir ce que l'on ne veut pas*. И вотъ когда антропологія ограничивается психологизмомъ, получается такое ученіе о человѣкѣ, которое неприемлемо для этики уже просто потому, что оно само ея не приѣмлетъ. Психологизмъ считаетъ всю безъ исключенія феноменологію добра и зла не болѣе какъ душевными „явленіями“. Иногда эти явленія считаются проявленіями эмпирическаго характера даннаго человѣка. Иногда же, какъ это дѣлаетъ т. н. психологія безъ души, эти явленія не приурочиваются ни къ какому субстрату. Тогда они рассматриваются какъ „потокъ“, детерминированный или собственнымъ теченіемъ или вліяніями извнѣ. Въ обоихъ случаяхъ человѣческое поведеніе подвергается недеонтологической оцѣнкѣ съ точки зрѣнія тѣхъ или иныхъ нормъ или императивовъ, а индикативному описанію и такому объясненію, для котораго и подвигъ праведника и преступленіе злодѣя одинаково естественны какъ психическія явленія или характерологическія проявленія. Очевидно, что, въ отличіе отъ спиритуализма, допускающаго въ своемъ родѣ даже возвышенную, хотя и крайне отвлеченную и оторванную отъ дѣйствительности этику, послѣдовательный психологизмъ принципиально исключаетъ какую бы то ни было этику. Когда Л. І. Петражицкій замѣнилъ нормативную оцѣнку человѣческаго поведенія съ точки зрѣнія принципа справедливости индикативнымъ изученіемъ правовыхъ „эмоцій“, переживаемыхъ душою человѣка, онъ выбылъ изъ юридическаго строя и пересталъ заниматься по существу тою частью этики, которая называется философіею права. Формула психологизма *homo anima* не приемлема для этической антропологіи.

Психологизмъ сводитъ все духовное безъ остатка къ душевному и успокаивается на такомъ низведеніи высшаго къ низшему. Матеріализмъ идетъ еще дальше. Онъ безъ остатка сводитъ душевное къ тѣлесному, т. е. низшее къ

наинишнему. Такъ получается такая однопланная антропологія, для которой человекъ это только существо двуногое безъ перьевъ съ плоскими ногтями, хуже того, просто тѣло, homo соgrus. Дано тѣло человека, дано и его поведеніе. Стоить, какъ увѣрялъ Ломброзо, прочесть на лбу роковыя слова, освидѣтельствовать и измѣрить черепъ, челюсть или лицевой уголъ человека — и вы безошибочно можете установить, что онъ физически предопредѣленъ къ совершенію дѣянія, именуемаго преступнымъ: вѣдь, какъ увѣрялъ Маріо Каррара, есть особый физическій типъ „преступнаго человека“, какъ и особый физическій типъ „честнаго человека“, и, по словамъ Гарофало, криминологія должна заниматься индикативнымъ изученіемъ „естественныхъ преступленій“. Такимъ образомъ выходитъ, что грѣхъ и преступленіе создаются не деонтологическимъ закономъ, обращеннымъ къ свободной волѣ человека, какъ утверждалъ апостоль Павелъ, а онтологическимъ закономъ, детерминирующимъ строеніе преступныхъ тѣлъ. И Эемида должна стать лицепріятною въ буквальномъ смыслѣ слова.

Кромѣ такой, соматологической антропологіи, существуютъ и другіе типы антропологическаго матеріализма. Такова, на примѣръ, физико-химическая антропологія, одержимая страннымъ, но упорнымъ желаніемъ вывести всю феноменологію добра изъ отравленій и выдѣленій человеческого организма. Согласно Формулѣ Зола, она замѣняетъ „метафизическаго“ человека „физиологическимъ“. Вмѣстѣ съ Тэномъ она утверждаетъ, что „о морали надо разсуждать какъ о химіи“ и „что добродѣтели и пороки это такіе же продукты какъ желчь и сахаръ“. Между тѣмъ это, очевидно, совсѣмъ не такіе же продукты, ибо, въ отличіе отъ желчи и сахара, у нихъ нѣтъ пространственнаго объема, вѣса, вкуса, запаха и т. п. свойствъ. Механическая антропологія считаетъ человека, такъ сказать, естественнымъ „роботомъ“ или автоматомъ. Человекъ это — *machinamentum quoddam* Декарта, *automa spirituale* Спинозы, *l'homme-machine* Ла Меттри, *un mécanisme de mécanismes de mécanismes* Ле Дантека (*Éléments de philosophie biologique*, 1907, 147).

Всѣ формулы матеріалистической антропологіи неспособны объяснить тайну жизни. Еще менѣе способны онѣ объяснить психику, которая, напротивъ, по мнѣнію ученика Геккеля Дриша, проливаетъ свѣтъ на жизнь организмовъ, названныхъ имъ посему психоидами. А объ этикѣ и говорить нечего, ибо нельзя объяснить *clauum per obscurum*.

Таковы основные типы однопланной антропологіи. Всѣ они недостаточны и даже ложны, если понимать истину согласно съ Гегелевой формулою: „истина это цѣлое“. Настоящій, фактический человекъ это, очевидно, нѣчто болѣе слож-

ное, чѣмъ homo animus, homo anima или homo corpus. Der Mensch ist mehr, als sie von ihm gehalten. Настоящій чело-вѣкъ это не homo simplex, а homo multiplex. Онъ пребываетъ въ разныхъ планахъ. Посему нельзя, какъ это дѣлалъ Лукрецій, съ одной стороны различать animus, anima и corpus, съ другой же стороны видѣть въ нихъ не болѣе какъ собраніе атомовъ одной и той же матеріи, отличающихся другъ отъ друга только большею или меньшею subtilностью. Строеніе чело-вѣка множественно и притомъ въ смыслѣ не только количественнаго плюрализма, но и качественной разнородности. Такъ, напримѣръ, Спиноза подчеркивалъ чрезвычайно сложный составъ одного уже тѣлеснаго строенія чело-вѣка: corpus humanum componitur ex plurimis (diversae naturae) individuis, quorum unumquodque valde compositum est (Ethica, Pars II, Postulatum I). По вычисленіямъ Эддингтона число атомовъ въ чело-вѣкѣ равно единицѣ съ 27 нулями; при этомъ надо имѣть въ виду, что каждый атомъ въ свою очередь это цѣлая система вродѣ солнечной. Многообразіе душевныхъ способностей и состояній дѣлаетъ почти невозможною систематическую психологію. И если бы можно было охватить количественную и качественную разнородность чело-вѣка въ дѣйствительно полномъ объемѣ, то, пожалуй, къ каждому чело-вѣку примѣнимо сказанное о себѣ евангельскимъ бѣсноватымъ: „легеонъ имя мнѣ, яко мнози есмы“ (Отъ Марка, V, 9). Но обыкновенно это слишкомъ сложное многообразіе схематически упрощается. И для этическихъ надобностей оно по большей части сводится къ ученію о двухъ или трехъ планахъ въ строеніи чело-вѣка.

Взятый въ двухъ планахъ чело-вѣкъ это homo duplex, дуалистическое психофизическое существо, состоящее изъ души и тѣла, не сводимыхъ другъ къ другу, хотя бы рѣчь шла объ элементарныхъ ощущеніяхъ и столь же элементарныхъ тѣлесныхъ раздраженіяхъ. Такая антропологія оставила глубокой слѣдъ въ исторіи чело-вѣческаго самопознанія, особенно въ соединеніи съ Аристотелевымъ дуализмомъ формы и матеріи.

Еще болѣе глубокой слѣдъ оставилъ взглядъ на чело-вѣка какъ на существо съ тройнымъ строеніемъ, homo triplex. Таково Платоново ученіе о разумной, аффективной и чувственной природѣ чело-вѣка. Таково Аристотелево ученіе о разумной, животной и растительной душѣ чело-вѣка. Таково ученіе апостола Павла о тріединствѣ духовнаго, душевнаго и тѣлеснаго чело-вѣка (I Коринѣ., II, III). Григорій Нисскій утверждалъ, что „тѣло безъ души мертвецъ, а душа безъ разума есть скоть“.

Если признать чело-вѣка существомъ не только количе-ственно множественнымъ, но и качественно разнороднымъ,

то для этической антропологии возникают два вопроса. Во-первыхъ, каково взаимное отношеніе между гетерогенными и гетерономными составами челоѡка. Во-вторыхъ, какъ при такой разнородности получается отвѣтственное поведеніе.

На первый вопросъ возможенъ двоякій отвѣтъ. Существуетъ или гармонія или дисгармонія въ строеніи челоѡка. Въ первомъ случаѣ антропология становится оптимистическою, во второмъ — ироническою. Для оптимистической антропологии челоѡкъ по самой своей природѣ есть существо гармоническое и доброе. Для иронической антропологии, напротивъ, челоѡкъ это хаосъ, преисполненный непреодолимыхъ противорѣчій. По словамъ Ницше, это „самый интересный хаосъ, который пожалуй существовалъ до сихъ поръ“ (*Der Wille zur Macht*, IV).

Для этики неприемлемы ни оптимизмъ ни иронія какъ окончательное рѣшеніе вопроса. Если челоѡкъ добръ уже по самой своей природѣ, то этимъ напередъ исключается различіе добра и зла. Все, что онъ дѣлаетъ, есть добро. Его духъ, душа и тѣло всегда пребываютъ въ полной гармоніи. Ему никогда не приходится судить свое поведеніе. Онъ всегда правъ, всегда добръ. Всюду добро. И нигдѣ нѣтъ зла. Въ такомъ безразличіи проявляется какая то моральная тупость, неприемлемая для этики, какъ ни старались ее соблазнить Руссо или Гюйо, проповѣдникъ „морали безъ обязанностей и санкцій“. Неприемлема для этики и безнадежно ироническая антропология. Если челоѡкъ никакъ не можетъ справиться съ дисгармоніею собственной природы, координировать и субординировать свою многосоставность, то онъ оказывается не личностью, а просто ареною, на которой происходитъ дикая, не руководимая никакими правилами борьба противоположныхъ стихій. вмѣсто поведенія только состоянія.

Этическое рѣшеніе вопроса это дисгармонія какъ фактъ и гармонія какъ задача. Этическое сознание воспринимаетъ разнородность челоѡческой природы не эклектически и не гармонически, а драматически. Челоѡкъ это, какъ выразился Платонъ, „не прекраснѣйшая система“. Язычникъ Овидій и христіанинъ апостоль Павелъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ признаютъ дисгармонію гетерогенной и гетерономной челоѡческой природы: *video meliora proboque, deteriora sequor*; „не еже бо хочу доброе творю, но еже не хочу злое, сіе содѣяваю“, ибо „вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ, противоующъ закону ума моего и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ“ (Римл. VII, 19. 23). Въ то же время всякая настоящая этика убѣждена, что челоѡкъ и можетъ и долженъ быть трансцендентенъ самому себѣ и что онъ призванъ къ гармоніи. Эта задача не неосуществима, потому что при всей разнородности своей

структуры чело́вѣкъ все же представляетъ единство. „Человѣческая природа — писалъ Григорій Нисскій — подобна какому то потоку, но это не превращаетъ чело́вѣка въ толпу людей“. Единство создается тѣмъ, что чело́вѣкъ сознаетъ себя личностью. Въ понятіи личности пространственная и временная связанность тѣлесныхъ и душевныхъ составныхъ частей закрѣпляется монадологическимъ сверхпространственнымъ и сверхвременнымъ единствомъ.

Личность для этики это не индивидъ въ матеріалистическомъ пониманіи, т. е. уже болѣе не дѣлимый отрѣзокъ единой субстанции, причемъ всѣ отрѣзки совершенно одинаковы. Это индивидуальность, которая всегда своеобразна и, какъ утверждали схоластики, неисчерпаема. Для этики личность это также не та искусственная маска (*persona* римской юриспруденціи), которая въ зависимости отъ правового положенія отдѣльных лицъ то надѣвалась мысленно на голову отдѣльных лицъ, то снималась (*capitis deminutio*), то совсѣмъ не надѣвалась, какъ это было съ рабами: *servus caput non habet*. Личность для этики это естественный антропологическій фактъ. Всякій чело́вѣкъ естественно сознаетъ себя какъ личность, т. е. какъ единство. Онъ сознаетъ себя какъ „я“, т. е. какъ собственную персону, существенно отличную отъ чужихъ „я“. Онъ приурочиваетъ къ своему я и свою психику и свое тѣло.

*Oui, mon corps est moi même et j'en veux prendre soin.
Guenille si l'on veut, ma guenille m'est chère.*

Какъ бы ни мѣнялся потокъ душевныхъ переживаній, какъ бы ни эволюционировала тѣлесная структура чело́вѣка, онъ все же сознаетъ себя какъ единство уже просто потому, что, какъ задолго до Бергсона замѣтилъ Хр. Вольфъ, онъ помнитъ самого себя: *persona dicitur ens, quod memoriam sui conservat, hoc est, meminit se esse idem illud quod ante in hoc vel isto statu fuit*. Фрейдъ различаетъ въ чело́вѣкѣ „я“ и „оно“ (*Ich und Es*). Если, какъ это задолго до него предлагалъ Лихтенбергъ, отвергнуть „я“ и признать только „оно“, то личность исчезаетъ, а вмѣстѣ съ нею и этика.

Понятіе личности предполагаетъ техническую способность чело́вѣка къ поведенію и этическую способность къ суду надъ своимъ поведеніемъ. Поведеніе предполагаетъ свободу, а судъ — норму. Свобода и норма это необходимыя предпосылки всякой этики.

У понятія свободы, какъ высчиталъ лордъ Эктонъ, двѣсти смысловъ. Среди нихъ есть и такіе, которые имѣютъ только отдаленное отношеніе къ этикѣ. Такъ, на примѣръ, свобода имѣется и въ косной природѣ: *Auf Freiheit ist sie*

gegründet. Механическая философія поняла свободу какъ отсутствіе внѣшнихъ препятствій. Въ этомъ смыслѣ говорилось о свободно падающемъ тѣлѣ. Даламберъ утверждалъ, что механика изучаетъ то направленіе, которое свободно движущіяся тѣла должны, „такъ сказать, выбрать между всѣми другими“ (*Traité de dynamique*, 1796, XXIV). Луи де Броль говоритъ о „свободномъ произволѣ природы“. Феноменология свободы всеобща.

То специальное понятіе свободы, которое существенно для этики, означаетъ возможность поведенія, т. е. сознательныхъ дѣйствій. Такая свобода это не теорія, которую надо доказывать, а фактъ, который говоритъ самъ за себя и очевидность котораго не можетъ быть опровергнута никакими концептами. Онъ подтверждается, какъ это ни кажется парадоксальнымъ на первый взглядъ, даже детерминизмомъ въ обычномъ, хотя и одностороннемъ смыслѣ этого слова. Вѣдь подобно всѣмъ „измамъ“ и детерминизмъ это свободно выбранное направленіе мысли. Если бы человѣкъ дѣйствительно и безусловно былъ детерминированъ онтологически, онъ не имѣлъ бы возможности предпочесть детерминизмъ индетерминизму и защищать его въ философскихъ спорахъ. Ко всякому детерминисту примѣнимо замѣчаніе Вольтера о Гельвеціи: *il agit comme libre, et parle comme esclave*. Если различать факты и теоріи, то свобода это фактъ, детерминизмъ же — не болѣе какъ теорія. Его происхожденіе не онтологическое, а гносеологическое. Это не столько *ratio essendi et fiendi*, сколько *ratio cognoscendi*. Есть вѣскія основанія, и теоретическія и практическія, для наложенія именно детерминистической познавательной модели на явленія загадочной природы, особенно неорганической. Они тогда становятся соизмѣримыми съ нашею, человѣческою логикою. Благодаря изученію *sub specie determinismi*, скудость нашего дѣйствительнаго познанія вѣчнаго инкогнито, именуемаго природою, возмѣщается его относительною точностью. Кромѣ того, съ помощью детерминизма мы познаемъ такія свойства тѣлъ природы, которыя крайне необходимы для техническихъ расчетовъ, производимыхъ человѣкомъ строителемъ. Хороши бы были наши зданія, мосты, плотины, суда и машины, если бы при ихъ сооруженіи не была положена въ основаніе именно та опредѣленность косной природы, которую Кнись назвалъ перпетуализмомъ! Словомъ, по отношенію къ физической природѣ детерминизмъ, выражаясь понятіями прагматистовъ, „окупается“. Однако и въ этихъ предѣлахъ детерминизмъ весьма относителенъ. Философія естествознанія отошла уже отъ Спинозовскаго фаталистическаго детерминизма. Черезъ вѣроятностный детерминизмъ, или пробабиллизмъ Кетле, Максвелля и особенно Больцмана, черезъ слу-

чайностныя серіи Курно, случайные и имѣющіе свою исторію законы Эмиля Бутру она перешла къ пониманію детерминизма какъ только статистическаго и приблизительнаго, пригоднаго для макроскопическихъ цѣлей, обобщенія болѣе или менѣе сходныхъ явленій. Если же взять эти явленія отдѣльно и микроскопически, то въ каждомъ изъ нихъ проявляется индетерминизмъ. (Подробнѣе въ статьѣ автора настоящаго очерка *Usoda ideje paravnih zakonov v socijalni filozofiji*, помѣщенной въ томѣ IX *Zbornika znanstvenih razprav pravne fakultete v Ljubljani*).

Такого же рода относительный, суммирующій болѣе или менѣе одинаковые случаи детерминизмъ показуется и при описательномъ изученіи, особенно массовомъ, разныхъ проявленій человѣческаго поведенія. Но такой, обобщающій детерминизмъ принципиально нисколько не устраняетъ человѣческой свободы. Тотъ же детерминизмъ, который а ргіогі и принципиально отрицаетъ ее, представляетъ любопытный примѣръ гносеологическаго произвола, или совсѣмъ не желающаго считаться съ очевидными фактами, или искусственно подбирающаго только такіе факты, которые какъ бы подтверждаютъ предвзятую теорію. Безспорнымъ фактомъ является то, что человѣкъ сознаетъ, сравниваетъ, оцѣниваетъ, выбираетъ, рѣшаетъ, другими словами, не детерминируется пассивно, а, напротивъ, самъ детерминируетъ активно. Въ этомъ смыслѣ Монтескье писалъ: *l'ame est l'ouvrière de sa détermination* (*Lettres persanes, LXIX*). Правда, при этомъ человѣкъ нерѣдко испытываетъ сопротивленіе своего душевнаго и тѣлеснаго матеріала. И это создаетъ драматизмъ человѣческаго поведенія, драматизмъ, переходящій въ трагизмъ, когда въ живомъ человѣкѣ духъ какъ бы парализуется и отмираетъ, а психическія эмоціи и аффекты или тѣлесныя стихіи хозяйничаютъ столь безпрепятственно, что водворяется власть тьмы. Тогда, какъ при всякой трагедіи, человѣкъ гибнетъ какъ жертва какого то рока, душевнаго или тѣлеснаго. Но это не нормальное правило человѣческаго поведенія, а напротивъ, исключеніе, болѣзненная одержимость, плѣненіе духа. И какъ это бываетъ при судебномъ разсмотрѣніи вопроса о вмѣняемости, въ такихъ случаяхъ этическое сужденіе о человѣкѣ считается съ экспертизой о томъ, насколько распушенность или разстройство душевнаго или тѣлеснаго аппарата дѣйствительно могло воспрепятствовать данному человѣку поступить въ данномъ случаѣ согласно съ требованіемъ деонтологической нормы. Если называть за силіе психики и физики детерминизмомъ, а свободу индетерминизмомъ, то для этики индетерминизмъ это правило, а детерминизмъ исключеніе, которое должно быть оправдано въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Въ дѣйствительности и

нормальное этическое сознание ограничиваетъ, т. е. детерминируетъ поведеніе. Посему, если подъ индетерминизмомъ понимать произволь, и смѣшивать самоуправленіе съ самодурствомъ, то этика не признаетъ индетерминизма. Но ея детерминизмъ совсѣмъ иной, чѣмъ тотъ индикативный и механическій детерминизмъ, который обыкновенно ей противопоставляется. Ея детерминизмъ — деонтологическій, нормативный. Это *ratio agendi*. Это детерминизмъ нравственной свободы, когда человекъ управляетъ самимъ собою, судить самого себя и подчиняетъ свое поведеніе законамъ.

Взятое съ точки зрѣнія этической антропологии управленіе означаетъ водительство духа, примать духовной структуры человека передъ душевною и тѣлесною. Пусть анатомы и физиологи сколько угодно доказываютъ, что тѣло управляетъ душою и духомъ, моралисты никогда съ этимъ не согласятся. Они всегда будутъ заодно съ Сократомъ, заявившимъ: „уже давно эти мои кости и мышцы были бы въ Мегарѣ или Беотіи подъ вліяніемъ мысли о томъ, что такъ лучше, если бы я не призналъ, что правильнѣе и прекраснѣе, чтобы я вмѣсто бѣгства принялъ наказаніе, къ которому я приговоренъ“. Равнымъ образомъ пусть психологи сколько угодно выводятъ человеческое поведеніе изъ механизма его психики. Моралисты всегда будутъ утверждать, что настоящій человекъ и можетъ и долженъ управлять этимъ механизмомъ и не долженъ кривить душою. Управленіе въ этическомъ смыслѣ слова не слѣдуетъ понимать механически, какъ приведеніе въ движеніе косной вещи или инструмента. Ни душа ни тѣло не подобны кораблю, ведомому кормчимъ, или машинѣ, приводимой въ движеніе машинистомъ. И тѣло и душа иногда повинуются управленію, иногда нѣтъ, иногда даже бунтуютъ, стремясь плѣнить, низложить и заключить въ тюрьму духъ. Это сообщаетъ самоуправленію человека драматическій характеръ, характеръ борьбы и преодоленія сопротивленія. Въ этомъ смыслѣ Платонъ говорилъ о нашей внутренней политикѣ (*he en hemin politeia*), Цицеронъ уподоблялъ антропологическое управленіе отношенію между царемъ и гражданами или родителемъ и дѣтьми (*animus corpori dicitur imperare ut rex civibus, aut pater liberis*), а Бональдъ отношенію между верховною властью и министрами: *l'homme est une intelligence servie par des organes pour l'ordre physique, et un pouvoir servi par des ministres pour l'ordre moral*. Францискъ Ассизскій уподоблялъ управленіе отношенію между погонщикомъ и „братомъ осломъ“. Есть разныя ступени управленія, начиная отъ подлаживанія управляющаго къ управляемому, когда совѣсть усыпляется софизмами и капитулируетъ передъ душевнымъ своеволіемъ и тѣлесными вождельніями, и кончая торжест-

вомъ бодрого духа надъ немощною плотью. По опредѣленію Франклина, человѣкъ это существо, дѣлающее орудіа. По опредѣленію Бергсона, это мастеръ, homo faber. Такъ вотъ на высшихъ ступеняхъ управленія такой человѣкъ превращаетъ и какъ бы даже творитъ свою психику и физику. Тогда функція господствуетъ надъ органами, esse sequitur operari, духъ какъ бы творитъ душу и тѣло, какъ это вслѣдъ за нѣкоторыми схоластиками склонны утверждать Бергсонъ и Н. О. Лосскій.

Человѣкъ, управляющій собою, это еще не этической человѣкъ. Это только техническое существо. Онъ становится существомъ этическимъ тогда, когда онъ подвергаетъ свое сознательное поведеніе деонтологическому суду совѣсти. Духовный человѣкъ судитъ обо всемъ (I Коринѣ. II, 15). Сознательный человѣкъ болѣе или менѣе всегда что то сравниваетъ и оцѣниваетъ. Согласно заявленію Ницше, безъ оцѣнки былъ бы пустъ орѣхъ бытія. Тѣмъ не менѣе познавательное понятіе оцѣнки было оцѣнено философами только въ концѣ XIX вѣка. Нѣмецкій философъ В. Штернъ дошелъ даже до афоризма: „я оцѣниваю, значитъ, я есмь“. Но все же оцѣнка была понята односторонне. Строго говоря, всякій познавательный актъ это оцѣнка, ибо все познается сравненіемъ съ какимъ-то мѣриломъ и всѣ категоріи естественнонаучнаго образованія понятій это тоже оцѣнивающіе принципы. По отношенію къ человѣческому поведенію возможна двоякая оцѣнка, техническая и этическая. Въ первомъ случаѣ производится оцѣнка только цѣлесообразности поведенія безотносительно къ тѣмъ или инымъ деонтологическимъ регулятивамъ. Во второмъ случаѣ производится оцѣнка или судъ именно во имя такихъ регулятивовъ. Органомъ такого суда является совѣсть.

Совѣсть это, такъ сказать, cogito ergo sum этики. Безъ нея этической человѣкъ немислимъ. Но безъ нея возможенъ человѣкъ вообще — насколько нормальный, это, конечно, особый вопросъ. Возможенъ сознательный, но безсовѣстный человѣкъ, незнакомый съ т. н. угрызениями совѣсти и неспособный „съ отвращеніемъ читать жизнь свою“. Его душа опустошена, ибо, какъ замѣтилъ Рабле, science sans conscience est ruine de l'âme. Это техническій человѣкъ, связывающій свою свободу исключительно регулятивами цѣлесообразности и не имѣющій ни времени ни охоты оставаться наединѣ со своею совѣстью, которая спитъ, не пробуждаясь. Или это человѣкъ-рабъ, находящійся въ плѣну у своей психики, психофизики или просто физики. Поскольку такой человѣкъ является общественно вреднымъ и даже опаснымъ, постольку для него необходимъ внѣшній судъ, forum externum. И тогда пробѣлы его собственной совѣсти возмѣщаются гетеро-

генными и гетерономными императивами, карательными санкціями, а въ случаяхъ полной расшатанности его исполнитель- ной структуры особыми воспитательными или просто предупредительными мѣрами. У этически нормальнаго человѣка совѣсть дѣйствуетъ и судитъ его собственное поведеніе. Та- кой человѣкъ это не только человѣкъ-правитель, homo gestor, но и человѣкъ-судья, homo iudex.

Гдѣ судъ, тамъ и норма или законъ. Только „закономъ познается грѣхъ“ (Римл. III, 20). Безъ оцѣнивающихъ деон- тологическихъ регулятивовъ, свободное человѣческое пове- деніе безразлично и нѣтъ познанія добра и зла. Такимъ об- разомъ этической человѣкъ не только управляетъ самимъ со- бою и не только судитъ самого себя, но и подчиняетъ са- мого себя законамъ. Это подзаконный человѣкъ, homo sub- lex. Судъ его совѣсти руководствуется болѣе или менѣе ка- тегорическими нормами. Степень ихъ категоричности зави- ситъ отъ чистоты совѣсти. На низшихъ ступеняхъ культу- ры совѣсти человѣкъ охотно поддается соблазну всегда оп- равдывать собственное поведеніе какъ этически совершенно нормальное. Это та нерѣдко соединенная съ умственной изо- щренностью нравственная тупость, символомъ которой явля- ются молитва фарисея или стихи Шиллера: wenn sich das Laster erbricht, setzt sich die Tugend zu Tisch. Но чѣмъ со- вѣсть чище, тѣмъ строже она судитъ собственное поведеніе человѣка и тѣмъ категоричнѣе тѣ нормы, во имя которыхъ она судитъ. Посему для нея нисколько не убѣдительно со- фистическія заявленія, что всѣ молъ этическіе критеріи от- носительны. Они относительны въ своей данности, но абсо- лютны въ своей заданности. Это не готовые шаблоны для внѣшняго и механическаго измѣренія, подобно метру или литру. Это принципы, свободно осмысливаемые не автома- тической, а автономною личностью. По выраженію Лейбни- ца, ихъ нельзя читать такъ же легко, какъ древніе римляне читали въ преторскомъ альбомѣ тотъ или иной эдиктъ (Nou- veaux essais, I, II, 2). Они проблематичны въ буквальномъ смыслѣ слова, т. е. представляютъ проблему и притомъ двой- ную: проблему познанія и проблему дѣйствія. Они требуютъ усилія. И посему представляютъ трудность. Но, какъ замѣ- тилъ Платонъ, вообще „все прекрасное трудно“. Однако это еще не резонъ освободить совѣсть и волю отъ этого тру- да. Къ тому же и относительность этическихъ критеріевъ тоже весьма относительна. И субъективный опытъ совѣсти каждаго человѣка и исторической опытъ всего человечества даютъ вполне достаточно указаній, какъ матеріальныхъ, такъ и формальныхъ, для того чтобы не считать принципы эти- ки безнадежно относительными. Такъ, напримѣръ, настоящая этика до сихъ поръ знаетъ только алчущихъ и жаждущихъ

правды, а не сытыхъ ею. Тѣмъ не менѣе регулятивный принципъ правды какъ коммутативной, такъ и дистрибутивной, не менѣе безусловенъ, чѣмъ понятіе асимптоты или предѣла, которымъ пользуются науки, считающіяся вполне положительными и точными.

Критика чистой совѣсти поднимаетъ оцѣнивающіе принципы на высоту безусловныхъ нормъ, категорически и однозначно детерминирующихъ свободное поведеніе человѣка. На этой высотѣ исчезаетъ всякая этическая относительность и монизмъ добра торжествуетъ надъ плюрализмомъ зла. Посему Платонъ утверждалъ: „есть только одинъ видъ добродѣтели, виды же зла безграничны“ (Республика, 445 С). А Кантъ составилъ для вѣнчавшаго его родителей пастора Лиліенталя слѣдующую эпитафію: *Was uns zu thun gebührt, dess sind wir nun gewiss*. Какъ замѣтилъ Аристотель, свободный человѣкъ, дѣйствительно осуществляя свою свободу, оказывается существомъ болѣе подчиненнымъ правиламъ и, значитъ, менѣе свободнымъ, чѣмъ животное или рабъ (Метафизика, XII, 10, 4). Въ этомъ деонтологическомъ смыслѣ и у этики есть свой детерминизмъ. Но это детерминизмъ совсѣмъ особаго рода.

Прежде всего это не тотъ обобщающій, статистическій детерминизмъ, который состоитъ въ суммированіи повторяющихся или болѣе или менѣе сходныхъ фактовъ, не исключая и актовъ свободного человѣка. При условіи *gebis sic stantibus* и съ помощью теоріи вѣроятности это даетъ возможность загадывать и о будущемъ.

Далѣе это не тотъ детерминизмъ индикативной метафизики, *amor fati*, который согласно весьма распространенной теоріи а priori подчиняетъ всякое человѣческое поведеніе категорическому индикативу. Герой такого детерминизма — человѣкъ-рабъ, *homo servus*, пребывающій во внѣшнемъ, экзократическомъ, или внутреннемъ, эндократическомъ рабствѣ.

Въ первомъ случаѣ человѣкъ считается не дѣятелемъ, а произведеніемъ. Его поведеніе и онъ самъ это не болѣе какъ продуктъ внѣшнихъ факторовъ. Такой, внѣшній детерминизмъ провозглашается въ трехъ видахъ: теократическомъ, соціократическомъ и фізіократическомъ.

Теократическій детерминизмъ это религіозный фатализмъ, то, что Лейбницъ называлъ *fatum Mahumetanum, le destin à la Turquie*. Это вѣра, что человѣкъ самимъ Богомъ безусловно и безповоротно предопредѣленъ къ добру и злу. Не человѣкъ дѣйствуетъ, а черезъ него Богъ. Хотя такой детерминизмъ и противорѣчитъ духу религіи, взывающей: „къ свободѣ призваны вы, братія“ (Галат. V, 13), тѣмъ не менѣе къ нему были склонны Лютеръ и особенно Кальвинъ.

И онъ промелькнулъ въ заявленіи Достоевскаго, что Богъ съ дьяволомъ борятся, а поле битвы — сердца людей.

Соціократическій детерминизмъ состоитъ въ утверженіи, что общественная „среда“ не только заѣдаетъ индивидуальнаго человѣка, но совершенно опредѣляетъ и его бытіе и всѣ его поступки. Не человѣкъ дѣйствуетъ, а черезъ него общество. При этомъ общество понимается въ духѣ метафизическаго реализма не какъ *unitas compositionis*, а какъ *unitas essentiae*. Это не коллективъ, т. е. коллекція индивидуальныхъ людей, а какой-то индивидъ съ собственной волею.

Наконецъ, фізіократическій детерминизмъ состоитъ въ утверженіи, что человѣкъ безъ остатка инкорпорированъ въ „міръ какъ собственно такъ называемую природу“ (Кантъ, *Ueber den Gebrauch teleologischer Principien in der Philosophie*). Не человѣкъ дѣйствуетъ, а черезъ него производящая природа, *natura naturans*. Жоржъ Сандъ писала Флоберу: *vous sommes de la nature, dans la nature, par la nature, et pour la nature* (*Correspondance*, VI, 1892, p. 317).

Въ отличіе отъ такого внѣшняго рабства, внутренній индикативный детерминизмъ провозглашаетъ внутреннее рабство человѣка. Таковъ біологическій детерминизмъ и притомъ не въ смыслѣ старыхъ біологическихъ теорій, учившихъ, что организмъ это *tabula rasa*, чистая доска, получающая свое содержаніе отъ внѣшней среды, а въ смыслѣ новѣйшихъ ученій, порабощающихъ организмы законамъ ихъ собственной структуры, получаемой по наслѣдству. Другимъ видомъ внутренняго детерминизма является психологизмъ, подчиняющій все безъ остатка поведеніе человѣка механизму его характерологіи.

Очевидно, что человѣкъ, порабощенный индикативнымъ детерминизмомъ, *homo servus, ordine indicativo determinatus*, находится внѣ этики, ибо она немыслима безъ свободы. Для нея необходима дефатализация и эманципация человѣка. Но человѣкъ, который только отпущенъ на свободу, вольноотпущенникъ, *homo libertinus*, еще не дисциплинировавшій себя деонтологіею, для нея тоже недостаточенъ. Онъ еще не свободенъ по настоящему: *es sind nicht alle frei, die ihrer Ketten spotten*. Это только сырой матеріалъ для этики. Это *homo teleologicus* или *homo faber*. Это человѣкъ, вырвавшійся на свободу, опьяненный ею и ничѣмъ не связывающій ее, кромѣ телеологическаго пробабиллизма. Формула его свободы это *liberum arbitrium indifferentiae*, однако не въ пассивномъ смыслѣ Буриданова осла — ибо, по словамъ Спинозы, надо быть дѣйствительно осломъ, чтобы оказаться въ такомъ положеніи, — и не въ нейтральномъ смыслѣ предсѣдателя собранія (выраженіе Іоеля), а въ активномъ смыслѣ произвола,

т. е. инициативы и дѣйствія при полномъ равнодушіи къ ихъ моральной цѣнности. Таковъ, на примѣръ, homo politicus, политическій человѣкъ во вкусѣ Макиавелли, который приносить все въ жертву волѣ къ власти, ставитъ цѣлесообразность выше законности и вмѣсто „преступленіе“ говоритъ „предпріятіе“. Таковъ homo oeconomicus, хозяйственный человѣкъ во вкусѣ Адама Смита и Рикардо, преслѣдующій въ жизни только одну цѣль — во что бы то ни стало обогатиться; сообразно съ этимъ Цахаріэ опредѣлилъ ученіе о хозяйствѣ какъ „методику жадности и скупости“ (Vierzig Bücher vom Staate, V, 1832, I). Таковъ homo technologicus, технологическій человѣкъ, обуреваемый паѳосомъ машинизма, тѣмъ, что профессоръ Готтль-Оттлиенфельдъ назвалъ *homo technicus*.

Нѣтъ настоящей этики и у такого вольноотпущенника природы, поведеніе котораго не за совѣсть, а за страхъ ограничивается только внѣшнимъ принужденіемъ чужихъ, гетерогенныхъ и гетерономныхъ, хотя бы и категорическихъ императивовъ. О такомъ детерминизмѣ, осуществляемомъ *ratione imperii*, хорошо писалъ Хр. Вольфъ: *imperium dicitur jus determinandi actiones liberas alterius pro libitu suo...* (Institutiones juris naturae et gentium, 1754, § 833). Не лишена выразительности и формула Теофана Прокоповича: „уставы и всякіе законы послушанія себѣ не просятъ аки бы свободнаго, но истязуютъ яко должнаго“. Человѣкъ, поведеніе котораго связывается только такимъ внѣшнимъ, императивнымъ детерминизмомъ въ семьѣ, обществѣ и государствѣ, еще не является дѣйствительно свободнымъ этически существомъ. Онъ становится таковымъ, homo liber, только тогда, когда, испытавъ то, что нѣмцы называютъ мученіемъ выбора (*die Qual der Wahl*), онъ самъ подчиняетъ свой необузданный либертизмъ внутреннимъ регулятивамъ. Только тогда, согласно замѣчанію Гете, *in der Beschränkung zeigt sich erst der Meister, homo faber* входитъ и въ міръ этики какъ настоящій мастеръ. Тогда-то и начинается настоящій этический детерминизмъ, дѣйствующій не *ex vi coactiva*, но *ex vi directiva*. Его сущность состоитъ въ самоподчиненіи свободнаго человѣка деонтологической нормѣ. Въ процессѣ такого самоподчиненія бл. Августинъ различалъ меньшую свободу, *libertas minor*, состоящую въ возможности грѣшить, и великую свободу, состоящую въ невозможности грѣшить, *non posse peccare*, ибо совершенное поведеніе совпадаетъ съ нормою. Аналогичное разсужденіе встрѣчается и у Спинозы: *quo igitur hominem magis liberum esse consideramus, eo minus dicere possumus, quod possit ratione non uti et mala pro bonis eligere* (Tractatus politicus, VII, 7). На высотѣ такого совершенства феноменологія сливается съ

деонтологію, относительное вливается въ абсолютное и совершенство изъ идеала превращается въ фактъ.

Такова сущность нормативнаго детерминизма этики въ отличіе отъ императивнаго детерминизма, особенно типичнаго для политики, и индикативнаго детерминизма описательной феноменологіи, который только тогда наученъ, когда не превращается въ абсолютную натуралистическую доктрину. Возникаетъ вопросъ: не является ли этотъ автономный деонтологическій детерминизмъ не болѣе какъ субъективнымъ построениемъ безъ всякаго объективнаго основанія? Въ порядкѣ феноменологіи этотъ детерминизмъ подтверждается внутреннимъ опытомъ всякаго человѣка съ мало-мальски развитою совѣстью. Посему, какъ сказалъ бы Лейбницъ, это *phaenomenon bene fundatum*. Для тѣхъ, кто ограничивается имманентною феноменологією добра, вопросъ этимъ и исчерпывается. Всякая феноменологія относительна. И все абсолютное сверхфеноменально. Посему кому одной феноменологіи добра мало, для кого феноменологія является не концомъ настоящей проблемы, а напротивъ только ея началомъ, кому необходима еще трансцендентная онтологія добра, тѣмъ приходится восполнить и освѣтить факты теорією и принять ту или иную метафизическую оріентацію. Такая оріентація религіозна въ буквальномъ смыслѣ слова, если вмѣстѣ съ Лактанціемъ производить религію отъ *religare*, связывать. Религія это связь человѣка съ абсолютномъ. И вотъ въ стремленіи къ абсолютному человѣкъ, и тутъ остающійся свободнымъ, можетъ выбрать или религію человѣка, или религію природы или, наконецъ, религію Бога.

Въ первомъ случаѣ этика опирается на метафизику гуманизма. Провозглашается абсолютная цѣнность самодовлѣющей человѣческой личности. Тогда „человѣкъ звучитъ гордо“. Онъ признается альфою и омегою всякаго становленія, долженствованія и бытія. Онъ самъ, и только онъ самъ измѣряетъ всякую глубину, ширину и высоту. Онъ человѣкъ и ничто человѣческое ему не чуждо. Но ему чуждо все сверхчеловѣческое. Ничто превышающее его не должно возмущать его горделивую самодостаточность. Такой гуманизмъ не лишенъ своего паѳоса и блаженства вѣры. Онъ полезенъ при отстаиваніи права личности на этическую самостоятельность. Въ этомъ смыслѣ у него имѣются заслуги въ прошломъ. И онъ можетъ еще очень пригодиться въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе какъ окончательный принципъ онъ удовлетворяетъ только мелкую этику. Для углубленнаго этическаго сознанія *menschliches allzumenschliches* недостаточно. Человѣкъ принадлежитъ не только этосу, но и космосу. Онъ только какой-то отрѣзокъ этого космоса. Онъ не только заданъ самому себѣ, но и данъ независимо отъ самого се-

бя. Не въ его власти его *principium individuationis*. Онъ не творить самого себя, а рождается, какъ и прочая совоздыхающая съ нимъ тварь. И первый крикъ, которымъ новорожденный объявляетъ о своемъ вхожденіи въ жизнь — *ou entre, ou s'ie, et c'est la vie* — это скорѣе безпомощный призывъ къ спасенію, чѣмъ горделивое заявленіе независимаго существа, что оно само призвало себя къ жизни. Добровольно ли человѣкъ возлагаетъ на себя бремя наслѣдственности, извѣстное моралистамъ задолго до того, какъ біологи удосужились обратить на нее вниманіе: „поражу сѣмя твое до седьмого колѣна“; „отцы ѣли виноградъ, а у дѣтей оскомина?“ Дѣйствительно ли, какъ это говорится въ заключительномъ миѣ Платоновой „Республики“, каждый человѣкъ передъ вступленіемъ въ жизнь добровольно выбираетъ свое общественное положеніе? Свободно ли онъ призываетъ себя къ превратностямъ судьбы, болѣзнямъ и особенно къ смерти, неминуемой несмотря ни на какія ухищренія омолаживанія и прочей макробіотики или евгеники, этой, по словамъ Гальтона, религіи будущаго? Осуществимы ли мечты антропотехниковъ, что будущій человѣкъ подобно гомункулу Фауста будетъ изготовляться лабораторнымъ путемъ? Пока этого нѣтъ, полная и исключительная автономія человека, не натыкающаяся, по выраженію Фихте, ни на какія препоны, не оправдывается ни метафизически ни даже феноменологически. Чтобы ориентироваться метафизически, человѣкъ не можетъ не исходить отъ самого себя. Но онъ долженъ именно исходить. Онъ долженъ выйти изъ своей субъективной пещеры и не творить въ ней идола изъ самого себя.

Выйдя изъ себя, онъ оказывается передъ метафизической альтернативою: или природа или Богъ. Ориентація на природу какъ на абсолютъ была испробована античною этикою: *secundum naturam vivere*. Такая ориентація имѣла шансы на успѣхъ, пока природа понималась какъ божественная и любвеобильная мать, заботливо преуказывающая порожденному ею человѣку пути его личной и публичной жизни. Тогда проблема объективнаго добра и справедливости рѣшалась въ смыслѣ непререкаемой природной нормы, деонтологически детерминирующей всякія человѣческія нормы и императивы: *una lex et sempiterna et immutabilis* (Цицеронъ, *De republica* III, 33). Естественная закономерность понималась какъ этическое благозаконіе (*eunomia*) и законъ природы (*phusei nomos* Хризиппа) — какъ законъ Божій. Но положеніе существенно измѣнилось, когда появилось понятіе „природы вещей“, *natura rerum*. Природа была матеріализована и отождествлена съ бытіемъ тѣлеснаго міра. Матеріализовалась и этика. Стоики стали учить, что добро,

добродѣтель, справедливость это тѣлесныя вещи (*bonum corporalis res est*, Сенека) и что добрый или справедливый человѣкъ, такъ сказать, пропитанъ веществомъ добра или справедливости. Матеріализовался и детерминизмъ. Онъ получилъ индикативный и фаталистическій смыслъ цѣпи причинъ и слѣдствій, которая тащитъ сама себя и исключаетъ какъ свободное поведеніе, такъ и его подчиненіе деонтологическимъ императивамъ и нормамъ: какъ объяснялъ Хризиппъ, *fatum est sempiterna quaedam et indeclinabilis series rerum et catena, volvens semetipsa sese*. Явилась новая проблема *De fato*. И занявшійся ею Цицеронъ тщетно старался эклектически соединить принципиально не соединимое, именно нравственную свободу человѣка и индикативный фатализмъ природы: *ex naturalibus causis vitia nasci possunt, extirpare autem et funditus tolli non est id positum in naturalibus causis, sed in voluntate, studio, disciplina* (*De fato*, II). Этическая ориентация на природу стала еще болѣе затруднительною, когда въ XVII столѣтіи восторжествовало ея механическое пониманіе. Получилась обезбоженная природа, *die entgötterte Natur* прекраснаго стихотворенія Шиллера *Die Götter von Griechenland*, очень образно характеризующаго отличіе новаго пониманія природы отъ античнаго. Новая природа состоитъ изъ „тѣль“, понятыхъ какъ матеріальныя вещи и фаталистически детерминируемыхъ индикативными законами механики. Спиноза включилъ и человѣка какъ „частицу природы“ (*particulam naturae*) въ систему такого детерминизма, устанавливаемаго *per leges et regulas Naturae universales* (*Ethica*, III, *Prooemium*). Естественнымъ послѣдствіемъ этого оказалось полное принципиальное уничтоженіе всего этического обихода. Спиноза отвергъ „предразсудокъ добра и зла, заслуги и грѣха, похвалы и порицанія“, превратилъ человѣка въ вещь и посему, на примѣръ, опредѣлилъ ревность и любовь какъ извѣстное отношеніе къ „подобной намъ вещи“ (*odium erga rem amaram; rem nobis similem amamus; Ethica*, III, *Propositio XXXV, Scholium; Prop. XXXIII*). Онъ же утверждалъ, что человѣкъ всегда детерминируется индикативными причинами *ad certo modo existendum et operandum*. Удивительно, что все это изложено въ книгѣ, озаглавленной „Этика“ и заканчивающейся переходомъ отъ ученія „о рабствѣ“ человѣка къ торжествующему гимну человѣческой свободѣ. Такая непослѣдовательность философа, гордившагося строгостью своего „геометрическаго метода“, какъ нельзя лучше свидѣтельствуешь какъ о томъ, что сознательному человѣку нельзя отдѣлаться отъ этической проблематики, такъ и о томъ, что для ея рѣшенія совсѣмъ не пригодна ориентация на механическую природу.

Такъ какъ согласно любимой формулѣ Лейбница въ

мірѣ все содышетъ и проникательный взглядъ могъ бы усмотрѣть уже въ каплѣ воды планъ и смыслъ всего міра, то и изъ явленій природы, которая, можетъ быть, и не такъ уже механична, можно было бы извлечь кое какое обоснованіе этики. Недаромъ Тютчевъ писалъ: „Не то, что мните вы, природа — не слѣпокъ, не бездушный ликъ. Въ ней есть душа, въ ней есть свобода. Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ“. И если изучить и осмыслить природу не *ordine mechanico*, а *ordine ethico*, то, пожалуй, выяснилась бы ошибочность утвержденія Ницше, что „при моральномъ истолкованіи мірѣ невыносимъ“ (*Der Wille zur Macht*, III). Пожалуй, можно было бы усмотрѣть въ природѣ не мало явленій, свидѣтельствующихъ о томъ, что Эмпедоклъ не совсѣмъ ошибался и что этическая феноменологія не ограничивается однимъ только человѣческимъ міромъ. И въ природѣ уже есть служеніе, жертвенность, взаимопомощь, солидарность и т. п. добродѣтели: *sic vos non vobis nidificatis aves, sic vos non vobis vellera fertis oves, sic vos non vobis mellificatis apes, sic vos non vobis fertis aratra, boves*. Собачья преданность и обезьянья любовь (*Affenliebe*) нерѣдко даже ставятся въ примѣръ человѣку: Шопенгауэръ увѣрялъ, что онъ больше довѣряетъ вилянью хвоста собаки, чѣмъ рукопожатію друга. Тѣмъ не менѣе все это только подчеловѣческая, низшая этика. Ея феноменологія при всей своей поучительности, все же значительно тусклѣе феноменологіи человѣческой этики. Посему изъ нея нельзя вывести принципиальное обоснованіе этой этики. Природа никакъ не можетъ быть окончательною ориентаціею для человѣка, строеніе котораго по существу трансцендентно природѣ и который, по словамъ Плотина, только ногами помѣщается на землѣ, головою же упирается въ небеса.

Для этого необходимо слѣдовать совѣту бл. Августина: ищи выше насъ, *quaere super nos* (*Conf.* X, VI, 9), т. е. ориентироваться на Бога. Такой теотропизмъ тѣмъ естественнѣе, что всѣ попытки этической ориентаціи на природу только тогда не вполне абсурдны, когда онѣ болѣе или менѣе эклектически смѣшиваютъ ее съ Богомъ. Таковъ пантеизмъ стоиковъ, одинъ изъ которыхъ Сенека прямо спрашивалъ: *quid enim aliud est natura quam Deus* (*De beneficiis*, IV, 7). Такова формула *Deus sive natura*, предложенная Спинозою, этимъ, какъ увѣряли романтики, „богопьянымъ человѣкомъ“ (Новалисъ), „полнымъ религіи и святого духа“ (Шлейермахеръ). Въ своемъ „Пантеистиконѣ“ Толандъ, въ качествѣ „жреца и іерофанта природы“ составилъ даже цѣлую литургію пантеизма. А Гольбахъ сочинилъ молитвы, подлежащія произнесенію предъ „алтарями природы“, этого „физическаго Бога“ (*Système de la Nature*, Londres, 1770, II, 411, 186, 182).

Такъ какъ этической челоѣкъ трансцендентенъ физической природѣ, то и метафизическая ориентация его поведения не можетъ принять такого, физического Бога, имманентнаго природѣ. Богъ этики трансцендентенъ природѣ. Трансцендентенъ онъ и челоѣку, ибо та самокритика, безъ которой немислима этика, совершенно исключаетъ самообожествленіе челоѣка или челоѣкобожіе во вкусѣ Фейербаха. Какъ писалъ Боссюе, „познаніе насъ самихъ должно насъ возвысити до познанія Бога“. Или, какъ писалъ Державинъ, „я есмь — конечно есь и Ты!“. Этической челоѣкъ ориентируется на Бога, который трансцендентенъ и природѣ и челоѣку. Такая ориентация на сверхприроднаго и сверхчелоѣческаго Бога сообщаетъ новый метафизическій смыслъ и этической антропологии и этическому детерминизму. Тогда челоѣкъ сознаетъ и познаетъ себя въ новой перспективѣ. Онъ „смѣло глядитъ изъ времени въ вѣчность“. Онтологически онъ занимаетъ тогда среднее положеніе между природою и Богомъ. Онъ рождается не только физически, но и метафизически, „свыше“, „отъ Бога“ (Іоан. III, 3; I, 13), получая отъ Него образъ и подобіе. Тогда свобода, выражаясь словами Достоевскаго, оказывается „даромъ свободы“. Тогда жизнь уже не представляетъ только біологическое прозябаніе, непрерывное умираніе, согласно формулѣ Клода Бернара, или приспособленіе внутреннихъ процессовъ къ внѣшнимъ, согласно формулѣ Спенсера. Жизнь это этическое призваніе. Челоѣкъ призывается оправдать образъ и подобіе Божіе и служить вѣчному во временномъ. Онъ призывается къ сотрудничеству съ Богомъ, который „донынѣ дѣлаетъ“ (отъ Іоанна V, 17), „ибо мы соработники у Бога“ (I Коринѣ. III, 9). Онъ призывается, какъ выразился Джемсъ, быть кодетерминантомъ въ окончательномъ устроеніи міра, въ томъ его проникновеніи божественностью, которое восточные отцы называли „теозисъ“. При наличности такой вѣры этическая самокритика челоѣка получаетъ характеръ проявленія „дара зрѣти своя прегрѣшенія“. И тѣ нормы, которыя чуткая совѣсть признаетъ безусловно обязательными для правильнаго поведения, получаютъ характеръ откровенія заповѣди Божіей, настоящаго категорическаго императива, источникъ котораго Богъ, *summus ille Imperator*, какъ выразился Гейлинксъ (*Ethica Opera*, edit. Land, III, 38). Такой Богъ не пребываетъ въ планѣ той фактической феноменологии, которою вѣдаетъ наука, ибо „Бога никто же видѣ нигдѣ же“ и „Бога челоѣкомъ невозможно видѣти“. Не пребываетъ Онъ также только въ планѣ того субъективнаго осмысливанія бытія, становленія и дѣланія, которымъ вѣдаетъ философія съ ея основною категоріею возможности, въ силу которой, по выраженію Ренана, „все возможно, даже Богъ“.

Разсуждая въ философскомъ планѣ о трансцендентномъ бытіи, человѣческая мысль открываетъ только проекціи высшаго плана, его тѣни, подобно тому какъ на двухмѣрномъ пространствѣ постижимы только проекціонныя тѣни трехмѣрныхъ тѣлъ. Такъ получается, какъ выразился Державинъ, „черта начальна Божества“. Окончательно же Богъ пребываетъ въ сверхнаучномъ и сверхфилософскомъ трансцендентномъ планѣ. Въ этомъ планѣ Богъ уже не только наша субъективная экстраполяція или сублимація. Это не только, какъ выразился Шарронъ, „последнее усиліе нашего воображенія въ сторону совершенства“. Это — не гипотеза, а теза. Это — самое объективное Существо, *Ens realissimum*. Это — Сущее, въ самомъ полномъ и абсолютномъ онтологическомъ смыслѣ: *Deus est absolutus*, увѣрялъ Николай Кузанскій. И именно въ Немъ какъ въ *ultima ratio*, религиозный опытъ находитъ абсолютное и необходимое, основанное не на *posse*, а на *necesse* обоснованіе деонтологическаго детерминизма этики.

Григорій Ландау.

О МИСТИЧЕСКОМЪ ОПЫТѢ.

Очеркъ систематической философиологии.

Предисловіе. Идея философиологии.

1. Настоящій очеркъ заключаетъ въ себѣ въ сжатомъ изложеніи содержаніе одной изъ главъ работы („Очерки систематической философиологии“), первая часть которой была напечатана въ „Логосѣ“ въ 1913 г. („Объектные мотивы философскихъ построеній“).

Задача работы заключается въ томъ, чтобы развить систему мотивовъ философскаго мышленія, т. е. систему такихъ предѣльныхъ философиологическихъ элементовъ (*suí generis* — философиологическихъ „атомовъ“), которые, будучи порознь развернуты по матеріалу опыта съ цѣлью его объективнаго построенія, — въ совокупности исчерпываютъ содержаніе всякой (въ предѣлѣ — всякой возможной) философии.

Подобно тому, какъ современныя точныя науки задаются цѣлью установить тѣ специфическіе предѣльные элементы, изъ которыхъ строятся объекты, подлежащіе ихъ изученію, а также взаимодействіе этихъ элементовъ и законы или формулы построенія комплексовъ изъ нихъ (примѣрно — клѣтки, элементы протоплазмы и проч. въ организмахъ, атомы, электроны, протоны и пр. въ тѣлахъ, корни, суффиксы и проч. въ языкѣ и т. д.), такъ философиология задается мыслью установить специфическіе предѣльные элементы философскихъ построеній и рассмотретьъ всякую возможную философію, какъ структуру таковыхъ.

2. Каждый философиологическій мотивъ — по своему специфическому существу — будучи развернутъ на матеріалѣ опыта (какъ бы то ни было понимаемаго), даетъ цѣлую систему понятій, образовъ, концепцій, даетъ нѣкую схему объективнаго построенія опыта на данномъ мотивѣ, — чистую философскую схему даннаго мотива. Эти философиоло-

схемы обнаруживают между собой точки и грани взаимных касаний или взаимного отрицания, что открывает систематическую возможность сложных, слитных философских схемъ. Всякая конкретная философия, философская мысль можетъ быть подведена подъ одну изъ подобныхъ, простыхъ или сложныхъ, философскихъ схемъ; будетъ ея воплощеніемъ, окунутымъ въ конкретную гущу исторически данныхъ понятій, образовъ, проблемъ, матеріала, — частичнымъ или цѣльнымъ, искаженнымъ или адекватнымъ, продуманнымъ и изложеннымъ въ своихъ понятіяхъ или въ чужихъ, саморазвитымъ или переходнымъ отъ другой или къ другой, заключающимъ собственныя построения или критику другихъ, разрешающимъ всѣ задачи или только нѣкоторыя, доведеннымъ до отчетливости или погруженнымъ въ случайность духовнаго багажа эпохи, охватывающимъ цѣлую чистую философскую схему или соответствующимъ одному изъ систематическихъ этаповъ ея развертыванія. Отсюда безчисленное множество проблемъ, ставимыхъ каждой „конкретной“ философской системой — философиі.

3. Если задача философиі поставлена вѣрно и по правильному пути разрешается, то ясны вытекающія отсюда послѣдствія — въ порядкѣ систематики произведеній философствующей мысли; въ порядкѣ уясненія, опрозраченія таковыхъ сквозь гущу случайныхъ наслоеній, искаженій и отображеній въ иносхемныхъ образахъ; въ порядкѣ истолкованія философскаго построения, пониманія философскихъ построений чужихъ культуръ (развиваемыхъ въ непривычномъ разрѣзѣ и терминахъ), и даже конъектуральныхъ восполненій и схематическихъ завершеній мыслей, не сохранившихся или сохранившихся лишь въ отрывкахъ (въ идеалѣ это дало бы возможность изъ отрывковъ восстроить философію, какъ мамонтъ восстраивается изъ его случайно сохранившейся челюсти); такъ же — и въ порядкѣ внутренней критики философскихъ ученій.

4. Априорно - систематическая строяемость чистыхъ схемъ всякаго возможнаго философскаго мышленія естественно ставить — въ скептической плоскости — проблему философской истины, каковая своеобразно усложняется самымъ развертываніемъ чистыхъ философскихъ схемъ, неизбежно приводящимъ къ ихъ самоотрицанію, — о чемъ здѣсь распространяться не приходится.

5. Въ другомъ разрѣзѣ — черезъ психологическій анализъ философскихъ мотивовъ — можно подойти къ разсмотрѣнію философскаго мышленія не въ логико-систематическомъ, а въ духовно-культурномъ синтезѣ; на примѣръ, въ нѣкоторыхъ репрезентативныхъ случаяхъ устанавливая господство даннаго мотива (или его психическаго корелата) въ

цѣлой культурной эпохѣ. (Подобную опредѣляемость единымъ философологическимъ мотивомъ я отмѣчалъ въ своей упомянутой работѣ примѣнительно къ эллинской и ново европейской культурѣ; въ ненапечатанныхъ частяхъ — отмѣчаю примѣнительно къ индуской, русской и частью германской).

Здѣсь не мѣсто касаться этихъ вопросовъ, требующихъ даже только для ихъ намѣченія много мѣста. Достаточно указать, что во всякомъ случаѣ доказательность и основной смыслъ замысла — въ систематичности его проведенія; — не въ развертываніи отдѣльнаго мотива, а именно въ исчерпывающей системѣ таковыхъ (хотя бы и лишь намѣчаемой). Развертываніе каждаго отдѣльнаго мотива — каждая отдѣльная глава работы — сама по себѣ можетъ имѣть уже не это значеніе и не часть его, а лишь другое — предварительное, подготовительное: именно чистосхемнаго возведенія нѣкоторой группы философскихъ построеній къ единому философологическому мотиву.

Введеніе. Гносеоморфные мотивы.

А. Систематика.

Систематическая дедукція философскихъ мотивовъ, которой, разумѣется, здѣсь давать не приходится (см. *op. cit.*, введеніе п. 4.), устанавливаетъ три группы таковыхъ¹⁾ — объектоморфныхъ, субъектоморфныхъ и гносеоморфныхъ. Остановлюсь на послѣдней.

2. Гностическимъ — я называю то дальше не разложимое и неопишемое отношеніе постиженія, которое своеобразно связываетъ постигающаго (субъекта) съ постигаемымъ (предметомъ или содержаніемъ). Каждый изъ этихъ трехъ элементовъ даетъ начало особой группѣ мотивовъ. Элементъ самой гностической связи, предполагая остальные два, тѣмъ не менѣе даетъ свои независимые отъ нихъ мотивы.

2. Предметъ постиженія можетъ быть внутри-положенъ по отношенію съ субъекту. Постиженіе будетъ здѣсь отношеніемъ включенія (предмета — субъектомъ). Назовемъ такой видъ постиженія — **сознаніемъ** (концепція), а предметъ сознанія — его **содержаніемъ** (концептомъ).

Предметъ постиженія можетъ быть и внѣположеннымъ по отношенію къ субъекту. Постиженіе здѣсь будетъ отно-

¹⁾ Само собой разумѣется, что систематика философологическихъ мотивовъ рѣшительно ничего не говоритъ объ ихъ истинности или мнимости, а лишь устанавливаетъ ихъ философологическую наличность.

шеніемъ нерехода (транзитивнымъ) отъ субъекта къ предмету. Назовемъ такой видъ постиженія — **п о з н а н і е м ъ** (перцепціей); а предметъ познанія — его **о б ъ е к т о м ъ** (перцептомъ).

Объектъ познанія, внѣположный по отношенію къ субъекту, можетъ быть независимымъ отъ познанія или зависимымъ отъ него; бытіиствовать внѣ познанія или въ немъ, быть по отношенію къ познанію внѣположнымъ или внутриположнымъ.

Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ познаніе внѣположнаго по отношенію къ субъекту и сущаго внѣ познанія объекта; во второмъ — познаніе объекта, внѣположнаго по отношенію къ субъекту, но сущаго въ самомъ познаніи. Предметъ перваго подвида познанія назовемъ **о б ъ е к т и в о м ъ**; второго подвида — **о б ъ е к т о м ъ** въ тѣсномъ смыслѣ слова. Самое познаніе перваго подвида будетъ внѣшнимъ **п о з н а н і е м ъ** (экстраперцепціей) или объективнымъ; второго подвида — будетъ внутреннимъ **п о з н а н і е м ъ** (интраперцепціей) или объектнымъ.

3. **С о з н а н і е** есть постиженіе, включающее свой предметъ (содержаніе) въ субъекта, дѣлающее свое содержаніе — содержаніемъ субъекта. Сознаніе есть связь (гностическая) субъекта съ его содержаніемъ, сосуществующимъ съ включающимъ его въ себя субъектомъ, связь ихъ сосуществованія, **с о - с т о я н і е**. Состояніе сознанія — интранзитивно.

Въ познаніи — постиженіе связываетъ субъекта съ внѣположнымъ по отношенію къ нему предметомъ, составляя нѣкій переходъ, нѣкую транзицію — актъ.

4. Содержаніе сознанія (концептъ) включено въ субъекта, есть его составная часть. Слѣдовательно сознаніе есть всегда частичное самосознаніе. Объектъ же или объективъ познанія внѣсубъектенъ и потому не ограниченъ и не предопредѣленъ субъектомъ. Сознаніе въ предѣлѣ своихъ содержаній даетъ субъекта; познаніе же — даетъ внѣсубъективную, объективную или объектную сферу.

5. Сознаніе есть **с о - с т о я н і е**, но не рядомъ = стояніе субъекта и содержанія; оно есть связь (гностическаго) включенія, дальше неопредѣлимое какъ бы объемленіе, **с о - д е р ж а н і е**, (гностическое) держаніе въ себѣ, схватываніе, конципированіе, т. е. хотя и не переходящій актъ, но нѣкое статическое **н а п р я ж е н і е**. Психологически мы имѣемъ безконечныя разновидности — отъ еле пробѣгающихъ тѣней до мучительнѣйшихъ напряженій; систематически — достаточно отмѣтить двоякую напряженность сообразно двумъ полюсамъ гностической связи. Либо субъектъ **с о - д е р ж и т ъ**, объемлетъ свое содержаніе, либо содержаніе **в н ѣ д р я е т с я**, навязывается субъекту; либо субъектъ **с о з н а е т ъ** свое содержаніе, либо

оно „даеть себя знать“ субъекту; либо онъ „держитъ“ свое содержаніе, либо имъ „одержимъ“. Отсюда — активная и пассивная напряженность сознанія, впрочемъ одинаково интранзитивнаго.

Точно также и въ транзитивномъ актѣ познанія источникъ транзиціи можетъ быть данъ въ обоихъ полюсахъ постиженія — въ активности субъекта или „навязчивости“ объекта (объектива) рецептивно афицируемому имъ субъекту. Но дальнѣйшее самостоятельное систематическое прослѣживаніе этихъ отношеній, какъ и вообще анализъ мотивовъ познанія выводитъ за предѣлы настоящей темы и потому здѣсь неумѣстно.

6. Состояніе сознанія есть связь (гностическаго) включенія содержанія въ субъекта и потому неотдѣлима ни отъ субъекта, ни отъ его содержанія. Нераздѣльность съ содержаніемъ даетъ неотъемлемую насыщенность сознанія содержаніемъ или — въ другомъ разрѣзѣ — окрашенность содержанія сознаваніемъ, ихъ нерасторжимость. (Примѣрно — чувствовать гнѣвъ и чувствуемый гнѣвъ нераздѣльны). Сочетаніе сознаваній въ силу нераздѣльности каждаго отъ субъекта — даетъ (или стремится дать) единое слянное состояніе сознанія; а слянное сознаніе даетъ и слянное содержаніе сознанія. Отсюда сочетаніе сознаваній даетъ синтезъ сліянія ихъ содержаній.

Познаніе, какъ актъ перехода къ внѣположному объекту или объективу, не насыщенъ имъ и не окрашиваетъ его, нейтраленъ по отношенію къ нему, „безцвѣтенъ“. Въ сочетаніи актовъ познанія сочетаются различные переходы, т. е. переходы къ разнымъ предметамъ, которые тѣмъ самымъ не сливаются, а рядомъ — полагаются. Сочетаніе актовъ познанія даетъ не слянное состояніе, а дѣятельность опознанія (мышленіе); и приводитъ къ синтезу сочетанія объектовъ или объективовъ.

7. Характеръ напряженности состоянія сознанія уже самъ по себѣ есть источникъ нѣкоторой возможной въ немъ динамики; точно также и синтезъ сліянія содержаній (при заранѣе необезпеченной ихъ сливаемости) приводитъ къ подвижности (интранзитивныхъ) содержаній, къ динамикѣ сознаванія ихъ (сливанія, вытѣсненія, напряженія и пр.), — къ процессу переживанія, остающагося, несмотря на свою динамичность, интранзитивнымъ и не активнымъ.

Соотвѣтствующія или параллельныя развертыванія познанія въ его двухъ разновидностяхъ намъ здѣсь прослѣживать не приходится.

Б. Психогенезъ.

Гносеоморфные мотивы, какъ и всякіе другіе философическіе мотивы, интересуютъ насъ въ ихъ систематически построенномъ значеніи, поскольку, проводимые на матеріалѣ опыта, они развертываются въ чистую философическую схему. Всякое другое разсмотрѣніе этихъ мотивовъ — напр., въ ихъ психогенезѣ — не можетъ имѣть систематической значимости. Тѣмъ не менѣе я здѣсь попутно сдѣлаю нѣсколько замѣчаній психогенетическаго характера не для обоснованія, а лишь для иллюстраціи намѣченнаго мотива, — подчеркивая, что этимъ замѣчаніямъ придаю нисколько не доказательное, а лишь внѣшне-описательное значеніе; поэтому и отверженіе ихъ нисколько не равнозначно отрицанію развиваемой концепціи.

1. Психогенетически можно гносеоморфные мотивы взять какъ функціи, развивающіяся въ видовой жизни одареннаго сознаніемъ существа и по генетически исходному своему смыслу имѣющія назначеніемъ — его самосохраненіе въ средѣ. Общая функція психическаго самосохраненія организма въ истокѣ своемъ — служитъ управленію жизненными движеніями организма въ соотвѣтствіи съ происходящими въ немъ и внѣ его измѣненіями. Отсюда назначеніе психики — центробѣжное, заключается въ вызываемой и направляемой ею дѣятельности; предпосылкой же адекватнаго дѣйствія — является центростремительная функція воспріятія, освѣдомленія, „доведенія до сознанія“, постиженія. Очевидно, она можетъ быть двойкой: постиженіемъ явленій среды (внѣшне-периферическая) и постиженіемъ явленій организма (внутренне-периферическая). Смысль духовнаго развитія заключается въ томъ, что амфигенетическія по своему происхожденію функціи самосохраненія развиваются ортогенетически — въ самодовлѣющемъ функціонированіи. (Отсюда между прочимъ — трагически антиномическая сущность ихъ продуктовъ).

2. Чтобы обусловить надлежащую дѣятельность — функція внѣшняго постиженія должна проецировать воспринимаемое наружу (транзитивное отношеніе и экстраперцепція); проецировать въ надлежащее для каждаго воспріятія направленіе и мѣсто, отличныя отъ другого; выдѣляя его, поскольку оно требуетъ опредѣленнаго „отвѣта“ со стороны сознательнаго организма. Для отвѣта и воздѣйствія среда подлежитъ расчлененію (функція анализа). Ориентированіе въ сложныхъ явленіяхъ и соотвѣтствующая дѣятельность требуетъ сочетанія (синтезъ сочетанія) разноположныхъ элементовъ.

Наоборотъ, явленія организма (кромѣ переходныхъ,

„поверхностных“) не допускают проекции, ибо не допускают внѣшняго воздѣйствія, вмѣшательства. Въ видовой жизни организма приспособленіе къ внутри-органическимъ измѣненіямъ можетъ происходить органически же, а слѣдовательно и вообще не предполагаетъ вмѣшательства сознанія.

3. Вмѣшательство сознанія требуется лишь когда внутреннія явленія сплетаются съ внѣшними, т. е. либо предполагаютъ ихъ, либо вызываются ими (съ точки зрѣнія органическаго самосохраненія) — когда, положимъ, вредные или опасные процессы въ организмѣ требуютъ измѣнить его положеніе, перевести въ другую среду, удалить отъ опасности, добыть нужное и пр. Словомъ психогенетически, въ порядкѣ самосохраненія — внутреннія явленія организма доводимы до сознанія, когда требуютъ нѣкоторой дѣятельности или измѣненія въ средѣ. Это преимущественно осознаніе совокупныхъ внутреннихъ состояній организма, индивида въ соотношеніи его со средой (голодъ, жажда, половое влеченіе, усталость, гнѣвъ, страхъ и пр.).

Но въ соотношеніи со средой организмъ есть единство и при томъ постоянное; постиженіе осознаваемого въ немъ относить постигаемое къ постоянному единству, противопоставляемому измѣнчивой средѣ; дѣлаетъ постигаемое составной частью его жизни, его бытія — его содержаніемъ, имъ въ себѣ безъ транзиціи постигаемымъ, переживаемымъ.

4. При этомъ отдѣльныя, постигаемыя въ жизни организма, явленія не имѣютъ порознь значенія для его самосохраненія, а только — въ опредѣленныхъ сплетеніяхъ. Сердцебіеніе или дрожь въ рукѣ получаютъ разный органической смыслъ въ комплексѣ страха, ненависти или любовнаго возбужденія. Значимы и постигаемы только тѣ связи органическихъ явленій, которыя органической смыслъ получаютъ именно въ данной связи. Отсюда синтезъ слиянія элементовъ есть основополагающая черта внутренняго воспріятія, переживанія, чувствованія, эмоціи. Внутреннее постиженіе относить къ органическому субъекту происходящіе въ немъ процессы — его содержанія — въ ихъ специфической слянности и въ ея соотношеніи съ внѣсубъектнымъ міромъ, каковое можетъ быть двоякимъ — вызванности имъ и „требовательности“ по отношенію къ нему.

5. Здѣсь не мѣсто развивать теорію чувствованій и эмоцій. Достаточно отмѣтить ихъ безконечную множественность, переливчатость, разнообразіе — отъ примитивно органическихъ до какъ угодно разрѣженныхъ, идеированныхъ, однако сохраняющихъ схематизмъ болѣе первичныхъ. Во всемъ этомъ многообразіи и сохраняется первичная двоякость: вызываемость переживанія извнѣ (какъ бы одержи-

мость, напоръ, навожденіе, навязываніе) и преднапряженность, приуготовленность, требующая привхожденія извнѣ чего либо (или ищущая этотъ привходящій моментъ активно) для своего разрѣшенія — алканіе, жажда, потребность, нужда, томленіе, ожиданіе, вопросъ, требованіе.

Этимъ устанавливается характеръ (или во всякомъ случаѣ тяготѣніе) динамичности интранзитивнаго состоянія; устанавливается и — во всѣхъ разновидностяхъ, какъ элементарнѣйшихъ, такъ и разрѣженно-возвышеннѣйшихъ — характеръ поцессуальной напряженности (навязываніе или алканіе), характеръ жизненнаго трепета.

6. Соотношенія и связи этихъ внутреннихъ процессовъ съ элементами среды могутъ быть многоразличны; (въ предѣлѣ, конечно, элементы среды доводимы до минимума — какъ, наприимѣръ, въ органическомъ тонусѣ). Для задачи психогенетической иллюстраціи хочу отмѣтить еще только одну черту переживанія эмоцій „алканія“. Переживаніе, эмоція, направленная на внѣшній объектъ для своего „утоленія“, въ напряженіи къ своему удовлетворенію (если не подрывается истощеніемъ субъекта въ самомъ этомъ напряженіи) нарастаетъ; еще до овладѣнія своимъ внѣшнимъ предметомъ она какъ бы „окутываетъ“ его преперцепцію, образъ, представленіе — своимъ эмоціональнымъ содержаніемъ, „окутываетъ“ по своей схемѣ — синтеза слянія. Въ этомъ смыслѣ, въ самомъ строеніи (внутренне-внѣшняго) эмоціональнаго переживанія есть паралогическій моментъ: алканія, поглощенія внѣположнаго въ синтезѣ слянія съ несляннымъ (ибо внѣшне-предметнымъ, и слѣдовательно подлежащимъ только сочетанію) элементомъ.

Особенно ярко (можно сказать — репрезентативно) это сказывается на типичной эмоціи алканія — въ половомъ влеченіи и всѣхъ хотя бы возвышеннѣйшихъ и разрѣженнѣйшихъ производныхъ въ рядѣ эмоцій любви. (Сравнить ниже отдѣлъ III, п. 2.).

Ограничиваюсь этими бѣглыми намеками внѣшняго психогенетическаго освѣщенія, въ которыхъ психогенеза внутренняго познанія (интраперцепціи) я и вовсе не коснулся въ виду того, что этотъ мотивъ въ настоящей работѣ развертыванію не подлежитъ.

Вступленіе.

I. Во всякой философемѣ какъ нибудь должно быть построено постиженіе, познаніе — и слѣдовательно какъ нибудь строится гностическое отношеніе, одно или нѣсколько; но при этомъ они могутъ быть построены производно отъ другихъ — основополагающихъ въ данной философо-

схемъ — мотивовъ, въ цѣляхъ разрѣшенія лишь одной изъ задачъ объективнаго построенія опыта, именно задачи его познанія. Здѣсь не мѣсто останавливаться на той общей функціи, которую въ развертываніи (и въ самокритикѣ и систематическомъ саморазрушеніи) философсхемъ играетъ построенная въ нихъ соотвѣтственно функція (или функціи) постиженія.

Сейчасъ задача стоитъ другая. Развернуть (или — намѣтить развертываніе) философсхему, объективно строящую опытъ на гносеоморфномъ мотивѣ, какъ основополагающемъ, а не — производно вытекающемъ изъ другихъ. Вопросъ именно въ томъ, можетъ ли на гностическомъ отношеніи, какъ предѣльно основополагающемъ философологическомъ мотивѣ, быть объективно построены опытъ и какой именно.

2. Если гносеоморфный мотивъ и можетъ быть философологически — основополагающимъ, то ужъ только отдѣльно взятый, а не совмѣстно съ другимъ. Другими словами, каждый гносеоморфный мотивъ (въ качествѣ основополагающаго) исключаетъ всѣ другіе, — они альтернативны.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы основополагающими были одновременно два (или болѣе) гносеоморфныхъ мотива, то, значитъ, мы должны были бы предположить либо множество гностическихъ субъектовъ, каждый изъ которыхъ и вступаетъ въ соотвѣтствующее гностическое отношеніе, либо одного гностическаго субъекта, но вступающаго въ разныя гностическія отношенія съ разными объектами (или хотя бы съ однимъ); и соотвѣтственно — либо разные объекты для различныхъ видовъ постиженія (разными или однимъ субъектомъ), либо одинъ объектъ, но различно постигаемый. Здѣсь не мѣсто подробнѣе развивать эти отношенія; достаточно отмѣтить, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ либо субъектъ, либо объектъ (либо оба) уже должны предполагаться какъ то сущими внѣ и до гностическаго отношенія; не строятся имъ, а ему предшествуютъ. Ибо соналичность субъектовъ (или объектовъ) разныхъ гностическихъ отношеній предполагаетъ ихъ сосуществованіе, событіе уже не гностически строяемое, а какъ то иначе. И даже соналичность въ одномъ субъектѣ разныхъ гностическихъ функцій (или ихъ соналичность примѣнительно къ одному объекту) предполагаетъ въ субъектѣ или объектѣ нѣкое бытіе, связующее эти функціи уже не по гностическому отношенію, а по субъективной или объективной ихъ связи. Если у субъекта нѣсколько функцій постиженія, то — онъ бытійствуетъ внѣ каждой, наоборотъ, ихъ въ своемъ бытіи предопредѣляетъ; и то же относится и къ объекту.

Гносеоморфные мотивы, въ качествѣ основополагаю-

щихъ, взаимно исключаютъ одинъ другой, а ихъ совместность переводитъ философему въ какую либо разновидность объектоморфныхъ или субъектоморфныхъ.

3. Въ гносеоморфной философсхемѣ всѣ моменты (а въ частности, значитъ, субъектъ и объектъ) должны быть предопредѣляемы даннымъ гносеоморфнымъ мотивомъ, только въ немъ и имѣя свое — соотвѣтственное — гностическое, гносеоморфное бытіе. (Въ частности, однако, не трудно усмотрѣть, что экстраперцептный мотивъ объективно построитъ опытъ предположительно уже объективно, внѣ субъекта и внѣ познанія, сущій, — см. выше Введ. А, п. 2 — т. е. построенный на нѣкоемъ иноморфномъ мотивѣ; значитъ, самый гносеоморфный мотивъ опредѣляетъ здѣсь предустановленную гармонію съ этимъ инымъ, негносеоморфнымъ мотивомъ).

4. Субъектъ и объектъ наличествуютъ въ гносеоморфныхъ философсхемахъ лишь гносеоморфно же, какъ чистый гностическій („гносеологическій“) субъектъ и объектъ, — не дѣйствующій, не живущій, не существующій, а исключительно постигающій и постигаемый.

Но въ процессѣ построения и развертыванія они неизбежно получаютъ нѣкое самодовлѣніе, что обуславливаетъ возможность (систематически незаконнаго, но оправданнаго психологически) ихъ такъ сказать бытійственнаго „сгущенія“, уплотненія и соотвѣтственно — сдвига данной гносеоморфной философсхемы въ соотвѣтствующую объектно — или субъектноморфную. Въ какую именно и какія именно получаютъ здѣсь систематически возможные (хотя и систематически незаконныя) сочетанія — можетъ быть выяснено только въ общей системѣ философологическихъ мотивовъ. Въ данной же работѣ, изъ нея вырванной, я предполагаю только мелькомъ ниже намекнуть на эти соотношенія. Общимъ образомъ предварительно отмѣчу имманентную сравнительную неустойчивость гносеоморфной философсхемы, обусловленную тѣмъ, что основополагающій ея мотивъ есть (гностическое) отношеніе между двумя моментами, на одинъ изъ которыхъ путемъ „сдвига акцентуаціи“ и можетъ легко перестроиться его развертываніе.

5. Такъ какъ въ настоящей работѣ я не могу развернуть всей системы гносеоморфныхъ мотивовъ, а ставлю задачей намѣтить развертываніе лишь одного мотива (сознанія), то здѣсь голословно отмѣчу, что мотивъ интраперцепціи, разворачиваясь, даетъ философсхемы трансцендентализма и производныя отъ него; мотивъ экстраперцепціи — философсхемы интуитивизма (въ частности философію Лоссакаго). Мотивъ же сознанія (концепціи), на которомъ я ниже останавлиюсь, — развертывается въ философсхему мистицизма.

Отдѣлъ I. Аналитика мотива сознанія.

1. При объективномъ построеніи опыта на мотивѣ сознанія каждый элементъ, всякая часть опыта даны какъ нѣчто сознаваемое, какъ нѣкое содержаніе сознанія, — не лѣсъ, добро, человѣкъ, а переживанія лѣса, добра, человѣка, въ которыхъ они являются сознаваемымъ содержаніемъ. Сознаніе, какъ отношеніе гностическаго включенія, — свое содержаніе, неотдѣлимое отъ него, включаетъ въ субъекта. Субъектъ въ статическомъ напряженіи „схватываетъ“, сознаетъ содержаніе, какъ свое переживаемое состояніе. Таково „бытіе“ опыта въ философскомъ сознаніи; тональность его „бытія“ дана здѣсь — окутанностью сознаніемъ.

2. Элементы опыта не рядомъ-полагаемы, ибо для этого требовался бы принципъ сочетанія внѣ положнаго, трансцендирующаго по отношенію къ каждому и слѣдовательно не вмѣщаемаго въ мотивъ сознанія. Они сочетаемы не въ своемъ содержаніи, а въ своей сознаваемости, съ которой нераздѣльны. Совокупность содержаній есть совокупность сознаваній ихъ. Совокупность сознаваній есть совокупное сознаніе. Совокупное сознаніе есть совокупное состояніе субъекта. (См. выше Введ. А. 6.).

3. Совокупное содержаніе не даетъ содержанія сочлененнаго, ибо содержанія неотдѣлимы отъ сознаваній ихъ, и сочетаются въ сліянномъ сознаваніи (а не опознаются въ своихъ содержательныхъ соотношеніяхъ, какъ было бы на мотивѣ интраперцепціи) — въ синтезѣ сліянія. Въ философскомъ сознаніи нѣтъ мѣста для расчлененности (анализа, предполагаемаго мотивомъ перцепціи) и для внѣ положности (предполагаемой мотивомъ экстраперцепціи). Сочетаніе содержаній и сознаваній осуществимо лишь въ видѣ сліянія ихъ въ болѣе насыщенные, усложненные содержанія, сознаванія, состоянія субъекта.

Соотвѣтственно нѣтъ здѣсь пространства, которое и подлежитъ преодолѣнію въ философскомъ сознаніи.

4. Какъ нѣтъ здѣсь содержаній внѣ содержаній, такъ нѣтъ и сознанія внѣ сознанія, ибо и это предполагало бы — при построеніи въ объективную систему — принципъ, объединяющій внѣположныя сознанія не на мотивѣ сознанія же (а въ какомъ то иномъ ихъ со-бытіи, напр. субъектномъ, т. е. предполагало бы субъектоморфное построеніе). Отсюда вытекаетъ, что и для времени — по крайней мѣрѣ въ смыслѣ внѣположности его моментовъ — нѣтъ мѣста въ философскомъ сознаніи.

Но и время „бергсоновское“ — въ смыслѣ не чередующихся моментовъ, а нарастающихъ интенсивностей (не слѣдующихъ, а включающихъ въ себя предыдущіе моменты) —

могло бы умѣститься въ философсхему сознанія не своимъ „протеченіемъ“, а лишь своимъ завершающимъ (предположительно) моментомъ, впитавшимъ въ себя всѣ остальные.

5. Подобно тому, какъ въ философсхемѣ сознанія нѣтъ содержанія внѣ содержанія и нѣтъ сознанія внѣ сознанія, такъ нѣтъ и субъекта внѣ субъекта; ибо сосуществованіе различныхъ субъектовъ предполагаетъ опытъ, построенный уже не на мотивѣ сознанія, а на мотивѣ, признающемъ первичную бытійственность субъекта (т. е. субъектоморфномъ), признающемъ внѣположность ихъ и пр. Такимъ образомъ философсхема сознанія приводитъ къ единому субъекту всеознанія, или единому Всесубъекту. Всесубъектъ — гностическій, сознавательный; въ субъектоморфномъ „уплотненіи“ — Богъ.

6. Философсхема сознанія такимъ образомъ не строитъ отдѣльнаго предмета, не строитъ поэтому и совмѣстности или взаимодействія предметовъ, а строитъ непосредственно и исключительно тотальность опыта. Бытіе есть сознаваемость Всесубъектомъ, сліянная включенность въ него — его всепереживающимъ сознаніемъ. Объективное единство опыта есть единство божественнаго всеознанія. Всѣ содержанія въ немъ сліянно приобщены къ цѣлому въ нераздѣльномъ трепетаніи статическаго напряженія сознаваемости — сонаполняютъ, сопреисполняютъ Всесубъекта, который въ нихъ и они въ немъ. Сознвая свои содержанія Всесубъектъ сознаетъ себя; всеохватывающая, всепроникающая напряженность къ міру есть живое (чувственно-эмоціонально-подобное) самопереживаніе, напряженіе божественнаго самосознанія на себя самого.

7. Лишенный пространства и времени опытъ, построенный на мотивѣ сознанія, — мистическій опытъ, — представляетъ безпространственную и безвременную всесліянность, въ которой все переживается въ нерасчленимомъ трепетѣ всеознанія, сливается въ нѣкую сліянно-переживаемую „точку“, мигъ (искра, *Füncklein*, *scintilla*). Мистическій опытъ безсоставенъ и не подлежитъ развертыванію; наоборотъ, въ немъ какъ бы свертывается, стекается въ одинъ напряженно-переливающейся трепеть, въ одну сознавательную сліянность — весь составъ возможнаго опыта.

Отсюда — неизмѣнная близость, общность мистическихъ философемъ у различныхъ народовъ, въ разныя эпохи и культуры. Изъ всѣхъ философсхемъ мистицизмъ всего менѣе обнаруживаетъ разнообразія на протяженіи тысячелѣтій.

8. Гностическое отношеніе сознанія есть отношеніе интранзитивно-напряженнаго переживанія (субъектомъ — содержаній), вбиранія, „схватыванія“ содержаній. Мистическій

опытъ строится не какимъ либо сочетаніемъ содержаній, а сляніемъ напряженій ихъ „схватыванія“ (конципированія) въ одномъ всеслянномъ переживаніи, сугубо напряженно сосредоточенномъ въ нерасчленимую точку, въ искру всесознанія.

Такимъ образомъ непосредственнымъ составомъ опыта, построеннаго на мотивѣ сознанія, являются не какіе либо предметы, не содержанія, а — самое кульминаціонное напряженіе гностическаго „вбиранія“. Въ предѣльномъ напряженіи всесубъектнаго, всесляннаго переживанія поглощается всякій опытъ, окутываемый имъ, окунаемый въ него, отъ него нераздѣльный. Мистическій опытъ сливается въ самосознаніи самага напряженія сознанія, въ самопереживаніи самага всеокутыванія переживаніемъ.

9. Этотъ систематическій моментъ философсхемы сознанія не поддается познавательному формулированію въ понятіяхъ. Пользуясь въ виду этого — за неимѣніемъ другого — психологическимъ терминомъ (объ этомъ — см. ниже отдѣлъ II, п. 5.), но въ переносномъ значеніи, можно этотъ систематическій моментъ мистической философсхемы назвать — экстазомъ. Экстазъ есть такъ сказать „апріори“ мистическаго опыта, неотъемлемая „форма“ его „бытія“. (Разумѣется, всѣ эти иносхемные термины примѣнимы здѣсь лишь условно-переносно). Въ мистической философсхемѣ опытъ не „существуетъ“, не „мыслится“, а экстазно переживается. Въ экстаза нѣтъ полноты мистическаго опыта, нѣтъ опыта, объективно построеннаго (или — объективно сущаго) на мотивѣ сознанія.

Отдѣлъ II. Самокритика мистическаго развертыванія.

На мотивѣ сознанія нестроимъ отдѣльный предметъ; опытъ частичный мистически не существуетъ. Нѣтъ въ философсхемѣ сознанія и мѣста для совмѣстности и взаимодействія предметовъ (т. е. для задачи науки и техники).

На мотивѣ сознанія не строимъ различимое множество. Все сливается со всѣмъ, все со всѣмъ совпадаетъ. Нѣтъ множества въ трепетаніи всеовмѣщающей „точки“; тотальность свелась къ всеслянности въ экстазномъ статико-напряженномъ (любовно всеохватывающемъ) единосознаніи. Если нѣтъ множества, то нѣтъ и единства множества, т. е. въ сущности нѣтъ и самой тотальности въ едино-трепещущемъ мигѣ всеслянія.

2. Такимъ образомъ опытъ на мотивѣ сознанія не строится, а элиминируется.

Правда, и всякая философсхема претворяетъ опытъ (непосредственно реалистическій или какъ либо уже органи-

зованный иною философосхемою) въ новое единство, сообразно устанавливаемымъ данною философосхемою отношеніямъ. Однако, претворяя опытъ, философосхема не устраняетъ его состава и отношеній; она только по новому истолковываетъ его, располагая по новымъ линіямъ, встраивая въ новый схематизмъ. Такъ, предметы опыта могутъ въ одной философосхемѣ истолковываться какъ воплощенныя формы, въ другой — какъ модусы субстанціи, въ третьей — какъ феномены познанія нѣкоего субъекта, въ четвертой — какъ выраженіе душевныхъ движеній или состояній и пр.; но всюду задача философосхемы заключается въ томъ, чтобы такъ или иначе истолковать эти предметы въ ихъ пространственныхъ, временныхъ, качественныхъ, категоріальныхъ соотношеніяхъ. На невозможности вмѣщенія опыта въ данную философосхему и разворачивается ея самокритика.

Философосхема же сознанія устраняетъ самый опытъ, подлежащій въ имманентныхъ ему отношеніяхъ объективному построению на мотивѣ сознанія. Въ мистическомъ опытѣ исчезаютъ предметы въ ихъ предметныхъ соотношеніяхъ и расчлененности; они поглощены экстатически сліяннымъ состояніемъ переживающаго ихъ сознанія. Въ качествѣ философосхемы, объективно строящей опытъ, мистицизмъ такимъ образомъ приходитъ къ самоотрицанію. Мотивъ сознанія не проводимъ по опыту, а устраняетъ опытъ, претворяя его примѣнительно къ себѣ.

3. Всякій анализъ, выраженіе въ понятіяхъ, расчлененныхъ образахъ и соотношеніяхъ, всякое дискурсивное обоснованіе или познавательное формулированіе несовмѣстимо съ философосхемой сознанія (именно потому, что она построена на основополагающемъ мотивѣ сознанія) — въ отличіе отъ другихъ философосхемъ, предполагающихъ или допускающихъ познавательную функцію. Мистическій опытъ не сказуемъ, неопишуемъ, необосновываемъ. Онъ не доказывается, а „схватывается“, озаряетъ.

Ни одна философосхема, развертываемая на одномъ мотивѣ, не можетъ быть развита въ понятіяхъ и терминахъ другого и потому именно философосхема сознанія и вообще не можетъ быть развита въ какихъ бы то ни было познавательныхъ функціяхъ и отношеніяхъ. Она не можетъ быть формулирована и въ имманентныхъ ей терминахъ — по неадекватности познавательнаго анализа и синтеза самому мотиву сознанія. Философосхема сознанія даетъ не схему какого либо построения опыта, а лишь фактическое переживаніе въ схемѣ даннаго мотива.

Конечно, опытъ, построенный на любомъ мотивѣ, принадлежитъ не только познанію, а и узрѣнію въ своей построенности на этомъ мотивѣ. Возможно и преперцептивное уз-

рѣніе его — интуиція становящагося единства — еще до его построенности. Такая преинтуиція бываетъ и исходной и опорной точкой для самага развертыванія и уясненія философосхемы и ея мотива. Но въ мистицизмѣ одно узрѣніе только и возможно — возможенъ только фактъ погруженности въ мистическій опытъ, фактъ мистическаго озаренія. Мистическая философосхема есть міропереживаніе, а не міропостроеніе.

4. Переживающій мистическую полноту опыта живетъ въ ней; для него мистическая полнота — исчерпывающая жизнь, исключаящая какъ всякій иной опытъ, такъ и самопостроеніе. Для не переживающаго актуально мистической полноты (или въ моментъ непереживанія) мистическій опытъ не будетъ построениемъ ни по какой указующей схемѣ. Нѣтъ познавательнаго къ нему пути, нѣтъ и его предвидѣнія, а только — предчувствованіе.

5. Мистическая полнота можетъ статься, она не можетъ быть систематически построенной. Когда она сталась, она поглощаетъ сознание, исключаетъ все внѣ себя, какъ факта; когда ея нѣтъ, она можетъ быть еще предчувствуема, но мыслимой и описываемой она можетъ быть только, будучи проецирована въ чье либо сознание, какъ свое или чужое (возможное) психическое состояніе; не какъ система опыта, а какъ содержаніе чьего либо сознания. Отсюда мистическій опытъ формулируемъ и описываемъ лишь наводящими психоподобными подходами (см. выше отдѣлъ I. п. 9.).

6. Полнота мистическаго опыта исключаетъ его построимость; построеніе — дѣлаетъ его психическимъ содержаніемъ. Въ психологистическомъ же рефлексѣ мистическая полнота обнаруживается какъ изолированность, отрѣшенность переживающаго ее отъ внѣшняго міра. Онъ его не воспринимаетъ и на него не реагируетъ. Если внѣшнія впечатлѣнія проникаютъ въ его внутренніи эмоціоно-чувственныя переживанія, они всецѣло окутываются и поглощаются ими; также либо бездѣйствуютъ познавательныя функціи, либо всецѣло тонуть, будучи окутаны эмоціоно-чувственными (сознавательными). Вся душевная жизнь субъекта безъ остатка сосредоточена на эмоціоно-чувственномъ функціонированіи; субъектъ погруженъ въ пароксизмъ напряженія сознания на самый процессъ эмоціоно-чувственной душевной жизни, въ пароксизмъ направленности сознания на сознание, — что въ свою очередь предполагаетъ всеустраняющую („патологическую“) взвинченность чувственно-эмоціоно-функциональной функціи при закупоркѣ остальныхъ и при поглощеніи ею случайно возникающихъ ихъ продуктовъ. Всякое содержаніе является субъекту смѣщеннымъ

подъ господство чувственно-эмоціональнаго процесса. Такимъ образомъ въ психологической проекціи (въ провѣрочной критикѣ психологизма, имманентно вызываемой непостроаемостью мистической полноты внѣ мистической полноты) эта послѣдняя обнаруживается — эмоціоналистическимъ пароксизмомъ.

Само собой, что это послѣднее замѣчаніе рѣшительно не имѣетъ систематическаго значенія, а лишь значеніе внѣшняго психологическаго рефлекса.

Отдѣлъ III. Паралогизмъ мистической неполноты.

1. Мистическая полнота исключаетъ какъ иносхемный опытъ, такъ и какое либо саморазвертываніе собственнаго мотива; развертываніе и построеніе на какомъ либо уже данномъ опытѣ исключаетъ мистическую полноту, исключаетъ примѣняемость мотива сознанія.

Отсюда — примѣненіе мотива сознанія къ опыту непосредственнаго реализма (или къ опыту, построенному въ какой бы то ни было другой не мистической философсхемѣ) въ существѣ своемъ антиномично. Тѣмъ не менѣе оно производится и надлежитъ намѣтить паралогическіе, систематически необосновываемые и неоправдываемые, но обусловливаемые исходной антиноміей продукты такого примѣненія.

2. Предметы какъ и личность на мотивѣ сознанія строятся въ синтезѣ сліянія сознаваній ихъ — въ единство всесубъектнаго переживанія. Внѣположный предметъ, постигаемый не транзитивнымъ познаніемъ, а окутывающимъ сознаніемъ, постигается чувственно эмоціонально-подобно, извнѣ окутывающимъ, устремленнымъ обнять, проникнуть, слиться влеченіемъ. Образцомъ и схемой являются эротическія эмоціи (см. Введ. Б. 6) въ многообразныхъ ихъ претвореніяхъ отъ первичнаго полового вождельнія до возвышенныхъ и разрѣженныхъ алканій, до интеллектуалистически созерцательнаго, духовно любовнаго охвата людей, природы, Бога; отъ зарождающагося томленія до максимальной одержимости (но можетъ быть съ сугубымъ напряженіемъ и обнаженіемъ — въ болѣзненномъ искаженно-преувеличенномъ и неразрѣшающемся алканіи сладострастія). Въ этомъ антиномическомъ влеченіи поглотить внѣположный объектъ какъ свое содержаніе — и заложена многосторонняя эротическая проблематика; въ ней основа эротической стихіи, — ибо эротикой и ставится проблема связи внутренняго органическаго переживанія, процесса и запроса съ внѣшнимъ, потребнымъ для него и его разрѣшающимъ предметомъ.

Этимъ антиномическимъ влеченіемъ и устанавливается

жоренная близость, родственность мистики и эротики. Мистическое переживаніе, въ какой бы разрѣженно высокой тональности ни происходило, движется по схемѣ переживанія эротическаго; отсюда — въ психогенетическомъ разрѣзѣ — эротическая предрасположенность, напряженность или гипертрофія являются подходящей почвой для мистическихъ переживаній, носятъ ихъ, какъ возможность, въ себѣ, переходятъ въ нихъ, будучи претворены въ духовно разрѣженные формы, въ которыхъ затушевываются или заслоняются чисто органическіе процессы.

Мистическое построеніе внѣ мистической полноты (въ мірѣ реальномъ) предполагаетъ нѣкое эротико-подобное отношеніе къ объективности; среда вмѣщается въ (неполный) мистическій опытъ, какъ бы поглощаемая напряженіемъ сознанія вмѣститъ ее, какъ свое содержаніе, какъ въ алканіи содержимое, какъ любовно переживаемое.

3. Отсюда при построеніи среды на мотивѣ сознанія всѣ предметы — люди, животныя, вещи, былинки — должны предполагаться подлежащими сліянію въ единствѣ божественнаго всепереживанія, т. е. быть одной категоріи съ нимъ и между собой, родственными, близкими. Личность и предметы какъ бы взаимно проникновены, любовно-сочувственны; одушевленное и неодушевленное — какъ бы одной породы, неразличаемы по категоріи.

4. Однородность (общая „порода“) опредѣляется общей приобщенностью единому нераздѣльному переживанію Всесубъекта, трепеть котораго, пронизывающій ихъ, и составляетъ ихъ бытіе.

Отсюда — въ отношеніи къ опыту, на примѣръ, реалистическому — получается настроеніе предчувствія, провидѣнія или узрѣнія нѣкоей особой глубины, особаго плана, въ которомъ за предметною видимостью осязается сліянное, созвучное, живое трепетаніе Единого.

5. Каждый предметъ (посколько онъ въ концепціи мистической, но безъ мистической полноты, существуетъ, какъ предметъ) — представляется только какъ бы нѣкоторымъ омертвѣніемъ скрывающагося за нимъ живого процесса (всепереживанія). Даже и самая жизнь въ сравненіи со всепереживаніемъ тотальности — есть лишь нѣчто омертвѣлое, не оживленное, не „то“ живое, не подлинно живое, не мистически сущее.

6. Въ концепціи мистической неполноты также, какъ и другіе предметы среды, строятся и личности. Личность какъ бы тонетъ въ божественномъ самопереживаніи, сливаясь въ немъ со всѣмъ міромъ личностей и предметовъ.

Однако, въ непосредственномъ реализмѣ личность дана и во внутреннемъ опытѣ, какъ сознающая, какъ самосознаю-

щая. Философосхема мистицизма должна вмѣщать ее и какъ таковую — какъ самосознающую, т. е. центральную (для себя) точку опыта.

7. Передъ мистическимъ опытомъ оказываются такимъ образомъ два самосознанія — личное и всесубъектное. Мистическое построение, исходя изъ личности, вмѣщаетъ опытъ въ ея сознание; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть и сліянно сознаваемое содержаніе всесознанія божественнаго.

Отсюда — двоякая построимость личности въ мистическомъ опытѣ; она должна своимъ самосознаніемъ слиться съ самосознаніемъ божественнымъ, либо погружаясь въ него, либо вбирая его въ себя; либо поглощаемая божественной любовью и утопая въ ней, растворяясь въ ней; либо вбирая въ себя тотальность, исчерпывая тѣмъ всепереживаніе опыта и становясь самъ всесубъектнымъ сознаниемъ.

Такъ мистическое переживаніе опыта, исходящее отъ самосознанія личности (не построение, а переживаніе) какъ бы указываетъ путь, переходъ къ мистической полнотѣ — и путь этотъ можетъ быть двоякимъ (см. Отдѣлъ IV п. 5 и слѣд.).

Отдѣлъ IV. Мистика, какъ путь.

1. На опытѣ эмпирическомъ (вообще какъ либо расчлененномъ) не развертываемъ мистическій мотивъ (см. Отдѣлъ III, п. 1.). Переходъ отъ мистическихъ элементовъ, въ немъ заключенныхъ, къ мистической полнотѣ (или хотя бы къ послѣдующимъ стадіямъ тѣхъ же моментовъ) дается не систематическимъ развертываніемъ ихъ, какъ содержаній, а усугубленіемъ ихъ какъ переживаній, дается слѣдовательно культивированіемъ ихъ, тренировкой. Въ отличіе отъ всякаго иного построения опыта, мистическій опытъ достижимъ не теоретически, а практически, не движеніемъ мысли, а воспитаніемъ чувствованій, переживаній. Чувствованія, эмоціи, переживанія прямому воздѣйствію подлежатъ лишь отрицательному, задерживающему; вызываемы же они преимущественно косвенно, подготовкой тѣхъ условій (положимъ, органическихъ, психическихъ), при которыхъ они уже сами возникаютъ. Отсюда аналогомъ теоретическаго движенія (мышленія, построения) другихъ философосхемъ является здѣсь — психическое настраиваніе и органическая тренировка (предполагающая дѣятельность, упражненіе, регулированіе жизненныхъ функций и пр.) — жизненный и с к у с ь.

2. Соотвѣтственно — передача мистической концепціи, подведеніе къ ней не производимо доказательнымъ построениемъ, а частью (какъ указано) жизненнымъ искусомъ (изнутри), частью заражающимъ наведеніемъ (извнѣ).

Изложеніе мистической концепціи не имѣетъ назначеніемъ построить мистическій опытъ, а лишь настроить на мистическія переживанія; есть не система изложенія, а система внушенія. Отсюда — ея методы и структура.

3. Система мистики не даетъ (въ отличіе отъ иныхъ философскихъ) архитектоники, соотносящей постоянные элементы въ нѣкую постоянную связь, а скорѣе музыку, впечатляющую несводимой послѣдовательностью своихъ воздѣйствій; обращается не столько къ зрѣнію, какъ къ слуху, даетъ не статику, включающую свои элементы, а динамику, прибоемъ своихъ элементовъ вызывающую не составленный изъ нихъ и не заключенный въ нихъ, а отъ нихъ производный синтезъ; даетъ не картину, а отзвукъ.

4. Во всякой иной философской различное имѣетъ и различное значеніе; въ мистикѣ же можетъ имѣть значеніе послѣдовательныхъ прибоевъ, повторныхъ варіированій все того же — въ цѣляхъ возростающаго внушенія. Всякую иную философскую возможно воспринять репродуктивнымъ восстроеніемъ (зрительно-подобно), мистику — самопредоставляющимся замираніемъ, какъ бы прислушиваніемъ.

Этимъ обусловлено неотмѣнимое несоотвѣтствіе мистики и слова. Познавательная (постоянная) значимость слова и синтеза словъ въ предложеніи должна быть преодолѣна въ мистическомъ творествѣ. Отсюда неизбежность словеснаго блужданія, иносказательнаго, иносмысленнаго использования образовъ и понятій, завѣдомо, уже своей формой, устраняющаго ихъ неизмѣнный прямой смыслъ. Для этого — образное дается въ функціи отвлеченнаго, отвлеченное въ функціи образнаго; подлежащее въ видѣ намекъ, угадываемое въ видѣ подлежащаго, — отсюда аллегоризмъ и символизмъ. Отступленіе отъ смыслового постоянства предназначено сосредоточить на сопутствующемъ чувственно-эмоціональномъ переживаніи, затемняя своимъ перемѣннымъ круженіемъ возможность статическаго воспріятія смысла.

Задача чувственно-эмоціональнаго воздѣйствія требуетъ непостигаемой преувеличенности образовъ и необузданной ихъ сочетанности — съ цѣлью вывести воображеніе за предѣлы вообразимаго, усыпить повторностью, подавить неулавливаемостью или напечь необузданностью. Въ предѣльномъ напряженіи постичь непостижимое, уловить неулавливаемое — происходитъ сосредоточеніе, взвинчиваніе воспринимающаго сознанія на самомъ напряженіи сознанія, т. е. на самомъ себѣ. Таковъ „сознавательный“ путь подготовленія мистическаго экстаза, встрѣчный искусству тренировки.

5. Искомый предѣлъ — мистическая полнота — единенъ; но пути ея достиженія, а слѣдовательно и облики

устремленій къ предѣльной точкѣ могутъ быть различны. Отсюда глубинная общность при фактической варіаціонности мистическихъ системъ или настроеній въ народахъ и вѣкахъ.

Въ частности, соотнося самосознающую личность къ опыту, строяемому на мотивѣ сознанія (т. е. въ качествѣ сліяннаго переживанія его Всесубъектомъ), мы получаемъ (въ порядкѣ „пути“) двойкую возможность „помѣщенія“ субъекта — отождествленіемъ его съ однимъ изъ переживаемыхъ Всесубъектомъ содержаній или съ самимъ Всесубъектомъ, въ себѣ всѣ содержанія сознательно вмѣщающимъ. Отсюда двойкость мистической предрасположенности и переживаній, двойственность мистическихъ путей и концепцій (см. выше Отдѣлъ III п. 6).

6. По одному пути личность, сознавая себя элементомъ всесліяемаго опыта, какъ бы погружается въ Бога, жаждетъ Бога, отдается Ему, сливаясь въ Немъ со всѣмъ, впитываемая Имъ въ Его всеединство. Она растворяется, пассивно отдаваясь.

По другому пути личность включаетъ въ свое сознаніе всѣ возможныя содержанія опыта, овладѣваетъ ими, какъ своимъ содержаніемъ, тѣмъ расширяясь до Всесубъекта. Здѣсь личность не Бога жаждетъ, а содержаній опыта, которыми насыщается ея сознаніе; она не вливается въ Бога, а отождествляется съ Нимъ, становится Имъ, производя сліяніе содержаній въ своемъ собственномъ сознаніи. Личность не жаждетъ погрузиться въ Бога, исчезнуть въ Немъ въ сліяніи съ другими содержаніями, а волитъ стать Богомъ, возводя свое всеохватывающее сознаніе до всеознанія. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ смиреніе, преклоненіе, самоотреченіе, во второмъ — воленіе, властное овладѣніе, самоутвержденіе въ богоравности, въ божественности или въ демоническомъ отрицаніи Бога внѣ себя.

7. Второй путь опирается на волевою активность; первый на эмоціональную пассивность, предполагаетъ — во всякомъ случаѣ въ нѣкоторомъ развѣтвленіи — созерцательность. Въ немъ всесліянность мистической полноты — какъ бы созерцаемая предпосылка, образъ, въ который личность погружается; міръ здѣсь какъ бы уже слитъ въ мистическое всеединство божественнаго сознанія и личность, созерцая его, въ немъ утопаетъ. По второму пути мистическая полнота не преддана, а задана, есть искомый результатъ сознательнаго напряженія.

8. Мистицизмъ, какъ путь всесліянія опыта, есть и путь выключенія содержаній, предметовъ, идей и пр., какъ таковыхъ, какъ самодовлѣюще сущихъ или мыслимыхъ; есть окунаніе ихъ въ переживаніе. Отсюда новая двойкость мистическаго пути. Первая разновидность предполагаетъ на-

сыщеніе сознанія всѣми возможными содержаніями, становящимися поводомъ или стрежемъ для „взвинчиванія“ окутывающихъ ихъ переживаній. Мистическое переживаніе насыщается и з о б и л і е м ъ многообразныхъ, преувеличенныхъ образовъ, въ убыстряющемся ритмѣ чередующихся, смѣняющихся и вовлекающихъ своимъ возрастающимъ круженіемъ сознаніе во все болѣе напряженный бѣгъ къ экстатическому пароксизму. Максимизація содержаній по яркости, многообразію и быстротѣ смѣны — ослѣпляя сознаніе по отношенію къ каждому, ведетъ къ вытѣсненію всѣхъ, заслоняя ихъ именно ослѣпительностью — ведетъ къ Fünkeln, въ сверкающемъ блескѣ котораго исчезли содержанія и осталось лишь самое сверканіе.

Другой путь заключается не въ вытѣсненіи путемъ нагроможденія, а въ прямомъ выключеніи содержаній. Вниманіе отводится отъ содержаній и сосредоточивается на самомъ себѣ, какъ на пустой „формѣ“, тональности выключаемыхъ содержаній. Получается парадоксальная напряженность сознанія на сознаніи путемъ опустошенія его отъ содержаній, — опустошенная напряженность, максимальное напряженіе на сознаніи пустоты — на нирванѣ.

По первому пути экстазъ получается въ пароксизмѣ ослѣпляющаго искрометнаго блеска, по второму — погруженіемъ въ слѣпоту опустошеннаго ничто. Оба пути ведутъ черезъ нагроможденіе или выключеніе къ напряженію сознанія на самомъ сознаваніи, на постиженіи, отдѣляющемся даже и отъ субъекта и содержаній. Субъектъ замыкается въ чистомъ сознаваніи гностическаго отношенія и пароксизмъ этого замыканія вводитъ его въ экстазъ.

Отдѣлъ V. Инозначимость мистицизма.

А. Философологическія касанія.

1. Разновидности мистицизма относятся къ путямъ мистическаго становленія, а не къ мистической полнотѣ. Поэтому онѣ не даютъ философсхемъ, оставаясь погруженными въ неизбывныя противорѣчія. О всесліянности говорятъ онѣ въ мірѣ раздѣльнаго. Если же своимъ заражающимъ воздѣйствіемъ мистическій путь приводитъ къ мистическому озаренію, то самый путь все же противорѣчивъ, ибо всякое доказательное или заражающее развертываніе мистическаго опыта (какъ пути) предполагаетъ воспринимающую психику, среду, орудія воздѣйствія, каковыя отрицаются развертываемымъ мотивомъ. Въ особенности несовмѣстимъ съ мистическимъ путемъ результатъ озаренія — мистическая полнота, въ которой исчезла всякая раздѣльность, а слѣдовательно и самый мистическій „путь“.

Мистическая полнота может быть или не быть, но сказать о ней ничего нельзя; мистическій же путь стремится къ ней въ мірѣ, ея не вмѣщающемъ. Мистицизмъ есть либо озареніе экстазомъ, исключаящимъ всякое высказываніе, либо концепція (путь), паралогически служащая фономъ, или дополнительнымъ содержаніемъ, или окраской, или настроеннымъ сопровожденіемъ — иносхемной концепціи.

Тѣмъ не менѣе при всѣхъ неизбывныхъ внутреннихъ противорѣчіяхъ и системетической несовмѣстимости со всякой иносхемной концепціей мистицизмъ съ нѣкоторыми сближаемъ благодаря опредѣленнымъ (психологическимъ) претвореніямъ — именно благодаря концептному уплотненію и сдвигу акцентуаціи.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ я не могу вскрыть тѣхъ иносхемныхъ философсхемъ, съ которыми систематически сближаемъ или сочетаемъ мистицизмъ (какъ путь) — ибо это предполагало бы развертываніе всей системы философическихъ мотивовъ. Ограничусь нѣкоторыми бѣглыми указаніями.

2. Мистическій мотивъ есть мотивъ сознанія, какъ гностическаго включенія субъектомъ содержаній. Отсюда при потускнѣніи гностическаго характера включенія — возможенъ двоякій сдвигъ акцентуаціи: бытійственное уплотненіе субъекта (получится сближеніе съ нѣкоторыми изъ субъектоморфныхъ философсхемъ) или содержанія (получится сближеніе съ одной изъ объектоморфныхъ). Возможно однако и другое: уплотненіе самого гностическаго отношенія въ его характерѣ чувственноэмоціональнаго переживанія.

3. При сдвигѣ акцентуаціи (бытійственномъ уплотненіи) на субъекта — систематически выдѣляется его характеръ субъектнаго включенія тотальности опыта. Мы получаемъ сближеніе, точку касанія съ философсхемой спиритуалистической, гдѣ субъектъ, свободный отъ тѣлесности и душевности, духовной активностью, творческимъ познаніемъ включаетъ въ себя или создаетъ — весь міръ опыта. Мистицизмъ получаетъ точку касанія съ активно-познающе творящимъ „я“, какъ послѣдней основой бытія и познанія, причемъ — познающимъ не по типу познанія (діалектически, транзитивно), а по типу сознанія (интранзитивно-органически) — такъ сказать Шеллингянски, а не Гегеліански.

4. Косвенно становится возможнымъ наслоеніе мистическаго мотива и на формальную философсхему (платонизма) въ особенности, поскольку формальная философсхема обусловливаетъ систематическую возможность сочетанія съ одной изъ субъектоморфныхъ; развертываніе іерархіи формъ въ ихъ высшей точкѣ (или высшихъ точкахъ) даетъ почву для субъектоморфнаго истолкованія ея или сочетанія съ

субъектоморфнымъ образомъ, какъ его содержаніе (идеи). Субъектоморфный образъ сочетаемъ съ формальнымъ развертываніемъ въ своей наибольшей духовной разрѣженности, а потому черезъ это сочетаніе и въ немъ — косвенно связуемъ съ формализмомъ и мистицизмъ (неоплатоническое развертываніе ср. *op. cit.*, гл. I Отдѣль I, п. 8, Отд. II, п. 2, 4).

5. При потускнѣніи гностическаго характера мистическаго мотива и сдвигѣ акцентуаціи на содержаніе (т. е. при бытійственномъ уплотненіи содержанія) систематически получается соприкосновеніе мистицизма съ субстанціализмомъ (ср. *op. cit.*, глава II, отд. III, п. 1).

Такой сдвигъ предполагаетъ замѣну гностической включенности содержаній въ субъекта-бытійственной включенностью множества въ нѣкое единство. Синтезъ единства множества, являющійся въ мистицизмѣ носителемъ переживанія его, Всесубъектомъ, — въ субстанціализмѣ становится носителемъ его бытія, всесубстратомъ. Мистической всебожественности опыта соотвѣтствуетъ субстанціальныи пантеизмъ.

Въ субстанціальной философсхемѣ — опытное множество, связанное единствомъ субстрата (субстанціи), объективно построяется въ немъ черезъ образъ качествъ, потенцій, соингерентныхъ въ субстратѣ (субстанціи), — что соотвѣтствуетъ гностическому всесліянью. Все сущее только состояніе, модусъ всесубъекта и соотвѣтственно всесубстрата; въ одномъ случаѣ состояніе (модусъ) сознанія, въ другомъ — модусъ (состояніе) бытія.

Основа перехода — въ аналогичности основополагающей схемы обоихъ мотивовъ: соотнесенія множества (опыта) къ единству его носителя (соотвѣтственно — гностическаго и бытійственнаго). Отсюда въ обоихъ случаяхъ мотивы ведутъ къ построению опыта въ его тотальности; въ обоихъ случаяхъ построение цѣлаго противорѣчитъ построению на томъ же мотивѣ части (см. *op. cit.*, глава II, отд. III, п. 5), каковое въ вульгаризаціи тяготѣетъ къ анимизму (см. *op. cit.*, гл. II, отд. II, п. 5).

Въ обоихъ случаяхъ самодовлѣющимъ является синтезъ единства (построение тотальности); множество же въ немъ, имъ обусловливается. Отсюда характеръ свободы, самодовлѣнія, самоопредѣленія — сохраняется за синтезомъ единства (мистическій Богъ соприкасается въ свободѣ со Спинозовской субстанціей), и вмѣстѣ съ тѣмъ выявляется всеопредѣленность имъ и въ немъ всего частичнаго, индивидуальнаго, всякаго элемента опыта (Спинозовскій детерминизмъ и мистическое подчиненіе Богу). Однако, бытійственный характеръ включенія множества въ единство, сохраняя за вторымъ расчлененность (въ отличіе отъ гностической сліянности),

устанавливаетъ центръ тяжести въ спинозизмѣ — на детерминизмѣ, въ мистицизмѣ — на экстатической свободѣ.

Бытійственнсе включеніе множества въ единство на мотивѣ субстанціальному — сохраняетъ расчлененность, ибо сохраняетъ бытійственную внѣположность; тѣмъ самымъ въ примѣненіи къ построению тотальности (въ атрибутѣ протяженности) кладетъ рѣзкую грань между спинозовскимъ субстанціализмомъ и мистицизмомъ. Въ этомъ отношеніи родственнѣе мистицизму другая разновидность субстанціального построения тотальности — какъ производной отъ субстанціального построения микрокозма (см. *op. cit.*, гл. II, отд. III, п. 1); ибо здѣсь бытійственная характеристика отнесена къ частямъ, а цѣлое строится на образѣ соприсущности ихъ, взаимнаго проникновенія потенцій и вещей въ нѣкоемъ субстратѣ субстратовъ. Когда тотальность не взята за исходную точку, а строится, какъ производная отъ природной множественности (Спиноза-Бруно), образъ слиянія этой множественности (въ нѣкоторомъ смыслѣ *coincidentia oppositorum*) въ единство господствуетъ, тѣмъ тѣснѣе сближая концепцію съ мистицизмомъ.

6. При уплотненіи сознанія субъекта въ (чувственно-эмоціональное) переживаніе — мы получимъ пронизанность опыта (протяженнаго) душевнымъ (чувственно-эмоціональнымъ) характеромъ; разсѣянность душевныхъ процессовъ приводитъ къ постулированію ихъ носителей — субъектовъ. Построеніе макрокозма здѣсь какъ бы растворилось въ совмѣстности микрокозмовъ, построенныхъ сообразно анимистическому толкованію опыта. Вульгаризація мистицизма — при уплотненіи гностическаго отношенія сознанія въ чувственно-эмоціональное переживаніе — сближаетъ его съ анимизмомъ; съ анимизмомъ въ свою очередь соприкасается вульгаризованный субстанціализмъ (см. *op. cit.*, гл. II, отд. II, п. 5; отд. IV, п. 1), съ которымъ мистицизмъ имѣетъ и самостоятельныя точки касанія (см. выше). Такъ получается узелъ сложнаго синкретическаго касанія анимизма, вульгаризованныхъ мистицизма и субстанціализма, характерный для различныхъ эпохъ философской мысли, какъ то для тяготѣній философіи стоической и для натуръ-философіи Возрожденія.

7. Наоборотъ, не трудно установить основополагающую противоположность мистицизма съ объектоморфной комплексной философсхемой („математическаго естествознанія“), развертывающей комплексный мотивъ расчлененности и вообще не строящей предѣльнаго единства; съ гносеоморфной интраперцептной (внутренне-познавательной) философсхемой (трансцендентализма), развертывающей мотивъ познавательнаго предлежанія; съ субъектоморфной антропоморфической

философосхемой, развертывающей мотивъ раздѣльно-субъектныхъ, множественно-индивидуальныхъ подобій. Здѣсь систематически никакіе сдвиги акцентуаціи и уплотненія не даютъ точекъ касанія (или перехода) съ мистицизмомъ.

В. Культурная значимость мистицизма.

Помимо своихъ систематическихъ философологическихъ касаній мистицизмъ, какъ путь, можетъ быть рассмотрѣнъ и въ своихъ психокультурныхъ тяготѣніяхъ.

Почвой культурной значимости мистическихъ устремленій является и здѣсь съ одной стороны — моментъ предѣльнаго нерасчленяемаго единства (всесліянности) или въ разныхъ аспектахъ: объединеніе различнаго, отождествленіе различимаго (сюда относится — созвучность міра человѣческаго съ животнымъ, растительнымъ, съ природой; взаимопроникновеніе, взаимопониманіе души душой, въ этомъ смыслѣ — сліяніе душъ; проникновеніе объективными цѣнностями, сліяніе съ потустороннимъ міромъ, Богомъ). Другой основой служитъ чувственно-эмоціональное окутываніе предметовъ.

2. Отсюда — полная чуждость и противоположность мистикѣ-логики (опирающейся на законъ противорѣчія и исключеннаго третьяго), всякой науки и техники (какъ развертывающихъ задачу взаимодействія и совмѣстности предметовъ, ср. ор. cit., Введ. п. 5); также соціальной практики — въ частности въ формахъ права и вообще признанія чужой самодовлѣющей личности; слѣдовательно — и соотвѣтствующей этики въ отличіе отъ этики сочувствованія. Непосредственно мистикѣ чужда смысловая опредѣленность словъ и сочетаемость ихъ въ оформленное предложеніе. Въ искусствѣ же непосредственно чужда мистикѣ сфера ближайшимъ образомъ опирающаяся на пространственно-расчленяющее зрѣніе — живопись, а также на мускульное чувство — скульптура (хотя и допускающія косвенное сближеніе).

3. Естественно, что особенно конгеніальной мистицизму является область религіозная, эмоціонально-подобнаго трансцензуса божества на тварь и эмоціонально-просительнаго трансцензуса человѣка къ божеству, сліянія въ божественномъ источникѣ космическихъ и моральныхъ основъ и возврата на Божественное лоно. Самая повышенность, сверхпредѣльность религіознаго упованія создаетъ почву для мистическаго сопровожденія — объективной или только субъективной значимости. Поскольку мистика сопровождаетъ религіозныя концепціи и чувства, она можетъ сопровождать ихъ въ различныхъ своихъ развѣтвленіяхъ — пассивномъ и активномъ, богопокорномъ и богоборческомъ.

Это, впрочемъ, не значитъ, что всякая религіозность и

религіозна концепція непременно сопровождается мистицизмомъ. Тамъ, гдѣ въ основѣ лежитъ не столько эмоціонально-окутывающая, сколько дѣйственно-волевой элементъ (какъ въ классическомъ іудаизмѣ), или гдѣ довлѣетъ частичная оформленность въ противовѣсь предѣльному единству (классическій эллинизмъ), тамъ мистическое сопровожденіе можетъ и отсутствовать.

4. Конгеніальны мистическимъ устремленіямъ и нѣкоторыя области искусства, въ частности поэзіи и музыки.

Всякое искусство въ нѣкоторомъ смыслѣ опирается на вчувствованіе, но это даетъ еще только отдаленную основу мистическому сопровожденію, ибо не устраняетъ законченной (и расчлененной) отъединенности художественнаго синтеза. Только нѣкоторыя области воплощаютъ эмоціональныя всепроникновенія и охватъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ вызывая, въ идеѣ творя — несозерцаемый, а переживаемый, предназначенный къ проникновенному сопереживанію синтезъ (въ лирикѣ, въ музыкѣ).

Впрочемъ, преображеніе раздѣльнаго въ сліянное (въ какомъ бы то ни было смыслѣ), насыщеніе образа эмоціонально-чувственнымъ содержаніемъ (напр., пейзажа — настроеніемъ), усмотрѣніе въ преходящемъ, во временномъ вѣчнаго, выявленіе инозначимости или многозначности — доступно въ разныхъ предѣлахъ разнымъ искусствамъ. Нѣкоторыя формы подобнаго взаимопроникновенія, сліянія разныхъ плановъ бытія въ нераздѣльности общежизненнаго (преимущественно чувственно-эмоціональнаго) переживанія, сохраняющаго и самодовлѣющую объективную значимость — называются романтикой.

Необходимо, однако, отличать мистическій характеръ самого художественнаго образа отъ его эмоціональнаго сопровожденія. Многозначная сліянность можетъ заключаться въ самомъ образѣ или вызываться имъ въ качествѣ психическаго эмоціональнаго обертона, будучи тѣмъ самымъ лишена объективно мистическаго смысла.

5. Мистическая созвучность можетъ быть и въ разновидности этики, поскольку она опирается не на самодовлѣніе чужой личности, а на сочувственное, соболѣзнующее проникновеніе въ нее (ты есть я, ты какъ я), въ этикѣ не — уваженія, а — жалости, не долга, а святости.

6. Въ жизненной сферѣ, Впрочемъ, переходящей и въ инныя, какъ выше отмѣчено, созвучна мистикѣ — многообразная сфера эротики.

7. Во всѣхъ этихъ областяхъ культуры мистика входитъ только въ качествѣ одного изъ ингредиентов, находящагося въ неизбывномъ противоборствѣ съ другими. Такъ, этика отождествленія „ты“ и „я“ не даетъ моральной основы

безъ закрѣпленія въ какомъ то смыслѣ самодовлѣющаго „ты“. Въ лирикѣ мистическій элементъ находится въ непрерывномъ противоборствѣ уже съ раздѣльностью смысловой значимости слова и особенно построенія словъ; въ преодолѣніи раздѣльнаго смысла и заключается задача мистической лирики, — задача, опредѣляющая ея формы и законы. И въ музыкѣ въ нѣкоторыхъ своихъ разновидностяхъ, быть можетъ, всего ближе соотвѣтствующей или вызывающей мистическое содержаніе, оно производится синтетическимъ сочлененіемъ звуковъ въ моментѣ времени и въ послѣдовательности времени, ритмикой и оформленіемъ, внѣ коихъ нѣтъ музыкальнаго образа и музыкальнаго воздѣйствія, и съ которыми мистика имманентно и вступаетъ въ неизбывный конфликтъ.

Другими словами, и въ тѣхъ культурныхъ областяхъ, которымъ мистика, какъ путь, можетъ быть соприсуща, она соприсуща въ имманентномъ и неизбывномъ противоборствѣ и противорѣчій. Мистическое же самодовлѣніе — въ мистической полнотѣ — выводитъ за предѣлы культуры, какъ оно выводитъ за предѣлы опыта, логики и философіи, за предѣлы всякой расчлененности, всякаго синтеза, всякой смысловой значимости. Этимъ, конечно, не устанавливается цѣлостная іерархія мистики и культуры: этимъ только устанавливается ихъ взаимное противоборство.

В. В. Розенбергъ.

ФИНАНСОВАЯ ЛИКВИДАЦІЯ МІРОВОЙ ВОЙНЫ.

Pecunia est nervus belli.

О финансовой ликвидациі міровой войны существуетъ на всѣхъ языкахъ, кромѣ русскаго, огромная литература. Причину этого явленія объяснить не приходится — она ясна сама по себѣ. Съ другой стороны нельзя отрицать практическаго значенія вопроса о германскихъ репараціяхъ и т. наз. междусоюзническихъ долгахъ для Россіи, бывшей одной изъ главнѣйшихъ участницъ міровой войны, и только временно выведенной изъ числа государствъ нормальнаго уклада.

Теперь, когда вопросъ о финансовой ликвидациі войны, хотя и не получившій еще окончательнаго своего завершенія, все же прошелъ длинный путь эволюціи, закончивъ во всякомъ случаѣ цѣлую эпоху въ своей исторіи, — представляется не лишеннымъ интереса дать именно на русскомъ языкѣ самый краткій, почти схематическій, очеркъ этого вопроса по главнымъ его этапамъ.

Для такого историческаго очерка, врастающаго въ настоящее, во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, автору необходимо указать на дату окончанія своей работы — таковой является 20 Іюня 1934 года.

Объяснивъ цѣль и назначеніе послѣдующихъ строкъ, мнѣ хочется добавить, что, работая надъ ними, я неотступно думалъ о тѣхъ безмѣрныхъ страданіяхъ, подвигахъ и трудахъ, которые понесли всѣ, а въ особенности, русскіе участники войны для осуществленія конечной ея цѣли. Эти борцы на фронтахъ олицетворяются для меня въ образѣ моихъ давнихъ друзей полковниковъ гусарскихъ 18 Нѣжинскаго и 17 Черниговскаго полковъ братьевъ Ф. И. и І. И. Хакольскихъ и имъ я посвящаю этотъ скромный этюдъ.

Германскія репараціи¹⁾.

„L'heure est venue du lourd règlement de compte“.

(Слова Клемансо нѣмецкой делегаціи при передачѣ условій мира).

I.

Понятіе контрибуціи и ея историческіе примѣры. — Что такое репараціи и ихъ связь съ гражданскимъ правомъ. — Осуществленіе Вильсоновыхъ принциповъ въ репараціяхъ по Версальскому договору. — Установленіе суммы репарацій и три фазы развитія вопроса: эпоха подсчета убытковъ, опека надъ Германіей и планъ Дауса, коммерціализація репарацій и планъ Янга. — Платежъ репарацій и вопросъ валютнаго трансферта — сравненіе съ контрибуціями. — Воздѣйствіе условій мира на нѣмецкую экономику. — Политика займовъ и ея крахъ въ 1931 году. — Хуверовъ мораторій и рѣшеніе о репараціяхъ, принятое на Лозанской конференціи. — Связь репарацій съ междусоюзническими военными долгами.

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ война существуютъ и военныя контрибуціи. Какъ показываетъ само этимологическое значеніе этого слова контрибуція есть дань, возлагаемая побѣдителемъ на побѣжденнаго. До послѣдняго времени ни теоретическіе изслѣдователи, ни еще того менѣе лица, кои практически возлагали контрибуцію на побѣжденнаго, не интересовались экономической и юридической природой контрибуцій: являются ли они покрытіемъ военныхъ расходовъ побѣдителя или пенею, штрафомъ, денежнымъ наказаніемъ, уплачиваемымъ побѣжденною стороною въ пользу побѣдившей. Интересъ возбуждали лишь отдѣльные элементы, изъ которыхъ слагаются контрибуціи, какъ то, сумма, срокъ уплаты, валюта и гарантіи платежа.

¹⁾ Означенный очеркъ совершенно не касается вопроса т. наз. восточныхъ репарацій, т. е. по которымъ должниками являлись Австрія, Венгрія и Болгарія, а Чехословакія платила по освободительному займу. Вопросъ о восточныхъ репараціяхъ былъ вырѣшенъ къ 28 Апрелья 1930 года. Комитетъ по восточнымъ репараціямъ, работавшій подъ предсѣдательствомъ Лусера, съ трудомъ справился съ массою политическихъ затрудненій, до нельзя осложнявшихъ разрѣшеніе чисто финансовыхъ вопросовъ. Андре Тардье мѣтко назвалъ восточныя репараціи „осинымъ гнѣздомъ“ (nid de vipères). Въ нихъ не было и намека на ту прямолинейность репараціонной политики, которая проявлялась по отношенію къ Германіи. Тутъ каждый изъ должниковъ расцѣпывался по своему. А если прибавить къ этому главное осложненіе — распадненіе бывшей Габсбургской монархіи на рядъ государствъ, очутившихся въ разныхъ лагеряхъ — побѣдителей и побѣжденныхъ, то станетъ понятнымъ источникъ тѣхъ огромныхъ трудностей, съ которыми сталкивались международныя комиссіи, призванныя урегулировать этотъ вопросъ.

Сумма устанавливалась определенной цифрой, срок — указанными в договор датами, валюта — наименованием монеты или монет, принимаемых в уплату контрибуции и установлением соотношения между ними по ценности, т. наз. легального курса. Гарантией чаще всего служила временная оккупация части территории побужденного государства.

Такъ ясно, просто и определенно заключались договоры о военной контрибуции в прежнее время, но эти образцы прошлого не были вовсе использованы при заключении мира в 1919 году.

На протяжении столетия в Париже было заключено три мирных договора: 20 ноября 1815 года, 26 февраля 1871 г. и 7 мая 1919 г.

Парижским мирным трактатом 1815 г., закончившим наполеоновские войны, на Францию была возложена в пользу коалиции (Россия, Австрия, Англия, Пруссия) контрибуция в сумму 700 мил. фр. Ст. IV этого договора отсылала к особой конвенции, которая должна была установить „способы, сроки и гарантии уплаты этой суммы“.

По этой конвенции было установлено, что платеж производится в течение пяти лет аннуитетами в 140 мил. фр., а в платеж принимаются французские франки. Гарантией платежа явилась оккупация войсками коалиции части французской территории. К 1818 году Франция до срока уплатила возложенную на нее контрибуцию и соглашением, заключенным в Aix-la-Chapelle, добилась очищения своей территории.

На основании ст. 3 версальского мирного трактата 26 февраля 1871 г. на Францию была возложена контрибуция в пользу Германии в сумму 5 миллиардов франков. Первый миллиард подлежал уплате в течение 1871 года, а остальные четыре в трехлетний срок со дня ратификации мирного договора. Дополнительным соглашением 10 мая 1871 г. во Франкфурте на М. сроки платежей были точно распределены на пространство времени до 2 марта 1874 года. Соглашением 11 марта 1871 г. в Фергьегах было установлено, что в платеж принимаются талеры по 3 фр. 75 сант. и флорины по 2 фр. 15 сант.

Все эти обязательства были выполнены Францией в указанные сроки и ее территория была эвакуирована от немецких войск.

Второй версальский мирный договор, завершивший мировую войну, был ратификован Германией 16 июля 1919 г. В 1930 году 13 мая в Германии, а 17 того же месяца в союзных государствах получило силу закона гаагское соглашение, основанное на т. наз. плане Янга, явившимся окончательным установлением размера и сроков уплаты репа-

рацій. Такимъ образомъ понадобилось 10 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, чтобы выработать договоръ съ Германіей. Дѣйствіе этого договора рассчитано на 58 лѣтъ, но фактически оно прекратилось черезъ 11¹/₂ мѣсяцевъ.

Это голое сопоставленіе времени, понадобившагося для заключенія прежнихъ договоровъ и теперешняго, срока дѣйствія тѣхъ мирныхъ трактатовъ и этого, и даже результатовъ исполненія обязательствъ тогда и нынѣ показываетъ на какую то глубокую разницу между прежними и настоящимъ случаями. Эта разница вскрывается внѣшнимъ образомъ самой терминологіей: тогда говорили о контрибуціяхъ, а теперь употребляютъ терминъ „репараціи“.

И понятіе и терминъ репараціи заимствованы изъ гражданскаго права — это ясно видно изъ сопоставленія § 1382 французскаго, § 41 швейцарскаго и § 826 германскаго гражданскихъ кодексовъ¹⁾.

Репарація означаетъ возмѣщеніе убытка, причиненнаго недозволенными, неморальными дѣйствіями. Возмѣщеніе убытковъ является однимъ изъ сложнѣйшихъ вопросовъ гражданскаго права: не говоря уже ни объ анализѣ момента вины, ни объ установленіи причинной связи между виной и фактомъ причиненія ущерба, самое опредѣленіе и оцѣнка убытковъ всегда весьма сложны и спорны.

Зачѣмъ же понадобилось контрибуціи замѣнять репараціями?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ начальныя моменты въ исторіи второго версальскаго мира.

Въ основу версальскаго договора должны были быть положены знаменитые 14 пунктовъ Вильсона, кои выражали ту идею мира, съ которой принципиально согласились обѣ воюющія стороны. По этимъ пунктамъ миръ долженъ былъ быть заключенъ „безъ анексій и контрибуцій“, допускаются лишь вознагражденія въ пользу пострадавшаго отъ военныхъ дѣйствій населенія. Такимъ образомъ вопросъ о финансовой ликвидаціи войны, по крайней мѣрѣ, идейно былъ вдвинутъ въ рамки гражданскаго права.

¹⁾ Art 1382 „Tout fait quelconque de l'homme, qui cause à autrui un dommage, oblige celui, par la faute duquel il est arrivé, à **le réparer**“, а швейцарскій уточняетъ эту мысль: Art 41 . . ., celui, qui cause d'une manière illicite un dommage à autrui soit intentionnellement, soit par négligence ou imprudence est tenu de **le réparer**; примѣрно тоже нѣмецкій § 826: „Wer in einer gegen die guten Sitten verstossenden Weise einen vorsätzlich Schaden zufügt, ist dem Anderen zum Ersatze des Schadens verpflichtet.“

Французскій кодексъ не указываетъ характера причиняющаго ущербъ дѣянія, тогда какъ швейцарскій и нѣмецкій опредѣляютъ, что это недозволенный и противный добрымъ нравамъ поступокъ. Наконецъ, швейцарскій кодексъ останавливается и на субъективной сторонѣ: дѣяніе можетъ быть намѣреннымъ, неосторожнымъ или учиненнымъ по небрежности.

Воплощеніе въ статьяхъ версальскаго договора Вильсоновскихъ пунктовъ не было прямолинейнымъ и послѣдовательнымъ ихъ развитіемъ. На путяхъ осуществленія этихъ принциповъ находилась преломляющая дѣйствіе ихъ лучей призма. Роль этой призмы принадлежала т. н. Совѣту четырехъ — органу, который долженъ считаться фактическимъ творцомъ версальскаго договора.

Совѣтъ четырехъ былъ, по характеристикѣ ближайшаго очевидца его работы — А. Тардье, „діалогомъ между тремя лицами“ — президентомъ Вильсономъ и двумя премьерами — французскимъ Клемансо и англійскимъ Ллойджоржемъ. Четвертый участникъ Совѣта — представитель Италіи Орландо — игралъ столь пассивную роль, что его участіе въ счетъ не идетъ¹⁾. Клемансо былъ во многомъ противникомъ идейности вильсоновскихъ пунктовъ, а англійскій премьеръ олицетворялъ компромисное начало между Вильсономъ и Клемансо²⁾. Формально мирный договоръ построенъ на вильсоновскихъ принципахъ, но все, что можно было сдѣлать для того, чтобы видоизмѣнить ихъ, соотвѣтственно реальнымъ стремленіямъ Клемансо, было сдѣлано при участіи Ллойджоржа. Принципы Вильсона сохранены на фасадѣ, но обойдены съ тыла³⁾. Поэтому репараціи являются чисто внѣшнимъ признаніемъ тезиса Вильсона о мирѣ безъ контрибуціи, а по существу это обходный путь къ тягчайшей контрибуціи, какая когда либо имѣла мѣсто⁴⁾.

Разница между контрибуціей и репараціями лишь къ худшему. вмѣсто ясности, простоты и опредѣленности, при-

1) A. Tardieu. La Paix. 1921. Page 112. ... Mr Orlando parlait peu ... restait un dialogue à trois: Wilson, Clemenceau et Lloyd George, étonnant contraste des trois natures les plus opposées qu'on put rencontrer et concevoir.

2) Работа Совѣта четырехъ пластично и остроумно выражена въ одной фразѣ Алданова („Современники“ стр. 163): „Вильсонъ вносилъ предложеніе въ духѣ своихъ 14 пунктовъ, Клемансо его отвергалъ, а Ллойджоржъ со свойственнымъ ему умомъ, чутьемъ и гибкостью искалъ и находилъ компромиссное рѣшеніе. Онъ собственно переводилъ съ одного языка на другой — переводилъ съ идеалистическаго на житейскій“.

3) Предисловіе П. Б. Струве къ переводу книги Вильсона „Принципы демократіи“ 1924 г., стр. VIII. ... „Можно быть какого угодно мнѣнія, положительнаго или отрицательнаго, о версальскомъ мирѣ, но идей Вильсона онъ не осуществилъ ... Старый Свѣтъ, использовавъ въ мировой войнѣ идеалистическую инициативу Вильсона, идеалистическаго его духа вовсе не воспринялъ. Передъ лицомъ идей Вильсона Старый Свѣтъ оказалъ старымъ міромъ“.

4) Германское правительство 20 мая 1919 года официально заявило о неосуществимости репарацій „die Vorschläge der Alliierten und Associerten in ihrer jetzigen Form und Höhe positiv unausführbar“. Эта точка зрѣнія естественно исчерпывающимъ образомъ разработана въ нѣмецкой литературѣ: см. вступку М. Cohen-Reuss. Reparationspolitik. Internationales Handwörterbuch der Gewerkschaftswesens, S. 1333—1341.

сущихъ контрибуціямъ, репараціи представляютъ что то трудно опредѣлимое и безконечно спорное.

Вопросъ о репараціяхъ затронуть и рѣшенъ главнымъ образомъ ст. 231 и 232 (глава VIII) версальскаго договора.

Внимательно вчитываясь въ текстъ этихъ статей, нужно констатировать слѣдующія, содержащіяся въ нихъ, положенія:

1) Германія и ея союзники признають себя отвѣтственными за всѣ убытки, претерплѣнные государствами антигерманской коалиціи и ихъ подданными въ связи съ войной, навязанной имъ Германіей.

2) Союзники признають, что достояніе Германіи недостаточно для полнаго вознагражденія за всѣ понесенные потери и убытки.

3) Союзники требуютъ, чтобы были возмѣщены убытки, причиненные гражданскому населенію союзныхъ государствъ за время состоянія въ войнѣ съ Германіей нѣмецкими нападеніями на землѣ, на морѣ и съ воздуха¹⁾.

Статьи 231 и 232 версальскаго мирнаго трактата устанавливаютъ прежде всего наличность вины — *dolus, faute* со стороны Германіи. По статьѣ 231 налицо *damnum injuria datum*, гдѣ — *injuria* война, а въ войнѣ повинна одна лишь Германія, что она и признаетъ подписывая Версальскій договоръ, а въ его составѣ и ст. 231. Далѣе та же статья утверждаетъ причинную связь съ одной стороны между всѣми убытками и всѣми потерями, понесенными союзными государствами и ихъ подданными, а съ другой германскими нападеніями на нихъ на сушѣ, на морѣ и съ воздуха.

Такимъ образомъ, ст. 231 и 232 педантично и *lege artis* устанавливаютъ всѣ условія, необходимыя для вчиненія гражданскаго иска объ убыткахъ, причемъ наряду съ гражданскимъ населеніемъ союзныхъ государствъ — этимъ един-

1) .. Art 231. Les Gouvernements alliés et associés déclarent et l'Allemagne reconnaît, que l'Allemagne et ses alliés sont responsables pour les avoir causés de toutes les pertes et de tous les dommages, subis par les Gouvernements alliés et associés et leurs nationaux en conséquence de la guerre, qui leur a été imposée par l'agression de l'Allemagne et de ses alliés.

... Art 232. Les Gouvernements alliés et associés reconnaissent que les ressources de l'Allemagne ne sont pas suffisantes en tenant compte de la diminution permanente de ces ressources qui résulte des autres dispositions du présent traité pour assurer complète réparation de toutes ces pertes et tous ces dommages.

Les Gouvernements alliés et associés exigent toutefois et l'Allemagne prend l'engagement que soient réparés tous les dommages causés à la population civile de chacune des puissances alliées et associées et à ses biens pendant la période, où cette puissance a été en état de belligérance avec l'Allemagne par la dite agression par terre, par mer et par les airs.

ственнымъ истцомъ, предусмотрѣннымъ въ пунктахъ Вильсона, появляется бокъ объ бокъ и второй истецъ — сами союзныя государства. Въ угоду вильсоновскимъ принципамъ въ ст. 202 устанавливается первенство, преимущество и безусловность въ удовлетвореніи претензій перваго истца — населенія союзныхъ государствъ — передъ вторымъ — самими союзными государствами. Между претензіями первой и второй категоріи нѣтъ въ сущности рѣзкой, раздѣляющей ихъ черты и все сводится къ толкованію. Напр., возбужденный Англійей вопросъ о военныхъ пенсіяхъ. Съ одной стороны это вознагражденіе лицамъ, утратившимъ на войнѣ и вслѣдствіе войны всецѣло или частично свою личную трудоспособность или вознагражденіе тѣмъ, кто былъ на ихъ иждивеніи, съ другой — это несомнѣнно государственный расходъ, убытокъ, причиненный государственной казнѣ, а не населенію, какъ таковому.

Какъ бы то ни было, ясно лишь одно, что если оцѣнка убытковъ по самому обыкновенному житейскому случаю въ достаточной степени сложна и всегда спорна, то что же сказать про такой счетъ убытковъ, который долженъ былъ охватить совокупность потерь и убытковъ, понесенныхъ населеніемъ всѣхъ союзныхъ государствъ въ теченіе четырехъ лѣтъ войны, ведшейся на территоріи всѣхъ континентовъ и на всемъ морскомъ пространствѣ?

Ко времени заключенія Версальскаго мира этого счета убытковъ союзники составить и предъявить нѣмцамъ не смогли. Они должны были ограничиться авансомъ въ счетъ убытковъ въ суммѣ 20 миллиардовъ золотыхъ марокъ, платимыхъ до 1го 21 г., возложивъ опредѣленіе всей суммы репарацій на особую комиссію.

Такимъ образомъ, въ отличіе отъ контрибуцій, два элемента — сумма и срокъ платежа — оказались для репарацій трудно опредѣлимыми. Сумму репарацій надлежало найти между двумя весьма неопредѣленными и колеблющимися полюсами: суммою заявленныхъ претензій и платежеспособностью Германіи.

Если къ этому еще прибавить, что допускались платежи товаромъ (напр., углемъ), имуществомъ (суда), цѣнными бумагами, то становится понятнымъ и что для установленія суммы репарацій понадобилось болѣе десяти лѣтъ, и что произведенные Германіей за это время платежи не могутъ быть опредѣлены сколько-нибудь безспорною цифрою.

По подсчету Репараціонной Комиссіи до Хуверова мораторія 1931 года Германія уплатила 20,2 милд. мар., по оффиціальному германскому подсчету — 68,2, по анкетѣ Британскаго Экономическаго Института 38 милд. мар., т. е. расходеніе въ крайнихъ цифрахъ болѣе чѣмъ въ три раза.

Въ опредѣленіи суммы репарацій явственно выступаютъ три момента. Сначала отправною точкою служилъ только аппетитъ кредиторовъ. Это была эпоха астрономическихъ цифръ и соревнованія въ большихъ суммахъ. Цѣлое пятилѣтіе съ 1919 по 1924 г. густо наполнено всевозможными международными комиссіями то съ участіемъ, то безъ участія Германіи, которыя разными способами и всевозможными методами пытаются установить сумму репараціоннаго счета, колеблющагося между 132 и 269 миллиардами золотыхъ марокъ. Это эпоха военныхъ репрессій со стороны союзниковъ и пассивнаго сопротивленія со стороны Германіи — занятіе Рура и полное крушеніе германской марки являются кульминаціонными и самыми выразительными моментами этого періода и тогдашняго настроенія въ обоихъ лагеряхъ.

Начинается развитіе второй фазы. Въ опредѣленіи суммы репарацій находятъ нужнымъ считаться больше съ фактической платежеспособностью Германіи, нежели съ оцѣнкою понесенныхъ убытковъ. На первый планъ выступаетъ не то, что кредиторъ хочетъ получить, но то, что должникъ можетъ заплатить.

Крушеніе германской валюты произвело на союзниковъ сильнѣйшее впечатлѣніе и было своего рода сигналомъ о начавшемся пожарѣ. Руководствуясь ст. 234 версальскаго договора Репараціонная Комиссія предприняла обслѣдованіе экономического положенія должника (по ст. 234 Комиссія отъ времени до времени изслѣдуетъ степень достоянія и платежеспособности Германіи).

Были образованы двѣ комиссіи — одна подъ предсѣдательствомъ Маккена для изысканія мѣръ къ приведенію въ порядокъ германскаго бюджета и упроченія нѣмецкой валюты и другая — подъ предсѣдательствомъ американскаго генерала Дауса для установленія размѣровъ возможныхъ къ уплатѣ репарацій.

Военныя репрессіи смѣнились финансовою опекой — должникъ попалъ въ своего рода конкурсъ. Комиссія ген. Дауса выработала схему платежей и гарантій по ихъ уплатѣ, получившую названіе плана Дауса. Весь хаосъ, все разнообразіе германскихъ платежей союзникамъ было объединено въ одномъ ежегодно мѣняющемся по суммѣ анньюитетѣ. Расчитанные на подъемъ народнаго хозяйства и улучшеніе государственныхъ фанансовъ эти анньюитеты съ каждымъ годомъ повышаются и съ 1924/25 по 1928/29 годы выражаются послѣдовательно въ суммахъ 1.000, 1.220, 1.500, 1750 и 2.500 миліоновъ золотыхъ марокъ. Послѣдній платежъ пятилѣтія признается „стандартнымъ“. За стандартнымъ платежомъ слѣдуетъ дополненіе, размѣръ коего устанавливается сообразно данныхъ индекса о народномъ преуспѣяніи. Впро-

чемъ допускается автоматическое повышение и понижение до 10% какъ основного, такъ и дополнительнаго анньюитета въ зависимости отъ измѣненія покупательной силы золота.

Число анньюитетовъ планомъ Доуса не установлено и, такимъ образомъ, размѣръ репарацій не опредѣленъ¹⁾.

Уплата анньюитетовъ была обезпечена залогомъ дохода имперскихъ желѣзныхъ дорогъ и ипотекою на промышленныя цѣнности. Во всѣ узлы народнаго и государственнаго хозяйства Германіи были посажены комиссары Репарационной Комиссіи, а ихъ надзоръ объединялъ Главный Агентъ по репараціямъ, получавшій репараціонныя платежи.

Съ истеченіемъ Доусовскаго пятилѣтія союзники созвали новую конференцію въ Женевѣ, имѣвшую своею цѣлью „окончательно и полностью“ урегулировать вопросъ о репараціяхъ.

Слѣдствіемъ этого рѣшенія былъ созывъ новаго совѣщанія экспертовъ подъ предсѣдательствомъ американца Овенъ Янга, именемъ котораго называется выработанный этимъ совѣщаніемъ планъ.

Это и есть третій этапъ въ вопросѣ объ опредѣленіи суммы и срока репарацій. Въ основѣ плана Янга лежитъ идея коммерціализаціи репарацій и всё остальное есть лишь логическое развитіе этой основной идеи. Отнынѣ платежъ репарацій долженъ происходить путемъ выпуска на міровой рынокъ репараціонныхъ облигацій. Кредиторомъ Германіи становятся не союзныя государства, но многоликій, безымянный міровой обыватель, имя которому „предъявитель облигацій“. Не заплатитъ такому кредитору нельзя — это знаменуетъ крахъ народнаго и государственнаго кредита.

Коммерціализація репарацій по необходимости вызывала снятіе съ Германіи опеки, наложенной на нее осуществленіемъ плана Доуса. Субъектъ подъ опекой — не много обѣщающая фигура въ качествѣ должника по мобилизованному въ видѣ предъявительскихъ цѣнностей долгу. Поэтому планъ Янга замѣнялъ гарантіи, установленныя планомъ Доуса, торжественнымъ обѣщаніемъ Германіи исполнить свои обязательства²⁾. На мѣсто Репарационной Комиссіи и Агента по

¹⁾ Такое рѣшеніе представляется на первый взглядъ страннымъ. Отвѣтъ на это недоумѣніе даетъ французскій авторъ Delattre, „La liquidation financière de la guerre“, 1928, page 93: „ce projet appliquait à une créance internationale le seul moyen qu'il soit possible d'envisager quand la situation d'un débiteur est gênée, sans s'occuper du total des sommes dues; il cherchait en premier lieu à remettre le débiteur en état de payer chose grâce à des facilités et des délais (remettant) la possibilité d'un règlement général pour une époque meilleure“.

²⁾ Ст. 14 Гаагскаго протокола выражаетъ это такъ: Les puissances créancières reconnaissent que leur acceptation de l'engagement solennel du Gouvernement allemand remplace tous gages, contrôles, garanties et privilèges, qui peuvent exister à l'heure actuelle.

репараціоннимъ платежамъ выдвинуто международное коммерческое учрежденіе — Банкъ для международныхъ расчетовъ въ Базель, въ которомъ участвуютъ не государства, но центральныя эмиссіонныя банковскія учрежденія.

Внѣшнимъ, чрезвычайно эффектнымъ, переходомъ отъ режима опеки къ періоду исполненія обязательствъ Германіи на основаніи ея „честнаго слова“ было одновременное съ открытіемъ въ Базель 17 мая 1930 г. Банка для международныхъ расчетовъ закрытіе въ Парижѣ Репараціонной Комиссіи, сопровождавшееся торжественнымъ сожженіемъ въ присутствіи представителей обѣихъ сторонъ германскихъ долговыхъ обязательствъ, выданныхъ ею въ связи съ введеніемъ въ дѣйствіе плана Доуса.

Въ отношеніи опредѣленія суммы репараціонныхъ платежей планъ Янга имѣетъ свою отправную точку зрѣнія. Не апетитъ государствъ побѣдителей, не предѣлъ платежеспособности должника, но мѣра возможности эмиссіи его облигацій на рынокъ составляетъ критерій для опредѣленія объема репараціонныхъ обязательствъ.

Такъ репараціи, зародившись въ сферѣ публично-правовыхъ отношеній, прошли сквозь атмосферу гражданско-правовыхъ понятій, чтобы въ концѣ концовъ вступить въ область дѣлового оборота, регулируемаго торговымъ правомъ

Въ отличіе отъ Доуса, Янгъ установилъ и число аннуитетовъ и размѣръ cadaго изъ нихъ и тѣмъ опредѣлилъ сумму репарацій. По плану Янга платежъ репарацій раздѣляется на два періода до 1965/66 года и отъ этого года до 1987/88 (годъ съ 1 апрѣля по 31 марта). Въ первый періодъ Германія выплачиваетъ 76,9 милліардовъ золотыхъ марокъ, во второмъ 33,8, а всего съ дополнительными платежами — 116 милліардовъ золотыхъ марокъ.

Итакъ, наконецъ, сумма репарацій и срокъ ихъ платежей были установлены.

Встаетъ вопросъ какъ и чѣмъ платить. Какъ платить — значитъ, откуда достать средства на покрытіе репараціонныхъ платежей, чѣмъ платить — означаетъ, въ какой валютѣ производить эти платежи.

И въ этомъ отношеніи примѣры прошлаго — контрибуціи — не похожи на настоящее — на репараціи. Въ обоихъ случаяхъ 19 вѣка средства для уплаты контрибуціи Франція получила съ большою легкостью и простотою.

Сумма въ 700 мил. фр. была покрыта соответственнымъ выпускомъ облигацій французской государственной ренты.

Контрибуція 1871 застала государственное казначейство пустымъ. При вступленіи въ должность министра финансовъ

правительства Тьера Пуйе-Квартье въ кассѣ былъ обнаруженъ лишь одинъ милліонъ франковъ. Но если государство было разорено, то страна оставалась богатой. Два внутреннихъ 5⁰/₀ займа, выпущенныхъ по сравнительно не плохому курсу въ 82¹/₂ и 84¹/₂ за 100 въ 1871 и 1872 г.г., принесли казначейству выручку въ 5.723 мил. фр., т. е. съ лихвой покрыли 5.000 мил. нѣмецкой контрибуціи.

Также просто былъ разрѣшенъ вопросъ, чѣмъ платить— о валютѣ платежей, возникшій только въ 1871 г., ибо контрибуція 1815 г. была затребована и уплачена франками. Изъ 5 мд. контрибуціи 1.067 мил. были приняты франками, а на 4.248 мил. Франція должна была передать иностранныя девизы—флорины и талеры по вышеупомянутому легальному курсу. Девизы на такую огромную сумму были найдены съ легкостью благодаря тремъ обстоятельствамъ: во первыхъ, активности французскаго торговаго баланса 1872—1875 годовъ, показавшаго активное сальдо въ 1.132 мил. фр., во вторыхъ, наличію въ странѣ огромныхъ сбереженій, превращенныхъ частью въ иностранныя цѣнныя бумаги, а въ третьихъ, возможности скупить въ Англіи на франки краткосрочныя обязательства на Германію, скопившіяся тамъ во время войны, когда Англія финансировала Германію по военнымъ расходамъ.

Иными словами, трансфертъ контрибуціонныхъ платежей на иностранную валюту потому не представлялъ особыхъ затрудненій, что франкъ побѣжденной Франціи продолжалъ оставаться здоровой, не потерявшей своей цѣнности, валютою.

Когда Бисмаркъ удивилъ своихъ современниковъ огромностью суммы, потребованной имъ съ Франціи контрибуціи, онъ сдѣлалъ лишь покушеніе на французскій національный капиталъ, обладающій способностью къ очень быстрому и сильному увеличенію. Вся Франція съ ея скопидомнымъ населеніемъ является огромною сберегательною кассою. Запросивъ 5 мд. франковъ Бисмаркъ все же недооцѣнилъ ёмкость чулка французскаго буржуа¹⁾... Но контрибуція, наложенная на Францію, никакъ не затрагивала ея экономического организма, не мѣшала ни его возстановленію, ни дальнѣйшему росту²⁾.

¹⁾ Ex post это хорошо понялъ одинъ изъ пріемниковъ Бисмарка — кн. Бюловъ, который въ своей парламентской рѣчи 19 декабря 1908 года выражается о Франціи такъ: „Elle doit sa richesse à son sol fertile, puis à son activité et à celle de ses habitants, mais plus encore à son économie, digne d'admiration. Par cette force d'épargne, qui distingue chaque français, chaque française, la France est devenue le banquier du monde“.

²⁾ De Lanney, Le marché des valeurs mobilières en France исчисляетъ въ концѣ 19 вѣка ежегодный приростъ французскихъ сбереженій въ 4 милліарда франковъ.

Совершенно другая подкладка у репараций. Намѣренія Клемансо, говоритъ извѣстный англійскій экономистъ Кейнсъ, бывшій экспертомъ при выработкѣ версальскаго договора, было переставить часы назадъ и уничтожить, поскольку возможно все, что было достигнуто Германіей въ ея поступательномъ движеніи, а прежде всего надо было разрушить ея экономическую систему, отъ которой зависѣла ея новая мощь.

Война велась противъ чрезмѣрнаго экономического возвышенія Германіи, противъ ея стремленія къ міровой экономической гегемоніи. Поэтому версальскій миръ есть совокупность хорошо скомбинированныхъ ударовъ по народно-хозяйственному организму Германіи съ цѣлью, по возможности, на долго его застопорить.

Истребованіе отъ Германіи 5.000 локомотивовъ, 150.000 вагоновъ, передачи почти всего торговаго флота, утрата ея колоній — источниковъ сырья, морскихъ подводныхъ кабелей, желѣзныхъ рудниковъ, огромнаго имущества въ акціяхъ заграничныхъ предпріятій, принудительныя поставки угля — все это весьма дѣйствительныя мѣры къ достиженію того результата, который выраженъ въ вышеприведенной ст. 232 версальскаго договора въ словахъ „въ виду постоянного уменьшенія ресурсовъ Германіи, истекающаго изъ мирнаго договора“.

Если Франція въ грубомъ, упрощенномъ представленіи являетъ обликъ гигантской сберегательной кассы, то Германія въ такомъ же ракурсѣ можетъ быть уподоблена огромной фабрикѣ съ на диво организованнымъ экспортнымъ торговымъ домомъ. И Кейнсъ¹⁾ и Шахтъ нашли простую, но мѣткую формулировку экономического дѣйствія версальскаго договора на Германію — она была этимъ договоромъ лишена оборотныхъ средствъ для своей торгово-промышленной работы.

Это намѣренное экономическое ослабленіе Германіи какъ п ательщика въ связи съ другими сторонами репараций, отмѣчаемыхъ Тардье, а именно, „огромностью суммы, подлежащей уплатѣ, не идущей въ сравненіе ни съ однимъ историческимъ прецедентомъ, требовала продолжительнаго періода времени для исполненія этихъ обязательствъ, а потому прежніе способы исполненія и контроля оказывались непримѣнными“. И собираніе средствъ для уплаты репараций и вопросъ валютнаго трансферта пошли совершенно иными путями, нежели тѣ, коими пользовались въ указанныхъ прецедентахъ

¹⁾ Кейнсъ. Экономическія послѣдствія мира. Русскій переводъ 1921 года.

Уплата 20 мд. репараціоннаго аванса причинила массу хлопотъ. Всего было уплачено 7927 мил., изъ коихъ 6110 — имуществомъ. Изъ 1817 мил. мар. одинъ миллиардъ былъ полученъ путемъ займа у консорціума частныхъ банковъ, а съ 817 мил. мар. было масса затрудненій. Хвостъ этихъ платежей былъ прикрытъ особымъ займомъ носящимъ имя Дауса. По плану Дауса сумма репараціоннаго анньюитета была раздѣлена на четыре части: большую часть доставляли плательщики налоговъ и она включалась въ бюджетъ, далѣе шелъ налогъ на передвиженіе, оплата промышленностью ея облигацій и отчисленіе изъ выручки имперскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Всѣ эти поступленія въ счетъ репарацій взыскивались въ маркахъ и въ той же валютѣ поступали къ главному агенту по репараціямъ, который, при помощи Рейхсбанка, занимался ихъ трансфертомъ въ иностранную валюту, строго слѣдя за тѣмъ, чтобы эти операціи не поколебали устойчивости новой германской валюты.

Планъ Янга внесъ существенныя измѣненія въ вопросъ валютнаго трансферта.

Значительно уменьшивъ, по сравненію съ Даусовскимъ планомъ, ежегодные платежи, планъ Янга раздѣлилъ ихъ на двѣ части. Одна неподвижная по своей суммѣ — 660 мил. мар. называется безусловною, а другая, представляющая разницу между всей суммою анньюитета и 660 мил. мар. носитъ названіе условной. Безусловная часть представляетъ долю выручки отъ желѣзныхъ дорогъ — 612 мил. мар. и годовое погашеніе Даусова займа 48 мил. Безусловна эта часть въ томъ смыслѣ, что она должна быть уплачена въ срокъ и въ валютѣ, и только на эту часть допускается выпускъ репараціонныхъ облигацій. Условная часть въ принципѣ уплачивается тоже въ срокъ и въ валютѣ, но Германіи предоставляется сложная система мораторій и въ отношеніи трансферта и въ отношеніи внесенія платежей въ маркахъ. Органомъ по трансферту и собиранію репараціонныхъ платежей является „Банкъ международныхъ расчетовъ въ Базель“, т. е. объединеніе центральныхъ эмиссіонныхъ учрежденій всѣхъ европейскихъ государствъ.

Чтобы налогоплательщики имѣли средства платить налоги и въ ихъ составѣ репараціонную долю, промышленность — уплачивать по своимъ обязательствамъ, желѣзные дороги — выручать столько, сколько было нужно вносить по репараціямъ, требовалось пустить если не на весь довоенный, то всё же на значительный ходъ производительный механизмъ страны. Необходимо было переоборудовать промышленность съ военнаго на мирное положеніе, что требовало долгосрочныхъ инвестицій, а главное, влить новыя обо-

ротныя средства въ страну, которая ихъ лишилась¹⁾. По вычисленіямъ имперскаго статистическаго бюро однѣ только инвестиціи за 1924—1930 г. требовали по промышленности 4 мд. мар., по электричеству, газу и водоснабженію 3,7, по путямъ сообщенія 5,5, по сельскому хозяйству 2,7, по жилищамъ 8,8, по муниципальному и коммунальному хозяйству 8, а всего почти 28 мд. мар. Между тѣмъ весь народный доходъ достигалъ 69 мд. мар., а налоговое бремя и социальныя платежи, которые до войны вмѣстѣ составляли 11% народнаго дохода, въ 1925 достигли 22,3%, и, постепенно повышаясь каждый годъ, дошли въ 1931 г. до 30%.

Главнымъ источникомъ снабженія Германіи средствами оказались займы, а сложившаяся обстановка какъ нельзя болѣе благопріятствовала развитію кредитной политики. Волна капитала, ищущаго помѣщенія, легко перекачивается въ любую, даже самую отдаленную страну, гдѣ % ставки заманчивы и даже рискъ помѣщенія не на много уменьшаетъ этотъ потокъ. Германія — великая страна въ самомъ центрѣ Европы съ населеніемъ, извѣстнымъ своимъ трудолюбіемъ, дисциплиной, умѣніемъ организовать работу и достигать поставленныхъ себѣ цѣлей. Естественно, что помѣщеніе капитала въ Германію привлекло вниманіе капиталистовъ всѣхъ странъ, а особенно преизбыточныхъ капиталомъ, какъ Англія, Франція, Голландія и Соед. Штаты²⁾.

Французскій авторъ Lachapelle отмѣчаетъ, какъ французскіе банки, платя своимъ вкладчикамъ по 2%, перекидывали эти капиталы изъ 8% нѣмецкимъ банкамъ, а тѣ въ свою очередь кредитовали своихъ кліентовъ даже изъ 15%. Болѣе точныя данныя о соотношеніи процентныхъ ставокъ указываютъ, что въ 1925 году средняя ставка была 3,74%, германская же за деньги до трехъ мѣсяцевъ — 9,13%, въ

¹⁾ Достаточно указать, что Германія по версальскому договору утратила 75% своей желѣзной руды, 26% свинцовой и 68% цинковой и изъ страны, вывозящей уголь, превратилась въ страну его ввозящую. (По даннымъ официального Deutschlands Wirtschaftslage unter den Nachwirkung des Weltkrieges 1923).

Dr. O. Fischer Die fehlerhafte Kreditpolitik. Untersuchungen des Bankwesens, 1933, Bd. I, S. 499. „Infolge Entblösung der Wirtschaft von flüssigen Mitteln, insbesondere von Vorräten, wurden in den Jahren 1924—1928 sehr hohe Mittel erfordert, allein für die Beschaffung einer normalen Gütervorratsmenge wurden 13 Mrd RM benötigt, die ohne Kreditinanspruchnahme nicht aufgebracht werden konnten“. Слѣдовательно, одна лишь потребность въ возобновленіи оборотныхъ запасовъ расцѣнивалась въ 13 мд. марокъ.

²⁾ На собраніи акціонеровъ одного изъ крупнѣйшихъ ньюйоркскихъ банковъ въ 1924 г. руководитель этого послѣдняго сказалъ: „Америкѣ грозитъ опасность захлебнуться въ золотѣ, если она не займется иностранными займами. Особенно интересно кредитованіе Германіи, ибо другія государства, не нуждаясь въ кредитѣ, стараются сами помѣстить свои капиталы въ Соед. Штаты, или недостаточно кредитоспособны“.

1928 это соотношение выражается въ 3,88% и 7,55%, а въ 1930 — 2,61% и 5,49%¹⁾).

Со времени германскаго экономическаго возрожденія, совпавшаго съ введеніемъ плана Дауса въ 1923 году, и до краха 1931 года политика займовъ не прекращалась ни на одну минуту — занималъ Рейхъ, занимали отдѣльныя нѣмецкія государства, города, публично-правовыя организаціи, тресты, синдикаты, банки, промышленныя и торговыя предприятия. Такъ какъ оборотныя средства въ значительной своей части тратились въ маркахъ внутри страны, а займы заключались въ валютѣ, то потребность народнаго хозяйства въ девидахъ оказывалась менѣе ихъ займоваго притока и эту разницу подхватывалъ Имперскій Банкъ, используя ее для трансфертныхъ операцій по уплатѣ репараціонныхъ платежей. Такъ иностранные займы рѣшили оба вопроса чѣмъ и какъ платить репараціи²⁾).

Конечно, не обошлось и безъ преувеличеній. Потребность въ займахъ, созданная экономическимъ положеніемъ Германіи послѣ войны, искусственно была усилена воцарившимся въ этой странѣ социалистическимъ режимомъ, съ которымъ сопряженъ самый дорогой способъ хозяйствованія. Объ этомъ весьма убѣдительно говорятъ и сами нѣмцы, напр., Шахтъ, именующій это хозяйствованіе „расходнымъ“ (Ausgabenwirtschaft)³⁾).

Германскій заграничный долгъ въ началѣ разсматриваемаго періода можетъ быть опредѣленъ въ круглой суммѣ 4 мд. марокъ, а къ концу 1930 года, по исчисленію Международной Комиссіи экспертовъ при Банкѣ междунар. расчет. въ Базелѣ, 15,8, изъ коихъ 10,3 краткосрочныхъ, т. е. 41% этой суммы было на срокъ до 7 дней; 52% на сроки до 90 дней и 7% на сроки свыше трехъ мѣсяцевъ. Изъ этой суммы въ 10,3 миллиарда марокъ 1,1 мд. мар. были публично-правовыя обязательства, 0,9 Рейхсбанка, 4,6 прочихъ банковъ, а 3,7 — промышленныхъ, торговыхъ, транспортныхъ и сельскохозяйственныхъ предприятий⁴⁾).

1) Иностранная задолженность Германіи между странами кредиторами распредѣлялась такъ: Соед. Штаты 37%, Англія 20%, Голландія — 10%, Швейцарія — 13%, Франція — 6%.

2) Подробная исторія германскихъ репарацій отчетливо изложена въ нѣмецкомъ освѣщеніи въ книгѣ Carl Bergmann „Der Weg der Reparationen 1926“, а объективно греческимъ авторомъ Constantin Karanikas „La Banque des Reglements internationaux“. Paris 1931.

3) W. Schacht. Das Ende der Reparationen 1930. Глава Finanzmisere, S. 86—96.

4) Полная сумма задолженности 25,5 мд. мар., изъ нихъ краткосрочныхъ 10,3, долгосрочныхъ 9,2 остальные 6, но за вычетомъ германскихъ „avoir“ за границей, долгосрочныхъ 5,3 мд. и краткосрочныхъ 4,4, а всего 9,7 мд., чистый остатокъ долга 15,8. Rapport du Comité réuni à Bâle le 8/VIII 1931.

Тогда же и теми же экспертами было выяснено, что за периодъ 1924—1930 годы притокъ иностранныхъ девизъ въ Германію долженъ быть оцѣненъ въ 18,2 миллиарда марокъ, изъ коихъ на репараціонные платежи было употреблено на сумму въ 10,3 мд. мар. Другими словами, всѣ репараціонные платежи были сдѣланы за счетъ выручки отъ займовъ въ странахъ побѣдителей или нейтральныхъ.

Жизнь въ кредитъ столь же аномальна для народно-хозяйственной единицы и для государства, какъ и для отдельнаго лица. Рано или поздно, постепенно или сразу такой экономической политикѣ наступаетъ неизбѣжный конецъ. Высокія дѣловыя качества обезпечили Германіи и нѣмецкому народу широкіе кредиты, превосходящіе по своему объему норму другихъ народовъ и государствъ. Но и эта большая порція довѣрія и кредита должна была истощиться при наступленіи неблагоприятной конъюнктуры.

Это случилось въ 1931 году, когда міровой кризисъ изъ первой своей стадіи паденія цѣнъ и накопленія товарныхъ запасовъ перешелъ во вторую свою фазу колебленнаго довѣрія. Повальное стягиваніе кредитовъ и отказъ въ нихъ особо сильно задѣлъ Германію, все хозяйство которой было всецѣло построено на кредитѣ и притомъ еще въ большей своей части (въ $\frac{2}{3}$) краткосрочномъ. Германія оказалась неплатежеспособной по репараціоннымъ платежамъ и обратилась за помощью къ Америкѣ. Въ письмѣ своемъ отъ 20 іюня 1931 г. по этому поводу, адресованное президенту Hoover, президентъ Рейха маршалъ Гинденбургъ совершенно официально признавалъ за причину невозможности продолжать производить репараціонные платежи то обстоятельство, что „les grands crédits, que l'étranger nous avait consentis, nous ont été retirés“.

Это письмо маршала Гинденбурга президенту Hoover'у породило въ конечномъ своемъ результатѣ мораторій на годъ съ 1 іюля 1931 по 1 іюля 1932 года всѣхъ платежей по репараціямъ и по междусоюзническимъ военнымъ долгамъ. Всѣ приходящіеся въ мораторный годъ срочные платежи раскладываются на десятилѣтіе, начиная съ 1 іюля 1933 г. изъ 4% годовыхъ. Основаніемъ для этого мораторія, въ формулировкѣ, приведенной Hoover'омъ въ его посланіи, является то обстоятельство, что платежи соответствуютъ по своей тяжести нормальной платежеспособности должниковъ, а потому отсрочка этихъ платежей есть только логическій выводъ изъ всеобщаго признанія, что существующее во всемъ мірѣ экономическое положеніе должно считаться аномальнымъ.

Нѣмцы придають огромное психологическое значеніе Хуверову мораторію — онъ приучилъ кредиторовъ къ неполу-

ченію платежей съ Германіи и сдѣлалъ менѣе болѣзненной утрату репараціонныхъ аннютетовъ. По формулировкѣ одного изъ видныхъ нѣмецкихъ журналистовъ экономической прессы Густава Штолпера, Хуверовъ мораторій сдѣлалъ возможнымъ проведеніе на лозанской конференціи лѣтомъ 1932 г. формальной конечной черты подъ счетомъ, который фактически уже задолго передъ тѣмъ былъ заключенъ—*formeller Schutzstrich unter eine Rechnung die längst abgeschlossen ist.*

Лозанская конференція была созвана наканунѣ окончанія Хуверова мораторія. Она по счету 35-ая и послѣдняя международная конференція по репараціонному вопросу. Послѣдняя она не въ силу офіціального заявленія, что цѣль конференціи „положить конецъ репараціямъ“, но вслѣдствіе принятаго ею рѣшенія. Означенное рѣшеніе находится въ связи съ заключеніемъ экспертовъ объ экономическомъ положеніи Германіи.

Планъ Янга, по заключенію экспертовъ, исчислилъ репараціонные аннютеты, исходя изъ нормальныхъ экономическихъ условій, гдѣ подъемы чередуются съ депрессіями: тогда съ развитіемъ міровой торговопромышленной жизни германскіе платежи окажутся уменьшающимся бременемъ. Но въ условіяхъ безпримѣрнаго кризиса и сжиманія всей дѣловой жизни эти платежи являются непомерною тяжестью. „Безэквивалентные, т. е. не основанные на экономической противовредности, международные платежи приведутъ къ дальнѣйшему разстройству расчетнаго международного баланса и еще болѣе углубятъ хаосъ валютныхъ отношеній“¹⁾.

Лозанская конференція установила два основныхъ положенія: 1) приостановленіе дѣйствія плана Янга до его отмены въ связи съ ратификаціей постановленій Лозанской конференціи, 2) замѣну репарацій по плану Янга единовременнымъ и окончательнымъ платежемъ Германіи въ 3 миллиарда золотыхъ марокъ.

Эти три миллиарда уплачиваются на весьма льготныхъ условіяхъ. Пятипроцентныя облигаціи Рейха передаются Банку Международныхъ Расчетовъ, но выпускаются не ранѣе 9-VII 1935 г. Эмиссіи происходятъ, по мѣрѣ возможности, на разныхъ рынкахъ при условіи выпускнаго курса не ниже 90. Не выпущенныя до 9-VII 1947 г. облигаціи аннулируются.

¹⁾ Швейцарскій банкъ *Société de Banque Suisse* въ своемъ бюллетенѣ № 4 отъ 1932 года въ статьѣ „Où en sommes nous?“ указываетъ, что въ Лозаниѣ столкнулись три тезиса: германскій, французскій и англійскій, которые характеризуются въ этой статьѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ (стр. 127): „L'Allemagne se déclare dans l'incapacité absolue de payer quoique ce soit au titre des réparations, la France se déclare prête à consentir certains sacrifices tout en restant dans le cadre des traités signés, l'Angleterre n'exigera pas plus de ses débiteurs qu'elle ne devra payer elle même“.

Капитальная основа плана Янга 35,5 мд. золотыхъ марокъ, ликвидационный заемъ, учитывающій обожданіе до 1935 г., составляетъ всего лишь 2,6 мд. мар. Отъ плана Янга остается 8%, скидка со счета въ пользу Германіи 92% и восклицаніе нѣмецкаго автора Egon Band'a о томъ, что лозанское рѣшеніе „одинъ изъ удивительнѣйшихъ поворотовъ европейской политики“ становится вполнѣ понятнымъ.

Приостановленіе дѣйствія плана Янга до его предстоящей отмѣны въ связи со вступленіемъ въ силу постановленій Лозанской Конференціи было установлено потому, что осуществленіе этихъ постановленій зависѣло отъ ихъ ратификацій, а послѣднія отъ того оборота, который приметъ вопросъ о междусоюзническихъ долгахъ¹⁾.

Пути репарацій и междусоюзническихъ долговъ, сначала какъ будто различные, постепенно сближаясь, скрещиваются въ Хуверовомъ мораторіи, закрѣпляются въ лозанскомъ соглашеніи и становятся съ этого момента повидимому неотдѣлимыми. Эта проблема занимаетъ центральное мѣсто въ изложеніи слѣдующей главы настоящей работы.

II.

Междусоюзническіе долги.

„Les dettes, payées avec de l'argent emprunté ne sont pas payées du tout“. „Société de banque Suisse“.

Стоимость войны и значеніе кредита въ покрытіи военныхъ издержекъ. — Данныя о развитіи военныхъ долговъ союзныхъ государствъ. — Участіе въ войнѣ С. Штатовъ Америки и ихъ нейтральная идеологія. — Американская правовая точка зрѣнія на военные долги. — Европейскій тезисъ о существованіи связи между репараціями и военными долгами. — Нота Бальфура 1922 г. и коренное измѣненіе конъюнктуры ко времени окончанія Хуверова мораторія. — Символическіе платежи и отказъ платежа со стороны европейскихъ должниковъ. — Американскія репрессіи. — Выводы. — Русскій военный долгъ.

Стоимость міровой четырехлѣтней войны можетъ быть опредѣлена лишь приблизительно: разнообразны методы вычисленія и очень много условностей на пути cadaго изъ

¹⁾ Société des Nations. Situation économique mondiale 1932—3, page 35: „ce règlement, étant subordonné à la ratification des Puissances intéressées, et cette ratification devait évidemment dépendre en partie des progrès, réalisés au cours des discussions ultérieurs sur les dettes de guerre. Toutefois l'existence même de cet accord conditionnel, était considérée comme un progrès remarquable dans la voie de la suppression finale de ces deux facteurs de perturbations financières — héritage de la guerre“.

нихъ. Въ 1930 году въ своей много нашумѣвшей книгѣ „Конецъ репараціямъ“ д-ръ Шахтъ опредѣлилъ военные расходы союзниковъ въ 220 мд. золотыхъ долларовъ, Германіи — въ 35 мд., всего 255 мд. зол. дол. По вычисленію американскаго The Bankers Trust Company of New York война обошлась союзникамъ въ 41 мд. ф. ст. или 198 мд. дол., а Германіи — въ 15 мд., т. е. въ 72 мд. дол., всего 270 мд. зол. дол.

Въ самомъ богатомъ изъ союзныхъ государствъ, участвовавшемъ въ войнѣ на протяженіи почти всей ея продолжительности — въ Англии — только около $\frac{1}{4}$ военныхъ расходовъ было покрыто изъ бюджетныхъ источниковъ, а $\frac{3}{4}$ — путемъ заключенія внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ. Въ другихъ государствахъ кренъ въ сторону кредита былъ еще сильнѣе. Воюющія государства прибѣгали къ внутреннимъ и внѣшнимъ займамъ и только Соед. Штаты смогли ограничиться внутренними займами.

Съ начала войны и до 6 апрѣля 1917 года главнымъ банкиромъ антигерманской коалиціи была Англія, а со вступленія въ войну съ указаннаго времени Соед. Штатовъ эта роль перешла на нихъ. Особымъ актомъ Liberty Loan Act (хотя и неизвѣстно кого и отъ чего освобождали) конгрессъ уполномочилъ правительство кредитовать союзниковъ на военныя нужды до суммы въ 3 мд. дол. Предѣлъ этотъ постепенно увеличивался и дошелъ до 7 мд. Такъ какъ Соед. Штаты Версальскаго мира не ратифицировали, а заключили съ Германіей 2 Іюня 1921 г. сепаратный миръ въ Берлинѣ, то до этого времени продолжались займы союзниковъ въ Соед. Штатахъ, основанные на упомянутомъ выше законѣ. Представляя сложный переплетъ должниковъ и кредиторовъ, въ которомъ почти каждое государство выступаетъ то въ одной, то въ другой изъ этихъ ролей, междусоюзническіе долги заканчиваются Соед. Штатами, которые, не будучи ни чьимъ должникомъ, являются конечнымъ вѣрителемъ для всей цѣпи кредитныхъ отношеній, связывающихъ всѣ союзныя государства¹⁾.

Долги С. Штатамъ можно раздѣлить на три группы: чисто военные, возникшіе во время войны — 7.067 милл. дол., долги, сдѣланные въ періодъ времени отъ окончанія военныхъ дѣйствій и до 1921 г. — 2.520 мил. дол. и, наконецъ, заимствованія на помощь обѣднѣвшему послѣ войны населенію, на Красный Крестъ и т. п. — 740 мил. дол., а всего 10.327 милліоновъ долларовъ.

Сложный переплетъ междусоюзническихъ военныхъ

¹⁾ Это опредѣленіе заимствовано изъ т. н. ноты графа Бальфура 1 Августа 1922 г. „Despatch respecting war debts“.

долговъ рельефнѣ всего обнаруживается изъ слѣдующей таблицы, охватывающей только военные долги въ узкомъ смыслѣ этого слова, т. е. на моментъ прекращенія военныхъ дѣйствій (11/XI 1918 г.) въ мил. дол.

ДОЛЖНИКИ	КРЕДИТОРЫ		
	Соед. Шт.	Англія	Франція
Англія	3696	—	—
Франція	1970	1683	—
Россія	187	2472	955
Италія	1031	1855	75
Бельгія	172	422	535
Югославія	11	92	297
Румынія	—	78	220
Греція	—	90	155
Португалія	—	61	—
	7067	6753	2237 ¹⁾

Займы европейскихъ государствъ были по своей природѣ то, что называется текущимъ долгомъ (*dette flottante*), которые покрывались казначействомъ Соед. Штатовъ выпусками американскихъ 4½% облигацій на внутренній американскій рынокъ. Въ первую голову союзникамъ открывались кредиты въ долларахъ въ зачетъ произведенныхъ ими самими расходовъ по содержанію американской арміи на европейскомъ театрѣ войны. Этими кредитами и другими „*avoir*“ европейцевъ покрывались ихъ обязательства по военнымъ заказамъ въ Соед. Шт. и лишь на недостающую разницу Соед. Штаты открывали подлинныя кредиты²⁾. Отъ этой невыгодной для должниковъ системы американцы упорно не отступали и свой счетъ по выдачѣ наличной валюты сверхъ покрытія заказовъ въ странѣ вели весьма прижимисто³⁾.

До сентября 1919 года союзники исправно вносили % по своимъ текущимъ долгамъ за счетъ новыхъ авансовъ въ Америкѣ, но въ сентябрѣ 1919 года тогдашній министръ финансовъ Carter Glass нашель это нагроможденіе долговъ опаснымъ и прекратилъ авансы, предоставивъ на уплату процентовъ трехлѣтній мораторій.

¹⁾ Первоисточникъ этой часто воспроизводимой таблицы Moulton and Pasvolsky, War Debts and World Prosperity, 1931, New York.

²⁾ Употребленіе американскихъ кредитовъ до 1920 г. слѣдующее: на военное снаряженіе — 2.699 мил. дол., на хлопокъ — 2.645, на съѣстные припасы и табакъ — 3.196, разное, въ томъ числѣ валютныя займы, всего 1.987 мил. дол.

³⁾ По свидѣтельству Тардье, бывшаго французскимъ делегатомъ въ С. Штатахъ: La paix, page 375.

Передъ истеченіемъ этого мораторія — 9 февраля 1922 года — была учреждена особая комиссія о долгахъ изъ міровой войны (World War Debt Commission), которая имѣла своею цѣлью путемъ соглашенія съ каждымъ должникомъ въ отдѣльности произвести консолидацію его текущаго долга. Въ теченіе трехъ лѣтъ, съ мая 1923 по май 1926 года, было заключено 15 такихъ договоровъ, начиная въ хронологическомъ порядкѣ съ Финляндіи и кончая Югославіей¹⁾. Директива комиссії была: не менѣе 4½% годовыхъ и амортизація въ срокъ не превышающій 25 лѣтъ. Послѣ весьма упорныхъ и трудныхъ переговоровъ должники добились срока погашенія въ 62 года и сниженіе средней процентной ставки на 3,3% (Англія), 1,8% (Бельгія), 1,6% (Франція), 1% (Югославія), 0,4% (Италія), 0,3% (Греція). Но въ отношеніи капитальной суммы долга С. Штаты были непоколебимы и не сдѣлали никакихъ уступокъ.

Результаты этого соглашения въ отношеніи группы государствъ союзниковъ и группы государствъ мало воевавшихъ и — послѣ-военнаго образованія могутъ быть изображены въ слѣдующей краткой таблицѣ:

	Занятая сумма	Сумма при консолидаціи	Подлежащая уплатѣ
Союзники ²⁾	9.492	11.252	21.194
Новыя государства ³⁾	—	390	968

Со времени вступленія въ силу договоровъ о консолидаціи и до начала дѣйствія Хуверова мораторія должниками всего уплачено 2,6 мд. дол. изъ коихъ 1,9 приходится на проценты и 0,7 на погашеніе капитальнаго долга, т. е. изъ всего долга успѣли погасить 11,80%.

Такова внѣшняя фактическая исторія междусоюзническихъ долговъ⁴⁾.

Гораздо значительнѣе внутренняя сторона этого вопроса — столкновеніе двухъ точекъ зрѣнія: американской и европейской, причемъ упорная неподвижность первой вызвала совершенно своеобразный сдвигъ всѣхъ казалось бы

¹⁾ Финляндія, Англія, Венгрія, Латвія, Польша, Литва, Бельгія, Чехославія, Эстонія, Италія, Румынія, Франція, Югославія, Греція, Австрія. Внѣ соглашения: Россія и Арменія.

²⁾ Франція, Англія, Бельгія, Италія и Югославія.

³⁾ Чехославія, Эстонія, Финляндія, Греція, Венгрія, Литва, Латвія, Польша, Румынія.

⁴⁾ Хорошимъ путеводителемъ по вопросу о цифровой сторонѣ репараций и военныхъ долговъ служитъ особое приложение къ номеру англійскаго Economist'a отъ 23/1 1932 года подъ заглавіемъ: „Reparations and War Debts“.

издавна и навсегда установленныхъ правилъ моральнаго порядка и долга.

Короткое участіе въ міровой войнѣ чрезвычайно возвысило Соед. Штаты въ экономическомъ, государственномъ и международномъ отношеніяхъ. Экономическія выгоды отъ нейтралитета въ первый періодъ войны были такъ велики, что Штаты не только покрыли всю свою задолженность Европѣ, но получили преизбытокъ надъ нею въ 5 мд. долларовъ. Государственные военные расходы были относительно весьма скромны, легко покрыты внутри страны, не разорили ни государства, ни населенія. Война благотворно подѣйствовала на внутреннее государственное устройство Штатовъ, укрѣпивъ въ нихъ дисциплину и усиливъ государственное начало. Благопріятное экономическое положеніе, возможность кредитованія другихъ государствъ и склоненіе въ совѣхъ побѣды своимъ вмѣшательствомъ на сторонѣ антигерманской коалиціи поставили Соед. Штаты на пьедесталъ моральнаго и экономическаго диктатора міра.

Будучи въ теченіи первыхъ лѣтъ войны нейтральными, Штаты твердо усвоили себѣ нейтральную идеологію. По окончаніи военныхъ дѣйствій они необыкновенно быстро вернули себѣ эту идеологію и духовно отмежевались отъ своихъ бывшихъ союзниковъ.

Американскою идеей былъ миръ безъ контрибуцій, принятый въ версальскомъ договорѣ союзниками лишь формально, но зато и не ратификованномъ американскимъ конгрессомъ. Въ репараціонной комиссіи американцы принять участія не пожелали, но зато во всѣхъ конфликтахъ между союзниками и Германіей выступали въ роли какихъ то арбитровъ, нейтральныхъ, объективныхъ, незаинтересованныхъ посредниковъ. Въ одинъ изъ самыхъ острыхъ моментовъ — въ 1921 году — Германія просила посредничества президента Хардинга; выработка обоихъ плановъ Дауса и Янга происходила въ комиссіяхъ, гдѣ предсѣдательствовали американцы; главнымъ агентомъ по репараціямъ былъ американецъ Паркеръ Жильбертъ, наконецъ, мораторій по репараціоннымъ платежамъ былъ предложенъ президентомъ Хуверомъ.

Американская точка зрѣнія была полнѣе всего высказана въ посланіи Хувера по поводу мораторія.

Прежде всего Президентъ устанавливаетъ разницу въ положеніи С. Штатовъ и прочихъ союзниковъ по отношенію къ Германіи: „наше правительство не участвовало въ опредѣленіи размѣра репарацій и намѣренно не участвовало ни въ репараціяхъ, ни въ дѣлежѣ колоній и прочаго имущества... поэтому репараціи представляютъ чисто европейскій вопросъ, насъ совершенно не касающійся“.

Европейскіе долги С. Штатамъ имѣютъ совершенно иное

основаніе. Но такъ какъ условія ихъ платежа сообразованы со способностью платежа, то если эти условія измѣнились, мораторій долженъ одинаково распространяться на всѣхъ плательщиковъ какъ репарацій, такъ и военныхъ долговъ.

Тѣ же доводы, но съ большей силой повторилъ статсъ секретарь Стимсонъ въ концѣ 1932 года въ нотахъ, адресованныхъ великобританскому и французскому правительствамъ. Соед. Штаты потому вправѣ настаивать на проведеніи разницы между репараціями и долгами, что всякая связь между тѣми и другими была бы лишь къ невыгодѣ С. Штатовъ, кои ничего по репараціямъ не получаютъ. Долги Штатамъ подпадаютъ подъ категорію обыкновенныхъ индивидуальныхъ долговъ одного государства другому и должны быть какъ таковыя признаны.

Репараціи основаны на статьяхъ Версальскаго договора, военные долги союзниковъ С. Штатамъ на американскомъ законѣ (Liberty Loan Act) и договорахъ съ каждымъ изъ должниковъ. Между этими обязательствами, какъ основанными на совершенно различныхъ правовыхъ титулахъ, нѣтъ ровно никакой связи, зависимости и соотношенія.

Европейцы же, наоборотъ, настаиваютъ на существованіи такой не правовой, но фактической связи и зависимости.

Американская выдумка о репараціяхъ грозила было лишить союзниковъ вознагражденія за военныя издержки, но они его все-таки подъ личиной репарацій установили. А если смотрѣть на репараціи, какъ на военное вознагражденіе, то совершенно естественно ихъ употреблять именно на уплату военныхъ долговъ. Отсюда прямая, органическая и экономическая связь между репараціями и долгами, несмотря на всю правильность формальнаго американскаго довода о различіи юридическихъ титуловъ происхожденія тѣхъ и другихъ обязательствъ. На одной изъ междусоюзническихъ конференцій въ Нуте въ 1920 году впервые была высказана Англійей мысль, что надо достигнуть такого соглашенія, которое бы охватывало всѣ безъ исключенія международныя обязательства, оставшіяся послѣ войны. Мысль эта многократно высказывалась въ разныхъ отбѣнкахъ англійскими представителями, но яснѣе всего это сформулировано въ нотѣ лорда Бальфура отъ 1 Августа 1922 г.

Первое положеніе устанавливаемое этою нотою, что среди причинъ, разрушающе вліяющихъ на кредитъ, на международные курсы, на національное производство и на международную торговлю, является бремя международныхъ долговъ¹⁾. И хотя Англійи должны болѣе, нежели она должна,

¹⁾ Англійскій балансъ, приведенный въ нотѣ Бальфура: Англійи должны: Германія — 1.450 мил. фунтовъ, Россія — 650 мил. ф. и союзники —

она тѣмъ не менѣе готова отказаться отъ всѣхъ своихъ требованій къ должникамъ, если ея кредиторы въ свою очередь откажутся отъ своихъ претензій къ ней. Но такъ какъ изъ требованія, обращеннаго со стороны Соед. Штатовъ, можно, съ сожалѣніемъ, констатировать, что такая политика не встрѣчаетъ сочувствія, Великобританія, имѣя въ виду, что всѣ долги между союзниками являются одною общей операціей, имѣвшей въ виду не интересы какого либо отдѣльнаго государства, а общую, достигнутою войною, цѣль, предлагаетъ одинаковое регулированіе этихъ долговъ по всей ихъ цѣпи. Съ своей стороны Англія не желаетъ получать съ своихъ должниковъ больше, нежели съ нея потребуеетъ ея кредиторъ — Соед. Штаты¹⁾.

Непосредственнаго воздѣйствія нота Бальфура не имѣла и Соед. Штаты ни на какое трактованіе международныхъ обязательствъ на широкой экономической базѣ не пошли, но идеи, высказанныя въ означенной нотѣ, красною нитью проходятъ черезъ все европейское міросозерцаніе по этому вопросу.

Если невозможнымъ оказалось достигнуть урегулированія вопроса о долгахъ въ соотвѣтствіи со складывающейся экономической обстановкою, то оставалось самое простое арифметическое уравновѣсіе обязательствъ по военнымъ долгамъ съ репараціонными полученіями — фактическая связь „*liaison de fait*“, какъ выразился Пуанкаре въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей²⁾.

Этотъ „*liaison de fait*“ былъ найденъ въ планѣ Янга. По этому плану, какъ извѣстно, репараціонные аннютеты раздѣлены на два періода до 19⁶⁵/₆₆ года и отъ этого времени до 19⁸⁷/₈₈ года. Размѣръ аннютетовъ перваго періода таковъ, что покрываетъ аннютеты по долгамъ союзниковъ, давая нѣкоторый излишекъ въ ихъ пользу, а во второй періодъ суммы репарацій точно совпадаютъ съ суммой аннютетовъ по долгамъ союзниковъ Соед. Штатамъ. Такимъ образомъ получается сквозной счетъ: репараціи проходятъ черезъ каз-

1.300, всего 3.400 мил. ф., а Англія должна Соед. Штатамъ 850 милл. ф. Разница въ пользу Англии 2.550 м. ф.

¹⁾ Главныя мѣста ноты Бальфура въ подлинникѣ:

Their debts were incurred, their loans were made not for the separate advantage of particular States, but for a great purpose common to them all and that purpose has been in the main accomplished.

In no circumstances do we propose to ask more from our debtors than is necessary to pay our creditors.

²⁾ Delattre op. cit. page 148 поясняетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: „Ces deux espèces d'engagement ont une origine commune: la guerre. Les uns ont permis de la continuer et d'arriver à la victoire, les autres sont la conséquence de cette victoire... entre eux une relation de cause à effet.“

начейства союзниковъ, въ нихъ не задерживаясь, и покрываютъ ихъ обязательства по военнымъ долгамъ Соед. Штатамъ. И какъ ни старался Хуверъ въ своемъ посланіи о мораторіи отгородить долги союзниковъ отъ репарацій, самымъ тѣмъ фактомъ, что мораторій по репараціямъ влечетъ за собой мораторій по долгамъ союзниковъ С. Штатамъ, знаменательно подчеркивалось со стороны Америки признаніе этой фактической между ними связи, на которой такъ настаивали и европейскіе государственные люди и европейское общественное мнѣніе.

Со времени консолидаціи долговъ и до Хуверова мораторія обязательства по долгамъ исполнялись, ибо Германія вносила репараціонные платежи. Но ухудшающееся экономическое положеніе всего міра показывало вѣрнымъ пророчество Бальфуровой ноты о томъ, что большіе политическіе долги à la longue есть одна изъ причинъ какъ денежнаго разстройства, такъ и другихъ явленій экономическаго кризиса. Съ другой стороны, общій кредиторъ — Соед. Штаты — на которые въ послѣвоенное время перешла отъ Англии міровая экономическая гегемонія, оказались совершенно неосознавшими этой роли и безпомощными съ нею справиться. Со стороны С. Штатовъ, упорно и настойчиво требовавшихъ уплаты въ срокъ аннютетовъ, ничего не было сдѣлано, чтобы помочь создать экономическія условія, благопріятствующія этимъ платежамъ. Способствуя всякими мѣрами, начиная отъ таможеннаго протекціонизма, активности своего торговаго и расчетнаго баланса, С. Штаты своею экономическою политикою не давали должникамъ возможности исполнять свои обязательства товарнымъ экспортомъ или оказаніемъ услугъ (фрахтъ, перезастрахованіе и т. п.) и превращали исполненіе обязательствъ по военнымъ долгамъ въ огромныя трансфертныя операціи безъ экономической противоцѣнности. Міровой оборотъ сталъ давать кренъ на одну сторону¹⁾.

Мораторный годъ заканчивался 17 іюля 1932 года, между тѣмъ срокъ уплаты аннютета главныхъ плательщиковъ приходился на 16 декабря и такимъ образомъ вопросъ о долгахъ сталъ актуальнымъ лишь въ самомъ концѣ 1932 года.

¹⁾ Если принять во вниманіе вышеизложенное, то заключеніе изслѣдованія двухъ авторовъ Moulton & Paslovsky, что міровое экономическое преуспѣяніе можетъ быть возвращено аннулированіемъ военныхъ долговъ, ибо полученіе ихъ въ конечномъ итогѣ невыгодно для кредитора — не представляется парадоксальнымъ.

Société de Banque Suisse. Le problème des dettes de guerre et d'après guerre. Bulletin, № 8, 1932, page 261: „Il ne faut jamais oublier qu'à la longue tout paiement de dette internationale ne peut s'effectuer qu'avec un excédent d'exportation, des services ou des expéditions d'or. Or, par leur politique protectioniste à outrance les Etats Unis ont visiblement entravé les exportations de la plupart des nations industrielles européennes.

Къ этому времени экономическая обстановка была совершенно иной, нежели та, при наличіи которой въ 1923—1926 году государства-должники заключили съ Соед. Шт. договоры о консолидаціи и приняли на себя извѣстные обязательства по ежегоднымъ уплатамъ.

Къ этому времени грозныя предсказанія ноты Бальфура начали сбываться въ полной мѣрѣ: международная торговля, по сравненію съ 1929, скатилась къ 1932 по количеству на 27%, по цѣнности на 61%, производство промышленныхъ государствъ Европы упало, по сравненію съ 1925/1929 г., на 31%, а по отдѣльнымъ государствамъ и больше (напр., въ Германіи на 40%, въ Соед. Штатахъ на 46%), наконецъ, оставленіе золотого обращенія 16 валютами въ 1931 году и 9 — въ 1932 г. вызвало огромныя колебанія курсовъ и всячески способствовало полному безпорядку и неустойчивости національнаго и международного денежнаго оборота¹⁾. Въ рядѣ государствъ-плательщиковъ долговъ — остро ощущалась брешь, созданная прекращеніемъ репараціонныхъ поступленій²⁾.

Указанныя обстоятельства вполне объясняютъ, почему въ ноябрѣ 1932 года англійское правительство 10, французское 11, а бельгійское 15 числа передали правительству Соединенныхъ Штатовъ схожія по своему содержанію ноты, прося о созывѣ международной конференціи по урегулированію вопроса о военныхъ долгахъ и о продолженіи до рѣшенія этого вопроса мораторія по платежамъ военныхъ долговъ.

¹⁾ Société des Nations. Situation mondiale 1932/33; данныя о международной міровой торговли при условіи, что 1929 г. приняты за сто, таковы:

	1929	1930	1931	1932
Количество	100	93	84	73
Цѣнность	100	81	58	39

(стр. 232). Паденіе промышленности производства по цѣнности въ отдѣльныхъ государствахъ и по группамъ государствъ слѣдующее (средняя 1925/29 = 100).

Европа:	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932
Государства промышленныя	91	94	100	103	110	96	89	69
„ земледѣльческія	90	95	101	102	110	104	97	—

Въ отдѣльныхъ государствахъ по количеству:

	1929	1930	1931	1932
Франція	100	100	89	69
Германія	100	88	72	60
Англія	100	92	84	83
Соед. Штаты	100	81	68	54

²⁾ Сопоставленіе репараціонныхъ поступленій и платежей по военнымъ долгамъ, падающихъ въ мораторный годъ, показываетъ слѣдующій результатъ: чистый убытокъ Англій (превышеніе репараціонныхъ полученій надъ долговымъ аннунтетомъ) 9,7 мил. ф. ст., Франціи — 16,1, Италиі — 1,8, Бельгіи — 2,4, Югославіи — 3,3, Греціи — 0,3, Португаліи — 0,2.

Отвѣтъ Соединенныхъ Штатовъ былъ отрицательнымъ (23/XI 1932) съ указаніемъ, что только уплата въ срокъ анньюитета можетъ облегчить каждому изъ должниковъ добиться пересмотра его договора съ Соед. Штатами о его долгѣ.

Этотъ отвѣтъ, построенный по принципу „divide et impera“, произвелъ на европейскія государства очень сильное и удручающее впечатлѣніе. Началось страстное обсужденіе создаваемаго положенія, приведшаго во Франціи къ паденію кабинета Ed. Herriot. Тогдашнее настроеніе въ Европѣ и отношеніе къ вопросу о платежѣ долговъ ярче всего характеризуетъ статья руководителя англійскаго *The Economist* W. Layton въ этомъ журналѣ¹⁾. Отрицательный отвѣтъ Америки, пишетъ онъ, ставитъ должниковъ въ очень затруднительное положеніе: съ одной стороны какъ бы ни была велика экономическая депрессія, самовольная пріостановка платежей должниками безъ согласія вѣрителя, похожа на банкротство и надолго убьетъ всякое довѣріе и возможность заключенія международныхъ займовъ, съ другой — производство платежей надолго задержитъ теперешній кризисъ и будетъ мѣшать его устраненію.

Рѣшеніе указанной альтернативы не было единообразнымъ: Италія и Англія заплатили анньюитетъ, Франція, Бельгія и Югославія отказались отъ платежа. А насколько соображенія о томъ, что платежи анньюитетовъ по военнымъ долгамъ вносятъ большія потрясенія міровыхъ кредитно-денежныхъ отношеній, основательно доказываетъ тотъ фактъ, что уплата со стороны Англіи $95\frac{1}{2}$ милліоновъ долларовъ уронила фунтъ на 35% ниже золотого паритета, заставивъ его достигнуть самой низкой расцѣнки за послѣдніе два вѣка (самый платежъ въ £ 19.750.000 превратился въ 30.000.000). Если принять во вниманіе, что на англійскую валюту производится около $\frac{2}{3}$ всѣхъ міровыхъ платежей, легко себѣ представить смятеніе, вызванное во всемъ мірѣ этимъ рѣзкимъ паденіемъ фунта.

Послѣдней ставкой на возможность сговора съ Америкой по вопросу о военныхъ долгахъ была Лондонская міровая конференція въ іюль 1933 года, причемъ надежды на соглашеніе коренились, главнымъ образомъ, на томъ, что въ первой половинѣ 1933 года произошла смѣна лицъ на посту Президента Соед. Штатовъ. Именно въ силу этихъ надеждъ Англія напала на оригинальную идею „символическаго платежа“ въ 10% отъ причитающейся съ нея суммы, какъ знакъ доброй воли должника платить по своимъ обязательствамъ. Примѣру Англіи послѣдовали и нѣкоторые другіе должники.

¹⁾ *Economist* 26/XI 1932, Mr. Hoover and the debts.

И несмотря на то, что Лондонская конференція не принесла никакого рѣшенія по военнымъ долгамъ, „символическіе“ платежи повторились еще одинъ разъ, т. е. въ срокъ 15 декабря 1933 года.

Картина платежей по четыремъ срокамъ оказалась слѣдующей. Въ декабрь 1932 изъ слѣдуемыхъ Штатамъ 125 мил. дол. уплочено 98,7 или $82\frac{1}{4}\%$, въ іюль 1933 года изъ 144 — 11,3 или 8% , въ декабрь 1933 изъ 153 мил. дол. — 9 или 6% , а въ іюль 1934 уплатила одна лишь Финляндія 166 тысячъ долларовъ, что исчисляется въ доляхъ одного $\%$. Число государствъ, кои изъ лагеря исправныхъ плательщиковъ переходятъ въ группу символическихъ, чтобы затѣмъ вовсе отказаться отъ платежей, непрерывно растетъ и въ концѣ концовъ въ рядахъ плательщиковъ осталась одна Финляндія, а всѣ прочія составили единый фронтъ отказавшихся платить.

По официальной американской статистикѣ состояніе счетовъ по долгамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ (въ мил. дол.):

	Долгъ на 1-1-1934	Недоплаченные аннуитеты
Государства, которыя совершали частичные платежи ¹⁾	6.919.7	195.3
Государства, которыя отказались отъ платежей ²⁾	5.423.8	108.6
Всего :	12.343.5	303.9

Начиная съ половины іюня 1933 года вопросъ томъ, платить или не платить военные долги, пересталъ быть для европейскихъ государствъ Гамлетовскимъ „to be or not to be“. Сроки платежей по долгамъ подходятъ и проходятъ, не возбуждая ни парламентскихъ преній, ни компаніи за или противъ въ прессѣ, никакъ вообще не привлекая къ себѣ общественнаго мнѣнія. Конечно, можно пожалѣть о такомъ притупленіи правового чувства, но вину за это приходится, по всей справедливости, раздѣлить между обѣими сторонами. Америка перетянула возжи и сдѣлала это къ своей невыгодѣ. Она пропустила благоприятный для себя моментъ, когда европейскія государства и не помышляли о какомъ либо урегулированіи вопроса о долгахъ внѣ соглашенія сторонъ и даже вопреки ясно выраженной воли кредитора. Теперь этотъ правовой парадоксъ ими освоенъ въ силу заключающейся въ немъ экономической правды. Правовой Рубиконъ

¹⁾ Англія, Чехославакія, Греція, Італія, Литва, Латвія, Румынія.

²⁾ Австрія, Бельгія, Эстонія, Франція, Германія, Польша, Югославія.

Европой перейденъ, а съ нимъ для Соед. Штатовъ утрачены и всѣ позиціи американской точки зрѣнія на военные долги¹⁾.

Это новое положеніе вещей лучше всего иллюстрируется на послѣдствіяхъ дѣйствія американскихъ карательныхъ мѣръ противъ неисправныхъ должниксвъ. Попытки установить репрессивныя таможенныя пошлины противъ товаровъ націй, не желающихъ платить по военнымъ обязательствамъ, успѣха не имѣли. Единственная дѣйствительно принятая мѣра былъ законъ Джонсона (Lex Nigam Johnson), согласно которому всѣ неуплатившія полностью аннютеты государства признаются неисправными должниками и ихъ бумаги не допускаются къ эмиссіи на американскомъ рынкѣ. При нынѣшнемъ положеніи эмиссій это ограниченіе реального значенія не имѣетъ, но зато его послѣдствіемъ было, что Англія, а за ней и другіе должники, производившіе до того времени символическіе (частичные) платежи, нашли ихъ бесполезными и перешли въ лагерь просто неплатящихъ должниковъ. Посланіе Рузвельта о долгахъ, котораго ждали съ большимъ интересомъ не содержитъ ни одного новаго слова и лишь еще разъ повторяетъ все ту же всѣмъ извѣстную американскую точку зрѣнія на военные долги.

Если репараціи были погребены въ іюль 1932 года на Лозаннской конференціи, то междусоюзническіе военные долги, повидимому, окончили свое существованіе черезъ два года послѣ репарацій въ іюль 1934 года.

Репараціи были реальны пока происходило отобраніе нѣмецкаго имущества и когда совершались первыя уплаты изъ остатковъ нѣмецкихъ средствъ. Дальнѣйшіе платежи, начиная съ Даусоваго пятилѣтія, производились уже всецѣло въ конечномъ своемъ итогѣ за счетъ иностранныхъ кредитовъ, изъ коихъ 37% падаетъ на американскихъ кредиторовъ. Если уплоченную сумму репарацій считать въ 38 миллиардовъ герм. зол. марокъ, то ее нужно уменьшить, на 10,3 мд., внесенныхъ за время 1924—1930 г. и тогда получится уплата въ 28 миллиардовъ — безспорно огромная сумма, превосходящая всѣ доселѣ имѣвшія мѣсто контрибуціи, но все же безконечно меньшая, нежели сумма репарацій, подлежащая уплатѣ²⁾. Эти 10,3 миллиарда марокъ, въ коихъ заключалось около 3,8 мд. американскихъ денегъ, черезъ союзниковъ вернулись въ Соед. Штаты, которые за тотъ же періодъ времени получили отъ союзниковъ, въ уплату по военнымъ долгамъ, 2,6 мд. дол. или, переводя на марки (4,2 мар. = 1 доллару), 10,8 мд. зол. мар.

¹⁾ Срав. мою статью на сербскомъ языкѣ въ „Политика“ 23. XII. 1933 № 9200, — „Фактично гашење ратних дугова“.

²⁾ По плану Янга 116 мд. зол. марокъ.

Сопоставленіе всѣхъ этихъ цифръ объясняетъ непонятную на первый взглядъ жертвенность, неизмѣнно проявляемую, англійскимъ правительствомъ, которое нашло самое рѣшительное свое выраженіе въ нотѣ Бальфура — а именно о желательности аннулированія военныхъ долговъ и репарацій даже при условіи, что Англія крупный вѣритель и по тѣмъ и по другимъ. Значитъ съ 1922 года англійское правительство ясно сознавало, что реальная военная добыча съ Германіи уже получена и не придавало никакой цѣнности репараціоннымъ получкамъ. Наоборотъ, оно считало эти политическіе долги вредными, какъ факторъ экономическаго смятенія и неравновѣсія. Исторія послѣдующаго десятилѣтія показала всю правильность такого воззрѣнія, которое теперь формулируется разными авторитетами¹⁾. Получился заколдованный кругъ — уплата репарацій за счетъ иностранныхъ, главнымъ образомъ, американскихъ кредитовъ, и уплата военныхъ долговъ изъ репараціонныхъ получекъ. И какъ только американцы закрыли кредиты Германіи весь этотъ круговой механизмъ естественно остановился, что въ конечной своей стадіи выразилось въ неплатежѣ долговъ опять той же Америкѣ.

* * *

Положеніе Россіи въ разсматриваемомъ вопросѣ весьма своеобразно.

Заклучивъ въ Брестъ-Литовскѣ преждевременный, сепаратный и измѣннический миръ, большевики насильно вывели Россію изъ числа союзниковъ. Статьей 116 Версальскаго договора Германія была принуждена отказаться отъ Брестъ-Литовскаго мира и за Россіей въ принципѣ было сохранено право на репараціи, установленныя Версальскимъ мирнымъ трактатомъ. Въ реальной добычѣ послѣ войны (флотъ, имущество, колоніи, вагоны, локомотивы и пр.) Россія не участвовала, все же остальное представляетъ, а особенно теперь, *vidum jus*.

Общая сумма русскаго военнаго долга достигаетъ 5,7 мд. дол., а за вычетомъ стоимости русскаго золота, отправ-

¹⁾ Le problème des dettes de guerre et d'après guerre. Bulletin de la Société de Banque Suisse, № 8, 1932, page 262: „le système de dettes politiques excessives ne peut fonctionner que tant que le créancier final, car il y a des stades intermédiaires, est disposé à prêter au débiteur l'argent nécessaire en capital (quote d'amortissement) et en intérêts“.

Société des Nations. Situation mondiale, page 279: „... au point de vue politique et économique l'existence des obligations intergouvernementales considérables découlant des dépenses de guerre a été un puissant facteur de troubles dans les années d'après guerre.“

ленного въ его обезпеченіе за границу, понижается до 3,6 мд. долларовъ или 21% всѣхъ военныхъ долговъ. Кредиторами Россіи являются въ 68,5% — Англія, въ 26,3% — Франція, въ 5,2% — Соед. Штаты.

Трудно себѣ представить судьбу европейской части этого долга, которая, конечно, будетъ таковой же, что и всѣхъ европейскихъ долговъ, но въ связи съ признаніемъ Совѣт. Россіи Соед. Штаты настойчиво домогаются регулированія той его небольшой части, которую составляютъ непосредственные американскіе военные кредиты Россіи. На конецъ войны (11/XI 1918) этотъ долгъ составлялъ 187 мил. дол., не былъ консолидированъ и остался висячимъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. На 1 января 1934 года С. Штаты его считаютъ въ суммѣ 337,2 мил. дол. Въ урегулированіи этого долга могутъ играть рѣшающую роль совершенно иные моменты, нежели факторы, опредѣляющіе вообще судьбу военныхъ долговъ міровой войны, а именно политико-экономическія отношенія между заатлантической республикою и СССР.

З. Розова.

ДЕРЖАВИНЪ И БАСНИ КРЫЛОВА.

Уже Я. К. Гротъ¹⁾ и Кеневичъ²⁾ указывали на сходство нѣкоторыхъ басенъ Крылова со стихотвореніями Державина.

Однако этотъ вопросъ до сихъ поръ не подвергался спеціальному разсмотрѣнію. Восполнить этотъ пробѣлъ и является задачей нашей статьи.

Крыловъ съ раннихъ лѣтъ преклонялся передъ Державинымъ, въ началѣ своей литературной дѣятельности подражалъ ему и цитировалъ его въ своихъ журналахъ³⁾.

Дѣйствительно, сатирической и нравоучительный элементы, отличающіе поэзію Державина, должны были быть близки душѣ Крылова. Извѣстна его шуточная ода „Къ счастью“ (СПБ. Меркурій 1793), о которой Я. К. Гротъ выразился, что Крыловъ въ ней „съ большимъ успѣхомъ воспроизводилъ игриво-сатирической элементъ державинской оды“⁴⁾.

Но мы ограничимъ нашу задачу отраженіемъ державинскаго вліянія въ басняхъ Крылова. Для баснописца дидактической и сатирической элементы державинской оды представляли еще большій интересъ.

Такъ ода „Водопадъ“ (нап. 1798 г.)⁵⁾ дала идею басни Крылова „Водопадъ и ручей“ (1816 г.)⁶⁾.

Уже Державинъ образы гордаго кипящаго водопада и скромно журчащаго ручейка использовалъ для изображенія различной судьбы человѣческой жизни:

¹⁾ 2-ое Ак. изд. соч. Державина подъ ред. Я. К. Грота, т. III, стр. 379.

²⁾ Кеневичъ: „Библиограф. и истор. примѣчанія къ баснямъ Крылова“, СПб., 1868, стр. 133 и 77.

³⁾ К. Я. Гротъ: „Къ исторіи творчества И. А. Крылова. Аноним. стишки на злобу дня“. Извѣстія по рус. яз. и слов. 1930 г., т. III, кн. I (1—27).

⁴⁾ Я. К. Гротъ: „Литер. жизнь Крылова“, СПб., 1868 Приложенія къ IV т. Записокъ Им. Ак. Наукъ. № 2, стр. 13.

⁵⁾ 2-ое Ак. изд., т. I, стр. 318 и 349.

⁶⁾ Кеневичъ, стр. 161. Датирую басни и далѣе по Кеневичу, текстъ ихъ привожу по изданію 1921 г. („Сѣвер. огни“. Стокхольмъ) подъ редакціей Е. А. Ляцкаго.

„Не жизнь ли челоѡковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ?“

и далѣе:

„О слава, слава въ свѣтѣ сильныхъ!
Ты точно сей есть водопадъ“.

Безполезной пышности водопада онъ противопоставилъ пользу ручья въ строкахъ, которыя звучатъ, какъ образцовое нравоученіе къ баснѣ:

„Не лучше ль менѣе извѣстнымъ,
А болѣе полезнымъ быть;
Подобясь ручейкамъ прелестнымъ,
Поля, луга, сады кропить
И тихимъ вдалекѣ журчаньемъ
Потомство привлекать съ вниманьемъ?“

Крыловъ еще сильнѣе подчеркнул полезность своего ручья, сдѣлавъ его „цѣлебнымъ“ ключемъ.

Въ языкѣ можно отмѣтить слѣдующее сходство: у Державина водопадъ „кипитъ“; у Крылова ср. „кипящій“ водопадъ. У Державина водопадъ

„Дивитсяя вокругъ себя людей
Всегда толпами собираетъ.“

У Крылова водопадъ говоритъ:

„Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивитсяя“.

По примѣру Сумарокова, который въ своей баснѣ „Фебъ и Борей“ удачно сравнилъ царицу съ солнцемъ:

„Борей — Калигула, а Фебъ — Екатерина,“¹⁾

Державинъ въ своихъ „Читалагайскихъ Одахъ“, въ одѣ VIII-ой: „На день рожденія Ея Величества“ (1776)²⁾, повторилъ это сравненіе:

„Когда бь среди варварства ночей
Еще, монархия, мы жили,
Мы въ солнца чинъ тебя бь вмѣстили.“³⁾

И Крыловъ, по слѣдамъ Сумарокова и Державина, воспользовался этимъ сравненіемъ въ отношеніи къ обласкавшей его послѣ болѣзни Императрицѣ Маріи Федоровнѣ, оставивъ на

¹⁾ Изд. 1781, (ч. VII), стр. 5. Басня его — передѣлка „Phebus et Borée“ Лафонтена,

²⁾ 2-ое Ак. изд., т. III, стр. 207, 230.

³⁾ Отголосокъ басни Сумарокова въ этой одѣ Державина слышится въ слѣдующей строкѣ, относящейся къ царицѣ:

„Тобой Борей Зефиромъ будетъ“.

память объ этомъ въ одномъ изъ альбомовъ Розоваго Павильона въ Павловскѣ свою прелестную басню: „Василекъ“ (1823 г.)

Изображеніе живительнаго вліянія солнца на природу въ баснѣ „Василекъ“ ближе къ Державину, чѣмъ къ Сумарокову. Срав. слѣд. строки Крылова:

„Оно своею теплотою
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ“ ... и т. д.

и 6-ую строфу Державина:

„Полезной всюду теплотою
Оно плоды произрастаетъ
Богатыхъ съ скудными питаетъ
И всяку плотъ живить собой...“

и 10-ую

„Оно обиліемъ лучей
Ползущихъ тварей оживляетъ...“

И у Крылова два раза повторяется слово „оживило“ въ отношеніи къ солнцу.

Сравнивъ милости царицы съ живительной силой солнца, Державинъ выражаетъ надежду, что и другіе цари будутъ брать примѣръ съ его доброй царицы:

„Придутъ царіе вселенны
Твоею славой восхищенны
Учиться царствовать къ тебѣ“.

И Крыловъ въ заключеніе къ своей баснѣ предлагаетъ то же въ формѣ нравоученія:

„О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!“

Въ одѣ „Вельможа“ (1798 г.)¹⁾ слѣдующія сатирическія строки Державина, навѣяныя басней Сумарокова „Калигулина лошадь“²⁾:

„Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сія въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.
Осель останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ надо дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами“.

также сыграли роль въ творчествѣ Крылова.

¹⁾ Соч. Державина, т. I, стр. 431, 443.

²⁾ Изд. 1781, стр. 179.

Его басня „Осель“ (1815 г.): „Когда вселенную Юпитеръ населялъ“ ... имѣетъ сходство въ содержаніи и стилѣ съ басней Сумарокова „Калигулина лошадь“¹⁾ съ тѣмъ отличіемъ, что Крыловъ вмѣсто лошади вывелъ осла въ чести, что придало баснѣ болѣе комизма. Вѣроятно, посредникомъ въ этомъ отношеніи явилась ода Державина, гдѣ онъ привелъ въ параллель Калигулину коню осла въ почестяхъ.

Не только дидактической и сатирической элементы державинской оды сыграли роль въ творествѣ Крылова, но и поучительно-обличительное содержаніе его злободневныхъ стихотвореній.

Злостью дня была и французская революція, отразившаяся въ стихотвореніяхъ: „Колесница“ и „Громъ“.

Уже Кеневичъ въ примѣчаніи къ баснѣ „Конь и всадникъ“ (1816) указалъ, что „по идеѣ и по нѣкоторымъ подробностямъ эта басня сходна со стихотвореніемъ Державина „Колесница“ (1804)²⁾ и что Крыловъ въ своей баснѣ имѣлъ въ виду такъ же, какъ и Державинъ, французскую революцію и бѣдственныя ея послѣдствія: „Въ его Всадникѣ, какъ и въ Возницѣ Державина, мы должны видѣть Людовика XVI, а въ Конѣ — французскій народъ“³⁾.

Подробный анализъ дастъ намъ еще болѣе увѣренности въ сходствѣ этихъ произведеній.

Возница Державина, какъ и Всадникъ Крылова, увѣренный въ кротости своихъ коней, ослабляетъ возжи (у Крылова снимаетъ узду). Кони понеслись. Въ описаніи бѣшенной скачки находимъ у нихъ общія черты:

У Державина:

„Летятъ они во весь опоръ“;

У Крылова:

„Онъ мчитъ его во весь опоръ“.

При этомъ и риѐма у нихъ одинаковая: „опоръ-взоръ“.

У Державина:

„И прахъ“... „Какъ вихоръ, надъ собою
вбуютъ“

У Крылова:

„А самъ, какъ буйный вихрь, пустился“.

И Возница и Всадникъ, испуганные, пытаются удержать коней, но поздно:

¹⁾ З. Розова: „Сумароков и Крылов“. „Praci I sjezdu Slovanskych Filologu v Praze 1929, svazek II.

²⁾ Т. I, 375.

³⁾ Кеневичъ „Примѣчанія“... стр. 135. Кромѣ того, прямое указаніе на французскую революцію находимъ у самого Державина, въ концѣ стихотворенія „Колесница“: „Такъ ты, о Франція, несчастна“...

У Державина:

„Но ужъ они его рѣчей
Не слушаютъ, не понимаютъ“...

У Крылова:

„Не слушая словъ всадниковыхъ болѣ“...

У Державина:

„Звѣрски взоры коней блестятъ огнемъ“;

У Крылова:

у коня „разгорѣлся взоръ“.

И катастрофа у нихъ одинакова: у Державина возница падаетъ, колесница летитъ въ ровъ, и кони убиваются. У Крылова конь сбрасываетъ всадника, самъ падаетъ въ оврагъ и убивается до смерти.

Прототипомъ этихъ произведеній, изображающихъ легкомыслие ѣздока, являются приключенія Фаэтона. Сумароковъ первый извлекъ изъ Овидія сюжетъ для своей басни „Одноколка“¹⁾. Державинъ, а за нимъ Крыловъ примѣнили мораль этого приключенія къ современнымъ событіямъ. За Крыловымъ Пушкинъ повторилъ образъ коня и всадника въ отношеніи къ правителю и народу въ разговорѣ Бориса Годунова съ Басмановымъ въ сценѣ: „Москва. Царскія Палаты“²⁾ и съ сыномъ³⁾.

Стихотвореніе Державина „Громъ“⁴⁾, бичующее „безбожниковъ“ и атеизмъ, породившій, по его мнѣнію, французскую революцію⁵⁾, могло дать идею для басни „Безбожники“ (1815), въ которой Крыловъ также обличаетъ безбож-

¹⁾ Изд. 1781, стр. 75. Басня также изображаетъ катастрофу легкомысленнаго ѣздока.

²⁾ „Басмановъ. Всегда народъ къ смятенію тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ;
Но что жъ? конемъ спокойно всадникъ править,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.
Царь. Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержатъ народъ“.

³⁾ Царь (сыну) „Со временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды.
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская“.

Вліяніе здѣсь Крылова объясняется тѣмъ легче, что въ томъ же году Пушкинъ написалъ статью: „О предисловіи Лемонте къ баснямъ Крылова“.

⁴⁾ Стихотвореніе „Громъ“ вмѣстѣ съ двумя другими: „Облако“ и „Радуга“ было напечатано отд. выпускомъ и въ соч. и переводахъ Рос. Ак., ч. II. и затѣмъ въ изданіи 1808 г. См. объ этомъ примѣчанія Грота, т. II, 377—379.

⁵⁾ Намекъ на французскую революцію и ея событія виденъ въ томъ, что на ряду съ безбожниками упоминаются у него „Вновь созданныя цари и царства“.

ныя ученія французскихъ философовъ, приписывая имъ всѣ бѣдствія, постигшія французскій народъ¹⁾).

Изображая страшное величіе грозы, Державинъ совѣтуетъ „безбожникамъ“ смирить свою дерзость, чтобы ихъ не постигло наказаніе, подобное грому, которое разобьетъ всѣ ихъ козни²⁾):

„И мечъ и лукъ сотрется въ персть“.

Интересно, что и у Крылова безбожники

„Кто съ лукомъ, кто съ пращей, шумя несутся въ поле“....,

но въ то время, какъ у Державина мечъ и лукъ только обычная бутофорія неоклассической поэзіи, Крыловъ переноситъ своихъ безбожниковъ вполнѣ въ классическую древность. Они у него — бунтовщики противъ Олимпійцевъ.

Можетъ быть, и самое заглавіе басни Крылова подсказано именно этимъ обличительнымъ обращеніемъ Державина къ безбожникамъ:

О вы, безбожники, не чтуши
Всевышней власти надъ собой,
Въ развратныхъ мысляхъ тѣхъ живущи,
Что случай все творить слѣпой“...

Далѣе предостереженіе, которое предлагаетъ онъ ожидающему ихъ наказаніи и гибели:

„И вѣрьте, дерзки челоѣки,
Что все величье ваше прахъ“,

напоминаетъ по формѣ нравоученіе Крылова:

„И вѣдайте, народы, вы“....,

гдѣ онъ также предостерегаетъ, что „кощунства“ „мнимыхъ мудрецовъ“³⁾ обратятся лишь въ гибель для народа, въ „громовыя“ стрѣлы.

1) О томъ, что и басня Крылова имѣетъ въ виду французскую революцію, см. у Кеневича, стр. 127.

2) Есть у Державина и другое стихотвореніе подъ заглавіемъ „На безбожниковъ“ (1808.) (написанное на псаломъ 52-ой), дальнѣйшимъ развитіемъ котораго является стих. „Громъ“. Доказательство къ тому видимъ въ слѣд. строкѣ стих. „На безбожниковъ“:

Богъ... „Грозно вамъ въ громѣ гремитъ“.

3) Подъ „мнимыми мудрецами“ Крыловъ имѣетъ въ виду, конечно, прежде всего французскихъ философовъ просвѣщенія. Ср. у Державина въ „Колесницѣ“ обращеніе къ Франціи:

„Отъ философовъ просвѣщенья
Ты пала въ хаосъ развращенья
И въ бездну вѣчной срамоты“.

Кромѣ „громовыхъ стрѣлъ“ находимъ у Крылова здѣсь и болѣе явные отголоски стихотворенія „Громъ“: интересно, что для вразумленія безбожниковъ боги у Крылова предлагаютъ Юпитеру то же средство, что у Державина: громъ; кромѣ того, въ черновомъ текстѣ басни имѣется у него здѣсь та же риѐма, что у Державина: „челомъ-громъ“:

„Тутъ боги Зевсу бьютъ челомъ
Чтобъ отвратилъ онъ зло иль силой, иль умомъ
И даже всѣ согласны въ томъ,
На незаконныхъ кинуть громъ“¹⁾.

Ср. у Державина описаніе грозы въ началѣ стихотворенія:

„И се какъ ночь осеня, темна
Нахмурясь надо мной челомъ,
Хлябь пламенемъ разсѣлась черна,
Сверкнуль, взревѣль, ударилъ громъ“.

Въ черновомъ текстѣ басни было сначала другое нравоученіе вмѣсто теперешняго, въ которомъ Крыловъ обращался съ нравоученіемъ не къ народамъ, а къ царямъ:

„О вы,
Которымъ Богъ вручилъ о царствахъ попеченье!
Любите мудрости ученье:
Оно людей къ добру ведетъ,
Но бойтесь, если въ нихъ невѣріе гнѣздится;
Иль придетъ часъ, оно какъ туча²⁾ разразится,
Присягу, и родство, и дружбу разорветъ
И каменныя дождемъ на царство упадетъ“³⁾.

Это нравоученіе по формѣ напоминаетъ предшествующее „Грому“ стих. „Облако“⁴⁾ (съ которымъ оно вмѣстѣ отд. выпускомъ было напечатано), въ которомъ Державинъ также преподаетъ слѣдующее нравоученіе царямъ:

„О вы, имѣющіе боговъ
Въ рукахъ всю власть и всю возможность,
Въ себѣ же смертнаго ничтожность,
Ввергающую бѣдствій въ ровъ,
Цари! Отъ васъ вашъ тронъ зависитъ
Уничтожить зломъ, добромъ возвыситъ;
Имѣйте вокругъ себя людей
Незлобьемъ, мудростью младенцевъ;
Но бойтесь счастья возведенцевъ,
Ползущихъ пестрыхъ вокругъ васъ змѣй“.

¹⁾ Текстъ см. у Кеневича, Примѣчанія, стр. 126.

²⁾ „Туча“ — отголосокъ стих. „Громъ“ и „Облако“.

³⁾ *ibid.*

⁴⁾ Т. II, 374.

Параллельно съ этимъ интересно сопоставить съ выше-приведенными нравоученіями Крылова: черновымъ, — обращеннымъ къ правителямъ, и другимъ (въ заключеніи къ баснѣ), обращеннымъ къ народамъ, еще одно нравоученіе Державина въ черновомъ текстѣ стихотворенія „Колесница“, въ заключительныхъ строкахъ котораго онъ одновременно поучалъ и правителей и народы:

„О вы, вѣнчанныя возницы,
Бразды держащія въ рукахъ,
И вы, царствъ славныхъ колесницы
Носящи на своихъ плечахъ!
Учитесь изъ сего примѣру
Царями, поданными быть,
Блюсти законы, нравы, вѣру
И мудрости стезей ходить.
Учитесь, знайте: бунтъ народный,
Какъ искра, чуть сперва горитъ,
Потомъ лѣтъ пожара волны,
Которыхъ берегъ небомъ скрытъ“.

Въ черновой рукописи Державинъ это нравоученіе зачеркнулъ¹⁾ и не рѣшилъ его напечатать²⁾, какъ и впослѣдствіи Крыловъ — свое первое черновое нравоученіе (см. выше: „О вы, которымъ Богъ вручилъ о царствахъ попеченье“ ...) къ баснѣ „Безбожники“. Оба предпочли отъ уроковъ вѣнчаннымъ особамъ воздержаться.

И по духу и по формѣ оба нравоученія Крылова къ баснѣ „Безбожники“ звучатъ совсѣмъ по-державински, торжественно и внушительно. Такимъ образомъ обличительная проповѣдь злободневныхъ стихотвореній Державина подсказала Крылову матеріаль и мораль для басенъ на современныя событія.

Въ баснѣ „Чижъ и Ежъ“, написанной въ 1814³⁾ въ честь возвращенія Императора Александра I изъ Парижа, Крыловъ сравнилъ его съ Фебомъ, поднимающимся изъ волнъ морскихъ:

„Вотъ, въ блескѣ и во славѣ всей,
Фебъ лучезарный изъ морей
Поднялся“.

Державинъ часто въ своихъ произведеніяхъ сравни-

1) Т. I, 377.

2) О возможности знакомства Крылова съ неизданными произведеніями Державина см. далѣе.

3) См. у Кеневича, стр. 138.

ваетъ Александра I съ Фебомъ¹⁾. Въ гимнѣ его „Срѣтеніе Орфеемъ солнца“ (1811.)²⁾, переложенномъ на музыку Бортнянскимъ и исполненномъ въ „Бесѣдѣ“ въ честь посѣщенія ея Императоромъ Александромъ I, Державинъ привѣтствовалъ его, какъ Феба, поднимающагося изъ моря. Яркими красками изобразилъ онъ, какъ „златокудрый, вѣчно-юный богъ восходитъ

„И свѣтлое чело возноситъ
Изъ синихъ волнъ на небеса“.

и какъ все оживляетъ своимъ появленіемъ. Ср. у Крылова:

„Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему“.

Возможно, что гимнъ, слышанный, конечно, Крыловымъ въ „Бесѣдѣ“, подсказалъ ему образъ Феба, выходящаго изъ моря, когда онъ задумалъ въ баснѣ своей „пѣть Александра“.

Отголоскомъ гимна въ стилѣ басни могутъ быть слѣдующія строки:

„И въ срѣтенье ему
Хоръ громкихъ соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раздался“.

Ср. у Державина:

„Да въ срѣтенье тебѣ исшедши
Воскликнемъ гимнъ“.

У Крылова: „И во славѣ всей“... Ср. у Державина: въ его гимнѣ 5 разъ повторяется „слава“ въ честь Феба.

Кеневичъ, по слѣдамъ Грота³⁾, предлагаетъ сравнить басню „Осель и Соловей“ (1811) съ „описаніемъ пѣнія соловья и произведеннаго имъ впечатлѣнія“ у Державина въ стихотвореніи „Соловей“ и „Обитель Добрады“, а также съ четверостишіемъ Михаила Попова⁴⁾.

Для родословной Крыловскаго соловья Ак. Гротъ указалъ, что попытка описать соловьиное пѣніе въ русской литературѣ приводитъ къ „Риторикѣ“ Ломоносова, а отъ него къ Плинію Младшему. Ломоносову подражали Державинъ и Михайль Поповъ, и описаніе соловьиного пѣнія стало излюбленной темой тогдашнихъ стихотворцевъ, пока всѣхъ ихъ не затмилъ Крыловъ.

¹⁾ 2-ое Ак. изд., т. II, 264 („Гимнъ Солнцу“); т. II, 360 („Гласъ Спббургскаго Общества“); т. II, 356 („Походъ Озирида“).

²⁾ Ibid. т. III, 60.

³⁾ Т. I, 477, II, 456.

⁴⁾ Кеневичъ, стр. 77.

Въ стих. „Соловей“ (1795)¹⁾ у Державина по тому же плану, что и у Крылова, но другими чертами изображается: сначала — впечатлѣніе, производимое искусствомъ соловья на природу, затѣмъ его пѣніе.

Природа и у него „внимаетъ“ соловью, затаивъ дыханіе. Напр.

„Молчитъ пустыня изумлена“

Ср. у Крылова:

„Замолкли птичекъ хоры“...

У Державина:

„Рѣка бѣгущая чуть льется“.

Ср. у Крылова:

„Чуть-чуть дыша, пастухъ“

У Державина:

„Ель „какъ очарованна внимаетъ“—

Ср. у Крылова:

„Внимало все тогда“...

Въ описаніи соловьиного пѣнія у Державина съ Крыловымъ нѣтъ сходства, кромѣ слѣдующихъ чертъ: онъ вспоминаетъ его „разсыпную звонку трѣль“ и пѣснь „на крыльяхъ эха раздробленну“ (ср. „то мелкой дробью вдругъ по рошѣ рассыпался“). Соловей и у Державина „щелкаетъ“²⁾.

Въ стих. „Обитель Добрады“ (1808 г.)³⁾ Державинъ такъ описываетъ пѣніе соловья:

Отрывисто звучить,
За громомъ громъ катитъ
И всю себя внимать природу заставляетъ;
Потомъ же, утомясь,
Свой тише, тише гласъ
Какъ бы степенно ниспускаетъ
И сладостно стая, въ восторгѣ умолкаетъ“...

³⁾ Т. I, 478.

²⁾ Больше общихъ чертъ можно найти у Крылова съ „Соловьемъ“ Мих. Попова („Досуги“ 1772 г.), хотя онъ и производитъ теперь довольно-комическое впечатлѣніе. Его соловей:

„Урчалъ, дробилъ, визжалъ, кудряво, густо, тонко,
Порывно, косо вдругъ, вдругъ томно, тяжело, звонко
Стеналъ, хрипѣлъ, щелкалъ, скрипѣлъ, тянулъ, вилялъ
И разностью такой людей и птицъ плѣнял“.

³⁾ Т. II, 166.

Ср. у Крылова:

„Внимало все тогда“...

и

„То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдаль свирѣлью отдавался“.

Въ стих. „Державина“ упоминается рядомъ съ соловьемъ и свирѣль.

Богиня Добрада слушаетъ:

„Какъ изъ-за роши къ ней
Доходятъ голоса пастушеской свирѣли“,

У Державина имѣется еще и стихотвореніе „Соловей во снѣ“ (1804 г.)¹⁾.

Въ описаніи общихъ чертъ съ Крыловымъ нѣтъ, кромѣ развѣ слѣдующихъ:

„То звучалъ, то отдавался
То стеналъ, то усмѣхался
Въ слухъ издаече онъ,“

(Ср. „И томной вдаль свирѣлью отдавался“).

Мастерствомъ своего искусства Крыловъ навсегда затмилъ неискусныхъ соловьевъ своихъ предшественниковъ, но возможно что кое-какія черточки онъ у нихъ и заимствовалъ.

Въ отношеніи къ Державину слѣдуетъ указать еще и басню „Кошка и Соловей“, о которой Я. Гротъ говоритъ, что она представляетъ „разительное, хотя, конечно, случайное сходство“ по идеѣ съ четверостишіемъ Державина „На птичку“²⁾.

Мнѣніе это основывается на томъ, что стихотвореніе Державина появилось въ печати позже (1827 г.), чѣмъ басня Крылова (1824 г.)³⁾.

Мы полагаемъ однако, что сходство это не случайно. Между Державинымъ и Крыловымъ, какъ это доказалъ К. Я. Гротъ въ статьѣ: „Къ исторіи творчества И. А. Крылова. Анонимные стишки на злобу дну“⁴⁾ существовали такія близкія дружескія отношенія, что Крыловъ сообщалъ ему свои произведенія, которыя не могли быть печатаемы по своей „политической нецензурности“ и разглашеніе которыхъ могло бы навлечь на автора непріятности. Таковы: сатирическое „Письмо Толстошеина къ Растріопину“ и списки „Трумфа“.

1) II т., 80.

2) Т. III, 379.

3) К е н е в и ч ъ, стр. 183.

4) „Известія по рус. яз. и слов.“ 1930, т. III, кн. 1-ая.

Этотъ фактъ даетъ возможность предположить обратное: и Державинъ могъ дѣлиться со своимъ почитателемъ Крыловымъ въ рукописи (какъ это часто практиковалось въ то время) тѣми своими произведеніями, которыхъ онъ, по личнымъ и политическимъ соображеніямъ, не печаталъ.

Къ такимъ принадлежитъ и стихотвореніе „На птичку“, въ которомъ онъ изобразилъ свое тягостное положеніе придворнаго поэта. Написано оно по слѣдующему поводу: когда Державинъ попалъ въ должность секретаря Екатерины II (въ 1791 г.), то государыня часто выражала ему желаніе, чтобъ онъ писалъ въ родѣ оды Фелицъ, но, разстраиваемый придворными каверзами, поэтъ не могъ найти къ тому вдохновенія¹⁾.

Свое настроеніе онъ выразилъ въ четверостишіи: „На птичку“. Стоитъ только посчитать сколько словъ изъ него перешло въ басню Крылова, чтобы усумниться въ случайности этого сходства:

„Поймали птичку голосисту,
И ну сжимать ее рукой:
Пищитъ бѣдняжка, вмѣсто свисту —
А ей твердятъ: Пой, птичка, пой!“.

Ср. басню „Кошка и Соловей“. (Начало).

„Поймала кошка соловья,
Въ бѣдняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
„Спой“ (строка 15) „Пропой“ (22-я)
„Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только что пищалъ“ (28-ая).

Весьма возможно, что Державинъ, не желая печатать свое стихотвореніе, не отказалъ себѣ въ удовольствіи подѣлиться тѣмъ, что его лично касалось, съ Крыловымъ, который и самъ, по довѣрію, сообщалъ ему подобнаго рода произведенія. Стихотвореніе дало Крылову прекрасный сюжетъ для басни, въ которой онъ хотѣлъ изобразить положеніе русской литературы въ когтяхъ цензуры.

Возможно, что и басня Державина „Крестьянинъ и дубъ“ (извѣстная въ рукописи 1802, но напечатанная въ 1816 г.²⁾), въ которой поэтъ изобразилъ себя и личныя свои отношенія, могла быть извѣстна Крылову тѣмъ же путемъ до напечатанія, т. к. она имѣетъ сходство по идеѣ съ баснями: „Листы и Корни“ (1811 г.) и „Орель и Кротъ“ (1816 г.).

¹⁾ См. примѣчанія Я. Грота къ соч. Державина, т. III, 379.

²⁾ Т. II, 258.

Крестьянинъ и Дубъ.

„Рубиль крестьянинъ дубъ близъ корня топоромъ;
Звучало дерево, пускало шумъ и громъ,
И листья на вѣтвяхъ хотя и трепетали,
Близъ корня видючи топоръ,
Но, въ утѣшеніе себѣ, съ собой болтали,
По лѣсу распуская всякій вздоръ, —
А дубъ надѣялся на корень свой, гордился
И презиралъ мужичій трудъ;
Мужикъ же все трудился
И думалъ между тѣмъ: пускай ихъ врутъ:
Какъ корень подсѣку, и вѣтви упадутъ!“

Эта басня написана была Державинымъ въ Калугѣ, куда онъ посланъ былъ для разслѣдованія злоупотребленій тамошняго губернатора Лопухина. Лопухинъ надѣялся на своихъ вліятельныхъ родственниковъ, а соучастники его злоупотребленій распускали про Державина неблагопріятные толки. „Ихъ то кажется поэтъ и разумѣетъ подъ листьями и вѣтвями; подъ мужикомъ самого себя“¹⁾.

Басни Крылова „Листы и Корни“ и „Орель и кротъ“ изображаютъ ту же зависимость листьевъ отъ корня, дуба отъ корня, какъ и басня Державина. Листы у него также безпечно легкомысленны, забывая о корнѣ, какъ и у Державина. По идеѣ болѣе сходна басня „Листы и корни“. Ср. конецъ басенъ:

(„Крест. и дубъ“)

„Какъ корень подсѣку, и вѣтви упадутъ“.

(„Листы и Корни“)

„А если корень изсушится,
Не станетъ дерева, ни вась“.

Еще одна мелочь: Крыловское выраженіе: „А кисти сочныя, какъ яхонты горятъ“ (Лисица и виноградъ) напоминаетъ „Павлина“ Державина, у котораго на перьяхъ „яхонты горятъ“²⁾ и отразилось въ Бахчисарайскомъ фонтанѣ Пушкина въ стихѣ: „янтарь и яхонтъ винограда“³⁾.

На старости лѣтъ и Державинъ сталъ увлекаться басней, подражая Крылову. Послѣ него осталось 24 басни, неизданныя, однако, при жизни (См. т. III, 427.) Въ свои басни

¹⁾ Т, II, 258.

²⁾ Соч. т. I, 480. 1795 годъ.

³⁾ Изд, Ак. Наукъ, т. III, 175.

онъ вносилъ нѣкоторые приемы творчества Крылова ¹⁾ и явно отдавалъ ему преимущество передъ другими баснописцами въ своемъ „Судѣ о басельникахъ“ ²⁾).

„Эзопъ, Хемницера зря, Дмитрева, Крылова,
Послѣднему сказалъ: ты тонокъ и умень“.

Престарѣлый Державинъ и въ стихотвореніяхъ послѣднихъ лѣтъ самъ пользуется образами изъ басенъ Крылова. Въ стихотвореніи „На смерть Фельдмаршала князя Смоленскаго“ (1813.) онъ вспоминаетъ Наполеона, „бѣгущаго какъ волкъ“ ³⁾.

Тотъ же образъ въ примѣненіи къ Наполеону съ еще болѣе крыловскими чертами находимъ въ „Гимнѣ лироэпическомъ на прогнаніе французовъ изъ отечества“ (1813 г.) ⁴⁾:

„Такъ волкъ въ лѣса бѣжитъ назадъ,
Бывъ прогнанный отъ стада,
Оставя добычу, и рыщетъ хоть скачками,
Но, взадъ озрясь, стуча зубами,
Огнь сыплеть изъ очей“.

(Ср. „Волкъ на псарнѣ“ (1812.) Крылова).

Въ стихотвореніи „Цѣленіе Саула“ (1811.) ⁵⁾ онъ почти повторилъ Крылова въ слѣд. строкахъ о смерти:

„Отверзлись ржавыя со скрипомъ ада двери“,

Ср. у Крылова въ баснѣ „Моръ звѣрей“ (нап. 1809.):

„Въ адъ распахнулись настезь двери“.

Этотъ образъ впервые встрѣчается у Княжнина:

„Повсюду къ смерти имъ отверзты двери“ ⁶⁾.

¹⁾ Я. Гротъ: „Литератур. жизнь Крылова“, СПб., 1868. Приложение къ IV т. Записокъ Им. Ак. Наукъ, № 2.

²⁾ Т. III, 408.

³⁾ Т. III, 124.

⁴⁾ Т. III, 108.

⁵⁾ Т. III, 9. Извѣстно въ рукописи 1809. См. прим. Грота, т. III, 22.

⁶⁾ Кеневичъ, 57. Переводъ той же басни Лафонтена, что и басня Крылова „Моръ звѣрей“.

А. Л. Пог о д и н ъ.

Дополненіе къ статьѣ „Личность и дѣятельность Императора Николая I въ сербскомъ общественномъ мнѣніи его времени“.

Когда статья, помѣщенная въ настоящемъ выпускѣ „Записокъ Р. Н. И.“, была набрана и отпечатана, совершенно случайно я наткнулся въ Народной Библиотекѣ въ Бѣлградѣ на маленькую брошюру съ заглавіемъ „Ево Руса“. Брошюра издана безъ имени автора, указанія на мѣсто и годъ изданія, но не подлежитъ сомнѣнію, что она вышла въ 1849 г., и вѣроятно, въ Земунѣ, гдѣ можно было довольно рѣзко нападать на мадьяръ. Вся брошюра состоитъ изъ четырехъ страницъ стихотворнаго текста и двухъ листовъ карикатуръ на мадьярскихъ политиковъ, карикатуръ, исполненныхъ жгучей ненависти къ мадьярамъ, но лишенныхъ всякой художественности. На первомъ листѣ высмѣивается мадьярская пропаганда въ пользу революціи, на второмъ представлена тяжкая участь народовъ, подчиненныхъ мадьярамъ. Брошюра написана въ пылу борьбы и дышетъ эмоціями борцовъ. Въ этомъ отношеніи она представляетъ любопытную параллель къ текстамъ, изложеннымъ выше. Передаю текстъ брошюры съ точнымъ соблюденіемъ правописанія подлинника. Подъ заглавіемъ эпиграфъ: „Се женихъ грядетъ“.

Затѣмъ слѣдуютъ стихи.

Ево Русси, ево!
Светла є истина
Не ће Мађаръ выше
Газити Србина.
Већ є гуя пала
Са грознымъ отровомъ,
Што є Срблѣ клала,
Подъ правице кровомъ.
И правде богиня,
Садъ ће надвладати,
Неба милостиня
Насъ ће напаяти.

Чуйте и вы врази
Шта судбина вели;
Мора да с'погази
Кой неправо жели.
И да се погрузи
Гди неправда влада,
У окови, узи
Мора да пропада.
Стотинама лѣта,
Кой Србство гоните,
Кано да вамъ смета
Сву ярость чините.

Али правда вечна
 Оће да освети
 Казань непресечна
 Мора вас уклети
 Тешке гоньбе лажи
 Већ су доцрниле,
 Граничару, кажи
 Гди т'ни су раниле.
 Већ су те испиле
 До кости саздане,
 До срца бациле
 Стреле отроване.
 Ни є веровати
 Кад Бога дозивлю
 Ни є се уздати
 Свето кад споминю.
 Сирови Мађаре
 Паклу до колена,
 По срцу Татаре,
 Чиєгь су племена.
 Ко ће грозна зала
 Моћи описати,
 Што су рукомь пала,
 Твоіом исказати.

Єси ли светиню,
 Кою поштедіо?
 Зар'познаешъ ти ню?
 Богъ што ј'наредіо
 Цркве и олтаре
 Све си погазіо,
 Задушбине старе
 Наше с'поганіо.
 Пропастъ носиш свима
 Копашъ вечну яму,
 Свима славенима,
 Пашћешъ у ню саму
 Ср'Богъ сво шилъ
 Народ да избави
 Србма помоћъ смилъ,
 И да ии прослави.
 Пропастъ другомь кои
 Или яму копа
 Самъ онъ ню освои,
 Пропадне му стопа,
 Ево Русса ево!
 Светло є већ свима,
 Векъ є песму спєво
 Грознымъ Мађарима.

А въ „Домовномъ и Общеплезномъ Србскомъ Народномъ“ Календарѣ за 1851 г. (въ Панчевѣ) была напечатана въ стилѣ народнаго эпоса любопытнѣйшая и для насъ пѣсня: „Прелазакъ Руса Аустріи у помоћъ“. Пѣсня имѣетъ крайне враждебный мадьярамъ и полякамъ тонъ. Императоръ Николай I — „свети цар“. Подобныхъ произведеній я встрѣчалъ еще нѣсколько.

РУССКІЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ БЪЛГРАДЪ ЗА ПЕРВЫЯ ШЕСТЬ ЛѢТЪ ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

(съ 1928/9 по 1933/4 акад. годъ включ.).

I. ДОКЛАДЫ, СООБЩЕНІЯ, РѢЧИ И ОТДѢЛЬНЫЯ ЛЕКЦІИ.

† **Акацатовъ Н. Е.** — Къ вопросу о механизмѣ питанія тканевой клѣтки и приспособляемости ея къ окружающей средѣ. Значеніе этого вопроса въ біологіи и медицинѣ (3-XI 1932).

Андреева М. А. — Къ исторіи византійскихъ политическихъ идей въ VI вѣкѣ (22-I 1931). Дубровницкій архивъ и его значеніе для исторіи Византіи (26-II 1931).

Аничковъ Е. В. — Вѣчное Евангеліе (31-III 1929). Двѣ струи русской политической мысли, — Герценъ и Чернышевскій до и послѣ 1862 года (5-I и 9-I 1930). В. И. Ламанскій, славянофильство и франко-русскій союзъ (3-I 1934).

Бальмонтъ К. Д. — Русскій языкъ и его созидатели (18-III 1929). Поэма Руставели „Носящій барсовую кожу“ и бретонская повѣсть „Тристанъ и Изольда“ (17-IV 1829).

Баскаковъ В. И. — Эпохальное въ историографіи значеніе великой міровой войны 1914—1918 г. (21-XII 1928). Г. А. Лееръ и его научное, военное и національное значеніе (10-VI, 1929). Профессоръ генераль Н. Н. Обручевъ какъ національный дѣятель, славянофилъ и военный мыслитель, — по случаю столѣтія со дня его рожденія (20-I 1931). Значеніе введенія всеобщей воинской повинности въ Россіи, — въ память пятидесятилѣтія кончины императора Александра II (20-IV 1931). Единая военная доктрина (16-XI 1931). Академизмъ въ учрежденіи и въ дѣлѣ Россійской Академіи генеральнаго штаба (16-I 1933). Соціологическій моментъ въ дѣлѣ военномъ. Проблема военной соціологіи (20-XII 1933).

Билимовичъ Алекс. Д. — Величины и ихъ соотношенія въ экономической наукѣ (30-XI 1932).

Билимовичъ Ант. Д. — Элементы исчисленій образами (12-XII 1928). Изъ абсолютной механики (22-II 1929). О съѣздѣ по прикладной механикѣ въ Стокгольмѣ (28-XI 1930). О нѣкоторыхъ вопросахъ изъ небесной механики (29-I 1932).

Болдыревъ В. В. — Периодическая дѣятельность поджелудочной железы (въ окт. 1932).

Бошковичъ Стефан — Утицај руске геодетске науке на геодетске радове у Србији а затим у Југославији (16-I 1933).

Бѣльскій В. И. — Памяти В. И. Борткевича (2-XII 1931).

Вагнеръ Ю. Н. — Памяти академика В. В. Сушкина (7-II 1929). Эктопаразиты какъ индикаторы генезиса фауны (4-II, 1932). Регенерація эпителия кишечника у насѣкомыхъ (3-V 1934).

Вегнеръ А. Ю. — Работы П. И. Рудченка по министерству финансовъ въ Югославіи (30-IV 1931). Современный сельско хозяйственный кризисъ и его значеніе для Россіи настоящей и будущей (23-III 1932) Мораторій для долговъ земледѣльцевъ въ Югославіи (совмѣстно съ Л. Я. Тауберомъ, — 10-V 1933). Технократическая основа политики Рузвельта (31-V 1934).

Георгиевичъ Р. А. — Современные средства технической борьбы какъ исходныя данныя для военно инженерной защиты (14-III 1932). Маскировка (11-IV 1932).

Георгиевскій М. А. — Еврейство, христіанство и язычество (26-IV 1930). Еврейская община новаго завѣта въ Дамаскѣ (12-II 1931). Пересмотръ вопроса объ отношеніи сумерійской культуры къ ассиро-вавилонской (26-III 1931). Примѣненіе М. Веберомъ принциповъ „религіозной социологіи“ къ исторіи античнаго еврейства (28-V 1931). Сорокъ лѣтъ (1891—1931) политики Римской Куріи по социальному вопросу (28-I 1932). Письмена и надписи въ Винчѣ, древнѣйшемъ очагѣ Придунайской культуры (28-II 1934). Новонайденная финикійская поэма XIII ст. до Р. Х. (22-III 1934).

Гиппиусъ З. Н. — Достоевскій и теократія (совмѣстно съ Д. С. Мережковскимъ, — 8-X 1928).

Голенищевъ-Кутузовъ И. Н. — Россія и русскіе въ югославянскомъ народномъ эпосѣ (29-XII 1933).

Головинъ Н. Н. — Социологія войны (3-XI 1933).

- Даватцъ В. Х.** — Объ одной теоремѣ изъ геометріи (21-III 1930). Къ вопросу объ огибающихъ (10-I 1930). Геометрическія мѣста кратныхъ кривыхъ семейства поверхностей (27-V 1932). Къ вопросу о теоріи совершенныхъ чиселъ (22-XII 1933).
- Демченко Г. В.** — Основныя теченія въ наукѣ о правѣ въ связи съ вопросомъ о реальности юридическаго познанія (9-V 1929).
- Доброклонскій А. П.** — О книгѣ Баумгартена „Тригвисонъ, норвежскій король, и его отношеніе къ Владимиру Святому“ (18-XII 1931). Структура вселенскихъ соборовъ (18-IV 1934).
- Дрейлингъ Р. К.** — Военскій уставъ Петра Великаго и Суворовская наука побѣждать (14-IV 1930) Активный типъ бойца и его разновидности (21-III 1932).
- Жардецкій В. С.** — О вліяніи поясныхъ вращеній земли на матеріки (5-IV 1929). О перманентномъ вращеніи изолированной жидкой массы (26-XII 1930). Объ уравненіяхъ движенія неоднородной среды (25-XII 1931). Трансформація Клебша и малыя колебанія жидкости (31-III 1933). Значеніе гипотезы зональнаго вращенія для объясненія эволюціи земли (23-III 1934).
- Зайцевъ А. М.** — О русскихъ минералогическихъ коллекціяхъ при Бѣлградскомъ университетѣ (8-XI 1828). Новѣйшія работы относительно мѣстонахожденія нѣкоторыхъ металловъ въ Югославіи (7-II 1929). О новыхъ работахъ по минералогіи въ Россіи (7-III 1929). Новѣйшія работы по изслѣдованію мѣсторожденій нѣкоторыхъ металловъ въ Россіи (4-IV 1929).
- Зайцевъ К. І.** — Элементы и зародыши свободнаго крестьянскаго хозяйства въ крѣпостной Россіи (31-V 1932). *)
- Игнатовскій А. І.** — Памяти А. А. Редлиха (8-XII 1932). Воспоминанія о В. Н. Сиротининѣ (14-VI 1934 г.).
- Ижболдинъ Б. С.** — Новѣйшія воззрѣнія на деньги и кредитъ (11-XI 1930). Понятіе счета и баланса въ современной научной бухгалтеріи (25-XI 1930). Совѣтская монополія внѣшней торговли въ оцѣнкѣ нѣмецкихъ экономистовъ (28-I 1931). Эволюція или закатъ капиталистической системы хозяйства? I часть.

*) Докладъ былъ присланъ въ рукописи и прочтенъ П. Б. Струве.

Империализмъ въ качествѣ экономической системѣ (5-II 1931). II часть. Государственный секторъ въ народномъ хозяйствѣ нашего времени (19-III 1931). Соціологическое учение Леопольда фонъ-Визе (23-IV 1931).

Иностранцевъ М. А. — Вооруженныя силы, планы сторонъ и стратегическое развертываніе на русскомъ фронтѣ въ Міровую войну (19-V 1930). Операциі въ Восточной Пруссіи: дѣйствія армій генераловъ Ренненкампа и Самсонова (23-V 1930). Великая Галиційская битва (27-V 1930). Ивангородско-Варшавская операція, — первое наступленіе нѣмцевъ на Варшаву (2-VI 1930). Эпизодъ изъ психологіи командованія: сраженіе у Сентъ-Кантена 28—29 августа 1914 г. (21-V 1934).

Казановичъ Б. И. — Мысли о стратегіи и объ организаціи современныхъ миллионныхъ армій на основаніи уроковъ послѣдней войны (19-III 1934).

† **Кизеветтеръ А. А.** — Первое пятилѣтіе правленія Екатерины II (24-V 1929). Историческое и внѣвременное въ „Горѣ отъ ума“ (26-V 1929). Памяти М. М. Богословскаго (2-VI 1929).

Коневъ Д. Ѳ. — Общія свойства нѣкоторыхъ фильтрующихся вирусомъ (7-II 1929). Стимулирующее и задерживающее дѣйствіе антивируса *vac. mallei* (6-VI 1929). Симбіозъ нѣкоторыхъ овощей съ микроорганизмами (12-V 1932). Воспоминанія о профессорѣ Ру (8-III 1934).

Косицкій А. И. — Теоретическое обоснованіе измѣненія расхода топлива на единицу PS/St въ двигателяхъ при измѣненіи нагрузки (6-XII 1929). Значеніе формулы Nusselt'a для опредѣленія времени сгорания топлива вообще (25-XII 1931). Коэффициентъ полезнаго дѣйствія процесса двигателей внутренняго сгорания (24-II 1933).

Краинскій Н. В. — Памяти Ѳ. Г. Яновскаго (7-III 1929). Механическая закономерность и структура біологическихъ процессовъ (7-III 1929). Психика и техника въ военномъ отношеніи (16-XII 1929). Психологія паники на войнѣ (21-I 1930). Психопатологія безбожія (13-II 1930). Научныя модели и воображаемый экспериментъ какъ методы познанія природы (10-III 1930). Электро-статическія явленія въ приложеніи къ біологіи (4-XII 1930). Логическія ошибки и заблужденія въ научномъ творствѣ (11-III 1931). Автономныя нервныя системы (2-IV 1931). Демон-

страція случая гипноза и ясновидѣнія (26-V 1931). Основы механики живого организма (3-XII 1931). Ученіе о связяхъ элементовъ, явленій и величины, какъ основа логическаго процесса (13-I 1932). Интуитивизмъ Лосскаго и его научная цѣнность для изученія душевныхъ явленій (3-II 1932). Пространство, время и вещество какъ формы созерцанія и координаціи единой міровой энергіи (21-IV 1932). Методъ военной психологіи (23-V 1932). Роль вегетативной нервной системы и общая схема механизма нервно психическаго аппарата (2-VI 1932). Роль полупроницаемыхъ перепонокъ въ организмѣ (8-XII 1932). Мозгъ какъ радіоаппаратъ (2-I 1933). Болѣзни науки (22-III 1933) Научныя основы гипноза, ясновидѣнія и предвидѣнія, — съ демонстраціей діапозитивовъ (5-IV 1933). Къ ученію о функціяхъ мозга (4-V 1933). Психическій резонансъ какъ факторъ соціальной жизни, — съ демонстраціей опыта (14-VI 1933). Проблема безсознательнаго (16-III 1934). О нѣкоторыхъ логическихъ, математическихъ и экспериментальныхъ ошибкахъ въ области точныхъ наукъ (14-V 1934).

Кульбакинъ С. М. — Юсифъ Добровскій, основатель славяновѣдѣнія (14 IV 1929). Объ академикѣ А. И. Соболевскомъ (28-II 1930).

Курило Г. М. — Работы П. И. Рудченка по министерству финансовъ въ Россіи (30-IV 1931).

Лазаренко А. Н. — Одна изъ послѣднихъ страницъ исторіи Судебныхъ Уставовъ. Проектъ 1917 г. о судебной карьерѣ (9-III 1932).

Лапинскій М. Н. — Активаторы психическихъ функцій (5-III 1931). Боль и ея механизмъ (7-V 1931). Принципъ спинальных моторныхъ синергизмовъ (3-III 1932). Участіе мускулатуры въ двигательныхъ актахъ (7-IV 1932). Движеніе эпилептическихъ разрядовъ (3 XI 1932). Условія капиллярнаго кровообращенія въ мозгу у стариковъ (2-III 1933). Центрипетальныя связи органовъ малаго таза съ нервными центрами и ихъ значеніе (8-II 1934). Къ вопросу о центрахъ глотанія (21-VI 1934).

Лаппо И. И. — Памяти С. М. Соловьева (8-XII 1929). Утвержденіе Литовскаго Статута 1588 г. (11-XII 1929). Идея русскаго народа въ Малороссіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ (25-XII 1929).

Лапшинъ И. И. — Метафизика Достоевскаго (3-III 1931). Творческое воображеніе въ наукѣ (4-III 1931). Эсте-

тика Достоевскаго (6-III 1931). Метафизика Толстого (10-III 1931). Эстетика Толстого (13-III 1931). Эстетика Пушкина (17-III 1931). Безсознательное въ научномъ творчествѣ (18-III 1931). Шеллингъ и Тютчевъ (20-III 1931). Творческая догадка ученаго (30-III 1931). Философія Канта (1-IV и 2-IV 1931). Опроверженіе солипсизма (6-IV 1931). Мышленіе какъ предметъ логики и психологіи (15-IV 1931). Эстетика Гегеля (16-IV 1931). Философія Шопенгауера (17-IV 1931).

Ласкаревъ В. Д. — Памяти профессора Г. И. Танфильева (7-II 1929).

Левитскій В. А. — Суженіе пищевода и методы его лѣченія (8-III 1934).

Ледницкій В. А. — Смерть Грибоѣдова, — по новымъ архивнымъ даннымъ (8-IV 1933).

Локоть Т. В. — Идеи Менделя въ современномъ менделизмѣ (3-IV 1930). Изъ біологіи культурныхъ растений (15-I 1932). Къ біологіи овса и ячменя (3-III 1932). РИЦИНА и ВИГНА въ сельскомъ хозяйствѣ (5-I 1933).

Ломейко — см. Стебуть А. И. и Ломейко.

Лосскій Н. О. — Миѳическое и современное научное мышленіе (24-X 1928). Фридрихъ Альбертъ Ланге и неокантианство (2-XI 1928). Введеніе въ изученіе цѣнностей (14 XI 1928). Цѣнность и бытіе (21-XI 1928). Б. Н. Чичеринъ какъ философъ (9-XII 1928). Душа и тѣло (26-XII 1928). Понятія индивидуальнаго (2 I 1929). Русская философія въ XX вѣкѣ (31-I 1931).¹⁾

Ляцкій Е. А. — Новый взглядъ на происхожденіе и композицію Слова о полку Игоревѣ (1-XI 1933). Пыпинъ какъ историкъ литературы и этнографъ (22-XI 1933).

Маклецовъ А. В. — Біологическое направленіе въ современной криминологіи (25-XII 1933). Проблема преступленія и психоанализъ, — критика психоаналитической теоріи (2-I 1934).

Малининъ И. М. — Къ вопросу о психологіи бунта. Опытъ психоанализа одного конкретнаго случая (6-XI и 13-XI 1933).

Марковъ И. П. — О пищевареніи у домашнихъ животныхъ (15 I 1931).

Марковъ І. І. — О Которскомъ Статутѣ (12-VI 1929).

¹⁾ Докладъ былъ присланъ въ рукописи и прочтенъ П. Б. Струве.

- Мартинъ В. Э.** — Задачи современной зоогеографіи (4-IV 1929). Сообщение о зоографической поездкѣ лѣтомъ 1929 года (27-II 1930). Объ окраскѣ мѣха у млекопитающихъ Югославіи (11-II 1931). Зоогеографическое положеніе горнаго края Бистры (21-VI 1934).
- Мережковскій Д. С.** — Достоевскій и теократія (совмѣстно съ З. Н. Гиппіусъ, 8-X 1928)
- Метальниковъ С. И.** — Проблема туберкулеза и его излѣченія (30-V 1929).
- Милутиновић Драгутин** — Утицај руске војне науке на српску (16-I 1933).
- Мошинъ В. А.** — Когда хазары приняли іудейскую вѣру? (18-V 1931). Не-Кіевская Русь въ IX—X в. (1-V 1934).
- Нилусъ А. А.** — Огнестрѣльное оружіе будущаго, техника и современная баллистика (15-I 1934).
- Одинецъ Д. М.** — Возникновеніе государственнаго строя у восточныхъ славянъ (24-XI 1932)¹⁾
- Олесницкій А. А.** — Первые боевыя встрѣчи Турокъ-Османовъ съ Русью (19-V 1932).²⁾
- Орловъ К. П.** — Теорія спектровъ проф. М. Петровича и ея приложенія 20-IV 1934).
- Острогорскій Г. А.** — Исихазмъ — мистическое движеніе въ Византіи XIV вѣка (13-XI 1930). Византійскій земельческій законъ и связанные съ нимъ вопросы аграрной и финансовой исторіи (20-XI 1930). Крещеніе Руси и раздѣленіе церквей (13-II 1934).
- Петронијевић Бранислав.** — Питање приоритета између Димитрија Менделеева и Лотара Мајера (20-III 1934).
- Піо-Ульскій Г. Н.** — О рациональномъ опредѣленіи коэффициента полезнаго дѣйствія паровыхъ турбинъ (26-XII 1930). Объ изобрѣтателѣ паровой турбины Parsons'ъ (27-II 1931). О научной дѣятельности А. А. Брандта (15-III 1933). О коэффициентѣ полезнаго дѣйствія двигателей съ внутреннимъ сгораніемъ топлива (26-V 1933).
- Погодинъ А. Л.** — Сербскіе переводы Чехова (22-XI 1929). Личность и труды А. И. Соболевскаго (28-II 1930). Къ вопросу о времени возникновенія лѣтописнаго

¹⁾ Докладъ былъ присланъ въ рукописи и прочтенъ Ѡ. В. Тарановскимъ.

²⁾ Докладъ былъ присланъ въ рукописи и прочтенъ А. В. Соловьевымъ.

извѣстія о призваніи варяговъ (31-V 1930). Норманскій элементъ въ языкѣ договора Игоря съ греками (27-XI 1930). Славяне и финны въ исторіи основанія русскаго государства (23-XII 1930). Техника русской народной лирики (21-I 1931). Достоевскій какъ писатель (15-II 1931). Къ исторіи творчества Достоевскаго, — романъ „Идіотъ“ (18-XI 1931). Варяги и Русь (26-XI 1931). Гете въ Россіи, — къ его юбилею (16-XII 1931). Легенда объ апостолѣ Андреѣ въ Россіи (21-I 1932). Булгаринъ и его дѣятельность (17-III 1932). Психологическая загадка Лермонтова (4-XI 1932). Меря и ея значеніе въ процессѣ образованія русскаго государства (7-XII 1932). Новыя данныя для біографіи Тургенева (23-II 1933). Императоръ Николай I и современное ему сербское общественное мнѣніе (16-III 1933). Д-ръ Михаилъ Политъ-Десанчичъ въ Россіи и о Россіи, — изъ исторіи сербскаго руссофильства (17-V 1933). О научной дѣятельности Юрія Поливки (13-VI 1933). Пыпинъ и славянство (22-XI 1933). Вкладъ финно-угорской филологіи въ дѣло изученія древнѣйшихъ судебъ русскаго языка и русскаго народа, — къ пятидесятилѣтію Финно-Угорскаго общества въ Гельсингфорсѣ (30-I 1934). Восточная Европа въ первой половинѣ X вѣка (15-V 1934). О происхожденіи имени Русь (5-VI 1934).

Полянскій В. Н. — Современная инженерная оборона государства и проблема безопасности (21-XII 1931). Современные задачи военно-инженернаго дѣла и ихъ конкретизація (7-III 1932). Полевая фортификація въ обстановкѣ современнаго боя (4-IV 1932).

Преображенскій Н. Ю. Императоръ Александръ Павловичъ въ Люблянѣ въ 1821 году (26-V 1933).

Пузино И. В. — Религіозно-философскія воззрѣнія Джіовани Пико делла Мирандолла (10-II 1931)¹⁾.

Пушинъ Н. А. — Внутреннее треніе жидкихъ смѣсей (17-V 1929). Объ электролитической гипохлоритной станціи Петроградскихъ водопроводовъ (30-I 1930). Ядовитые газы и защита отъ нихъ (20-IV 1933). Значеніе Д. И Менделѣева въ исторіи химіи (20-III 1934). Реальные успѣхи химическаго оружія въ Великую войну (16-IV 1934).

Пушинъ Н. А. и И. И. Рыковскій, — Основные свойства кислородныхъ органическихъ соединеній (2-II 1933).

¹⁾ Докладъ присланъ въ рукописи и прочтенъ П. Б. Струве.

- Рамзинъ С. К.** — Гемопрофилактика при спирохетозныхъ заболѣваніяхъ (6-XII 1928). Непримѣтный сыпной тифъ у человѣка, — *maladie inapparente* (6-VI 1929). Главная линія научной работы Международнаго конгресса 1931 г. въ Копенгагенѣ по молочному дѣлу (15-I 1932). Къ изученію активного иммунитета (4-I 1934).
- † **Редлихъ А. А.** — Памяти А. А. Максимова (7-III 1929). Демонстрація препарата беременности въ зачаточномъ рогѣ матки (30-I 1930).
- Розенбергъ В. В.** — Правовая охрана чистаго и прикладнаго искусства (11-II 1929). Научная собственность, — право ученыхъ на ихъ открытія (27-III 1929). Национализація банковъ въ Россіи (18-V 1929). Правовыя и экономическія идеи до и послѣ Мировой войны (4-XII и 18-XII 1930). Банки въ наши дни (25-II 1932). Психологическія и экономическія обоснованія германскихъ военныхъ репарацій (16-V 1932). Междусоюзническіе военные долги (6-VI 1932). Сверхбанкъ (16-II 1933). Торгово-промышленная тайна и экономическій шпіонажъ на Западѣ и въ С.С.С.Р. (совмѣстно съ **Л. Я. Тауберомъ**, — 6-XII 1933). Государство и банки, — вопросъ о социализаціи банковъ и мѣры къ оживленію активовъ (7-II 1934).
- Рыковскій И. И.** — см. **Пушинъ Н. А.** и **Рыковскій И. И.**
- Рышковъ П. Н.** — О транзитной перевозкѣ грузовъ на желѣзныхъ дорогахъ нормальной и узкой колеи (22-IV 1932). Укороченные рельсы въ кривыхъ железнодорожнаго пути (26-I 1934).
- Рябушинскій Д. П.** — Прерывная геометрія (9 XI 1928). Объ отвлеченіи понятій, получаемыхъ опытомъ (28-XII 1928). Объ одномъ обобщеніи теоріи функций комплекснаго переменнаго (4-I 1929).
- Салтыковъ Н. Н.** — Изслѣдованія Шарпи объ интегрированіи уравненій съ частными производными, по его рукописи 1784 г. (4-I 1929). Интегрированіе уравненій съ частными производными перваго порядка по способу преобразования переменныхъ (6-XII 1929). Приложение теоріи характеристикъ (въ одномъ изъ засѣданій 1930—1931 акад. года). Теорія касательныхъ преобразованій (тоже въ 1930—1931 акад. году). Объ интегрированіи дифференціальныхъ уравненій съ частными производными второго порядка (27-V 1932). Жизнь и ученые труды Д. Ф. Селиванова (10-VI 1932). Объ интегрирова-

- ни уравненій съ частными производными второго порядка (25 XI 1932). Интегрирование линейныхъ уравненій съ частными производными второго порядка (30-XII 1932). Преобразование уравненій небесной механики (26 V 1933). Интегрирование уравненій съ частными производными (24-XI 1933). Интегрирование линейныхъ уравненій съ частными производными второго порядка (8-VI 1934).
- Свищевъ И. С.** — О Θ . А. Бредихинѣ, — по случаю столѣтія его рожденія (8-XII 1931). Русская геодезическая наука въ Академіи генеральнаго штаба (16-I 1933). Геодезическая задача текущаго момента (23 II 1934).
- Сергіевскій П. А.** — Къ вопросу о графическомъ изображеніи состава минеральныхъ водъ (12-IV 1934).
- Соловьевъ А. В.** — Кадлецъ какъ историкъ права южныхъ славянъ (20-I 1929). Грибоѣдовъ какъ романтикъ (26-V 1929). Греческіе влaстели въ Сербскомъ царствѣ (5-III 1930). Двѣ позднія компиляціи сербско-византійскаго права (21-V 1930). Кара за убійство въ византійскомъ и южнославянскомъ правѣ (12-III 1931). Новое освѣщеніе вопроса о началѣ русскаго государства (14-V 1931). Варяжскій элементъ въ договорахъ Руси съ греками (12-XI 1931). Къ исторіи русскаго монашества на Аѳонѣ (18-XII 1931). Образъ Россіи въ поэзіи Блока (5 I 1932). Согопа гегні. Къ развитію идеи государства въ славянскихъ монархіяхъ XIV вѣка (14-IV 1932). Сербскіе судебники XVII вѣка (9-XI 1932). Сводъ Законовъ и Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, — къ столѣтію Свода Законовъ (1-II 1933). Бальцеръ какъ историкъ польскаго права (13-II 1933). Къ вопросу объ отчужденіи земель въ исторіи славянскаго права (26-IV 1934).
- Солонскій А. А.** — Демографія русской эмиграціи въ Бѣлградѣ (2-XI 1933). Научная и академическая дѣятельность В. Н. Сиротинина (14-VI 1934).
- Софотеровъ С. К.** — Современныя проблемы физиологической хирургіи (8-V 1930). Къ патологіи брюшной полости: рѣдкій случай *Hernia subcoecalis* (2-II 1933).
- Спекторскій Е. В.** — Міровоззрѣніе Чаадаева (23-XI 1928). Тэнъ и его идеи (5-XII 1928). Б. Н. Чичеринъ какъ государствовѣдъ (9 XII 1928). Объ юридическомъ познаніи (9-I 1929). Памяти Леона Дюги (16-I 1929). Гуго Гроцій какъ философъ (20-II 1929). Старый и новый спинозизмъ (13-III 1929). Стодвадцатипятилѣтіе кодекса Наполеона (10-IV 1929). П. И. Новгород-

цевъ и его мѣсто въ исторіи философіи права (24-IV 1929). Чеховъ (22-XI 1929). Наукоученіе А. Л. Блока (27-XI 1929). Эволюція идеи закона (23 XII 1929). Политическая философія Гоббеса черезъ 250 лѣтъ послѣ его смерти (21-V 1930). Система объективныхъ обязанностей (4-VI 1930). Философія инвеституры (8-IV 1931). Мѣсто Гегеля въ исторіи философіи, — къ его юбилею (23 XII 1931). Карлейль какъ мыслитель (28 XII 1931). О преобладаніи отдѣльныхъ отраслей права (31 XII 1931). Личность и творчество А. А. Блока (5-I 1932). Философія авторитета (23-XII 1932). Современное состояніе вопроса о суверенной власти (29-XII 1932). Международное положеніе современнаго государства (9-III 1933). Мѣсто Тургенева въ исторіи литературы (22 XII 1933). Этика и антропология (27-XII 1933). Идеология современнаго государства (5-I 1934). Корпоративная идея (1 III 1934). Происхожденіе конструктивнаго метода въ правовѣдѣніи (6-III 1934). О правящемъ классѣ (9 V 1934).

Стебуть А. И. — Новая теорія кислыхъ реакцій коллоидной среды (27-II 1930). О летальныхъ генахъ (15-I 1931).

Стебуть А. И. и Ломейко, — Пути распространенія мягкихъ пшеницъ въ Европѣ, (4-V 1933).

Струве О. Л. — Θεодоръ Александровичъ Бредихинъ, — къ столѣтію его рожденія (8-XII 1931)¹⁾

Струве П. Б. — Толстой какъ религіозный мыслитель и его мѣсто въ міровой культурѣ (26 и 30-X 1928). Фридрихъ Альбертъ Ланге какъ мыслитель и общественный дѣятель (2-XI 1928). Философскія идеи Ивана Кирѣевскаго (7 XI 1928). Геній Тэна (16- XI 1928). Этапы въ развитіи русской философской терминологіи (28-XI 1928). Мѣсто Б. Н. Чичерина въ исторіи русской образованности и общественности (9-XII 1928). Историческое развитіе русской университетской культуры (6 II 1929). Проблема русскаго феодализма (22-III 1929). Проблема социализма въ произведеніяхъ П. И. Новгородцева (24-IV 1929). Мистицизмъ Пушкина (12-V 1929). Исторія наименованія „крестьянинъ“ (19-V 1929). Два вѣка въ личности и творчествѣ Грибоѣдова (26-V 1929). Памяти М. М. Богословскаго (2-VI 1929). Г. А. Лереръ и государствовѣдѣніе (10-VI 1929). Соціоло-

¹⁾ Докладъ былъ присланъ въ рукописи и прочтенъ Н. Н. Салтыковымъ.

гическія идеи Лоренца ф.-Штейна въ ихъ преломленіи у А. Л. Блока (27-ХІ 1929). С. М. Соловьевъ (8-ХІІ 1929). Проблема феодализма въ Россіи (15-І 1930). Подданство въ древнерусскомъ правѣ (15-І 1930). Соціализмъ и религія (24-І 1930). Этапы и факторы развитія политико-экономическихъ изученій въ Россіи (18-ХІ 1930). Понятіе демократіи, юридическое и политическое, и проблемы современной демократіи (11-ХІІ 1930). Отъ вассалитета къ подданству. Къ исторіи и характеристикѣ русско-ногайскихъ отношеній (29-І 1931). Національное и міровое значеніе Достоевскаго (15-ІІ 1931). Понятіе и проблема религіозной соціалогіи (17-ІІ 1931). Одна мало извѣстная проблема въ исторіи русскаго масонства въ XVIII вѣкѣ (18-ІІ 1931). Освобожденіе крестьянъ и экономическія и финансовыя реформы Александра II (24-ІІІ 1931). Колонизаціонная программа Екатерины II, ея экономическіе и соціально-политическіе принципы въ сравнительно-историческомъ освѣщеніи (31-ІІІ 1931). Витте и Столыпинъ, — опытъ характеристики (8-ІV 1931). Нѣкоторыя новыя теченія въ философіи точныхъ наукъ (13-ХІ 1931). Памяти В. І. Борткевича (2-ХІІ 1931). Вліяніе Гегеля на русскую духовную жизнь, — къ столѣтнему юбилею Гегеля (9-ХІІ 1931). А. А. Куникъ и К. А. Неволинъ, — интересный эпизодъ изъ исторіи русской науки (10-ХІІ 1931). О. И. Сенковскій и А. С. Хомяковъ. Опытъ сравнительной характеристики (10-ІІ 1932). Графъ Е. Ф. Канкринъ и императоръ Николай I. Ихъ роль и взаимныя отношенія вообще и въ частности въ денежной реформѣ (16-ІІ 1932). Луйо Brentano какъ представитель соціальнаго либерализма (23-ІІ 1932). Соціально-философская и соціологическая проблема синдикализма (16-ІІІ 1932). Памяти В. И. Сергѣевича, — по поводу столѣтія его рожденія (31-ІІІ 1932). Проблема соціальнаго права, — по поводу новѣйшаго труда Г. Д. Гурвича о соціальномъ правѣ (5-ІV 1932). Огюстенъ Курно (1801—1877). Его значеніе въ философіи наукъ, въ особенности въ философіи статистики и исторіи (12-ІV 1932). Основныя постановки вопросовъ и движеніе идей въ современной политической экономіи (11-V 1932). Соціологическіе корни ученія Дарвина и соціологическіе изъ него выводы, — къ пятидесятилѣтію смерти Чарльза Дарвина (25-V 1932). Личныя воспоминанія о Д. Ф. Селивановѣ (10-VI

1932). Русско ногайскія отношенія въ свѣтъ исторіи учрежденій (14-XII 1932). Современное хозяйственное положеніе. Структурные и конъюнктуральные элементы мірового кризиса (20-XII 1932). Вальтеръ-Скоттъ въ Россіи въ связи съ его общимъ вліяніемъ на литературу XIX вѣка (22-XII 1932). О нѣкоторыхъ новѣйшихъ иностранныхъ и русскихъ работахъ и изслѣдованіяхъ по общественно-политической и культурной исторіи Россіи (30-I 1933). Сводъ Законовъ какъ фактъ и факторъ укрѣпленія и объединенія культурной, соціальной и хозяйственной жизни Россіи, — по поводу столѣтней годовщины изданія Свода Законовъ (1-II 1933). Памяти С. Ѡ. Платонова и А. А. Кизеветтера (6-II 1933). Историческая проблема и соціологическое понятіе буржуазіи (17 XI 1933). Міровой хозяйственный кризисъ, идетъ ли онъ къ концу? (27-XI 1833). В. И. Ламанскій какъ историкъ культуры и публицистъ (11-XII 1933). Метафизика и соціологія. Универсализмъ и сингуляризмъ въ греческой философіи (20-II 1934). Проблема и понятіе равновѣсія въ исторіи экономической мысли. Аристотель — схоластики — Галилей — Тюрго (26-II 1934). Д. И. Менделѣевъ какъ экономическій мыслитель и дѣятель (20-III 1934). Религія и соціологія. Сингуляризмъ и универсализмъ въ двухъ основныхъ религиозныхъ теченіяхъ эпохи упадка Римской имперіи: неоплатонизмъ и первохристіанствъ (2-V 1934). Изъ новѣйшей литературы государствовѣдѣнія: французская книга нѣмецкаго государствовѣда Лауна „Демократія“ (25-V 1934).

Сухотинъ Л. М. — Объ опрочинѣ (19-II 1931). О родственныхъ связяхъ дома Св. Владимира, по поводу таблицъ Н. Баумгартена (26-V 1932). Дѣятельность Института Исторіи въ Москвѣ въ 1925—1932 г. (26-V 1932). Елена Лазичъ главная любовь Фета, — къ сорокалѣтню смерти Фета (17 XI 1932).

Съверянинъ Игорь — Первая книга Фофанова (20-XII 1930). Эстляндскіе триолеты Соллогуба (29-XII 1930). Чтеніе неизданнаго романа въ стихахъ (5-I 1931).

Тарановскій Ѡ. В. — Б. Н. Чичеринъ какъ историкъ русскаго права (9-XII 1928). О книгѣ бар. Б. Э. Нольде *L'ancien régime et la révolution russe* (21-XII 1928). Кадлецъ и сравнительная исторія славянскаго права (20-I 1929). Памяти М. М. Богословскаго (2-VI 1929). Право государства на законодательство (12-VI

1929). Предметъ и задача т. н. внѣшней исторіи права (20-XI 1929). Русская политическая мысль въ освѣщеніи А. Л. Блока (27-XI 1929). С. М. Соловьевъ и исторія русскаго права (12-II 1930). Огюсть Контъ и Фюстель-де-Кулянжъ (14-V 1930). Общее значеніе великихъ реформъ императора Александра II въ исторіи русской государственности (24-III 1931). Юридическая и социальное-политическая природа монархической власти въ средніе вѣка (22-V 1931). Памяти В. И. Борткевича (2-XII 1931). К. А. Неволинъ какъ историкъ и философъ права (10-XII 1931). По поводу столѣтней годовщины выхода въ свѣтъ перваго тома Исторіи славянскихъ правъ В. А. Мацѣевскаго (10-II 1932). Значеніе В. И. Сергѣевича въ научной разработкѣ исторіи русскаго права (31-III 1932). Проблема социальнаго права, — по поводу новѣйшаго труда Г. Д. Гурвича о социальномъ правѣ (5-IV 1932). Значеніе кодификаціи въ исторіи русской государственности (1-II 1933). Памяти С. Ф. Платонова (6-II 1933). Бальцеръ какъ историкъ славянскихъ правъ (13-II 1933). Законодательство Карла IV въ Чехіи (29-III 1933). Общественныя воззрѣнія И. С. Тургенева, — расхожденіе его съ А. И. Герценомъ (19-V 1933). В. И. Ламанскій и исторія славянскаго права (11-XII 1933). Посмертный трудъ Карела Кадлеца и проблема сравнительной исторіи славянскихъ правъ (11-IV 1934). Проблема изученія исторіи гражданскаго права въ средневѣковой Сербіи (8-VI 1934).

Тасић Ђорђе. — Држава и право (18-V 1932).

Тауберъ Л. Я. — О правахъ акціонеровъ націонализированныхъ предпріятій (22-I 1930). Лига націй и юридическій статутъ русскихъ эмигрантовъ (18-II 1932). Мораторій для долговъ земледѣльцевъ въ Югославіи (совмѣстно съ А. Ю. Вегнеромъ, — 10-V 1933). Торгово-промышленная тайна и экономическій шпіонажъ на Западѣ и въ С.С.С.Р. (совмѣстно съ В. В. Розенбергомъ, — 6-XII 1933). Оздоровленіе банковъ въ Югославіи (7-II 1934 г).

Тихомировъ Д. М. — Новѣйшіе взгляды на біологическое различіе рака и саркомы (3-I 1929). Къ патологической анатоміи экспериментальнаго сыпного тифа (6-VI 1929). Особый случай рака, — демонстрація (30-I 1930). Ракъ въ молодомъ возрастѣ въ Югославіи по матеріаламъ Бѣлградскаго Патологическаго Института (4-II 1932). Къ вопросу о патологической анатоміи экспериментальной дифтеріи

- (5-I 1933). Дѣйствіе фермента злокачественныхъ опухолей на эластичную ткань *in vitro* (12-IV 1934).
- Топоръ-Рабчинскій В. В.** — Жизневоспріятіе и жизнепониманіе И. С. Тургенева (21-IV 1933). Къ загадочнымъ натурамъ у Достоевскаго: Версиловъ, Ставрогинъ (23-V 1934).
- Тотаміанць В. Ө.** — Міровой кризисъ и борьба съ нимъ (8-XII 1932).
- Трегубовъ С. Н.** — Судебные уставы императора Александра II (24-III 1391). Анкета о военной дисциплинѣ. Одинъ изъ отвѣтовъ на анкету (20 II 1933). Уставъ (проектъ) о военной дисциплинѣ (20 III 1933). Положеніе объ офицерскомъ судѣ чести (24-IV 1933). Проектъ полковника военно-судебнаго вѣдомства Королькова о реорганизаціи судовъ чести (19-II 1934).
- Троицкій С. В.** — Новыя теоріи автокефалии (22-V 1933).
- Фармаковскій В. В.** — Тяговые вопросы въ связи съ примѣненіемъ паровозами турбинъ и двигателей съ внутреннимъ сгораніемъ топлива (9-XI 1928). О тяговыхъ расчетахъ для турболокомотивовъ и дизель-локомотивовъ (8-II и 1-III 1929). Выборъ наивыгоднѣйшаго варіанта трасы (26-II 1932). Наивыгоднѣйшая скорость и наивыгоднѣйшій вѣсъ товарныхъ поѣздовъ (28-IV 1933).
- Фатѣевъ А. Н.** — Императоръ Александръ I какъ человекъ и правитель, — по поводу 155-лѣтія со дня его рожденія (23-XI 1932).
- Флоровскій А. В.** — Русско-чешскія отношенія въ ихъ исторіи (18 IV 1929). Россія и южнославянскій вопросъ въ первой четверти XIX вѣка (1-VI 1929). Памяти М. М. Богословскаго (2-VI 1929).
- Франкъ С. Л.** — Психоанализъ въ его философскихъ мотивахъ (31-III 1930). Онтологическое доказательство бытія Божія (10-IV 1930).
- Фростъ Д. В.** — Геофизическіе методы изысканія полезныхъ ископаемыхъ и возможность ихъ примѣненія въ Югославіи (21-II 1930).
- Хлытчіевъ Я. М.** — Объ одной задачѣ строительной механики, заслуживающей вниманія математиковъ (4-I 1929). Геометрическое толкованіе формулы Симпсона (27-III 1931). О гипотезѣ Журавскаго, — къ ея семидесятипятилѣтію (29-V 1931). Перемѣщенія точекъ деформированнаго тѣла, — памяти И. Г. Бубнова (30-XII 1932).

- Черносвитовъ Л. В.** — Отчетъ о научной командировкѣ въ Южную Сербію (20-III 1930).
- Чернявскій П. И.** — Отчетъ объ изслѣдованіяхъ лѣтомъ 1929 года (8-V 1930). О туфахъ въ Македоніи (11-II 1931), Новости по ископаемой флорѣ въ Югославіи (8-II 1934).
- † **Чириковъ Е. Н.** — На путяхъ жизни и творчества, — изъ воспоминаній (15-XII 1929).
- † **Шмурло Е. Ф.** — С. М. Соловьевъ (12-II 1930). Палладій Роговскій и Петръ Артемьевъ, русскіе католики въ концѣ XVII вѣка (19-II 1930). Изъ исторіи сношеній Римскаго престола съ Московскимъ государствомъ, — 1657 годъ (19-III 1930). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (16-IV 1930).
- Щербаковъ А. И.** — Гидроминеральныя богатства Югославіи. Горькая вода Торда (20-III 1930). Впечатлѣнія о конгрессѣ бальнеологовъ въ Лиссабонѣ (5-XI 1931).
- Ясинскій М. Н.** — Договоры сербскихъ государей съ Дубровникомъ какъ памятникъ стараго сербскаго права (12-III 1930).

II. КУРСЫ.

- Даватцъ В. Х.** — Теорія чиселъ (I—V 1933). Число π и связанныя съ нимъ проблемы (II—V 1934).
- Кизеветтеръ А. А.** — Московская Русь: государственное и общественное ея устройство (V—VI, 1929).
- Краинскій Н. В.** — Философія природы (I—V 1933).
- Лаппо И. И.** — Югозападная Русь, Литва и Польша въ ихъ историческомъ взаимоотношеніи (XI—XII, 1929, I, 1930).
- Лосскій Н. О.** — Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиція (XI—XII, 1928, I, 1929).
- Метальниковъ С. И.** — Проблема безсмертія и смерти въ современной біологіи (V—VI 1929).
- Острогорскій Г. А.** — Исторія византійскаго иконоборчества (XI 1930).
- Рябушинскій Д. П.** — Основы аэродинамики (XII 1928, I, 1929).
- Струве П. Б.** — Экономическая исторія Россіи въ связи съ образованіемъ государства и общимъ культурнымъ развитіемъ страны (съ 1928—1929 по 1931—1932

акад. год.). Соціальныя и политическія идеи и движенія въ Россіи съ 1825 г. по наше время (I—V, XI—XII 1933; I—V 1934).

Флоровскій А. В. — Кіевская Русь въ связи съ проблемою національнаго единства русскаго народа (IV—V 1929)

Франкъ С. Л. — Соціальная философія (III—IV 1930).

Шмурло Е. Ф. — Географическія особенности русской территоріи и ихъ вліяніе на историческій ходъ событій въ жизни русскаго народа (I—III 1930). О поэзіи Пушкина (III—IV 1930).

III. СЕМИНАРИИ.

Баскаковъ В. И. — О военной доктринѣ (XII 1932, V 1933 и II 1934). Участникъ семинарія Егоровъ А. Е. сдѣлалъ слѣдующіе доклады: Военная доктрина (26-XII 1932), Командный составъ арміи и военная доктрина (29-V 1933) и Военная доктрина и генеральный штабъ (12-II 1934).

Билимовичъ Ант. Д. — По абсолютной геометріи и механикѣ (XI—XII 1928, I—V 1929).

Зайцевъ А. М. — По полезнымъ ископаемымъ Россіи (I—IV, XI—XII 1933; I—V 1934). Участники семинарія сдѣлали слѣдующіе доклады: Баскаковъ Л. И., Нефть и дислокаціи земной коры (11-III и 8-IV 1933), Нефтяныя залежи въ Югославіи (6-XII 1933), Промышленныя нефтяныя залежи. Признаки, условия и факторы, опредѣляющіе ихъ открытіе (13 и 20-XII 1933), Опытъ примѣненія теоріи вѣроятности къ нефтянымъ развѣдкамъ (24-I 1934), Примѣры примѣненія теоріи вѣроятности для опредѣленія благонадежности нефтяной залежи (28-III 1934), Примѣненіе теоріи вѣроятности къ опредѣленію нефтяныхъ залежей въ Королевствѣ Югославіи (30-V 1934), и Гагаринъ Гр. Г. Свинцово цинковое мѣстонахожденіе Межица въ Словеніи (18-III 1933).

Ласкаревъ В. Д. — По геологіи Россіи (I—V, XI—XII 1929; I—V 1930).

Погодинъ А. Л. — По новѣйшей литературѣ (XII 1932, I—V 1933). Участники семинарія г-да: Смагинъ, Курганскій, Ечменевъ и г-жи: Девель и Кожина сдѣлали доклады о русскихъ и иностранныхъ писателяхъ.

Полянскій В. Н. — По военно-инженерному дѣлу (III—IV 1932). Участникъ семинарія Георгіевичъ Р. А.

- сдѣлалъ два доклада (14-III и 11-IV 1932), — см. указатель I s. v. Георгіевичъ Р. А.
- Рябушинскій Д. П.** — По аэродинамикѣ (XII 1928, I 1929).
- Салтыковъ Н. Н.** — По интегрированію дифференціальныхъ уравненій съ частными производными (XI — XII 1928; I, XI—XII 1929; I—V 1930). По интегрированію уравненій съ частными производными второго порядка (XI—XII 1931; XI—XII 1932; IV, XI—XII 1933).
- Спекторскій Е. В.** — По теоріи публичнаго права (XI 1928, I—V 1929). По введенію въ философію (XII 1929, I—V 1930).
- Струве П. Б.** — По вопросамъ обществовѣдѣнія (XI, 1928, V, XI—XII 1929, I—VI, XI—XII 1930; I, IV 1931; II, XII 1932; I—II, XI 1933). Семинарій въ XII 1930 былъ посвященъ вопросу о современномъ міровомъ хозяйственномъ кризисѣ, семинарій въ IV 1931 — экономическому совѣщанію въ Парижѣ 1931 г. и его итогам. Участникъ семинарія Ижболдинъ Б. С. сдѣлалъ въ немъ три доклада (11-XI 1930, 25-XI 1930 и 28-I 1931), — см. указатель I s. v. Ижболдинъ Б. С.
- Тарановскій О. В.** — По исторіи русскаго права земскаго періода, — до половины XIII ст. (XII 1931, I—IV 1932).

Составиль О. В. Тарановскій.

**Изданія Русскаго Научнаго Института
въ Бѣлградѣ:**

Труды IV-го съѣзда русскихъ академическихъ организацій за границей. 1929. Часть 1. (Науки гуманитарныя) и **2.** (Науки матем., ест.-ист. и техн.). — Цѣна 160 динаровъ или 80 динаровъ каждая часть отдѣльно.

Матеріалы для библиографіи русскихъ научныхъ трудовъ за рубежомъ. Выпускъ 1. 1930. — Цѣна 55 динаръ (1 долларъ).

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 1. 1930. — Цѣна 55 динаровъ.

А. Л. Погосинъ. Замѣтки объ изученіи былинъ.—И. И. Лаппо. Уравненіе правъ В. К. Литовскаго и Короны Польской въ 1697 году. —
Ө. В. Трановскій. Предметъ и задача т. н. внѣшней исторіи права.—
О. О. Марковъ. Статутъ города Котора. — В. В. Розенбергъ. Защита чистаго и прикладнаго искусства. — А. Н. Макаровъ. Вопросы кодификаціи основныхъ законовъ въ трудахъ комиссій XVIII вѣка — Е. В. Аничковъ. Двѣ струи русской политической мысли. Герценъ и Чернышевскій.—
М. В. Шахматовъ. Государственно-національныя идеи „Чиновныхъ книгъ“. — Е. Ф. Шмурло. С. М. Соловьевъ. — С. Л. Франкъ. Онтологическое доказательство бытія Бога.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 2. 1930. — Цѣна 30 динаровъ.

А. А. Брандтъ. Обь аксіоматикѣ теоремы Карно и второго закона термодинамики. — В. Х. Даватцъ. Обь одномъ свойствѣ окружностей.—
А. И. Косицкій. Объясненіе измѣненія расхода двигателя внутреннего сгорания. — Н. А. Пушинъ и М. Г. Каухчевъ. Электролит. гипохлоритная станція Петроград. водопроводовъ. — В. Э. Мартино. Замѣтки по экологіи млекопитающихъ Югославіи. — Н. В. Краинскій. Геометрич. и физич. основы морфологіи — Г. Н. Піо-Ульскій. Исторія и соврем. направленіе прогресса паровой техники. — В. В. Фармаковскій. Тяговая характеристика турбино-паровозовъ и тепловозовъ.—Ан. Д. Билимовичъ. Обь уравненіи механики по отношенію къ главнымъ осямъ. — Г. Г. Злоковичъ. Принципы почвообразованія въ работахъ А. И. Набокихъ.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 3. 1931. — Цѣна 55 динаровъ.

Е. Шмурло. Русскіе католики конца XVII вѣка (съ факсимиле). — А. Л. Погдинъ, А. И. Соболевскій. — Н. Лосскій. Русская философія въ XX вѣкѣ. — Ал. Маклецовъ. Проблема преступленія въ русской художественной литературѣ. — Е. В. Аничковъ. Къ религіознымъ воззрѣніямъ нашихъ шестидесятниковъ. — В. В. Шахматовъ. Купчія грамоты Московской Руси. — В. В. Розенбергъ. Правовыя и экономическія идеи до и послѣ войны. — Е. В. Спекторскій. Бенжаменъ Констанъ и Фюстель де Куланжъ. — А. А. Кизеветтеръ. Первый курсъ В. О. Ключевского 1873—74 г. — Р. К. Дрейлингъ. Воинскій Уставъ Петра Великаго и Суворовъ. — П. А. Остроуховъ. Объ источникахъ и методахъ изученія торговли на Нижегородской ярмаркѣ въ XIX вѣкѣ до эпохи великихъ реформъ.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 4. — Цѣна 55 динаровъ.

Г. Г. Злоковичъ. Н. И. Васильевъ (некрологъ). — В. В. Фармаковскій. К. Д. Серебряковъ (некрологъ). — В. Х. Даватцъ. Къ вопросу объ огибающихъ семейства плоскихъ кривыхъ, зависящихъ отъ одного параметра. — Н. Н. Салтыковъ. Интегрированіе уравненій съ частными производными по способу измѣненій произвольныхъ постоянныхъ. — В. Жардецкій. О перманентномъ вращеніи изолированной жидкой массы. — Д. П. Рузскій. Работа центробѣжнаго насоса при переменныхъ условіяхъ. — Г. Н. Піо-Ульскій. О рациональномъ опредѣленіи коэффициента полезнаго дѣйствія паровыхъ турбинъ. — А. Фанъ-дёръ-Флитъ. Статически неопредѣлимый стержневый четырехугольникъ съ двумя проволочными діагоналями и съ шарнирами въ углахъ. — В. В. Фармаковскій. О выборѣ наивыгоднѣйшаго поѣзда при проектированіи желѣзнодорожныхъ линий. — Н. П. Абакумовъ. Относительная поправка на деформацию цѣпной линии при измѣреніи базиса инварными проволоками. — А. А. Нилусъ. Наука и ея примѣненія въ военномъ дѣлѣ. — Л. В. Черносвитовъ. Резорбція мужскихъ половыхъ продуктовъ и ея значеніе для организма. — В. Мартино. Объ измѣненіи окраски мѣха у млекопитающихъ Югославіи. — Н. В. Краинскій. Электростатическія изслѣдованія и ихъ примѣненіе къ біологіи. — М. Н. Лапинскій. Активаторы психическихъ функций. — Г. Г. Злоковичъ. Нѣкоторыя данныя по морфологіи почвъ Ананьевскаго уѣзда. — Я. Хлытчѣвъ. О гипотезѣ Журавскаго. — И. С. Свищевъ. Контроли правильности составленія условныхъ и нормальныхъ уравненій при уравненіи нивеллирныхъ сѣтей способомъ наименьшихъ квадратовъ. — А. А. Брандтъ. Очеркъ исторіи примѣненія паровыхъ двигателей въ Россіи со временъ ихъ появленія до 1875 года.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 5. 1931. — Цѣна 55 динаровъ.

Л. М. Сухотинъ. Къ пересмотру вопроса объ опричнинѣ. — Н. Н. Афанасьевъ. Провинціальныя собранія Римской Имперіи и Вселенскіе Соборы. — К. І. Зайцевъ. Крѣпостной земельный строй Россіи XVI—XVIII вв. и отраженіе его въ сочиненіяхъ Посошкова. — И. И. Лапшинъ. О схематизмѣ творческаго воображенія въ наукахъ. — Н. Лосскій. Интуитивизмъ и ученіе о трансубъективности чувственныхъ качествъ. — И. В. Пузинъ. Религіозно-философскія воззрѣнія Джіованни Пико делла Мирандола. — А. Л. Погдинъ. Наблюденія надъ техникой народной лирики. — А. М. Петрункевичъ. Фюстель де Куланжъ. — С. В. Троицкій. Нелегальное кровное родство какъ препятствіе къ браку. — Г. А. Острогорскій. Авонскіе исихасты и ихъ противники. — С. Л. Волкобрунъ. Къ вопросу о процессуальной правѣ и дѣеспособности въ чешскомъ земскомъ правѣ. — М. А. Иностранцевъ. Вооруженныя силы, планы сторонъ и стратегическое развертываніе на русскомъ фронтѣ въ Міровую Войну.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 6. 1932 — Цѣна 35 динаровъ.

Н. Н. Салтыковъ. Способы Монжа-Ампера и Дарбу интегр. ур. съ частн. производн. второго порядка и ихъ обобщеніе. — О. Л. Струве. О. А. Бредихинъ. — В. Жардецкій. Нѣкот. замѣч. объ ур. движенія неоднородной непрерывной среды — В. В. Фармаковскій. О выборѣ наивыгоднѣйш. подъема при проектированіи желѣзнодорож. линій. — Д. В. Фростъ. Къ теоріи магнитометрич. развѣдки. — Т. В. Локоть. Идеи Менделя въ современномъ менделизмѣ. — М. Н. Лапинскій. Боль и ея сосудодый механизмъ. — Н. Е. Акацатовъ. Туберкул. и чахоточная проблемы. — Ю. Н. Вагнеръ. Замѣтка о интерсегментальныхъ лопостяхъ измѣненныхъ сегментовъ у самцовъ блохъ. — Н. Н. Салтыковъ. Жизнь и ученые труды Д. Ф. Селиванова. — Ан. Д. Билимовичъ. О вращеніи произвольной матер. системы какъ цѣлаго.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 7. 1932. — Цѣна 55 динаровъ

Е. Ф. Шмурло. Посольство Чемоданова и Римская Курія. — А. Н. Фатѣевъ. Сводъ законовъ и его творецъ. (Къ столѣтію перваго изданія 1832 года). — А. Л. Погодинъ. Варяги и Русь. — А. В. Соловьевъ. Исторія русскаго монашества на Аѳонѣ. — М. А. Георгіевскій. Еврейская община Новаго Завѣта въ г. Дамаскѣ. — В. В. Розенбергъ. Коммерціализація и концентрація современ. період. печати. — Ал. Д. Билимовичъ. Вопросъ о предсказаніи урожая. — Е. В. Спекторскій. Мѣсто Гегеля въ исторіи философіи. — Н. В. Краинскій. Логическія ошибки и заблужденія въ научномъ творчествѣ. — А. В. Соловьевъ. Кара за убійство въ Византійскомъ и славянскомъ правѣ. — П. Б. Струве. К. А. Неволинъ и А. А. Куникъ. Эпизодъ изъ исторіи русской науки.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 8. 1933. — Цѣна 35 динаровъ

Г. Н. Піо-Ульскій. Памяти профессора А. А. Брандта (съ портретомъ). — Н. Абакумовъ. Вліяніе тренія въ блокахъ базиснаго прибора Едерина на измѣряемое разстояніе. — В. Жардецкій. Трансформация Клебша и малыя колебанія жидкости. — Я. Хлытчиевъ. Перемѣщеніе точекъ деформированнаго тѣла (памяти И. Г. Бубнова). — В. Н. Болдыревъ. Сахарная болѣзнь и простуда. — Н. В. Краинскій. Механизмъ нерв. дѣятельн. и роль вегетативной системы (съ табл.). — В. В. Фармаковскій. Наивыгоднѣйшая скорость и наивыгоднѣйшій вѣсъ товарныхъ поѣздовъ. — А. И. Косицкій. Коэфф. полезнаго дѣйствія процесса двигателей внутренняго сгорания. — Т. В. Локоть. Изъ біологіи культурныхъ растений. — Г. Н. Піо-Ульскій. Замѣтка о коэфф. полезнаго дѣйствія газовыхъ машинъ. — Д. Рузскій. Исправленіе къ теоріи центроб. насоса. — А. Копыловъ. О монотермической теоріи машинъ. — Н. Абакумовъ. Определеніе широты астрономич. пунктовъ. — Д. В. Фростъ. Примѣненіе различ. проекцій для изображенія топографич. и маркшейдерскихъ плановъ — В. Х. Даватцъ. Къ вопросу о теоріи совершенныхъ чиселъ.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 9. 1933. — Цѣна 55 динаровъ.

Е. Максимовичъ. Церковно-земскій соборъ 1549-го года. — С. Г. Пушкаревъ. Цѣловальники въ судѣ и управленіи Московской Руси. — П. А. Остроуховъ. Торговля чаемъ на нижегородской ярмаркѣ въ XIX столѣтіи до эпохи великихъ реформъ. — А. А. Олесницкій. Первые боевыя встрѣчи въ XV вѣкѣ турокъ-османовъ съ Русью. — А. Л. Погодинъ. „Иванъ Выжигинъ“, романъ Фадея Булгарина. — Л. Тауберъ. Лига Націй и юридическій статутъ русскихъ бѣженцевъ. — А. В. Маклецовъ. Мѣры защиты въ югославянскомъ уголовномъ правѣ. — В. В. Розенбергъ. Научная собственность. — Н. Лосскій. Гегель какъ интуитивистъ. — В. В. Зѣньковскій. Русская педагогика въ XX столѣтіи.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 10. 1935. — Цѣна 35 динаровъ.

Н. А. Пушинъ. Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ (по случаю 100-лѣтія со дня его рожденія). — А. А. Солонскій. Демографія русской эмиграціи въ Бѣлградѣ. — М. Н. Лапинскій. Къ вопросу объ участіи стріарной системы въ механизмѣ неврастеніи. — В. Э. Мартино. Зоогеографическое положеніе горнаго кряжа Бистра. — Т. В. Локоть. Къ біологіи овса и ячменя. — П. Н. Рышковъ. Укороченные рельсы въ кривыхъ желѣзнодорожнаго пути. — А. А. Копыловъ. Примѣненіе монотермич. теоріи машинъ къ нѣк. видамъ двигателей. — А. В. Дейша. Водныя силы Россіи. — Е. П. Соловская. Автономныя ростовыя мутаціи сѣмядолей нѣкоторыхъ злаковъ. — О. С. Гребеншиковъ. Къ познанію лѣсовъ о. Крита.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 11. 1935. — Цѣна 35 динаровъ.

А. В. Флоровскій. Памяти А. А. Кизеветтера. — К. І. Зайцевъ. Зародыши и элементы свободнаго крестьянскаго хозяйства въ русскомъ крѣпостномъ строѣ періода Имперіи. — А. Л. Погодинъ. Личность и дѣятельность Императора Николая I въ сербскомъ общественномъ мнѣніи его времени. — И. И. Лапшинъ. Комическое въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого. — П. Б. Струве. Метафизика и социологія. Универсализмъ и сингуляризмъ въ античной философіи. — Е. В. Спекторскій. Этика и антропологія. — Г. Ландау. О мистическомъ опытѣ. Очеркъ систематической философіи. — В. В. Розенбергъ. Финансовая ликвидація Мировой войны. — З. Розова. Державинъ и басни Крылова. — А. Л. Погодинъ. Дополненіе къ статьѣ „Личность и дѣятельность Императора Николая I въ сербскомъ общественномъ мнѣніи его времени“. — О. В. Тарановскій. Русскій Научный Институтъ въ Бѣлградѣ за первыя шесть лѣтъ его дѣятельности (съ 1928/9 по 1933/4 ак. годъ).

Складъ изданій Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ:

1. Руски Научни Институт, Београд, Краљице Наталије ул., 33 (Руски Дом Цара Николе II) — Ruski Naučni Institut, Beograd (Jugoslavija) Kraljice Natalije ul., 33 Ruski Dom cara Nikole II). 2. Представительство для всѣхъ странъ: Књижара „Возрожденіе“, Београд, Добриньска ул., 12 — Knjižara „Vozrožd enje“, Beograd (Jugoslavija). Dobrinjska ul., 12 и ея корреспонденты: въ Германіи — „Petropolis-Verlag“, Meinekestrasse, 19, Berlin W 15; во Франціи — „Домъ Книги“, 9 rue de l'Éperon, Paris 6-е, или „Т-во Объединенныхъ издателей“, 6 rue Daviel, Paris 13-; въ Чехословакіи — „Melentrih“, Práh II, Václavské Náměstí, 42, telef. 20-208; въ Болгаріи — „Печатное Дѣло“, Ул. Царь Освободитель, 8, Софія; въ Харбинѣ — Изд-о маг. Зайцева „Русь“, Конная 34, Харбинъ; въ Польшѣ — „Rossica“, Chmielna, 5, Warszawa, telef. 106-37 или „Dobro“, Krakowskie Przedm., 53, telef. 226-84; въ Латвіи — Walters & Rapa, Teaterpl., 11, Riga, telef. 26-262; въ Австріи — Buchhandlung J. Perski, Mechitaristengasse, 4, Wien, telef. B-31-8-56; въ Румыніи — „Livre étranger“ str. Puschin, 27, Kisinaiu (Romania, Bassarabia).